

From the Editors

This year—2021—has proven to be very challenging, once again, for many of us in the relatively small and widely dispersed community of scholars of Imperial Russia’s long eighteenth century. Yet, despite the difficulties we have all faced due to the on-going COVID pandemic, we, the editors of *Вивлююка*, wish to champion what Samuel K. Cohn Jr. has referred to as “mechanisms for unity” within our own field of study.¹ In his recent monograph on the history of epidemics, Cohn emphasizes how societies throughout history have engaged in adaptive strategies to meet the new daily realities brought by the onset of contagions. This has proven to be the case in our community, too.

In January, for example, the Study Group on Eighteenth-Century Russia (SGECR), which was established back in 1968, held its first-ever online meeting.² Many of us at this time were not able to socialize with people outside our immediate households, so the possibility for scholars from across the globe to meet at a virtual “Hoddesdon”—thanks largely to the efforts of Paul Keenan, SGECR’s Secretary—provided an intellectual salve. The 63rd Annual Meeting of SGECR will soon take place on Zoom once again, with scholars delivering papers from Australia, the United States, Russia, Austria, and Canada.³ Moreover, throughout the year, the German Historical Institute (GHI) in Moscow has organized an impressive array of online events, including several book launch presentations related to the history of Russia in the eighteenth century.⁴ Similarly, the Research Center on Early Modern Russian History at the National Research University – Higher School of Economics (HSE) in Moscow organized a series of online events, including a presentation of Paul Bushkovitch’s new book on succession in early modern Russia, which covers the period from the mid-fifteenth to the first quarter of the eighteenth century.⁵ These are just some of many similar online events that have allowed scholars of eighteenth-century Russia from around the globe to connect with one another in a positive and stimulating manner.

But Zoom and YouTube are not the only online vehicles facilitating community building and research on eighteenth century Russia. As Simon Burrows and Glenn Roe

¹ Samuel K. Cohn, Jr., *Epidemics: Hate and Compassion from the Plague of Athens to AIDS* (Oxford: Oxford University Press, 2018), 68–92.

² See the program of the 62nd Annual Meeting of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, 4–6 January 2021: <https://www.sgecr.co.uk/hoddesdon-2021.html>

³ The 63rd meeting of the Study Group will take place via Zoom between Wednesday 5 January and Friday 7 January 2022. There will be no cost for attending the 2022 meeting, although prospective participants will have to register for it. Details of this registration process will be circulated on the SGECR’s mailing list – they can also be provided by the organizer, [Paul Keenan](#).

⁴ Recordings of all online events can be streamed via the GHI’s own YouTube channel. See “German Historical Institute Moscow,” *YouTube*, accessed December 10, 2021, <https://www.youtube.com/c/DHIMoskau/videos>.

⁵ Paul Bushkovitch, *Succession to the Throne in Early Modern Russia: The Transfer of Power 1450–1725* (Cambridge University Press, 2021). Additional talks on eighteenth century Russia are listed on the research center’s website: <https://hist.hse.ru/source/>.

have recently argued, the opportunities afforded by the remarkable advances in digital media technology in the twenty-first century have transformed the way we study the past, including the long eighteenth century.⁶ There is now even an open access portal to digital humanities (DH) projects for our period, called *The 18th-Century Common*.⁷ However, even a quick glance at this website reveals that Imperial Russia is poorly represented among the projects on display. And certainly not because there are no DH projects on the topic.

To draw attention to this lacuna, the present, ninth issue of *Βιβλιοθήκη: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies* features a special section devoted to highlighting current DH projects within our area of study. Specifically, we wish to showcase three ongoing projects that utilize computational methods to provide researchers of eighteenth-century Russian history and culture with a means to discern historical patterns, relationships, and trends that would have otherwise been impossible to detect. First, Evgenii Anisimov describes the history and main features of *Itinera Petri: A Day-by-Day Bio-Chronicle of Peter the Great (1672-1725)*. This database, which is hosted by the St. Petersburg branch of HSE, will be of interest to scholars not only of Petrine Russia, but also early eighteenth-century Europe more generally. Second, Viktor Borisov and Elena Smilianskaia outline the key features of a database on “Russia in the Western European Press of the Eighteenth Century.” Hosted by HSE Moscow, this ambitious digital project publishes student translations of articles about Russia from selected eighteenth-century European newspapers and periodicals. As the project organizers demonstrate, a deep dive into early modern mass media reveals some interesting patterns in the circulation of knowledge about eighteenth-century Russia. Lastly, Sergey Polskoy and Vladislav Rjéoutski describe the “Corpus of Russian Translations of Social and Political Texts,” a digital project sponsored by the GHI in Moscow. This endeavor seeks to provide an online means of charting the process of the transfer, adaptation, and reception of the main European political ideas and concepts into Russia in the eighteenth century and, as such, serves as a contribution to both social, cultural, and conceptual history.

We are grateful to the chief editors of all three projects for the comprehensive overviews of the main features of their online databases, which we hope will inspire not only awe and admiration, but also friendly imitation. This is one, concrete way, that members of the eighteenth-century Russian studies community can demonstrate the resilience and innovation that sustains us and our field.

Another way that the editors hope to keep our community plugged into the latest developments in the study of Russia’s long eighteenth century is by instituting a new and, we hope, regular column of “Field Notes,” which debuts in this issue of *Βιβλιοθήκη*. The items published under this rubric will feature such pieces as Tat’iana Kostina’s summary of the conference papers presented at a recent panel devoted to foreign language acquisition and use in eighteenth-century Russia. In her contribution, the author helpfully supplements synopses of the presentations with bibliographic references to any relevant publications of each speaker, thereby allowing our journal’s

⁶ See Simon Burrows and Glenn Roe, “Introduction,” in *Digitizing Enlightenment: Digital Humanities and the Transformation of Eighteenth-Century Studies*, eds. Simon Burrows and Glenn Roe (Liverpool: Liverpool University Press, 2020), 19.

⁷ “Digital Humanities and 18th-Century Studies,” *The 18th-Century Common*, accessed December 10, 2021, <https://www.18thcenturycommon.org/collections/digital-humanities-18th-century-studies/>.

readers to follow up on the available literature, should they be interested in pursuing this topic further. Furthermore, thanks to the Zoom's recording functionality, Kostina is also able to include what amounts to a *stenograficheskii otchet* of the discussion that followed each talk. In this way, even scholars who could not attend (virtually or in person) the conference at which this panel took place will be able to experience the back-and-forth of the spirited but friendly question-and-answer sessions that followed each of the presentations. We encourage our readers to submit other ideas for items that might find a place in *Вивліююка*'s "Fields Notes" directly to Vladislav Rjéoutski, the editor of the new feature.

***Itinera Petri.* Биохроника Петра Великого – день за днем (1672-1725)**

Itinera Petri: A Day by Day Bio-Chronicle of Peter the Great (1672-1725)

Е. В. Анисимов

*Национальный исследовательский университет - Высшая школа экономики
(Санкт-Петербург)*

Evgenii V. Anisimov

*National Research University - Higher School of Economics (St. Petersburg)
eanisimov@hse.ru*

Abstract:

This article is devoted to the electronic project Itinera Petri: A Day-by-Day Bio-Chronicle of Peter the Great (1672-1725). This is an online database representing the life of Peter I in the form of electronic records, each of which corresponds to one day in the life of the monarch. The uniform presentation of the material follows a fixed format with the goal of separating facts from interpretations. The database is equipped with a searchable interface organized according to different parameters (including by toponyms and personal names).

Keywords:

Peter I; bio-chronicle; digital humanities

История проекта

“Биохроникой” можно назвать и незамысловатую таблицу с датами (такие часто встречаются в биографиях выдающихся людей) и многотомные издания, в которых, помимо биографической канвы, публикуются документы, относящиеся к жизни героя. Такой биохроникой является 12-томная *Биохроника* В. И. Ленина – плод работы десятков людей – сотрудников бывшего Института марксизма-ленинизма.¹ Немало издано писательских *Летописей жизни и творчества*. Наиболее значительной из них является работа М. А. Цявловского о А. С. Пушкине.² Существуют и другие подобные издания, посвященные А. И. Герцену, И. С. Тургеневу, М. Ю. Лермонтову, Ф. М. Достоевскому, М. Горькому, С. А. Есенину, Ф. А. Абрамову и т.д. Из “неписательских” биохроник отмечу биохроники жизни П. А. Столыпина, А. Ф. Кони. Из западных произведений этого ряда

¹ Институт марксизма-ленинизма при ЦКПСС. *Владимир Ильич Ленин: биографическая хроника, 1870-1924* [под общей редакцией Г. Н. Голикова ... *et al.*] 12 тт. (Москва: Политиздат, 1970). (Institut marksizma-leninizma pri TsKPSS, *Vladimir Il'ich Lenin: biograficheskaja khronika, 1870-1924* [pod obshchei redaktsiei G. N. Golikova ... *et al.*], 12 vols. (Moscow: Politizdat, 1970).

² *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в четырех томах* [составитель М. А. Цявловский] (Москва: Изд-во Слово, 1999-2005). (*Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: v chetyrekh tomakh* [sostavitel' M. A. Tsiavlovskii] (Moscow: Izd-vo Slovo, 1999-2005)).

примечательны биографии Джоржа Вашингтона, Авраама Линкольна, А. А. Бетанкура.

И вот здесь сразу возникает любопытная коллизия, связанная с характером изложения материала. Многие авторы уходят от однообразного, "сухого" изложения материала и (под влиянием многих факторов) переходят к написанию биографии, давая фактам биографии героя собственную интерпретацию. Так, собственно, произошло с выдающимся русским историком М. М. Богословским, который от статьи - краткой биографии Петра, заказанной ему для Словаря *Гранат*, перешел к написанию многотомной биографии Петра Великого и создал пять томов, дойдя только до начала XVIII века.³ Я же был намерен избежать этого, хотя отказаться от интерпретаций и комментариев невозможно уже в силу того, что информация источников может трактоваться по-разному, что источники могут противоречить друг другу, что всегда есть темные места, требующие пояснения, а, следовательно, интерпретации. Поэтому в работе создан некий единый шаблон, формула подачи материала с тем, чтобы развести факты и собственно интерпретации.

[Биографию Петра Великого](#)⁴ (поначалу в виде карточек) я собирал четыре десятилетия и, наверное, продолжал бы делать и дальше – это занятие, схожее с коллекционированием монет, марок и бабочек, было утехой моих воскресных вечеров, отдохновением от привычной суеты и текущей работы, обычно висевшей над головой лезвием гильотины сроков и обязательств. Но два обстоятельства отвлекли меня от этого сладостного занятия. Первое – мои коллеги, узнав о Биографии, стали брать у меня справки по конкретному сюжету или дате, что делало мое занятие публичным и давало мне осознание востребованности этого труда профессиональной корпорацией. Поэтому я включил проект в плановое задание по Отделу древней истории Санкт-Петербургского института истории РАН и продолжил его, уже перейдя в Санкт-Петербургский филиал НИУ-ВШЭ. Второе обстоятельство заключалось в том, что ректор НИУ-ВШЭ Я. И. Кузьминов, узнав о моей работе, тотчас предложил свое содействие в ее публикации на электронной Платформе НИУ-ВШЭ. И с этого момента все завершилось. Особенно я благодарен содействию в продвижении проекта со стороны М. М. Юдкевич и Д. Б. Коптюбенко, а также моя безмерная благодарность предназначена программисту, создавшему портал, Игорю Васильеву.

База данных

"Единицей измерения" информации *Биографии* является, условно говоря, привычная нам "карточка" – ее можно представить в виде традиционной библиографической карточки или просто как лист бумаги А-4. Подобная "антропологичность" должна естественным образом войти в сознание гуманитария, привыкшего работать с подобными накопителями информации. Далее уже легко представить себе структуру такой "карточки."

³ М. М. Богословский, *Петр I: материалы для биографии*, под ред. В.И. Лебедева. 5 тт. (Москва: Огиз, Гос. социально-экон. изд-во, 1940-48) (М. М. Bogoslovskii, *Petr I: materialy dlia biografii*, pod red. V.I. Lebedeva. 5 vols. (Moscow: Ogiz, Gos. sotsial'no-ekon. izd-vo, 1940-1948)).

⁴ *Itinera Petri*. Биография Петра Великого – день за днем (1672-1725), <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/>

Итак, сверху вниз на карточке *Биохроники* дается рубрика: “Дата, день недели (по старому и новому стилю), пасхалии, семейные праздники династии Романовых и государственные праздники.” Это позиция 1. Затем ниже следует позиция 2: “Место пребывания Петра в этот день и его перемещения и деятельность”: поездки, общение с людьми, участие в мероприятиях и т.д. (изложение по возможности близко к тексту документа, с использованием цитирования, с сохранением противоречий источников). Позиция 3. “Письма и бумаги Петра”: это перечень содержания писем, указов, манифестов, резолюций и прочие материалы личной переписки Петра, с указанием утраченных или возможно существовавших документов. Принцип здесь такой: вначале – адресат, далее – тип документа, краткое содержание, цитата (при необходимости). Позиция 4. “Разные письма и бумаги”: письма к Петру и письма его сподвижников между собой, которые касаются Петра и его действий. Наконец, следует последняя 5-ая позиция – “Комментарий”: справки, уточнения, отсылки к другим датам, историография вопроса (преимущественно по спорным вопросам, когда есть у разных авторов разная интерпретация событий с отсылкой к соответствующим монографиям и статьям; отсылка дается также там, где читатель может найти более пространное изложение событий). Наконец, в той же рубрике “Комментарии” я даю свои интерпретации и суждения по поводу рассматриваемых сюжетов. Сразу отмечу, что они наверняка субъективны и поэтому они отделены от основного контента и необязательны для чтения, ибо цель *Биохроники* – иная: дать объективную, проверяемую всеми информацию о событиях. Я старался следовать старому профессиональному принципу: “Нет источника – нет факта.” Поэтому вся информация (за исключением моих домыслов) снабжена сносками, подобно тому, как это всегда делается в научной литературе. Отдельно есть “Список источников и литературы” и “Список сокращений.” Источниками информации для *Биохроники* послужили самые разнообразные материалы: публикации исторических источников, архивный материал главных архивов страны по этой тематике, научные исследования других авторов, основанные на источниках (преимущественно архивных), т.е. учтены результаты изысканий ученых, выявивших материалы, которые можно использовать для *Биохроники* (естественно, со сносками). К корпусу *Биохроники* приложена библиография из нескольких сотен названий источников и содержащая необходимую информацию о литературе по разным вопросам, а также указатели. Если исходить из критерия “факта” как зафиксированного источниками события жизнедеятельности и переписки, применявшихся к анализу материалы биохроники Ленина или Линкольна, то в нашем случае зафиксировано около 40 тысяч фактов биографии Петра Великого, что позволяет исследователям и всем интересующимся историей получить исчерпывающую информацию касательно истории личности Петра Великого.

Вот как выглядит “карточка” в моем компьютере в готовом виде для переноса на “карточку” сайта:

20/31.01.1717, вс.

П. в Амстердаме.

Письма и бумаги П.: 1. Резолюция о выдаче жалования гофмейстерине А. Е. Матвеевой в Курляндии;⁵ 2. Запись расходов: выдано генерал-фискалу Иосифу Шпинолю 50 червонцев.*⁶

Разные письма и бумаги: 1. Кн. П. М. Голицын – П. из Ростока об освобождении пришедших из Швеции двух судов с железом, о прибытии галер с лесом и припасами и плотников, просит “о повелительном касательно их указе”;⁷ 2. Б. П. Шереметев – П.: сообщает, что получил из Амстердама его указ 05.01 о рождении сына, поздравляет с этим событием; что получил от Р. Х. Боура сообщение о смерти 19.12 К. Э. Ренне; что получил указ П. из Амстердама от 22.12, “дабы иметь старание о привозных галерных припасах и мундире.”⁸

Комментарий.

* Возможно, что эта запись связана с посылкой Иосифа Шпиноля в Мекленбург для расследования жалоб на поведение русских солдат и офицеров. П. писал герцогу Карлу-Леопольду, “дабы и он с сим посланным благоволил обще рассмотреть о тех обидах, буде оне подлинно были.”⁹

Как происходила работа над проектом? Составленная мною “карточка” вносилась на электронную платформу НИУ Высшей школы экономики в Редакторский интерфейс проекта. Этот раздел называется “Редактирование карточки.” Там четыре окна, созданных согласно структуре проекта: “Карточка,” “Топонимы,” “Персоналии,” “Названия.” Окно “Карточка” – основное. Главное окно – дата. В это окно переносилась вся информация с указанной выше карточки. Одновременно на этой карточке заполнялись указанные там окна: “Топонимы,” “Персоны,” “Названия.”

⁵ Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого / Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Фонд 270. Оп. 1. Д. 84. Л. 72. (Komissiiia po izdaniiu pisem i bumag imperatora Petra Velikogo,” Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN. Fond 270, op. 1, d. 84, l. 72).

⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, сост. Г.В. Есипов, т. 1-2 (Москва, 1872), 2: 55 (Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom, sost. G. V. Esipov, 2 vols. (Moscow, 1872), 2: 55).

⁷ Материалы для истории русского флота, ч. 1-6 (Санкт-Петербург, 1865-1877), 2: 182 (Materialy dlia istorii russkogo flota, ch. 1-6 (St. Petersburg, 1865-1872), 2: 182).

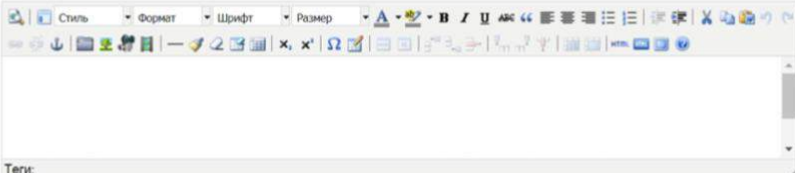
⁸ Б. П. Шереметев, Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника мальтийского, с. апостола Андрея, Белого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева, ч. 1-4 (Москва, 1778-1779), 1: 269-274. (B. P. Sheremetev, Pis'ma k gosudariu imperatoru Petru Velikomu ot generala-fel'dmarshala, tainogo sovetnika mal'tiiskogo, s apostola Andreia, Belogo orla i prusskogo ordena kavaleria, grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva, ch. 1-4 (Moscow, 1778-1779), 1: 269-274).

⁹ И. И. Голиков. Дополнения к “Деяниям Петра Великого,” т. 1-18 (Москва, 1790-1795), 6: 203. (I. I. Golikov, Dopolneniia k ‘Deianiiam Petra Velikogo,’ 18 vols. (Moscow, 1790-1795), 6: 203).

Создание карточки проекта «Биохроника»

Название:

Дата начала: 07 Августа 1660 Дата конца: - - -

Содержание:

Теги:

Топонимы:

Персоны:

Названия:

Статус:

Если обратиться к моей карточке, то вносились: дата, содержание (“П. в Амстердаме”), “Письма и бумаги,” “Разные письма и бумаги,” “Комментарий,” а также топонимы (“Амстердам,” “Курляндия” и т.д.), персоналии, названия. Если таких топонимов не было в памяти машины, то открывалось дополнительное окно, куда редактор вносил этот топоним и в следующий раз этот топоним автоматически попадал в раздел “Топонимы” карточки. Также было и с другими окнами, в которые вносились персоналии и названия (кораблей, церквей, книг и др.). В законченном виде карточка выглядела так.

Редактирование карточки проекта «Биохроника»

Название: 20/31.01.1717, вс. П. в Амстердаме.

Дата начала: 20 Января 1717 Дата конца: 20 Января 1717

Содержание:

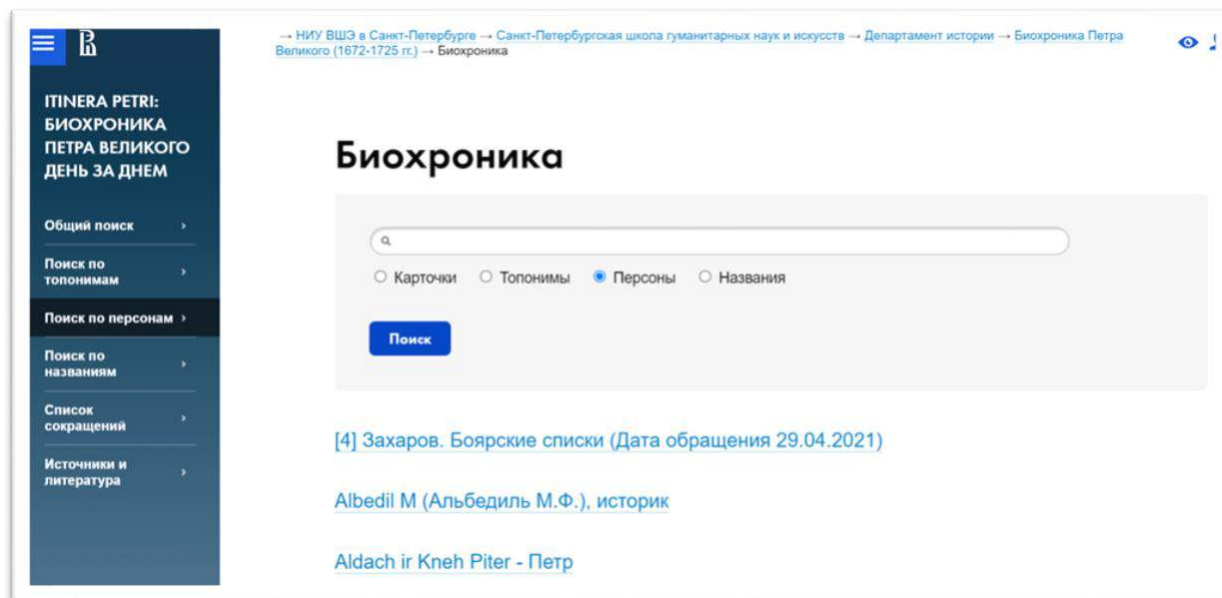
20/31.01, вс.
П. в Амстердаме.
Письма и бумаги П.: 1. Резолюция о выдаче жалования гофмейстерине А.Е.Матвеевой в

Теги: p » strong

Топонимы: Мекленбург (Мекленбургия, Мекленбургская земля, нем. Mecklenburg), герцогство
Амстердам (Амстелдам, Амстадам, Астрадам, Остордам, нидер. Amsterdam, Голландия), г.
Курляндия (Курляндское и Семигальское герцогство)
Швеция (Швед, Шведская земля, Корона Свейская)
Росток (нем. Rostock, Германия), г.

Персоны: Голиков И.И., историк
Голицын Петр Михайлович, князь (21.06.1682-21.01.1722), поручик (1695), майор гвардии (1708), подполковник и командир Семеновского полка (до 1717), генерал-майор (1716), в отставке, генерал-поручик (1718), сенатор (1719), жена Феодосия Владимировна (рожд. княжна Долгорукая) (род. ок. 1688)
Шереметев Борис Петрович (25.04.1652 – 17.02.1719), комнатный стольник (1665), боярин (1682), белгородский воевода (1692), путешествие за границы (1697 – 1699), генерал-аншеф (1700), генерал-фельдмаршал (1702). Жены: 1-ая (до 1671) Евдокия Алексеевна (рожд. Чирикова) (ум. 1703); 2-ая (ок. 1713) Татьяна Петровна (рожд. Лопухина); Анна Петровна (вдова Л.К.Нарышкина, рожд. Салтыкова (1677 или 1678 – 1728).
Ренне Карл-Эвальд Магнус (Рен, Rénne, Rönne, Carl Ewald), генерал
Боур Родион Христофорович (Бауэр, Бауэр, Bauer Rudolff Felix), генерал
Карл-Леопольд (Karl Leopold zu Mecklenburg-Schwerin), герцог Мекленбургский (Мекленбург-Шверинский)

Для посетителей сайта вход открыт из общей ссылки-адреса в интернете: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/>. На “лицевой странице” шесть позиций для поиска: “Общий поиск” (по датам, в диапазоне с 1660 до 1740 г.), “Поиск по топонимам,” “Поиск по персонам,” “Поиск по названиям,” “Список сокращений,” “Источники и литература.”

При заполнении соответствующего окна, у читателя на экране появляется вся запрошенная им информация. Однако вход читателю “за кулисы,” как это есть в *Википедии*, закрыт – только у редактора есть ключ к редактированию карточек. В этом особенность проекта – не дать возможности испортить материал *Биохроники* людям некомпетентным, случайным, ибо я стремился обеспечить справочнику полную достоверность и проверяемость.

Как раз огромным достоинством всего проекта (в отличие от публикации справочника на бумаге в виде книги) является то, что редакторский интерфейс позволяет вносить в *Биохронику* исправления, дополнения по содержанию карточки, заводить новую карточку или удалять ошибочную. Во вводной части проекта я призвал своих читателей участвовать в проекте и присылать мне свои замечания, исправления, дополнения. И почти сразу же такие письма пошли со всех концов мира, от ученых, которые присылали мне свои замечания. Я уточняю их, проверяю и вношу в *Биохронику*. Моим обязательным правилом является толерантность – дать ту точку зрения, которой придерживается автор поправки и обязательно указать имя автора дополнений или исправлений и внести его имя в раздел “Персоналии.” В этом отражается сверхзадача проекта – сделать *Биохронику* общим, коллективным трудом.

Будущее

Как известно, будущее всегда в тумане неизвестного. Касаясь *Биохроники*, можно сказать, что она будет пополняться новыми фактами как мной, так и моими коллегами, которые имеют со мной связь. Я являюсь редактором портала. Не будет меня – появится другой человек, который будет вести портал и так может

быть бесконечно долго. Технические возможности портала позволяют его развивать. Нужно иметь в виду, что “карточка” не имеет пределов, она уходит в бесконечность и к ней можно прикреплять целые книги, статьи, карты, планы, кино- фото-, аудио- документы. Возможности интернетных расширений огромны. Появятся новые интерфейсы по разным аспектам истории, археологии и других дисциплин, они могут быть параллельны интерфейсу *Биохроники* и будут связаны с ней, и вдруг между самыми разнообразными комплексами информации будет возникать некая, крайне важная, неведомая нам еще связь. Она вдруг позволит нам постичь то, что неведомо, непонятно. Я обычно привожу такой пример. Как-то раз замечательный историк Н. Я. Эйдельман подошел ко мне в зале архива и показал письма Петра III к Екатерине II, написанные в тот момент, когда она устроила против мужа переворот. Все эти письма уже давно опубликованы, содержание их знакомо всем. Но Эйдельман говорил: “Посмотрите, как это написано, на этот почерк, бумагу. Боже мой, тут есть какая-то информация, которую мы пока считать не можем! А ведь придут новые люди и считают, снимут новую информацию!” И это так! Этот снятый материал будет вербализирован (а может это будет излишним) и введен в ареал науки. Кто бы мог подумать 100 лет назад, что в археологии будут применяться дендрохронология, рентген, генетика и т.д. Мне кажется, что современная наука открывает новые возможности, о которых мы и не догадываемся. Они позволяют нам понимать прошлое глубже, видеть дальше, чувствовать лучше и еще больше наслаждаться жизнью в науке. Пусть моя *Биохроника* будет маленьким кирпичиком в создании нового здания науки.

База данных “Россия в западноевропейской прессе XVIII века”¹

“Russia in the Western European Press of the Eighteenth Century” Database

Виктор Борисов

Национальный исследовательский университет –

Высшая школа экономики

Viktor Borisov

National Research University – Higher School of Economics

vborisov@hse.ru

Елена Смилянская

Национальный исследовательский университет –

Высшая школа экономики

Elena Smilianskaia

National Research University – Higher School of Economics

esmilyanskaya@hse.ru

Abstract:

This paper presents the results of an educational and research project entitled “Russia in the Western European Press of the Eighteenth Century.” Between 2016 and 2020 students from The Higher School of Economics University in Moscow translated texts of eighteenth-century Western European periodicals related to Russia. In the first part, the authors describe how this work was organized and outline the manner in which the translations are presented on the project website. The second part provides a case study of some news sent by a correspondent in St. Petersburg to The London Gazette in 1714 and 1715. The authors argue that in this period the information received by The London Gazette from St. Petersburg was very close to the dispatches sent to the Secretary of State for the Northern Department by George Mackenzie, the official British resident in the new Russian capital. Although Mackenzie probably did not write to The London Gazette himself, he was apparently involved in the communications, since most of the Russian news was published during the time when the resident was in St. Petersburg. The same correlation between the publication of news received directly from Russia and the period when British diplomats were in residence in Moscow or St. Petersburg can be traced to at least the years between 1709 and 1728. The fact that the above-mentioned example from The London Gazette came to the authors’ attention when it was being edited for publication in “Russia in the Western European Press of the Eighteenth Century” gives hope that other news items included in the online project will become a starting point for more scholars of eighteenth-century Russia.

Keywords:

early modern journalism, news reporting, digital humanities, Rossica, Peter the Great

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № а17-01-00261.

Описание проекта

Пресса раннего нового времени давно и заслуженно вызывает интерес исследователей и как источник данных, и как институт, достойный изучения сам по себе.² Оцифровка периодики XVII – XIX вв.,³ сделала эти источники гораздо более доступными. Есть все основания считать, что все больше исследователей будут к ним обращаться.⁴ Но даже “потребительское” использование баз данных старинной периодики пока еще только набирает обороты.⁵

Улучшить знакомство российских исследователей, студентов и всех интересующихся историей с возможностями, которые предоставляет иностранная периодика, призвана база данных “[Россия в западноевропейской прессе XVIII века](#),” созданная по инициативе Е. Б. Смилянской. В рамках проектной деятельности в НИУ ВШЭ студентам различных образовательных программ (“История,” “Филология,” “Журналистика,” “Медиакоммуникации” и др.) было предложено просмотреть 1 – 2 годовые подшивки того или иного издания, выявить, откомментировать и перевести все фрагменты, имеющие

² Jeremy Black, *The English Press in the Eighteenth Century* (London: Croom Helm, 1987); Michael Harris, *London Newspapers in the Age of Walpole: A Study of the Origins of the Modern English Press* (London: Associated University Press, 1987); И. Майер, С. М. Шамин, “Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I,” *Российская история* 5 (2011): 91–112. (I. Maier, S. M. Shamin, “Obzory inostrannoĭ pressy v Kollegii inostrannykh del v poslednie gody pravleniia Petra I,” *Rossiiskaia istoriia* 5 (2011): 91–112); Andrew Pettegree, *The Invention of News: How the World Came to Know About Itself* (New Haven: Yale University Press, 2014); Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring, and Christine Watson, eds. *Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century* (Leiden: Brill, 2018) и мн. др.

³ См., например: “Discover History As It Happened,” British Newspaper Archive, дата обращения Ноября 4, 2021, <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>; “Seventeenth and Eighteenth Century Burney Newspapers Collection,” дата обращения Ноября 4, 2021, <https://www.gale.com/intl/c/17th-and-18th-century-burney-newspapers-collection>; “American Historical Periodicals from the American Antiquarian Society,” дата обращения Ноября 4, 2021, <https://www.gale.com/intl/c/american-historical-periodicals-from-the-aas>; “Liste des titres de périodiques,” Le gazetier universel, дата обращения Ноября 4, 2021 <http://gazetier-universel.gazettes18e.fr/index.html>; “ANNO: Historische Zeitungen und Zeitschriften,” Österreichische Nationalbibliothek, дата обращения Ноября 4, 2021, <http://anno.onb.ac.at>.

⁴ Примеры уже появившихся работ: P. M. Solar and J. S. Lyons, “The English Cotton Spinning Industry, 1780–1840, as Revealed in the Columns of the *London Gazette*,” *Business History*, 53 (June 2011): 302–323; Johanne Kristiansen, “Foreign News Reporting in Transition: James Perry and the French Constitution Ceremony,” in *Travelling Chronicles*, 181–202; Jouko Hartikainen, “News Reporting in the Service of the Crown or for the Readers? The *London Gazette*’s Content and Reporting about the Great Northern War 1709–1717,” MA diss. (University of Eastern Finland, 2019).

⁵ В частности, даже относительно недавние работы об образе Петра Великого у современных ему англичан в весьма малой мере опираются на периодику: Matthew S. Anderson, “English Views of Russia in the Age of Peter the Great,” *American Slavic and East European Review* 13, no. 2 (1954): 200–214; М. П. Алексеев, *Русско-английские литературные связи: XVIII век–первая половина XIX века* (Москва: Наука, 1982), 77–109. (M. P. Alekseev, *Russko-angliiskie literaturnye sviazi: XVIII vek—pervaia polovina XIX veka* (Moscow: Nauka, 1982), 77–109; A. G. Cross, *Peter the Great Through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar Since 1698* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), 40–59; Е. Е. Дмитриев, “Петр I в восприятии британцев конца XVII – первой половины XVIII века,” Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Саратовский государственный университет, 2005), 32–94. (E. E. Dmitriev, “Petr I v vospriatii britantsev kontsa XVII - pervoi poloviny XVIII veka,” *Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* (Saratovskii gosudarstvennyi universitet, 2005), 32–94).

отношение к России. Поскольку чаще всего в российских школах в качестве иностранного изучается английский язык, именно издания на этом языке закономерно пользуются наибольшим “спросом,” однако в базу данных вошли также подборки из немецко-, французско- итало- и испаноязычной периодики (*Gazette d'Amsterdam*, *Gazette de France*, *Freiburger Zeitung*, *Notizie del Mondo*, *Mercurio Historico y Politico*). Первоначально для изучения предлагались именитые издания: *The Gentleman's Magazine* и *The Annual Register*, оставившие заметный след в истории журналистики. Впоследствии список был расширен за счет двух других журналов широкого профиля: *The London Magazine* и *The Scots Magazine*, а также официальной *The London Gazette*, публикации которой охватывают весь XVIII век. Перечень изданий, переводы которых представлены на сайте “Россия в западноевропейской прессе XVIII века” и количество переведенных фрагментов по годам приведено в Таблице 1.

Таблица 1

Список периодических изданий и количество переведенных фрагментов по годам
(по состоянию на 04.10.2021 г.)

Название издания	Год	Количество переведенных фрагментов на сайте
<i>The Gentleman's Magazine</i>	1731	3
	1732	3
	1734	11
	1735	4
	1736	1
	1738	12
	1739	16
	1768	13
	1775	1
	1786	5
	1793	12
<i>Gazette de France</i>	1777	6
	1790	11
<i>Gazette d'Amsterdam</i>	1790	29
<i>Die Freiburger Zeitung</i>	1784	55
	1789	20
<i>Notizie del mondo</i>	1788	15
<i>The London Gazette</i>	1714 ⁶	34
	1715	10
	1742	35
	1743	60

⁶ Для периода до 1752 г. речь идет о годах, начинавшихся 25 марта. Т.е. 1714 год в Великобритании приходился на период с 25 марта 1714 г. по 24 марта 1715 г. и т. д. Первый номер, датированный 1751 годом (№ 9043), вышел 26 марта. В результате произошедшей календарной реформы с января 1752 г. в Лондонской газете использовался год, начинавшийся с 1 января.

	1761	8
	1772	31
	1787	26
<i>The Scots Magazine</i>	1741	14
	1742	2
	1750	16
	1751	1
	1762	9
	1786	1
<i>Historico y Político / Mercurio de España</i>	1780	17
	1784	1
<i>The Annual Register</i>	1758 (1759) ⁷	8
	1762 (1763)	7
	1771 (1772)	1
	1772 (1773)	5
	1773 (1774)	5
	1774 (1775)	4
	1775 (1776)	9
<i>The London Magazine</i>	1769	13
Итого		534

Проект вызвал значительный интерес. За 2017 – 2020 гг. 45 человек полностью выполнили все поставленные перед ними задачи. Некоторые из участников, смогли попробовать себя и в качестве редакторов.⁸ Объем поступивших переводов не позволял нам (Е. Б. Смилянской и В. Е. Борисову) во всех случаях полностью сверять переводы с оригиналами, а также всегда проверять, все ли статьи годовой подшивки издания, содержащие упоминания о России, были студентами переведены: ответственность за качество несут в первую очередь сами студенты-переводчики. Как правило, сверка с английским текстом производилась редакторами в случаях, когда нарушение логики текста было видно невооруженным глазом. Стилистическая правка также ограничивалась устранением наиболее грубых промахов. Участники проекта не ставили перед собой задачи имитировать при переводе русский язык XVIII века, но стремились избегать лексики, которая излишне осовременивала бы текст (“информация,” “актуальный,” “военнопленный” и т. п.). Для использования того или иного перевода в академических целях рекомендуется предварительно сверить его с оригиналом, ссылка на который помещена в конце каждого фрагмента.

Пока на сайте опубликована меньшая часть сделанных переводов – более 500 записей, переводов статей из десяти западноевропейских новостных изданий на английском, а также итальянском, немецком, французском и испанском языках; база данных размещена на сайте: <https://hist.hse.ru/rwp> (НИУ ВШЭ) имеет

⁷ Первый год – год, события которого описываются. В скобках – год публикации.

⁸ Список см. “Россия в Западноевропейской прессе XVIII века,” Высшая Школа Экономики, дата обращения Ноября 4, 2021, <https://hist.hse.ru/rwp/Uchastniki>. (“Rossiia v Zapadnoevropeiskoi presse XVIII veka,” Vysshiaia Shkola Ekonomiki, data obrashcheniia Noiabria 4, 2021, <https://hist.hse.ru/rwp/Uchastniki>.)

открытый доступ и продолжает пополняться. Хронологически эти записи относятся к 34 годам XVIII в. с 1714 по 1793 гг. Основной вид представления материала — обратно-хронологический. Он позволяет увидеть панораму связанных с Россией текстов, публиковавшихся в одно время. Благодаря ключевым словам (тэгам) есть возможность сделать выборку публикаций по всем изданиям за один год, по одному изданию за один год, или по одному изданию за все годы, также работает полнотекстовый поиск.

Помимо “технических” ключевых слов (год публикации, язык издания, страна издания, название издания) используется и тематическая рубрикация. Поскольку список возможных тем потенциально бесконечен, было решено ограничить подбор ключевых слов так, чтобы они а) объединяли заведомо значительное количество записей б) объединяли записи, подборку которых было бы сложно сделать через один-два поисковых запроса по сайту.

Одним из простых способов объединения записей является объединение по имени российского правителя, к периоду властвования которого относится сообщение (независимо от того, упоминается ли при этом сам правитель или не упоминается).

Поскольку в корпусе очевидным образом преобладали публикации, связанные с участием России в международных отношениях, напрашивалось разделение статей по внешнеполитическим сюжетам и статей о событиях внутри России. Если в первом случае вполне подходящим показался тэг “внешняя политика России,” то подобрать формулировки для второго оказалось сложнее. Возникший с самого начала зеркальный тэг “внутренняя политика России” очевидным образом не подходил для сообщений о пожарах, о новостях науки или для статей с бытовыми зарисовками. В качестве собирательного определения в итоге стало использоваться, возможно, не вполне удачное: “внутреннее положение России.” Среди других ключевых слов можно указать “войны России,” “культура России,” “наука в России,” “происшествия,” “русский императорский двор.”

Помимо переводов студенты также готовили комментарии. Их функция скорее учебная, чем академическая: познакомить с самим жанром комментария и стимулировать лучше разобраться в реалиях, биографиях персон упомянутых в тексте. Как правило, переводчики поясняли имена и географические названия, опираясь на наиболее доступные справочники (т.е., в первую очередь, *Википедию*).

Несмотря на фрагментарность, ресурс позволяет исследователям предварительно сориентироваться в многообразии тем, оказывавшихся в поле внимания европейской периодики, а также может быть полезен как научно-популярный ресурс. Кроме того, по своему интерфейсу ресурс удобнее, чем крупные платформы: текстовая форма удобнее для чтения, и копирования, не возникает проблем, связанных с неверным распознаванием текста.

Особенности передачи информации из России в эпоху Петра Великого

Приведем пример того, как материал, опубликованный в рамках проекта, может стать отправной точкой для исследования нескольких вопросов, связанных с особенностями передачи информации из России в эпоху Петра Великого.

В номере за 8 – 13 января 1715 г.,⁹ *Лондонская газета*—официальный печатный орган английского правительства—опубликовала пространное сообщение из Санкт-Петербурга от 3 декабря по старому стилю. В нем в частности, сообщалось:

Двадцать третьего ноября Царь, его супруга, царица Наталья Алексеевна с большим количеством высокопоставленных придворных посетили службу в вышеупомянутой церкви по случаю праздника Св. Александра, имя которого носит князь Меншиков. Оттуда Его Величество и весь его Двор отправились на увеселения во дворец князя, на которые были приглашены иностранные министры, и Его Светлости, по обыкновению, были сделаны поздравления по случаю его именин. Двадцать четвертого числа Царь отдал приказ о поимке и аресте господина Якова Никитича Корсакова, вице-губернатора Петербурга и ландрихтера Ингерманландской губернии, князя Григория Ивановича Волконского – одного из сенаторов, Александра Васильевича Кикина – начальника Петербургского Адмиралтейства, Ульяна Акимовича Синявина – командора от строений, и некоторых других. Их обвиняют в злоупотреблениях и мошеннических действиях на занимаемых ими должностях и постах; немало важных лиц, на чье руководство и управление Царь полагался, как в военной и морской сферах, так и в гражданской администрации, обвинены в схожих преступлениях, которые настолько угнетали народ и наносили ущерб движению по суше и морю, что Его Величество, желая показать гнусность их преступлений первейшим из них, высказал им в жестких выражениях, что он никогда не отказывал им ни в каких знаках внимания, а, напротив, выплачивал значительные жалованья и был щедр к ним в деньгах, чтобы поставить их выше лихоимства, и обратился к ним с вопросом, оставил ли он [т.е. Петр] себе из всех доходов принадлежащих ему земель и налогов с его подчиненных более, чем ему положено по военному чину вице-адмирала и генерала.¹⁰

Столь подробное газетное сообщение вызывает желание сопоставить его с другими источниками о событиях тех дней, в частности, с донесениями британского резидента Джорджа Маккензи. Действительно, такое сопоставление (см. Таблицу 2) показывает, что в газетном тексте и в дипломатической реляции есть общие ошибки: построенная А. Д. Меншиковым церковь неверно названа

⁹ Номер содержал сведения “С субботы 8 января по вторник 11 января.” Таким образом, его следует датировать 11 января 1715 г. Однако в электронном архиве Лондонской газеты (и вслед за ним на сайте “Россия в западноевропейской прессе XVIII века”), номера датируются по начальной дате интервала. В частности “дата публикации” цитируемого номера обозначена как 8 января: *The London Gazette*, *The Gazette Official Public Record*, дата обращения Ноября 4, 2021, <https://www.thegazette.co.uk/London/issue/5293/page/1>.

¹⁰ *The London Gazette*, no. 5203 (January 8, 1714 [1715]) 1. См.: Россия в западноевропейской прессе XVIII века, дата обращения Декабря 12, 2021, <https://hist.hse.ru/rwp/news/388763888.html>. Перевод Евгении Колпашниковой. См.: Rossiia v zapadnoevropeiskoi presse XVIII veka, data obrashcheniia Dekabria 12, 2021, <https://hist.hse.ru/rwp/news/388763888.html>. Perevod Evgenii Kolpashnikovoi.

посвященной архангелу Михаилу, тогда как в действительности она была Вознесенской,¹¹ царевна Анастасия названа Анатолией. Содержание упреки царя проворовавшимся поданным в двух рассказах не совпадают по форме, но очень близки по содержанию.

Таблица 2

Сообщения о событиях в Санкт-Петербурге в 22 – 24 ноября 1714 г. в Лондонской газете и письмах английского резидента Дж. Маккензи

Лондонская газета	Сообщения Дж. Маккензи
Petersburg, Dec. 3 O.S. The 22d a Church being finished which Prince Menzikoff had been at the Expençe of Building near his House, it was dedicated to <i>St. Michael</i> . ¹² The 23d the Czar, his Consort, and the Princess <i>Anatolia</i> his Sister, with a numerous Attendance of Persons of Distinction at this Court, were present at a Sermon preached in that Church on Occasion of the Festival of St. Alexander, whose Name Prince Menzikoff bears. ¹³	On 24th Prince Menshikoff dedicated the Church he had just had finished to <i>St. Michael the Archangel</i> . The next day the Czar, his Empress and his sister Princess <i>Anatolia</i> took part in service on the occasion of the Festival of Alexander, the patron saint of the Prince after whom he is named. ¹⁴
The 24 th the Czar gave order for seizing and putting under an Arrest [...] that his Majesty urging the Heinousness of their Guilt to those of the first Distinction among them, <i>reproach them in vehement Terms, that he had never refused them any Marks of Favour, but had allowed them large Pensions, and been liberal to them in Grants to set them above Corruption; appealing to them whether out of all the Revenues of his Dominions and the Taxes on his Subjects, he had reserved to himself any more than the Established Appointments according his Military</i>	I am assured, was one of the Czar's reproaches to their face: <i>that he neither refused them or any of them all the commodities of life and large appointments to put them above the reach of corruption, that yet he appealed to either of them. If of all the pleasures might furnish him a vast dominion and a numerous people, if he allowed himself any more than his own single appointments, according to his military rank in his army and fleet, which, I am told, is literally so, and that, abstracting to the expence of his own particular household, he allows no more for the yearly charges of his family than what</i>

¹¹ В. И. Жмакин, "Домовые церкви в Санкт-Петербурге при Петре I," *Прибавление к Церковным ведомостям*, 32 (1903), 1207. (V. I. Zhmakin, "Domovye tserkvi v Sankt-Peterburge pri Petre I," *Pribavlenie k Tserkovnym vedomostiam*, 32 (1903), 1207); Е. В. Анисимов, "23.11.1714," *Itinera Petri: Биохроника Петра Великого (1672-1725 гг.)*, дата обращения Ноября 4, 2021, <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/248439952>. (E. V. Anisimov, "23.11.1714," *Itinera Petri: Biokhronika Petra Velikogo (1672-1725 gg.)*, data obrashcheniia Noiabria 4, 2021, <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/248439952>.

¹² Курсивом выделены наиболее близкие по содержанию фрагменты двух текстов.

¹³ *The London Gazette*, no. 5293 (January 8-11, 1714 [1715], 2.

¹⁴ George Mackenzie to Charles Townshend, November 26, 1714, SP 91/8, f. 62, The National Archives, Kew, United Kingdom. Процитированный текст имеет статус архивного описания документа. Возможно, это не цитата из донесения, а его пересказ.

<i>Rank, of Vice-Admiral and General. The foresaid Lieutenant-Governor, and the Councillor Wallchonskoy, having been but to Torture, made ample Confessions, the Substance of which have Placards in the Czar’s Name been made publick.</i> ¹⁵	he defrayes by his appointments of vice-admiral and general. ¹⁶
---	--

Нужно признать, что сообщения Маккензи, если рассматривать их текст целиком, точнее и полнее газетной публикации. Арест группы сановников в связи с “подрядной аферой” датирован корреспондентом *Лондонской газеты* 24-м ноября, торжества же в честь тезоименитства Екатерины Алексеевны и возложение на нее ордена св. Екатерины не упомянуты. Однако Маккензи и другие дипломаты единодушны в том, что торжества 24-го не были омрачены арестами, которые начались уже 25-го¹⁷ (если верить Маккензи, вечером).¹⁸ Ничего не сообщает *Лондонская газета* и о дальнейшей борьбе Меншикова, Апраксина, и царицы за смягчение монаршего гнева. Однако имеющиеся совпадения дают основания полагать, что либо корреспондент *Лондонской газеты* был одним из информантов Маккензи, либо оба пользовались сведениями от одного и того же третьего человека.¹⁹ При этом, судя по отсутствию прямых текстуальных совпадений, информирование осуществлялось устно.

Обращение к другим материалам газеты, присланным из Петербурга, показывает, что такого рода близкие переключки есть еще в двух номерах газеты за 1715 г.

Таблица 3

Сообщения от 4 марта и 1 – 15 / 4 апреля 1715 г. в *Лондонской газете* и письмах английского резидента Дж. Маккензи

<i>Лондонская газета</i>	Сообщения Дж. Маккензи
Petersburg, March 4	<i>The Czar assisted yesterday and the day before at two several great councils that were</i>

¹⁵ *The London Gazette*, no. 5293 (January 8–11, 1714 [1715], 2.

¹⁶ Джордж Маккензи – Тауншенду (Ноября 29, 1714 г.), *Сборник Императорского русского исторического общества [СИРИО]* 61 (1888), 320. (*Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [SIRIO]* 61 (1888), 320).

¹⁷ Paul Bushkovitch, *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), 321–3.

¹⁸ Цитируемое сообщение не опубликовано в *СИРИО* 61 (1888), но его содержание есть на сайте Национальных архивов Великобритании. См.: George Mackenzie to Charles Townshend, SP 91/8, f. 62, The National Archives, Kew, United Kingdom, дата обращения Ноября 4, 2021, <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6720223>.

¹⁹ К числу если не корреспондентов, то информаторов с большой долей относились нанятые в Великобритании кораблестроители: новости о строительстве и спуске на воду новых кораблей характерны не только для анализируемой публикации и отличаются довольно высокой степенью достоверности. Наиболее заметные британцы на русских верфях: Дж. Най, Р. Козенс, Р. Браун. Подробнее см.: A. G. Cross, *“By the Banks of the Neva”: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), 163–7.

<i>The Czar was present the 2nd and 3d Instant in two great Councils that were held, at which assisted all the General Officers now here. The Results said to be that Field-Marshal Czeremeteff is to set out 4 Days hence, to reair to his Command in the Ukrain with Orders to take all the necessary Precautions for the Defence of the Russian Frontier, and also to make Preparations for marching into Poland, in Case the Turks under a Feint of making War against the Venetians should (as apprehended) have concerned other Designs.²⁰</i>	<i>than held and to which were admitted all his general officers now here. The occasion and result of these are not certainly known, but it is said that this court has still a shrewed suspition of the Port, and that therefore field-marshall Scheremeteff was to set out from hence on tuesday next to his command in the Ukrain, with orders to take all the necessary precautions not only for the defence of the Russian frontier, but also to make all the requisite preparatives to enter into Poland, in case the turks, as it is feared, under the blind of war with Venice should have concerted the desighn of breaking into that kingdom at the same time that His Majesty of Sweden may endeavor a like irruption there from Pomerania.²¹</i>
Petersburg, April 1–12. <i>His Czarish Majesty continues still here, but is in a readiness to go to Revel, as soon as he receives Notice by a Courier from M. Jagusinski concerning the Squadron of Men of War which equipping at that Place. The Muscovite Army in Livonia, and on those Frontiers is said to consist of about 36000 Men regular Troops, and may be augmented, it there be occasion to about 42000. Measures are likewise taken to prevent any Incursion of the Tatars into Muscovy, in case any Accident should happen to alter the good Intelligence with the Ottoman Port. A new Council of War is erecting here, whereof the Baron Levenwoltd is to be made President.²²</i>	<i>The Czar is still here, but we are told, that everything is ready for his leaving this place for Reval, where we hear His Majesty is about to repair to, so soon as m-r Jaguzinski has by a courier from thence apprized him of the progress is made in equipping out the squadron of his ships of war there; that the Czar is to take so many of his ministers alongst, that according to the issue of what is concerting at Berlin, he may the sooner send b. Schafigroff either friendly to adjust the differences or loose no time to advance the march of his troops [...] They have, I am assured, erected here a new council of war, whereof the baron Levenwoltd is to be president. They seem not to be very sure of their treaty with the Port and are taking the necessary measures to prevent any incursion of the tatars into Moscovy, and for the turks they expect no attack from, unless through Poland. The army in Livonia and that frontier will be about 36m strong and may be, as yet, if needful, augmented to the number of 42m</i>

²⁰ *The London Gazette*, no. 5315 (March 26–29, 1715), 1.

²¹ Джордж Маккензи – Тауншенду, Марта 4, 1714 [1715] г., СИРНО 61 (1888), 359. (SIRIO 61 (1888), 359).

²² *The London Gazette*, no. 5324 (April 26–30, 1715), 1.

	<i>regular troops. The last of your newspapers was from the 4th of March.</i> ²³
--	--

При этом, если в случае январского номера *Лондонской газеты* лишь часть публикации имела параллели с информацией в письмах Маккензи, то сообщения из Петербурга от 4 марта и 1 апреля могли бы быть полностью написаны на основании соответствующих мест из писем Маккензи от 4 марта и 4 апреля 1715 г. Однако, хотя по содержанию сообщения близки, текстуальных совпадений в них нет. В частности, характерны отличия в способе передачи имен. Наконец, сообщение в газете от 1 апреля датировано тремя днями раньше письма резидента. Помимо процитированных публикаций с пометой “из Петербурга” были и другие. Некоторые из них еще значительно отличались по форме²⁴ от реляций Маккензи, другие сообщали информацию, отсутствующую у Маккензи.²⁵ Поэтому кажется вероятным, что тексты сообщений с самого начала писались не резидентом, а другим человеком, который отчасти располагал той же информацией, что и Маккензи. Таким человеком мог бы быть один из сотрудников миссии. Однако публикация первого в 1714 г. сообщения из Петербурга еще 26 июня,²⁶ задолго до приезда Маккензи, заставляет считать, что корреспонденцию с *Лондонской газетой*, по крайней мере, эпизодически, вел кто-то, не находившийся на дипломатической службе.

Здесь уместно указать, что новости из Петербурга поступали в *Лондонскую газету* не только напрямую. Сообщения из новой русской столицы регулярно пересказывали корреспонденты других городов, особенно Гамбурга.²⁷ Последний, будучи крупным торговым центром, в первой четверти XVIII в. сохранял значение места, куда стекалась информация от “торговцев новостями” с разных концов Европы. Здесь издавался целый ряд газет (за которыми пристально следил и

²³ Джордж Маккензи – Тауншенду (Апреля 4, 1715 г.), СИРИО 61 (1888), 369–370. (SIRIO 61 (1888), 369–370).

²⁴ Ср., например, сообщения о приеме у Маккензи в честь годовщины вступления Георга I: *The London Gazette*, The Gazette Official Public Record, дата обращения Ноября 4, 2021, <https://www.thegazette.co.uk/London/issue/5304/page/1>; George Mackenzie to Charles Townshend, The National Archives, дата обращения Ноября 4, 2021, <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6720265>.

²⁵ Ср.: *The London Gazette*, no. 5325 (April 30, 1715), 1; СИРИО 61 (1888), 372–9. (SIRIO 61 (1888), 372–9). В газете есть подробности о похоронах адмирала Топфеля (Самуила Трезеля); в то время как Маккензи только упоминает, что был на них, есть описание наказания лиц, приговоренных по делу о “подрядной афере,” о котором Маккензи не упоминает.

²⁶ *The London Gazette*, no. 5236 (June 22–26, 1714), 1.

²⁷ За 1714 – 1715 гг. можно указать на следующие публикации: *The London Gazette*, no. 5215 (April 10–13, 1714), 1 (Berlin); no. 5224 (May 11–15, 1714), 2 (Hamburg); no. 5230 (June 1–5, 1714), 1 (Hamburg); no. 5233 (June 12–15, 1714), 1 (Dresden); no. 5234 (June 15–19, 1714), 1 (Hamburg); no. 5239 (July 3–6, 1714), 1 (Hamburg); no. 5244 (July 10–24, 1714), 1 (Hamburg); no. 5250 (August 10–14, 1714), 1, 2 (Hamburg); no. 5255 (August 28–31, 1714), 1 (Hamburg); no. 5268 (October 12–16, 1714), 2 (Hamburg); no. 5319 (April 9–12, 1715), 2 (Hamburg); no. 5321 (April 16–19, 1715), 1 (Hamburg); no. 5333 (May 28–31, 1715), 1 (Hamburg); no. 5337 (June 11–14, 1715), 1 (Hamburg); no. 5338 (June 14–18, 1715), 1 (Hamburg).

которые пытался контролировать Петр I) и, по-видимому, сохранялась хорошо налаженная в XVII веке сеть информантов английской резидентуры.²⁸

Тем не менее, то обстоятельство, что в 1714 – 1715 гг. все опубликованные *Лондонской газетой* сообщения, полученные напрямую из Петербурга,²⁹ за двумя исключениями,³⁰ пришлось на время пребывания в городе английского резидента Маккензи (середина сентября 1714 г.³¹ – конец апреля – начало мая 1715 г.,)³² вероятно, все же не случайно. Если в 1713 г. лишь одно³³ из 14 выявленных сообщений из Петербурга пришло из Петербурга напрямую,³⁴ то в 1714 – 1715 гг. непосредственно из Петербурга пришло 10 из 25 сообщений. Для времени же пребывания в столице Дж. Маккензи (сентябрь 1714 г. – начало мая 1715 г.) речь будет идти про 8 сообщений из 11. За 1720 – 1728 гг., когда в Северной Столице не было британских дипломатов, не выявлено ни одного сообщения непосредственно из Петербурга.

Иная ситуация с передачей информации из России сложилась в 1709 г. В это время в *Лондонской Газете* не только неоднократно печаталась корреспонденция из Москвы, но, в отличие от ситуации 1714 – 1715 гг., публиковались большие фрагменты дипломатических писем. Так, сообщение из Москвы от 13 февраля (по новому стилю) 1709 г. почти полностью заимствовано из написанного в этот день письма Чальза Уитворта государственному секретарю Бойлю.³⁵ То же можно сказать о череде сообщений относительно битвы под Полтавой.³⁶ Эти заимствования, очевидно, следует связать с предпринимавшимися время от

²⁸ Роль Гамбурга в “торговле новостями”: Heiko Droste and Ingrid Maier, “Christoff Koch (1637–1711): Sweden’s Man in Moscow,” in *Travelling Chronicles*, 122. Петр I и гамбургские газеты: Майер и Шамин, “Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I,” *op. cit.*, 103–5. (Maier and Shamin, “Obzory inostrannoï pressy v Kollegii inostrannykh del v poslednie gody pravleniia Petra I,” *op. cit.*, 103–5). Английская резидентура в Гамбурге XVII в.: Brandtzæg, Goring & Watson, eds., *Travelling Chronicles*, 144.

²⁹ Полный перечень публикаций: *The London Gazette*, no. 5236 (June 22, 1714); no. 5257 (September 4–7, 1714), 1; no. 5270 (October 19–23, 1714), 2; no. 5276 (November 9–11, 1714), 3; no. 5287 (December 18–21, 1714), 1; no. 5293 (January 8–11, 1714 [1715]), 1; no. 5304 (February 15–19, 1714 [1715]), 1; no. 5315 (March 26–29, 1714 [1715]), 1; no. 5324 (April 26–30, 1715), 1; no. 5325 (April 30 – May 3, 1715), 1.

³⁰ *The London Gazette*, no. 5236 (June 22–26, 1714), 1; no. 5257 (September 4–7, 1714), 1.

³¹ СИРИО 61 (1888), 268–70. (SIRIO 61 (1888), 268–70). Предшествующий дипломатический представитель Великобритании (Чарльз Уитворт) отбыл из России еще в 1712 г. (СИРИО 61 (1888), 208–20. (SIRIO 61 (1888), 208–20)).

³² Последнее письмо из Петербурга – 15 апреля 1715 г., письмо из Риги – 8 мая 1715 г. “Browse The National Archives’ catalogue,” The National Archives, дата обращения Ноября 4, 2021, <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/browse/r/h/C6720313>.

³³ *The London Gazette*, no. 5190 (January 12–16, 1713 [1714]), 1.

³⁴ *The London Gazette*, no. 5187 (January 2–5, 1713 [1714]), 1; no. 5188 (January 5–9, 1713 [1714]), 1; no. 5189 (January 9–12, 1713 [1714]), 1; no. 5190 (January 12–16, 1713 [1714]), 1; no. 5193 (January 23–26, 1713 [1714]), 2; no. 5197 (February 6–9, 1713 [1714]), 1; no. 5126 (June 2–6, 1712), 5; no. 5128b (June 9–13, 1712), 4; no. 5139 (July 18–21, 1712), 2; no. 5144 (August 4–8, 1712), 3; no. 5146 (August 11–15, 1712), 1; no. 5151 (August 29 – September 1, 1712), 1; no. 5177 (November 28 – December 1, 1712), 1; no. 5179 (December 5–8, 1712), 2.

³⁵ *The London Gazette*, no. 4550 (April 7–11, 1709), 1; СИРИО 50 (1886), 140. (SIRIO 50 (1886), 140).

³⁶ Ср.: *The London Gazette*, no. 4580 (August 27–30, 1709), 1 и СИРИО 50 (1886), 195–196. (SIRIO 50 (1886), 195–196 ; *The London Gazette*, no. 4590 (September 20–22, 1709), 1; *The London Gazette*, “The Gazette Official Public Record, дата обращения Ноября 4, 2021, <https://www.thegazette.co.uk/London/issue/4590/page/1>, и СИРИО 50 (1886), 140. (SIRIO 50 (1886), 205–208, 211. (SIRIO 50 (1886), 205–208, 211).

времени попытками британского правительства поддержать популярность своего официального издания за счет новостей от посланников. Наиболее известная из которых (благодаря своей связи с именем знаменитого журналиста Ричарда Стила) пришлась на 1707 г. или, что более вероятно, весну 1709 г. Другие известные случаи относятся к 1723, 1729 и 1769 гг.³⁷

Сообщение из Петербурга от 23 января, опубликованное в номере за 17–21 февраля 1719 г.,³⁸ также содержит абзац, дословно заимствованный из письма английского резидента Дж. Джеффериса.³⁹ Правда, второй абзац газетного сообщения в бумагах дипломата уже не обнаруживается.

Таким образом, попытка прояснить степень полноты и достоверности одного из пространных сообщений *Лондонской газеты*, переведенных для проекта "Россия в западноевропейской прессе XVIII в.," позволила обнаружить, что в период с 1709 – 1719 гг. фрагменты дипломатической корреспонденции нередко публиковались *Лондонской газетой*, однако дипломатические реляции не были единственным источником информации. Период пребывания в Петербурге резидента Маккензи характеризовался другой моделью предоставления информации. Судя по приведенным выше сравнениям, сеть информаторов периодического издания была сложнее, и источником сведений мог быть кто-то из моряков или купцов, общавшихся с теми же информаторами, что и резидент. При этом есть основания полагать, что Маккензи участвовал в организации канала связи: хотя два сообщения из Петербурга были опубликованы до его приезда, во время отсутствия британских дипломатов в России (1713, часть 1714, 1720–1728) сообщения непосредственно из Петербурга в *Лондонской газете* почти не публиковались. В эти периоды письма из российской столицы поступали сначала в такие города, как Стокгольм, Данциг, Берлин, Гамбург, Дрезден, и уже оттуда пересылались в Лондон.

³⁷ J. D. Alsop, "Richard Steele and the Reform of *The London Gazette*," *The Papers of the Bibliographical Society of America* 80:4 (1986): 455–61; J. D. Alsop "New Light on Richard Steele," *The British Library Journal* 25: 1 (1999): 23–34; Black, *The English Press in the Eighteenth Century*, 93–95.

³⁸ *The London Gazette*, no. 5722 (February 17–21, 1719 [1720]), 1.

³⁹ СИРИО 50 (1886), 482–3. (SIRIO 61 (1888), 482–3).

The Corpus of Russian Translations of Social and Political Works of the Eighteenth Century

Sergey Polskoy

The Higher School of Economics (Moscow)

s.polskoy@gmail.com

Vladislav Rjéoutski

Deutsches Historisches Institut Moskau

vladislav.rjeoutski@dhi-moskau.org

Abstract:

The project that has been carried out at the German Historical Institute in Moscow since 2016 continues the engagement of the Institute in the development of the history of concepts in Russia. The previous project, "The History of Concepts and Historical Semantics," which was led by Ingrid Schierle and Denis Sdvizkov (both research fellows at the German Historical Institute in Moscow at the time), was undertaken between 2008-2014. It consisted of a series of conferences and resulted in several publications; namely, two volumes devoted to the history of key concepts in the Russian imperial period.¹ However, the main focus of the current project is on translation as a laboratory of the Russian language of "civil sciences." The project is being coordinated by Sergey Polskoy (Higher School of Economics, Moscow) and Vladislav Rjéoutski (German Historical Institute in Moscow). In addition, the editorial work on the database is being carried out by Evgenii Kushkov (Higher School of Economics, Moscow), with Vadim Popov (GHI Moscow) also being responsible for statistics and the visualization of the results of the project.

Keywords:

conceptual history, translation, political language, book history, digital humanities

Translation and the History of Concepts

The well-known series of publications entitled *Geschichtliche Grundbegriffe*, which were coedited by Reinhart Koselleck and his collaborators,² was the starting point for our project. Koselleck's idea was to undertake a sort of archaeology of the most important historical concepts that describe society, the main social groups, and relations between them, and to show the semantic changes that occurred in the meaning of the terms we use today. He wanted to understand what these words meant in the early modern period before they swiftly began to change their meaning around the 1770s.

The semantic changes that are revealed through this analysis testify to the appearance of a new understanding of society and our relations within it. In a very schematic way, the changes

¹ А. И. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле (ред.), "Понятия о России": К исторической семантике имперского периода, в 2 т. (Москва: Новое литературное обозрение, 2012). (A. I. Miller, D. Sdvizkov, I. Schierle (red.), "Poniatia o Rossii": K istoricheskoi semantike imperskogo perioda, v 2 t. (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012).

² *Geschichtliche Grundbegriffe; historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Hrsg. von Otto Brunner, Werner Conze [und] Reinhart Koselleck. 8 vols. (Stuttgart: E. Klett 1972-1997).

detected by Koselleck and his team in the basic concepts in the German-speaking world can be described as democratization, temporalization, ideologization and politicization. This means that political concepts not only started to be used by social elites, but also by extended circles of speakers, which was the result of the growing number of publications that were read by the general public. Thus, traditional concepts can now be charged with expectations and even emotions; they possess a multilayered structure that can be composed of elements from the past, present, and future. The increasing abstraction of concepts leads to the possibility of charging them with various ideologies and meanings, which often depend on the social position of the speaker.

The advantages of such a project for our understanding of the past and of the changes which occurred in our society during the modern era are obvious. Historians are the first to benefit from the results of the history of concepts because they become more aware of what the concepts that they are using to describe the past really mean and are less prone to transpose, often unconsciously, the meaning of today onto the realities of the past. The use of concepts with a full understanding of their meaning enables us to avoid anachronism, at least to a certain extent.³ As Melvin Richter states, by retrieving the language of the period being studied, we can better see the gap between it and the language of later historians and sociological analysts who work (or think they work) in terms of atemporal definitions.⁴ As Peter Burke notes, "even the most monoglot of historians is a translator."⁵

Translation as such was not at the core of Koselleck's project. However, in the introduction to *Geschichtliche Grundbegriffe*, he did mention the importance of the translation of concepts as a means of making the historical experience visual, so to speak. The translation of texts was central to the great cultural movement of early modern Europe.⁶ Through translation, every society acquires new concepts to meet needs, whether real or imagined.⁷ In the case of Russia in the eighteenth century, we are dealing with a culture that remained relatively on the sidelines of the developments that were taking place elsewhere in Europe. Political vocabulary was poorly elaborated in the Russian language at the time. The same was true for many other fields. Vocabulary in the fields of the natural sciences, linguistics, and in many other domains was created mostly in the process of translation.

The idea that most of the terms that are now part of the political vocabulary of the Russian language were originally elaborated by translators is the starting point and one of the main theses of the project. In other words, the role of the translator is central in this process. Traditionally, as Magrit Pernau explains, translation was seen as "taking place between two languages, considered to be entities complete in themselves and endowed with stable boundaries." As a result of the cultural turn in translation studies, translators started to be seen as active and creative agents. They did not "find" equivalents between languages, but rather, created them. As stressed by Pernau, "translation thereby became a negotiated and contested undertaking, which was embedded in social interactions and power relations." The

³ Melvin Richter, "Introduction: Translation, the History of Concepts and the History of Political Thought," in *Why Concepts Matter: Translating Social and Political Thought*, eds. Martin J. Burke & Melvin Richter (Leiden: Brill, 2012), 12.

⁴ Richter, "Introduction," 13.

⁵ Peter Burke, "Cultures of Translation in Early Modern Europe," in *Cultural Translation in Early Modern Europe*, eds. Peter Burke & R. Po-chia Hsia (Cambridge: Cambridge University Press, 2009), 7.

⁶ Burke, "Cultures of Translation in Early Modern Europe," 10.

⁷ Richter, "Introduction," 10.

translator introduced a concept from another language and embedded it in a new context, and through this process, he (or she, but mostly he at the time we are exploring) restructured the semantic field into which the word had been imported. In other words, translation transforms the target language.⁸

As shown by Sergey Polskoy, the “quality” of the terms created in Russian through translation depended hugely on the abilities of the translators, as well as their social experience and cultural and linguistic outlook.⁹ This was not only reflected in special shades of meaning that translators conferred on the terms they created in Russian, but also in the choice of a particular linguistic and intellectual tradition within which they thought such terms would be best expressed. In the first half of the eighteenth century, the clerks of the Muscovite chancelleries (*prikazy*) used bureaucratic vocabulary in their translations, while translators from among the clergy, finding no equivalents in Russian, mostly translated in a mixture of Church Slavonic and Polish.

The Corpus of Russian Translations of Political Texts

The central feature of the project is a database of political texts translated from various European languages into Russian in the eighteenth century. The database contains translations of essays that can be attributed to a wide range of knowledge in the humanities that were often referred to as “civil science” (*scientia civilis*) in the seventeenth and eighteenth centuries. It served to speak with a member of society (“citizen,” “son of the fatherland,” “statesman”) about the purpose, history, structure, and control mechanisms of “civil society” (*societas civilis*) and the position of the citizen (*civis*). The boundaries of the political sphere of the eighteenth century are difficult to determine using modern concepts such as “sociology,” “political science,” “economy” or “law.” The European “political” literature of the time is characterized by the intersection of disciplinary discourses, while significantly maintaining a close relationship between the “scientific” and the literary text. Therefore, a political treatise during this period could be a collection of practical instructions (Machiavelli, Guicciardini, Ceriol), an emblem book containing a metaphorical description of the “positions” held by the sovereign and his or her subjects (Saavedra Fajardo), a political novel (Fénelon) and a pamphlet (Boccalini), or a collection of historical examples of specific political “cases” (Lipsius, Bessel, Fredro). In other words, at the time the political book could include texts that are now classified as modern social philosophy, political theory, history, economics, literary works of a political nature (political novels, pamphlets, opinion journalism, etc.), as well as guidelines, handbooks, dictionaries, and tutorials that we would now attribute to these disciplines. Indeed, we did not wish to impose our contemporary understanding of the political, but rather tried to grasp how this field was understood by people at the time.

Work on the database included the following stages: First, we selected translations that, to our minds, contained political vocabulary. We were guided in this task by our broad definition of the political, but of course, our selection is subjective. We commissioned a certain number

⁸ Margrit Pernau, “Whither Conceptual History? From National to Entangled Histories,” *Contributions to the History of Concepts*, vol. 7, Issue 1 (Summer 2012): 6-7.

⁹ Sergey Polskoy, “Translation of Political Concepts in 18th-Century Russia: Strategies and Practices,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 21, no. 2 (Spring 2020): 235-265.

of detailed descriptions of translations, both printed and in manuscript form. We were open to suggestions from our colleagues. For example, one colleague spotted a number of manuscript translations in Kyiv, and we included these in our database.

The main sections of the website are "Translations," "Authors," "Glossary of Concepts," and a the searchable "Database" itself.

Translations

Basic Search Advanced Search

What are you searching for? Search

Alphabetical Index А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

Author and Title	Translator	The type and location	Dating
 Флавий Евтропий Евтропия Сокращение римской истории до времен кесарей Валента и Валентиниана	Семен Воронцов	 Печатный Москва	1759
 Флавий Евтропий Евтропия Сокращение римской истории до времен кесарей Валента и Валентиниана	Семен Воронцов	 Печатный Москва	1779

As its title suggests, the first section provides access to a list of translations. For the most important texts, we not only offer a detailed description, but also fragments of the translation, including key political concepts. These fragments are given in parallel with excerpts from the original text, as scholars often need to compare the translated term with the original. Original and translated terms are highlighted in the text: by clicking on a term (for example, "[общество](#)" in the article "Economics (morality and politics)" by J.-J. Rousseau, from the *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, one can access all the excerpts of political texts that contain this term. The website offers many pages of examples for some frequently used terms.

These are only samples, however, because the idea was to present in a concise way the main political vocabulary that can be found in a given text. In most cases, the context provided was deliberately broad: we tried to produce meaningful phrases, often whole passages, in order to avoid any ambiguity in the context. We often deal with loanwords. As Pernau stresses, to become understandable, a loanword needs to be explained with words already known to readers: "This process links the concepts to their linguistically embodied experiences, and thereby bridges the gap between self and other and colors the meaning of the word in its new context."¹⁰

Of course, the idea that by providing a context we can always clearly understand the shades of meaning of a term used by a translator is illusory. Translation, as Peter Burke rightly

¹⁰ Pernau, "Whither Conceptual History?," 6-7.

stresses, is a constant negotiation of meaning. Moreover, translators in the eighteenth century often acknowledged the possibility and the need to adjust and reframe the original text, because one of the criteria of a good translation was the measure to which the text was adapted to a target audience. When Mazel translated Locke into French, for example, he no doubt consciously adapted Locke to the French context through his choice of terms in order to show that the monarch and the people were at war in France.¹¹ However, in many cases, the context is really helpful.

Authors

Alphabetical index

A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z
А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

			
Jacques Accarias de Serionne Жак Аккария де Серьонн	Gottfried Achenwall Готфрид Ахенвалль	Ἀγαπητός / Agapetus Агапит	Henri François d'Aguesseau Анри Франсуа д'Агессо
1706–1792?	1719–1772	VI в.	1668–1751
			

This page provides a means to easily access the list of authors of works presented on the site (they can be searched in both the general list and through the Latin and Russian alphabet; an advanced search can also be used). By going to the author's page (e.g. [Joost Lips](#)), the user can find a list of the author's original works that were translated into Russian, as well as the titles of the Russian translations of the texts, the descriptions of which can be found on the website. In the case of Lips (or Lipsius), we have only one translated work, but a whole range of translations, or rather copies of translations, can be found in various archives in Russia. This testifies to the popularity of this work in Russia at the time. In the case of sample texts being presented on the site, this is indicated by an icon in the list of Russian translations .

¹¹ S.-J. Savonius, "Locke in French: The *Du Gouvernement Civil* of 1691 and its Readers," *The Historical Journal*, vol. 47, no. 1 (March 2004): 47-79.

Glossary

Alphabetical index

 A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z
 А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

A

Aberglaube

суеверие

Abgeordnete

депутат

absolu

беспредельный, самовластный, самовластный государь, самодержавный, самодержец

absolute

самодержавное правление

absolute and unlimited power

совершенная и неограниченная власть

This is a list of all the political terms found in the text fragments presented on the website. The list includes both the original terms (in a multitude of European languages) and their Russian equivalents. By clicking on any of the terms, the user will access the equivalents found in the original works or in Russian translations respectively. It is also possible to conduct a keyword search in the search bar (e.g. "constitution") and to find all related terms.

Excerpts containing highlighted terms can be found below the search bar. All the excerpts are followed by the title of the work from which they were taken, as well as the date of publication. Russian translations are deliberately arranged in chronological order, which allows the user to see how the meaning of each term evolved throughout the eighteenth century. By exploring the term in the chronological order of contexts, the user is better able to grasp the changes which occurred (or, in some cases, did not occur) in the meaning of each term.

[Basic Search](#)
[Advanced Search](#)

Keyword search

Full-text search

Enter a word or a phrase

OR

Full-text search

Enter a word or a phrase

×

+ [Add additional condition](#)

By years of publication

C

1680

По

1820

Language

Any language

Publication type

Any

Search

Given this is a searchable database, the search bar is an important tool. In our database, it is possible to undertake a search using either basic or advanced search term options, as is usually the case in library catalogs. But there is one feature that we implemented that is not usually found in library catalogs. For example, if users only select manuscripts, then they will find all the manuscripts featured on the website. It is also possible to search by language. For example, a search using “English” as a keyword, results in only 13 hits (clearly an unknown language in eighteenth-century Europe!), whereas “French” leads to nearly 900 matches.

There are some other sections on the website that serve to facilitate use of the database. For example, we have a section on “frequently asked questions.” We have also provided a section on “project news.” Finally, we have added an “add translations” template in order to facilitate feedback and to learn about new translations that could be included in our database.

Translations: Directions for Use

Text example

Original

P. 5

Se bien garder de vaincre son Maître.
Toute **supériorité** est odieuse, mais celle d'un **Sujet** sur son **Prince** est toujours folle, ou fatale. L'homme adroit cache des avantages vulgaires, ainsi qu'une femme modeste déguise sa beauté sous un habit négligé. Il se trouvera bien, qui voudra céder en bonne-fortune, & en belle-humeur, mais personne, qui veuille [p. 6] céder en esprit, encore moins un **Souverain**. L'Esprit est le Roi des Atributs, &, par conséquent, chaque offense, qu'on lui fait, est un crime de **leze-majesté**. Les Souverains le veulent être en tout ce qui est le plus éminent. Les Princes veulent bien être aidés, mais non surpassés. Ceux, qui les conseillent, doivent parler comme des gens, qui les font souvenir de ce qu'ils oublioient, & non comme leur enseignant ce qu'ils ne savoient pas. C'est une leçon, que nous font les Astres, qui bien qu'ils soient les enfans du Soleil, & tout brillans, ne paroissent jamais en sa compagnie.

Translation

C. 5

Весьма храниться от взятия власти, над государем своим.
Всякое самовольное похищение власти, опасно: а особливо подданного над Государем его, безумно, и пагубно. Искусной человек, всегда малую прибыль таит, власно так как добродетельная жена, красоту свою под простым платьем кроет. Могут сыскаться такие, что в щастии и в веселии уступят; а в разуме уже никто, а особливо **Самодержец**, уступить не похочет. Ум есть Царь всех свойств, и следственно учиненное ему безчестие; за **оскорбление Величества** почитается. Государи хотят вспоможены, а не превзойдены быть. Советующия им, должны так предлагать, как бы напоминая о забвennom. Сей пример подают нам звезды, и месяц: которая хотя и ясны, однако Светлейшему Солнцу, всегда уступают.

P. 14

Ce n'est pas assés que le grand zèle dans un **Ministre**; que la valeur dans un Capitaine; que la science dans un Homme-de-létres; que la **puissance** dans un Prince; si tout cela n'est acompagné de cete importante formalité. Mais il n'y a point d'emploi, où elle soit plus nécessaire, que dans le **souverain-commandement**. Dans les supérieurs, c'est un grand moien d'engager, que d'être plus humains, que despotiques. Voir qu'un **Prince** fait céder la **supériorité** à l'humanité, c'est une double obligation de l'aimer.

C. 11

Недовольно одной ревности в Министре, храбрости в Генерале, науки в ученом, и власти в Государе, ежели доброй манир как важнойшая вещь, всего не украшает. Нет чину, в котором бы манир так нужен был; как в **самодержавстве**. Вышним лицам великое щастие, ежели они к себе людей, более милостью и ласкою, нежели повелительною силою привлекать могут. Когда милость превосходит **самовластие владетеля**, то сие вдвое обязует людей, к полюблению онаго.

Let us give an example of how this organization of material can work. By choosing a term in Russian or in a source language, it is possible to see how one term was translated into Russian in various contexts; or what meanings from the original terms a particular Russian term could vehiculate. The transformations of the German term "*Bürger*" and the French word "*citoyen*" are demonstrated below.

Glossary > Bürger

Bürger

гражданин, **мещанин**, мещанство, подданный

"*Bürger*" is basically translated into Russian by three terms: "*гражданин*," "*мещанин*" and "*подданный*." Each word reflects different meanings of the German term: the inhabitant of a town or city; the member of a society, or of a people; and the subject of a monarch. "*Гражданин*" was also used in the sense "inhabitant of the city" in the eighteenth century, but by the second half of the century its primary meaning had become "member of a given society." The influence of French was very important here. The three meanings in French are expressed by different words ("*citoyen*," "*bourgeois*," and "*sujet*"). However, the word "*citoyen*" also meant "inhabitant of a city" and in this sense it was a synonym of "*bourgeois*" (definition given by *Dictionnaire de l'Académie Française*, 1694).¹² It was in the course of the eighteenth century that the word changed its meaning to become a synonym of "patriot" ("*le bon citoyen*"), or

¹² "Citoyen, Enne, s.," *Dictionnaire de l'Académie française*, accessed November 23, 2021, <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A1C0407-03>.

came to refer to somebody who was not only an inhabitant of a city or country, but who was also concerned with the interests of their country and fellow-citizens. Hence, the earlier meaning of the word became obsolete. In the *Dictionnaire critique de la langue française* (1787) we can already read that the word is not used in the expression “*citoyen de Paris*” (inhabitant of Paris).¹³ The new meaning “patriot” can be seen in many translations of this word in our database from the 1760s. Thereafter, the word was invariably translated as “гражданин.” Six pages of examples on our website demonstrate how extensive the use of this word had become by the second half of the eighteenth century, that is, in the decades before the French Revolution. Moreover, these examples show how these translations influenced the Russian word by detaching it from its earlier use, in the sense of a “city inhabitant,” exactly as in the case of the French term, and by bonding it with this new meaning.

In such examples, which are numerous in our database, Russian concepts coined under the influence of Western European notions in the process of translation announce some future project. This is particularly so in the Russian context, because many of these political concepts were inapplicable within the old system of ideas about the state and the monarch.

Statistics and Visualization

When we began this new project initiative, we assumed that some statistical data concerning the evolution of publishing in eighteenth-century Russia was already available. We soon found out, however, that no precise data is available regarding the increasing number of publications, the composition of the corpus of published books, the part of translations in it, and the distribution of translations per original language.¹⁴ This new data will be of great interest for the field of Russian eighteenth-century studies, as well as comparative studies on book culture in Europe and throughout the world.¹⁵

¹³ *Dictionnaire critique de la langue française*. Tome premier, A-D, par., M. l'abbé Feraud, (Paris, 1787), 452.

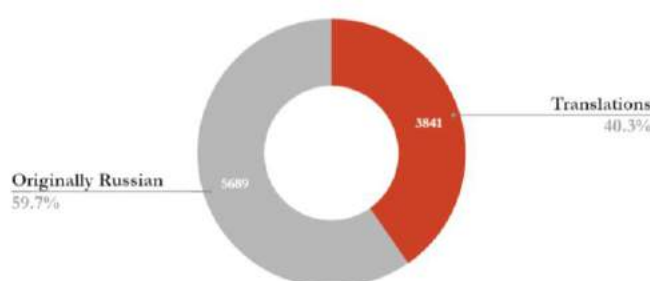
¹⁴ One of a few attempts to calculate the number of translations into Russian was undertaken by Gary Marker. See Gary Marker, *Publishing, Printing, and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700-1800* (Princeton: Princeton University Press, 1985), 88. See also the data published by K. Bugrov and M. Kiselev (partly on the basis of statistics compiled by G. Marker) in К. Д. Бугров и М. А. Киселев, *Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века* (Екатеринбург: Издательство Уральского университета, Университетское издательство, 2016), 20-23 (К. Д. Бугров и М. А. Киселев, *Estestvennoe pravo i dobrodetel': integratsiia evropeiskogo vliianiia v rossiiskuiu politicheskuiu kul'turu XVIII veka* (Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Universitetskoe izdatel'stvo), 20-23).

¹⁵ See “Statistics & Charts,” *The Corpus of Russian Translations*. *Deutsches Historisches Institut*, accessed December 9, 2019, <https://krp.dhi-moskau.org/en/page/stats>.

Translations and languages

This section provides information on the share of translated and original Russian works in the overall volume of civil script publications in the eighteenth century. The category "Translations of Social and Political Works" refers to the texts included in the Corpus of Russian Translations. The last graphs show data on the role of intermediary languages of translation in the total number of translated books – for all books in civil script before 1800 and separately for publications included in the Corpus of Russian Translations.

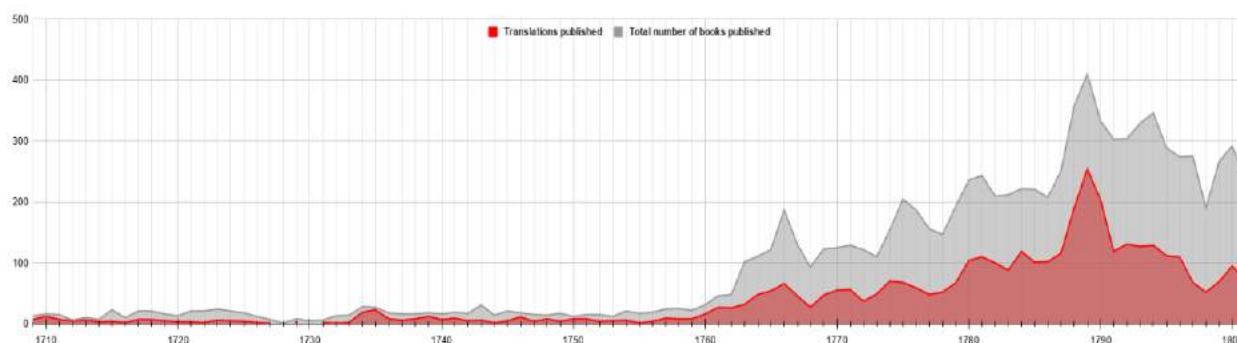
Shares of original Russian publications and Russian translations, 1708-1800

Nearly ten thousand books were published in Russia in the eighteenth century. About 40% (or roughly 3800) of the texts in this corpus were translations. Our database lists nearly 500 titles, which therefore comprises about 5% of the overall total of books published in Russia in the eighteenth century, or about 13% of all the translations published in the country.

If we look at the distribution of languages among these translations, we see that French occupies a leading position. German was also a very important language in the field of translations in Russia at the time. All other languages, including Latin and English, are rather negligible in this regard. If we analyze the socio-political translations compared to this data, we see that if the percentage of translation from German is the same, the percentage of translations from French is much higher than among the general translations (54% and 46.5% respectively). Hence, there is a difference of 7.5%, which is certainly more than the margin of error. It may be that in some of the categories covered by "political" literature, such as historical works, books in French were over-represented. However, it may also be due to the intermediary role played by the French language, as can be seen in our corpus.

The Total Number of Books Published in Russia in the Eighteenth Century/the Number of Translations

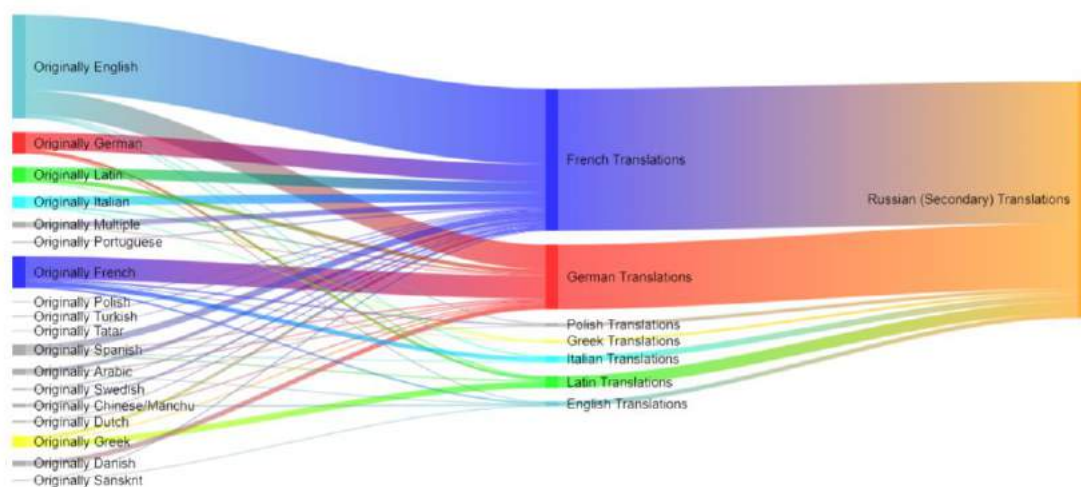

In chronological terms, the overall number of publications in Russia in 1762, that is, the year of the accession of Catherine II to the throne, was rather low, with about 30% being accounted for by translations. In 1788, the year before the beginning of the French Revolution, the number of publications in Russia was four times higher (about 400), of which more than 250 were translations. We see that not only the overall number of translations increased enormously, but also that the number of translations was increasing more than the number of non-translated books. If, on average, translations constituted about 40% of all publications in Russia, in 1788 the proportion of translations peaked at roughly 62% of all books published that year. This changed in the following years, due to all manner of restrictions, which affected, first and foremost, books imported from France. This trend had already begun in the last years of Catherine's reign, but it worsened during the reign of Paul I.

If we look at how the number of translations into Russian evolved throughout the eighteenth century, then we see that the proportion of books translated from French and from German respectively was very different. In the first half of the century, the number of books translated from German was small, but still nearly always higher than works translated from French. The explosion in translations from French in the second half of the eighteenth century can be explained by the development of the use of French in Russian society, which began around the middle of the century. Yet, even in the second half of the century, German remained the main competitor to French. In the years preceding the French Revolution, the gap between the two increased considerably.

This attests to a growing interest in foreign literary and intellectual production. Interestingly, this general growth of interest in foreign books was not only evident in terms of French and German translations, but also Latin. English, on the other hand, only accounted for a paltry two to four translations each year up to the end of the century. Nonetheless, it would be wrong to conclude that there was no interest in Russia in publications coming from the British Isles, as books published in English were often translated into Russian from either French or German.

Role of intermediary languages in all translations into Russian, 1708-1800

This data can hardly be compared to the data from other language communities in Europe: for some, to the best of our knowledge, there is no precise data of the sort, for others (e.g. the French book market),¹⁶ the very definition of what is understood and counted as a book is rather different, which does not allow us to make any close comparisons.¹⁷ Interest in French book production began earlier in Western Europe, but generally the increase and the leading positions of translations from French do not seem particular to Russia. The same can be said about the role of French as an intermediary language.

The data we used, apart from our own database, derived from the electronic catalogs of the Russian National Library. This raw data needs to be double-checked and that is what we are currently doing. This is a very long undertaking, but we hope that it will allow researchers to get precise and trustworthy statistical data on a variety of questions related to general book production in Russia and particularly on translated socio-political literature.

Future Development

How do we intend to develop our database in the future? First, we would like to increase the number of translations by providing an enlarged sample of texts. We have been constantly uploading new excerpts since we launched the website. Our database covers the great majority of published texts that can be qualified as "political," but it does not include journal publications. This is an important issue, as many translations were published in journals in Russia, particularly in the second half of the eighteenth century, so we intend to try and locate political translations in journals.

With the help of Vadim Popov, the manager of public relations and digital humanities at the GHI, we have already begun an initiative to allow users to view the results of our research. This is a very important aspect of the project, because it is hoped that it will give us an idea of the evolution of the translation of political texts against the backdrop of the number of published works in general.

¹⁶ See, for example, François Furet, "La 'librairie' du royaume de France au 18e siècle," in *Livre et société dans la France du XVIIIe siècle*, eds. G. Bollème, J. Ehrard, F. Furet, D. Roche & J. Roger (Paris: Mouton, 1965), 3-32; Henri-Jean Martin, "Une croissance séculaire," in *Histoire de l'édition française*, t. 2, *Le livre triomphant*, eds. Roger Chartier & Henri-Jean Martin (Paris: Fayard/Cercle de la librairie, 1984), 113-127.

¹⁷ See, for example, Claudine Adam, *Les imprimeurs-libraires toulousains et leur production au XVIIIe siècle (1739-1788)* (Toulouse : Presses universitaires du Midi, 2015), <https://books.openedition.org/pumi/15354?lang=en>.

**Илья Федорович Копиевский
(Жизнь и судьба одного просветителя петровского
времени)¹**

**Il'ia Fedorovich Kopievskii
(The Life and Fate of an Enlightener
in the Age of Peter the Great)**

Юрий Зарецкий

Национальный университет – Высшая школа экономики

Yury Zaretsky

National Research University – Higher School of Economics

yzaretsky@hse.ru

Abstract:

In 1699, on the initiative of Peter the Great, the printing of Russian secular books began in Amsterdam. Most of these publications were textbooks on history, arithmetic, astronomy, navigation, and foreign languages. The compiler, translator, and publisher of these books was a native of the lands of the Grand Duchy of Lithuania, Ilya Fedorovich Kopievsky (or Kopievich). For many decades, historians have turned to the biography of this man, but it is still full of gaps and factual errors. This article, which summarizing the various information about Kopievsky available today (from archival documents to the latest works of historians), contains a detailed reconstruction of his life path. It also includes materials to return to the question of the contribution of this enlightener to the cultural reforms of Peter the Great.

Keywords:

Il'ia Kopievskii, biography, textbooks, Peter the Great

Весьма было бы похвально, если бы кто-нибудь из ревности к русской словесности, тщательнее разыскал нам о происхождении и сочинениях сего ученаго мужа времен Петра Великаго. Неужели все сие так маловажно, что ни один русской биограф, ни один русской путешественник ... не читали, ни от кого не слыхали, и никого не разспрашивали о своем соотечественнике? Сего бы требовало и само любочестие Рускаго.

- А. А. Писарев. *Илия Копиевич*²

¹ Работа подготовлена по результатам проекта “Перевод и трансфер: западная литература в зеркале русской культуры (XVII–XXI вв.)” при поддержке фонда “Гуманитарные исследования” ФГН НИУ “Высшая школа экономики” в 2021 году.

² А. А. Писарев, “Илия Копиевич,” *Соревнователь просвещения и благотворения*, ч. 28 (1824), 52. (А. A. Pisarev, “Iliia Kopievich,” *Sorevnovatel' prosveshcheniia i blagotvorenii*, ch. 28 (1824), 52).

I. *Fama*

В Европе

В феврале 1710 г. в разделе "Новости литературы" авторитетного французского периодического издания *Журнал де треву* под заголовком "Из Московии" была опубликована заметка об успехах культурных преобразований Петра:

Заботы царя Петра Алексеевича о воспитании у своих подданных воинского духа и литературного вкуса увенчиваются успехами. Победа, одержанная под Полтавой, показывает, насколько московитское войско изменилось после Нарвской битвы. Большое количество полезных книг, созданных на славянском языке или переведенных на этот природный язык Московии, доказывает, что московиты не далеки от того, чтобы с помощью наук снискать себе такую же славу, какую они уже заслужили на ратном поле. Все эти книги были напечатаны шрифтами, привезенными из Голландии.³

Дальше в ней приводились названия семи книг, напечатанных в Москве гражданским шрифтом в 1708-1709 гг., и отдельно следовало добавление: "Илья Копиевич переводит Квинта Курция на тот же язык. Скоро появится и много других книг."⁴

В июньском номере *Журнал* за тот же год литературные вести из Московии начинались уже сразу с имени Копиевского: "Очень высоко оценен элегантный перевод Горация на славянский язык, который царь приказал сделать господину Илье Копиевичу, одному из своих секретарей, автору славянского перевода Квинта Курция и нескольких других книг."⁵ Наконец, в сентябрьском номере следующего 1711 года в заметке "Новая литература из Московии" сведения о Копиевском и его трудах давались в подробностях. Начиналась заметка с повторения традиционного суждения европейцев о бедственном положении наук в России, вслед за которым шло описание успехов военных реформ Петра и приводились свидетельства его первых успешных преобразований в области словесности:

Вот литературные новости из страны, которая лишь недавно начала поставлять материал для истории науки. Эта обширная империя, погребенная в глубоком невежестве, обязана тем блеском, который она начинает извлекать из изящных искусств, одному единственному человеку. За пятнадцать лет царь Петр Алексеевич создал и обучил военному делу огромную армию, множество

³ *Mémoires pour l'histoire des sciences & des beaux-arts (Journal de Trévoux)* (Fevrier 1710), 352. Цит. по: Н. А. Копанев, "Петр I – переводчик," в *Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII в.* (Ленинград: Наука, 1989), 180. (N. A. Kopanев, "Petr I – perevodchik," in *Itogi i problemy izucheniia russkoï literatury XVIII v.* (Leningrad: Nauka, 1989), 180).

⁴ *Mémoires pour l'histoire des sciences* (Fevrier 1710), 353.

⁵ *Mémoires pour l'histoire des sciences* (Juin 1710), 1098. Цит. по: Копанев "Петр I – переводчик," 181. (Kopanев, "Petr I – perevodchik," 181).

офицеров, нескольких генералов – и это в стране, где редко встретишь хорошего солдата. Он, если можно так выразиться, построил, вооружил, создал, флот из семидесяти судов, причем снаряжают его и командуют им московиты, в чьем языке даже не было слова, означающего “флот.” Намерение улучшить (*perfectionner*) своих подданных не ограничилось военной сферой. Он также сумел своими дарами привлечь выдающихся ученых мужей своих государств, он основал учебные заведения, он – своим примером, а также с помощью вознаграждений – побудил своих подданных любить науки; он повелел перевести и напечатать целый ряд книг, написанных очень рассудительно.⁶

Сразу после этого называлось имя Копиевского как человека, более других русских способствовавшего устремлениям Петра по просвещению народа: “Илья Копиевич – тот из его подданных, кто лучше всех помог в осуществлении его замыслов в области литературы” (*Elie Kopievicz est celui de tous ses sujets qui a le mieux servi ses desseins pour la literature*).⁷ Затем воздавалась хвала его таланту и усердию: “произведения, которые он уже опубликовал и подготовил к публикации, являются неоспоримыми доказательствами щедрости его счастливого гения и его неустанной преданности работе.”⁸ И в самом конце приводился список из 24 названий книг Копиевского во французском переводе – изданных, подготовленных к печати и тех, работу над которыми он планировал.⁹ Очень скоро фрагменты этих сообщений появились в лондонском периодическом издании *Memoirs of Literature*, публиковавшемся иммигрировавшим в Англию гугенотом Мишелем де Ла Рош. Заметка от 27 марта 1710 года была почти дословным переводом заметки в февральском номере *Журналь* за этот же год. Она также заканчивалась известием о том, что Илья Копиевич переводит Квинта Курция, и обещанием, что в скором будущем благодаря его стараниям выйдет еще несколько русских книг.¹⁰ Дополнением к ней стало сообщение, появившееся 17

⁶ *Mémoires pour l'histoire des sciences* (Septembre 1711), 1657. Перевод Ю. В. Ткаченко.

⁷ *Mémoires pour l'histoire des sciences* (Septembre 1711), 1657-1658. Перевод Ю. В. Ткаченко.

⁸ *Mémoires pour l'histoire des sciences* (Septembre 1711), 1658. Цит. по: Копанев, “Петр I – переводчик,” 181-182. (Kopanev, “Petr I – perevodchik,” 181-182). В оригинале: “Les ouvrages qu’il a deja imprimez, & ceux qu’il va imprimer, sont des preuves indubitables de la facilité de son heureux genie & de son application infatigable au travail.”

⁹ Этот список почти целиком повторял опубликованный Копиевским на латинском в его “Руководении в грамматику”: И. Ф. Копиевский, *Руководение в грамматику, во славяноросийскую или Московскую. Ко употреблению учащихся языка Московскаго* (Штольценберг: Печатал Ф. Гольциус, 1706). (I. F. Kopievskii, *Rukovedenie v grammatyku, vo slavianorosiiskuiu ili Moskovskuiu. Ko upotrebleniiu uchashchysia iazyka Moskovskago* (Shtol'tsenberg: Pechatal F. Gol'tsius, 1706)). Исключения составили переводы *Истории* Александра Квинта Курция и Горация (какого именно сочинения не указано), которые во французском издании значатся как опубликованные (р. 1658). Ю. К. Бегунов считал, что этот рукописный перевод Горация под названием *О добродетели* хранится сегодня в БАН (Собр. Петровской галереи, № 31). – Ю. К. Бегунов, “Копиевский (Копиевич),” в *Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 2 (Санкт-Петербург: Наука, 1999), 123. (Yu. K. Begunov, “Kopievskii (Kopievich),” *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* (St. Petersburg: Nauka, 1999), вып. 2: 123). Об истории издания Копиевским “Руководения в грамматику” см. в статье дальше.

¹⁰ *Memoirs of Literature* (London: R. Knaplock, 1722), vol. 1: 21-22.

июля и целиком посвященное Копиевскому: “Илья Копиевич, один из секретарей его Царского Величества, опубликовал по указу этого государя прекрасный перевод Горация на славянский язык. Этот джентльмен также перевел Квинта Курция и несколько других книг на язык Московии.”¹¹

Благодаря этим публикациям имя Копиевского и его просветительская деятельность в России стали достоянием европейского ученого сообщества и через некоторое время сведения о нем вошли в авторитетные словари и энциклопедии.¹² Сначала – во второе издание *Большого исторического словаря* Морери (1740), где повторялись сообщения *Журналь де треву* за сентябрь 1711 г. (в том числе и ошибочное утверждение о том, что Копиевский был урожденным москвитом, и что Петр в 1698 г. взял его с собой в Великое посольство).¹³ А затем – в знаменитый биографический словарь Мишо, также почти дословно пересказывавший сообщения *Журналь*. Копиевский был назван здесь русским филологом XVII века, который своими способностями привлек внимание царя Петра и благодаря благодеяниям своего господина “достиг больших успехов в словесности и истории (*fit de grands progrès dans la littérature et dans la histoire*).”¹⁴

В России

Возможно, именно на эту статью словаря Мишо отозвался Пушкин, поместив в *Арапе Петра Великого* Копиевского в число образованнейших людей из окружения царя: “Ибрагим видал Петра в сенате, оспориваемого Бутурлиным и Долгоруким, разбирающего важные запросы законодательства, в адмиралтейской коллегии утверждающего морское величие России, видел его с Феофаном, Гавриилом Бужинским и Копиевичем.”¹⁵ Хотя во время работы над романом он мог уже пользоваться и другими, русскими материалами.

В России имя Копиевского впервые кратко упоминалось в словаре Новикова: “Копиевич, Илия, сочинил стихами панегирик, или похвальное слово на победы Петра Великаго; также сочинил Латинскую с Российским грамматикку, и перевел

¹¹ *Memoirs of Literature*, 262.

¹² Краткая заметка о Копиевском была опубликована также в 1702 г. в гамбургских “Исторических записках” – *Historische Remarques über neuesten Sachen in Europa des ... Jahres*, vol. 4 (Hamburg, 1702), 167-168. Однако она осталась в Европе незамеченной.

¹³ L. Moréri, *Le grand dictionnaire historique, ou Le mélange curieux de l'histoire sacrée et profane* (Amsterdam: Brunel, 1740), vol. 5 : 44-45.

¹⁴ “Kopieuvicz (Elie),” in *Biographie universelle, ancienne et moderne, ou Histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes* (Paris: Chez L.G. Michaud, imprimerie-libraire, 1818), vol. XXII : 540-541.

¹⁵ А. С. Пушкин, *Собрание сочинений в десяти томах*, т. 5 (Москва: ГИХЛ, 1960), 19. (A. S. Pushkin, *Sobranie sochinenii v desiati tomakh* (Moscow: GIKhL, 1960), 5: 19). Имя Копиевского появляется у Пушкина и в статье 1834 г. “О ничтожестве литературы русской” в связи с реформами Петра: “Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в поре мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но пронизательный. Он возвысил Феофана, ободрил Копиевича.” См. А. С. Пушкин, *Собрание сочинений в десяти томах*, т. 6 (Москва: ГИХЛ, 1962), 409. (A. S. Pushkin, *Sobranie sochinenii v desiati tomakh* (Moscow: GIKhL, 1962), 6: 409).

книгу Де графа, или морское плавание. Все сии книги напечатаны 1700 и 1701 годов в Амстердаме.”¹⁶ Через пол столетия более подробные сведения о нем привел Н. И. Греч – сначала в *Сыне отечества*, а затем в двух обзорах русской литературы.¹⁷ Он стал первым, кто сообщил русским читателям о Копиевском как о переводчике и издателе, хотя и особенно не выделял его роль в петровских преобразованиях. Сразу после Греча о Копиевском как писателе и переводчике напомнил А. А. Писарев. Его статья повторяла некоторые фактические ошибки, допущенные в публикациях Греча, однако включала и новое для русского читателя: перевод заметки из сентябрьского номера *Журналь де треву* за 1711 г. с перечнем названий книг Копиевского.¹⁸ Не делая вывода о выдающемся вкладе Копиевского в культурные преобразования петровского времени, А. А. Писарев тем не менее указал на необходимость более обстоятельного изучения биографии этого человека и его литературного наследия. Этими несколькими заметками и статьями исчерпываются публикации на русском языке об этом человеке до того, как Пушкин в *Аране Петра Великого* включил Копиевского в круг приближенных царя.

Складывается впечатление, что подчеркивание весомости вклада Копиевского в русскую культуру петровского времени в иностранных энциклопедиях и словарях XVIII-XIX вв. целиком обязано заметкам в *Журналь де треву*. В этой связи вполне логично предположить, что тщеславный Копиевский сам эти заметки и писал.¹⁹ Однако на проверку это предположение выглядит не слишком убедительно. В сентябрьском номере *Журналь* за 1711 г., например, говорится, что “царь, видя в этом молодом москвитине ум и расположенность к наукам, послал его в 1698 г. в Голландию.”²⁰ Сам Копиевский вряд ли мог такое написать – не только потому, что это не соответствовало действительности в принципе, но и потому, что в ученом мире Европы начала XVIII в. он был безызвестной фигурой и не

¹⁶ Н. И. Новиков, *Опыт исторического словаря о российских писателях* (Санктпетербург: Тип. Акад. наук, 1772), 108-109. (N. I. Novikov, *Opyt istoricheskago slovaria o rossiiskikh pisateliakh* (St. Petersburg: Tip. Akad. nauk, 1772), 108-109).

¹⁷ Н. И. Греч, “Илья Копиевич,” *Сын Отечества: исторический и политический журнал*, ч. 72 (1821): 305-308. (N. I. Grech, “Il’ia Kopievich,” *Syn Otechestva: istoricheskii i politicheskii zhurnal*, ch. 72 (1821): 305-308); Н. И. Греч, *Опыт краткой истории русской литературы* (Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча, 1822), 91-92, 116-117. (N. I. Grech, *Opyt kratkoi istorii ruskoi literatury* (St. Petersburg: V tipografii N. Grecha, 1822), 91-92, 116-117); Н. И. Греч, *Учебная книга российской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе: С присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности*, ч. 4, отд-ние 2: Поэзия (Санкт-Петербург: В типографии издателя, 1822), 363-364; 388-389. (N. I. Grech, *Uchebnaia kniga rossiiskoi slovesnosti ili Izbrannyya mesta iz ruskikh sochinenii i perevodov v stikhakh i proze: S prisovokupleniem kratkikh pravil ritoriki i piitiki, i istorii rossiiskoi slovesnosti*, ch. 4, otd-nie 2: Poëziia (St. Petersburg: V tipografii izdateliā, 1822), 363-364; 388-389). Откуда именно Греч взял эти сведения мне установить не удалось, ясно лишь, что он повторял ошибки некоторых своих предшественников, в частности, утверждал, что Копиевский скончался в том же году, что и Тессинг (1701).

¹⁸ А. А. Писарев, “Илия Копиевич,” 44-52. (A. A. Pisarev, “Il’ia Kopievich,” 44-52).

¹⁹ Такого мнения придерживался Н. А. Копанев. См. Копанев, “Петр I – переводчик,” 182. (Kopanev, “Petr I – perevodchik,” 182).

²⁰ *Mémoires pour l’histoire des sciences* (Septembre 1711), 1657. Цит. по: Копанев “Петр I – переводчик,” 181. (Kopanev, “Petr I – perevodchik,” 181). Ту же ошибку повторил известный российский библиограф XIX в.: В. С. Сопиков, *Опыт российской библиографии*, ч. 1. (Санкт-Петербург: В типографии Императорского театра, 1813), 300. (V. S. Sopikov, *Opyt rossiiskoi bibliografii* (St. Petersburg: V tipografii Imperatorskago teatra, 1813), ch. 1: 300).

делал тайны из фактов своей биографии. Трудно предположить также, что он во всеуслышание бесстыдно объявлял о не существовавших публикациях своих переводов Горация и Квинта Курция – такой обман также мог быть сразу обнаружен сведущими людьми. Имеется гораздо больше оснований считать, что во французский журнал эти сообщения писал не он – или, если все же он, то только, так сказать, отчасти. Скажем, Копиевский вполне мог переправлять во Францию заметки о литературной жизни в России на латыни (о том, что Копиевский владел французским нет никаких упоминаний), которые затем кем-то переводились, редактировались и печатались в *Журналь*. Однако все могло быть и иначе. Например, что писавший эти сообщения француз был знаком по крайней мере с одним из печатных списков книг Копиевского и имел связи с Россией.²¹ Или что материалом для этих публикаций стали сведения, ранее опубликованные в Германии и включавшие список латинских названий книг Копиевского?²² Но почему во французском журнале Копиевский представляется ключевой фигурой в петровских преобразованиях культуры начала XVIII в.? Ответ на этот вопрос остается открытым. Как, впрочем, и многие другие, связанные с биографией этого человека, его сочинениями и его деятельностью по просвещению “славянороссийского народа” в целом.

От рождения до сорока пяти лет

О первых сорока пяти годах жизни Ильи Копиевского известно немного.²³ Скорее всего, какие-то сведения о них можно найти в амстердамских архивах, однако до сих пор их поисками никто не занимался. По косвенным данным можно заключить, что родился он около 1651 года в землях Великого княжества

²¹ В Bibliothèque Nationale de France (Notice n°: FRBNF30691930) хранится экземпляр “Латинской грамматики” Копиевского, содержащей список его книг (И. Ф. Копиевский, *Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata* (Амстердам: Типография Копиевского], 1700). (I. F. Kopievskii, *Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata* (Amsterdam: Tipografia Kopevskogo, 1700)). Не стал ли именно этот экземпляр источником сведений, опубликованных в *Журналь*?

²² *Historische Remarques*, 167-168.

²³ Важнейшие сведения о биографии и изданиях Копиевского см.: П. П. Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1-2 (Санкт-Петербург: Издательство товарищества “Общественная польза,” 1862). (P. P. Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1-2 (St. Petersburg: Izdatel'stvo tovarishchestva “Obshchestvennaia pol'za,” 1862)); Т. А. Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г.* (Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1958), 278-292; 318-341. (T. A. Bykova, *Opisanie izdani, napechatannykh kirillitse: 1689 – ianvar' 1725 g.* (Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958), 278-292; 318-341); Z. Nowak, “Elias Kopijewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego oświecenia,” in *Libri Gedanenses: rocznik Biblioteki Gdańskiej Polskiej Akademii Nauk*. t. 2-3 (1968-1969) (Gdańsk, 1970), 35-86. Подписывался Копиевский в своих письмах и книгах по-разному: “Elia Федоров Копиевский,” “Elias Kopijewitz (Kopiewski, Kopiewiz),” а в челобитной Петру еще и “Ильющка Федоров Копиевский.” К подписи иногда добавлял, что его фамилия происходит “от копий” (*Seu de Hasta Hastenii*), очевидно, давая понять, что она дворянская. Иногда он еще называл себя “*polonius in praesentiarum habitans Amstelodami*” и указывал на принадлежность к духовному званию: человек “духовного чина, веры реформатския собору Амстеродамского” (т.е. священник Голландской реформатской церкви кальвинистской деноминации) или “*Verbi Dei Minister polonus*” (служитель Слова Божия, поляк).

Литовского в семье мелкопоместного шляхтича протестантского вероисповедания. Однако где именно, точно не установлено.

Больше всего исторических сведений указывает на то, что это было местечко Кайданов Минского воеводства (сегодня белорусский город Дзержинск). Во второй половине XVII – начале XVIII вв. здесь жил род Копиевичей из которого происходило несколько лиц духовного звания.²⁴ Самым известным среди них был племянник Ильи, видный протестантский деятель Великого княжества Литовского Богуслав Копиевич – начальник и суперинтендант округа. Сохранились сведения о том, что по делам общины в 1717-1718 гг. он совершил поездку в Германию, Шотландию и Англию, где удостоился аудиенции у короля Георга I. Богуслав также занимал должность проректора протестантской Слуцкой гимназии и намеревался открыть в Койданове другую, третью в Великом княжестве Литовском.²⁵ За пол столетия до Богуслава, в 1660-1662 гг., в Слуцкой гимназии преподавательскую должность занимал еще один Копиевич, Филипп.²⁶ Он также был видной фигурой в кальвинистской общине Великого княжества Литовского и с 1694 года исполнял в ней обязанности окружного суперинтенданта.²⁷ В метрических книгах кальвинистской церкви Кайданова содержится еще запись о вступлении в брак Регины Копиевич (скорее всего, сестры Ильи) с Павлом Жарнавцем, также происходившем из семьи местных протестантских пасторов.²⁸ Наконец, 15 октября 1676 г. в той же церкви был зарегистрирован брак Ильи Копиевского с местной дворянкой Еленой Жидович, четырьмя годами моложе его.²⁹

Впрочем, некоторые историки, опираясь на косвенные данные, в качестве возможных мест рождения Ильи называют окрестности Ляховичей (сегодня в Брестской области) или округу Мстиславля (нынешняя Могилевская область).³⁰

²⁴ Nowak, "Eliasz Kopijewicz," 46-47.

²⁵ О Богуславе Копиевиче см.: W. Kriegseisen, "Podróże i projekty pastora Bogusława Jelitko Kopijewicza," in *Ludzie – Kontakty – Kultura XVI–XVIII w. Prace ofiarowane Marii Boguckiej*, eds. J. Kawecki, J. Tazbir (Warsaw: Semper, 1997), 246–52; W. Kriegseisen, *Ewangelicy polscy i litewscy w epoce saskiej (1696-1763)* (Warsaw: Semper, 1996), 137-143; *Собрание белорусской шляхты*, дата обращения, Ноябрь 23, 2021, <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=3293.o>. (*Sobranie belorusskoj shliakhty*, date accessed, November 23, 2021, <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=3293.o>).

²⁶ И. А. Глебов, *Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617-1630-1901 гг.* (Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1903), 183. (I. A. Glebov, *Istoricheskaja zapiska o Slutskoj gimnazii s 1617-1630-1901 gg.* (Vil'na: Tip. A.G. Syrkina, 1903), 183).

²⁷ E. Baginska, "The Careers of Calvinist Stipendiaries from the Grand Duchy of Lithuania in the 17th Century. The Example of Gabriel Dyjakiewicz," *Lithuanian Historical Studies* 16 (2011), 68.

²⁸ *Собрание белорусской шляхты*, дата обращения, Ноябрь 23, 2021, <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=3293.o>. (*Sobranie belorusskoj shliakhty*, data obrashcheniia, Noiabria 23, 2021, <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=3293.o>).

²⁹ Запись была недавно обнаружена белорусским историком Дмитрием Юркевичем. См. *Собрание белорусской шляхты*, дата обращения, Ноябрь 23, 2021, <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=2116.o>. (*Sobranie belorusskoj shliakhty*, data obrashcheniia, Noiabria 23, 2021, <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=2116.o>). Елена Жидович упоминается также в справочнике: S. Konarski, *Szlachta kalwińska w Polsce* (Warszawa: [s.n.], 1936), 356.

³⁰ См. напр.: Бегунов, "Копиевский (Копиевич)," 122. (Begunov, "Kopievskii (Kopievich)," 122); В. И. Протасевич, "Илья Копиевич (Просветитель петровской эпохи)," в *Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии* (Минск, 1962), 321. (V. I. Protasevich, "Il'ia Kopievich (Prosvetitel' petrovskoi epokhi)," in *Iz istorii filosofskoi i obshchestvenno-politicheskoi mysli Belorussii*

Все они, однако, единодушны в том, что с детства Илья ходил в одну из кальвинистских школ. В Великом княжестве Литовском в этих школах обучали тогда чтению и письму на польском, литовском и русском языках (в белорусских землях), а также основам латыни, счету, катехизису и закону Божьему.³¹

О своей непростой судьбе в детские и юношеские годы Копиевский позднее рассказал сам в предисловии к переводу “Краткого собрания Льва Миротворца,” не вошедшем в печатное издание.³² Из этого рассказа следует, что во время Русско-польской войны 1654 – 1667 гг. его отец пользовался покровительством русского царя, взявшего под защиту его имение (“а отцу моему пощадил великий государь, повелевши совсем дом его сохранить, придавши караул из двух трубачей, иже оглашаша, дабы никто не посмел во двор заехать, не токмо запаляти.”) Однако во время похода на Ляховичи князя Хованского, поместье Копиевских все же было захвачено одним из русских воевод, который – очевидно, в расчете получить выкуп за его освобождение – увез Илью в новгородские земли. Случилось это когда тому было восемь или девять лет (“в девятом году”).³³

Из плена, в который, как настаивает Копиевский, он попал вопреки царской воле (“полонения, противного наказу великаго государя”), ему удалось бежать, вероятно, в Москву, где он жил до своего освобождения в 1666 г. (“был под великим государем шесть лет.”) Свободу же он получил после визита в столицу уполномоченного Великого княжества Литовского Николая Цехановецкого. С ним Илья и вернулся на родину (“По шести же летех умилиосердился великий государь и повелел меня пустити в свою землю с Цехановецким, воеводою мстиславским.”) Его радость от освобождения из плена, однако, была омрачена новой бедой. Копиевский пишет, что по возвращению в родные края, “иезуиты, попы Римския веры” обвинили его в измене (“сказоваша, что я еретик изменник передался великому государю”) и убедили короля Казимира отобрать его имение.³⁴

(Minsk, 1962), 321); “Капіевіч Ілья Федаравіч” в *Беларускае замежжа* (Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2010), 40. (“Kapijevič Ilja Fiedaravič,” in *Bielaruskaje zamiežža* (Minsk: Bielaruskaja Encykłapiedyja imia Pietrusia Broŭki, 2010), 40).

³¹ Nowak, “Eliasz Koryjowicz,” 47.

³² См. фрагмент этого предисловия: П. М. Строев, “Библиологический словарь и черновые к нему материалы,” *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, т. 29 (Санкт-Петербург: [п. и.], 1882), 179–180. (P. M. Stroeve, “Bibliologicheskii slovar’ i chernovye k nemu materialy,” *Sbornik otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk*, т. 29 (St. Petersburg: [п. и.], 1882), 179–180.). Дальше цитаты даются по этой публикации. Печатное издание перевода Копиевского: Лев VI Мудрый, *Краткое собрание показующее дел воинских обучение* (Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тессинга, 1 января 1700). (Lev VI Mudryi, *Kratkoe sobranie pokazuiushchee del voinskikh obuchenie* (Amsterdam: Tip. Ivana Andreeva Tessinga, 1 ianvaria 1700)). Здесь и далее в статье библиографическое описание русских старопечатных книг составлены на основе стандарта РГБ. Вследствие запутанной и часто ошибочной пагинации изданий Копиевского цитаты из них во всех случаях приводятся без указания страниц.

³³ Копиевский благоразумно не называет имени своего обидчика – у него он просто “боярской сын с Бежецкия пятины.” См.: Строев, “Библиологический словарь,” 180. (Stroeve, “Bibliologicheskii slovar’,” 180).

³⁴ Король Казимир – Ян II Казимир Ваза, король Речи Посполитой. По-видимому, в данном случае было применено т.н. “арианское установление” (*rejestr ariánski*), часто использовавшееся иезуитами против кальвинистов-антитринитариев, которых *a priori* считали изменниками. В соответствии с ним разоблаченный изменник подлежал изгнанию, а доносчик получал в награду половину его имущества. Как считает Збигнев Новак, обвинение против Копиевского могло быть

Сообщения историков о следующем повороте в его биографии снова расходятся. Одни считают, что, оставшись без средств к существованию, Илья почти сразу по возвращении из России отправился в Голландию.³⁵ Другие – что это случилось позднее, после того как он успел поучиться в Слуцкой протестантской гимназии и поработать в ней лектором (преподавателем) младших классов.³⁶ Упомянутая выше метрическая запись кайдановской кальвинистской церкви о его вступлении в брак, свидетельствует о том, что это было именно так: после возвращения из России и до отъезда в Голландию Копиевский прожил в родных краях по меньшей мере 10 лет.³⁷

Для него, кальвиниста, родившегося в полиэтничном, полилингвальном и поликонфессиональном Великом княжестве Литовском (по определению Вяч. Вс. Иванова “странном веротерпимом союзе разных религий и языков”) выбор Голландии своим новым отечеством выглядит вполне естественным.³⁸ К тому же в Республике Соединенных провинций, особенно в Амстердаме, тогда проживало немало его польских единоверцев, на помощь которых он мог рассчитывать.³⁹

О первых годах жизни Копиевского в эмиграции историкам ничего не известно – эта страница его биографии еще ждет исследователей. Они лишь высказывают предположение, что в Голландии он получил какое-то дополнительное образование, необходимое для принятия сана священника реформатской церкви.

Самые ранние известия о его жизни в эмиграции относятся ко второй половине 1690-х гг. Они указывают на то, что какие-то деловые отношения с российскими властями у него были еще по меньшей мере за несколько месяцев до августа 1697 года, когда в Голландию прибыл Петр со своей свитой. Установлению этих отношений могли способствовать самые разные обстоятельства: годы, проведенные Копиевским в России в детстве, его беглый русский (“московский”) язык и, конечно, его образованность (помимо общих и специальных знаний, необходимых пастору, он свободно владел польским, голландским и латинским языками, а также в какой-то степени еще немецким и греческим). Вероятно, не последнюю роль в налаживании сотрудничества Копиевского с российскими властями играло и его затруднительное материальное положение.

подкреплено принесением им в 1659 г. присяги на верность русскому царю и годами пребывания в России. См.: Nowak, “Eliasz Kopijewicz,” 49-50. Польский историк поясняет, что в то время присяга российскому государю не была чем-то исключительным. Ему присягала не только иноверческая, но и католическая шляхта, однако карательные меры по “арианскому установлению” применялись только к иноверцам.

³⁵ Nowak, “Eliasz Kopijewicz,” 50.

³⁶ Это мнение имеет документальное подтверждение: в списке преподавателей Слуцкой гимназии за 1674 г. значится “Илья Копиевич лектор.” См.: Глебов, *Историческая записка о Слуцкой гимназии*, 183. (Glebov, *Istoricheskaia zapiska o Slutskoï gimnazii*, 183).

³⁷ Збигнев Новак ошибочно считает, что Копиевский вступил в брак уже в Амстердаме. См.: Nowak, “Eliasz Kopijewicz,” 51.

³⁸ О языковой и культурной ситуации в Великом княжестве Литовском см.: Вяч. Вс. Иванов, “Языки, языковые семьи и языковые союзы внутри Великого княжества Литовского,” в *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, под ред. В. В. Иванова, Ю. Верхоланцевой (Москва: Новое изд-во, 2005), 95. (Viach. Vs. Ivanov, “Iazyki, iazykovye sem'i i iazykovye soiuzy vnutri Velikogo kniazhestva Litovskogo,” v *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, pod red. V. V. Ivanova, Iu. Verkholtantsevoi (Moscow: Novoe izd-vo, 2005), 95).

³⁹ Nowak, “Eliasz Kopijewicz,” 50.

Одним из свидетельств этого сотрудничества является уже упоминавшееся предисловие к *Краткому собранию Льва Миротворца*, датированное 15 июля 1696 г. Во включенном в него посвящении Петру он велеречиво утверждает, что перевод книги был осуществлен им в Амстердаме по воле русского царя: “великия же славы ради великого государя нашего, нашего царя государя и великого князя... по языку словенску от латинска честно переведена есть и достоверне в славном граде Амстеродаме, уничиженным рабом Илиею Копиевским.”⁴⁰ То есть получается, что Петр поручил ему эту работу по меньшей мере за год до своего прибытия в Голландию.⁴¹

Из этого же предисловия можно также заключить, что в середине 1696 г. Копиевскому были уже известны какие-то издательские планы Петра, и что он уже приступил к работе над их осуществлением.⁴² Не исключено, впрочем, что сотрудничество Копиевского с русскими в это время не ограничивалось переводами. Мы знаем, что 22 ноября 1696 г. по петровскому указу государевым стольникам было велено отправиться “в разные государства учиться всяким наукам,” и что 22 из них отбыли “для научения морского дела” в Голландию и Англию.⁴³ Не стали ли они его первыми учениками?

II. Во время Великого посольства

Преподаватель, переводчик, составитель учебных книг

Встреча в Амстердаме с Петром и его окружением круто изменила жизнь Копиевского. В конце 1697 года он принимает решение отказаться от карьеры священника и посвящает себя исполнению петровского замысла по просвещению “славянороссийского народа”: преподаванию, переводам и составлению учебных книг.⁴⁴

Прибывших в составе Великого посольства дворян и “волонтеров” он учил иностранным языкам, морскому делу, астрономии, и другим “наукам и искусствам.” По его словам, учеников у него было много и занимался он с ними интенсивно, причем не один месяц. Об этом он свидетельствовал в челобитной Петру 18 декабря 1699 года: “Известно есть твоему пресветлейшему величеству, колико я князей и дворян твоего пресветлейшаго царского величества учил более

⁴⁰ Строев, “Библиологический словарь,” 179. (Stroev, “Bibliologicheskii slovar’,” 179).

⁴¹ У Збигнева Новака не вызывает сомнений, что это было именно так. См.: Nowak, “Eliasz Korijewicz,” 51.

⁴² См.: М. А. Бобрик, “Материалы к биографии Ильи Федоровича Копиевского,” *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1 (1991), 78. (М. А. Bobrik, “Materialy k biografii Il’i Fedorovicha Kopievskogo,” *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 1 (1991), 78).

⁴³ М. М. Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 1. (Москва: Соцэкгиз, 1940), 366. (М. М. Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 1. (Moscow: Sotsëkgiz, 1940), 366).

⁴⁴ “Славянороссийским народом” Копиевский обычно называет подданных Петра в предисловиях к своим книгам. Это название, восходящее к “Киевскому синопсису,” было широко распространено в конце XVII – начале XVIII в.

году, а за то не желал от них денег, аще же трудился, их ради, днем и ночью.”⁴⁵ Он сообщает здесь и имена некоторых своих учеников: стольника Семена Андреевича Салтыкова, князя Осипа Ивановича Щербатова, а также некоего “татачука” (скорее всего, также прибывшего в Голландию в составе Посольства грузинского царевича Александра Арчиловича Имеретинского из рода Багратионов).⁴⁶ Среди его учеников был и Петр Ларионов, прибывший в Амстердам вместе со своим отцом, подьячим Михайлой Ларионовым. Решив за казенный счет дать сыну европейское образование, Михайло направил царю челобитную, и вскоре в расходной книге Посольства появилась запись: “реформатскому пастору Илье Федорову за учение подьячего Михайлова сына Ларионова Петра и на покупку ему латинских книг 15 золотых.”⁴⁷

Параллельно с преподаванием Копиевский работал над переводами с латыни и составлением учебников. За несколько месяцев им были подготовлены краткие пособия по мореплаванию, астрономии, арифметике, латинскому языку, и грамматике. Некоторые из этих небольших по объему рукописей он использовал в процессе занятий с учениками. Очевидно, Копиевский очень рассчитывал, что Петр поручит стать их издателем именно ему.

Труды и дни в челобитной Головину

О некоторых обстоятельствах первых месяцев этой новой жизни Копиевского мы узнаем из его челобитной президенту Посольских дел Ф. А. Головину, поданной в декабре 1697 г.⁴⁸ Поводом для обращения к главе российского дипломатического ведомства стал визит к Копиевскому некоего человека за рукописью перевода учебника по мореплаванию (“шыперской книги”), который к тому времени уже был им закончен.⁴⁹ Свой труд Копиевский ему не отдал и теперь просил Головина подтвердить, что человек был послан действительно от него:

⁴⁵ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 522. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 522).

⁴⁶ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 522, 527. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 522, 527). Некоторые историки считают, что среди тех, кого он учил немецкому языку, мог быть и сам Петр. См.: Н. А. Бакланова, “Великое посольство за границей в 1697 – 1698 гг. (Его жизнь и быт по приходу-расходным книгам посольства),” в *Петр Великий: сборник статей*, ред. А. И. Андреев (Москва-Ленинград: Академия наук СССР, 1947), 56. (N. A. Baklanova, “Velikoe posol'stvo za granitse v 1697 – 1698 gg. (Ego zhizn' i byt po prikhodo-raskhodnym knigam posol'stva),” v *Petr Velikii: sbornik statei*, red. A. I. Andreev (Moscow-Leningrad: Akademiia nauk SSSR, 1947), 56); Бобрик, “Материалы к биографии Ильи Федоровича Копиевского,” 77. (Bobrik, “Materialy k biografii Il'i Fedorovicha Kopievskogo,” 77).

⁴⁷ Цит. по: М. М. Богословский, *Русское общество и наука при Петре Великом* (Ленинград: Российская государственная Академическая типография, 1925), 20. (M. M. Bogoslovskii, *Russkoe obshchestvo i nauka pri Petre Velikom* (Leningrad: Rossiiskaia gosudarstvennaia Akademicheskaiia tipografiia, 1925), 20).

⁴⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 32, оп. 1, д. 67, л. 1-2. (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA), f. 32, op. 1, d. 67, l. 1-2.). Моя искренняя признательность О. Е. Кошелевой за помощь в прочтении этого документа.

⁴⁹ Этот перевод был издан позднее: Авраам Деграф, *Книга учащая Морского Плаванья* (Амстердам: Печатал Авраам Бремман, 24 ноября 1701). (Avraam Degraf, *Kniga uchashchaia Morskogo Plavaniia* (Amsterdam: Pechatal Avraam Breman, 24 November 1701)).

По указу Величества Вашей Велможности, Государя моего многомилостиваго, совершил я книгу морского плавания, но не посмел никому в руки дать без повеления Величества Вашей Велможности, Государя моего многомилостиваго.⁵⁰

Свой отказ челобитчик объяснял опасением быть обманутым, поскольку работа над книгой стоила ему не только многих трудов, но и серьезных финансовых затрат. О последних Копиевский сообщает особенно подробно. По его словам, отказавшись от пастырского служения, он лишился церковных доходов, в результате чего полгода жил за счет собственных сбережений, переехал в более скромное жилище и потратил тридцать рублей из собственных средств, включая расходы на нужды своих русских учеников:

...понеже, много трудился долгое время, покамест соорудил сию книгу. Ея же ради во мнозе отщатился [=отщеллся]. Болеи тритцати рублей денег своих потерял, дом свой покинувши иной нанял, дал десять рублей на желание дворян Великаго и Пресветлейшаго Государя, и все приходы церковные, от нашего собору амстеродаскаго мне даваемые, всегда покинул, и тако с полгода сам харчуюся.⁵¹

Эти подробности о понесенных им убытках Копиевский заключает подобострастным заверением о том, что совсем о них не жалеет, поскольку он понес эти жертвы во имя русского царя и российского государства:

И нескучно бы мне было, Пресветловелможный Государь, страдати славы ради Пресветлейшаго и Августейшаго Великаго Государя и ползы дея Преславнейшыя Речи посполитыя Славянороссийския, понеже сие есть намерение всех трудов моих в писании.⁵²

Однако все сказанное до этого момента является только прелюдией к главному содержанию челобитной – жалобе на учеников и нанесенный ими ущерб. Как выясняется дальше, они тайно переписали переведенную Копиевским “шыперскую книгу,” отдали ее другому наставнику (“мужику”) перешли к нему и стали насмехаться над своим прежним учителем:

Точию жалоба мне, Пресветло Велможный Государь, на тое, что дворяне Великаго и Пресветлейшаго Государя, переписавши Книгу мою туне, пошли с книгою к мужику простому, и ничево не умевшему кроме копаса, и то несовершенно. И негодяе того, что там пошли

⁵⁰ РГАДА, ф. 32, оп. 1, д. 67, л. 1. (RGADA, f. 32, op. 1, d. 67, l. 1).

⁵¹ *Ibid.*

⁵² *Ibid.* Очевидно, “Речью посполитой Славянороссийской” Копиевский называет единение славянских народов под властью русского государя (польск. *rzecz* – “вещь, дело” и *pospolita* – “общая”).

учитися, сверх того поругаются мне и смеются с меня, взявши книгу безденежно.⁵³

Разумеется, просить Головина о том, чтобы тот вернул обратно перебежчиков и вместе с ними потерянные доходы за их обучение, было бессмысленно. Однако Копиевский вполне мог надеяться на компенсацию за незаконное использование его перевода:

... и еще хотят и совершенную книгу взять без денег. Я на такое посрамление не дам книги, написал я [ее] толико Величеству Вашей Велможности Государю моему многомилостивому, и у подозия ног Величества Вашей Велможности [ее] покладаю, и низко бью челом.⁵⁴

Никаких конкретных финансовых претензий он при этом не предъявляет, однако гордо провозглашает, что ценит свои труды высоко: “Никому же трудов моих не дам, потому что я безделицы никогда не пишу, и на всю вселенную не постыжуся вовеки, Божию милостию, трудов моих.”⁵⁵ Впрочем, дальше, как бы подсказывая Головину размер ожидаемой компенсации, Копиевский приводит пример составленной им латинско-русской грамматики, работа над которой потребовала от него гораздо меньше усилий. За эту грамматику, по его заверению, он получил 10 рублей – хотя мог продать ее и в полтора раза дороже:

Недавно написал я Грамматыку латинскую и рускую вкупе и продал за десять рублей, в чом на меня погневался един нарочитой человек здешний – он хотел дать пятнадцать рублей и болей за Грамматыку. О Морском же плаванью сотью более я трудившись, мог бы я на поругания дать им вторицею?⁵⁶

Конкретное же предложение Копиевского состояло в том, чтобы Головин устроил публичное разбирательство этого случая. “Мужику” (теперь названному им “мастером”) следовало приказать прийти с книгою, по которой тот учит перебежчиков, и, пригласив в качестве эксперта “наставника всех шыпров [=шкиперов] здешних,” в присутствии Копиевского рассудить, кто ее автор (“чия книга и наука будет”).⁵⁷ Таким образом истина восторжествует, и “тот виноватый будет виноват пред Величеством Вашея Велможности Государем моим много милостивым.”⁵⁸ Копиевский явно рассчитывал, что после такого разбирательства ему хотя бы частично будут возмещены убытки, о которых он так подробно рассказал Головину. Впрочем, не исключено, что он надеялся на их компенсацию и без всякого разбирательства.

⁵³ РГАДА, ф. 32, оп. 1, д. 67, л. 1. . (RGADA, f. 32, op. 1, d. 67, l. 1).

⁵⁴ *Ibid.*, л. 1-1 об.

⁵⁵ *Ibid.*, л. 1 об.

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ *Ibid.*, л. 2.

⁵⁸ *Ibid.*

Труды и дни в челобитных Петру

О всякого рода других невзгодах, постигших его в это время, Копиевский подробно рассказывает и в челобитных Петру.⁵⁹ Он жалуется в них на кражу своего имущества учениками, обманы приказчиков, неуплату ему обещанных вознаграждений, несправедливые обиды.

С горечью сообщает Копиевский царю о краже двумя его учениками инвентаря: уехав из Амстердама, они не только не поблагодарили своего наставника за труды, но и прихватили с собой четыре дорогостоящих глобуса. К жалобе на них Копиевский не забывает добавить раболепную просьбу вернуть стоимость украденного (“глобусы мои поплатить”) и заверение, что этот бесчестный поступок подданных Петра не поколебал его рвения служить ему и дальше:

Вси же поехали и спасибо не сказавши за учение; но сопротивно мои же глобусы четыре, не заплативши, звезли: два – князь Осип Иванович Щербатов тые глобусы, которые были на индийском дворе. Два глобусы завезл Семен Андреевич Салтыков за тое, что я его долгое время учил и трудился его ради. Вся же сия претерпех великия ради славы твоего пресветлейшаго величества и не бысть ничто же мне препятием в трудах моих.⁶⁰

Из жалоб Копиевского Петру мы также узнаем, что порядок и условия оплаты его трудов не были четко установлены. В одном месте он сообщает царю, что “со усердием труждается” в написании одной из книг, приводит в подтверждение этого ее план, однако затем просит сообщить, не изменилась ли государева воля: “На повторный указ твоего пресветлейшаго царского величества ждати готов, а без указу не смею, горести исполнен.”⁶¹ И дальше снова повторяет просьбу сообщить, остается ли в силе государев приказ работать над этой книгой: “Пожалуй меня, холопа своего, повели, великий государь ... о написании книги меня увестить.”⁶²

Помимо затруднительных организационных и материальных условий своей работы, Копиевский жалуется Петру также на несправедливые обиды, которые он претерпел от его подданных. Особенно подробно – на принесшее ему тяжкие моральные страдания унижение, которым был подвергнут подьячим Михайлой Ларионовым (тем самым, сын которого Петр учился у Копиевского). Возвращая от Федора Головина рукопись заказанного царем перевода *Краткого собрания Льва Миротворца*, Ларионов специально привел Копиевского “в поварню,” отчитал его там при всех присутствовавших и заявил: “У нас-де промышленных

⁵⁹ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 521-527. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 521-527).

⁶⁰ *Ibid.*, 522.

⁶¹ Речь идет о *Книги политычной*, которая, судя по всему, так и не была Копиевским закончена. *Ibid.*, 522, 526.

⁶² *Ibid.*, 522.

людей на Москве стегают!”⁶³ Рассказав об этом Петру, Копиевский с нескрываемой обидой и горечью добавляет: “Мошно [от польск. *moszna*] дело, аще тех, котории хотят точно жалованье взять твоего пресветлейшаго царскаго величества денежное. Не таково было и есть мое намерение, а умножения и расширения ради великия славы твоего пресветлейшаго царскаго величества потрудился, и до ныне еще труждаюся. Не имел вины подъячий поругатися мне.”⁶⁴

В типографии Тессинга

Вопреки ожиданиям Копиевского привилегию на печатанье составленных и переведенных им книг Петр выдал не ему, а Яну Тессингу – амстердамскому купцу, не имевшему отношения ни к наукам, ни к книгоизданию. Почему Петр сделал такой выбор? Скорее всего, в первую очередь по экономическим соображениям: тратить государственные деньги на создание русской типографии за границей он не хотел, а у Тессинга, в отличие от неимущего Копиевского, денег для такого дела было предостаточно. О том же, что первоначально Петр намеревался предоставить право издания и продажи книг в России именно Копиевскому можно сделать вывод из челобитной Петру 4 августа 1700 г. Она была написана рукою Копиевского от имени амстердамского купца Яна де Йонга, с которым он в это время поддерживал деловые отношения (об этих отношениях будет сказано дальше). В этом документе совершенно недвусмысленно утверждается, что сначала Петр хотел поручить печатанье русских книг именно ему: “прежде Тессинга ему был дан указ твоего пресветлейшаго царскаго величества печатать книги, яко шыперскую книгу морского плаванья на русском языке и прочия.” За этим утверждением, как будто в укор решению Петра, следует добавление: “И много книг он написал, точию не смеет печатать, зане Тессингу указаная ... дана грамота.”⁶⁵

После получения 17 мая 1698 г. Тессингом петровской привилегии, Копиевскому ничего не оставалось, как начать сотрудничество с купцом в качестве наемного работника.⁶⁶ И хотя положение подчиненного в новом предприятии его явно не устраивало, он энергично взялся за дело. Именно им – вероятно, единственным человеком в Амстердаме, способным разработать новый славянский шрифт – была проделана основная работа по созданию новой типографии.

⁶³ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1: 522. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 522).

⁶⁴ *Ibid.* Примечательно, что в дальнейшем Михайло проявлял трогательную заботу об обучении своего “Петрунюшки” за границей. См.: О. Е. Кошелева, *Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени* (Москва: О. Г. И., 2004), 282-283. (О. Е. Kosheleva, *Liudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* (Moscow: O. G. I., 2004), 282-283).

⁶⁵ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 528. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 528).

⁶⁶ Об обстоятельствах выдачи привилегии Тессингу и ее содержании см.: *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*, т. VIII (Санкт-Петербург: 2 Отделение собств. е.и.в. канцелярии, 1867), столбцы 1298-1302. (*Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi*, t. VIII (St. Petersburg: 2 Otdelenie sobstv. e.i.v. kantseliarii, 1867), stolbtsy 1298-1302).

Из-за того, что подчиненное положение в “друкарне,” созданной практически целиком его собственными усилиями, не давало покоя немалым амбициям Копиевского, его отношения с Тессингом с самого начала складывались непросто. Во всяком случае, все известные его высказывания о купце содержат те или иные упреки в его адрес. Так в челобитной Петру 18 декабря 1699 г. Копиевский жалуется, что плата, которую он получает за свои труды у Тессинга, несоразмерна его стараниям. Тем не менее, несмотря на эту несправедливость, он решил отказаться от поездки в Берлин к прусскому курфюрсту и остался в Амстердаме – исключительно ради служения русскому государю: “не Тессинга ради – он не может мне заплатить противу великих трудов моих, в них же со усердием труждаюсь.”⁶⁷

И позже при любой возможности Копиевский продолжает высказывать претензии к купцу в недооценке его роли в создании типографии, нерадении в исполнении петровского наказа по изданию русских книг и всякого рода интригах. В предисловии к вышедшей уже после разрыва их отношений *Книге учащей морского плавания* он заявляет, что опубликовать ее у Тессинга не смог из-за его козней (не называя, правда, купца по имени): “К тому здешный житель Амстеродамский препятие великое соделал: и сам книг не печатал, и хотящим запрещал даже и сам издаше.”⁶⁸

Издатель, автор, первопроходец

Хотя большинство книг, изданных Копиевским в типографии Тессинга, содержало всего по несколько десятков страниц, огромный объем проделанной им в это время работы не может не удивлять: за несколько месяцев им была подготовлена к печати и опубликована целая серия учебных книг: по истории, арифметике, астрономии, военному делу, два словаря и перевод басен Эзопа с параллельным латинским текстом.⁶⁹ По его собственному свидетельству, эти

⁶⁷ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 522. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 522).

⁶⁸ Деграф, *Книга учащая Морского Плавания*. (Degraf, *Kniga uchashchaia Morskogo Plavaniia*).

⁶⁹ И. Ф. Копиевский, *Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное* (Амстердам: Типография Ивана Андреева Тессинга, 10 апреля 1699). (I. F. Kopievskii, *Vvedenie kratkoe vo vsiakuiu istoriiu po chinu istorichnomu ot sozdaniia mira iasno i sovershenno spisannoe* (Amsterdam: Tipografiia Ivana Andreeva Tessinga, 10 april'ia 1699)); И. Ф. Копиевский, *Краткое и полезное руководство во арифметику* (Амстердам: Типография Ивана Андреева Тессинга, 15 апреля 1699). (I. F. Kopievskii, *Kratkoe i poleznoe rukovedenie vo aritmetiku* (Amsterdam: Tipografiia Ivana Andreeva Tessinga, 15 april'ia 1699)); И. Ф. Копиевский, *Уготовление и толкование ясное и зело изрядное, краснообразнаго поверстания кругов небесных* (Амстердам: Типография Ивана Андреева Тессинга, 1699). (I. F. Kopievskii, *Ugotovanie i tolkovanie iasnoe i zelo izriadnoe, krasnoobraznago poverstaniia krugov nebesnykh* (Amsterdam: Tipografiia Ivana Andreeva Tessinga, 1699)); Лев VI, *Краткое собрание*. (Lev VI, *Kratkoe sobranie*); Аесоп, *Притчи Эзоповы* (Амстердам: Типография Ивана Андреева Тессинга, 1700). (Aesop, *Pritchi Ezopovy* (Amsterdam: Tipografiia Ivana Andreeva Tessinga, 1700)); И. Ф. Копиевский, *Номенклятор на латинском, русском и голландском языках* (Амстердам: Печатал И. А. Тессинг, 1700). (I. F. Kopievskii, *Nomenkliator na latinskom, russkom i gollandskom iazykakh* (Amsterdam: Pechatal I. A. Tessing, 1700)); И. Ф. Копиевский, *Номенклятор на латинском, русском и немецком языках* (Амстердам: Печатал И. А.

труды были для него настолько изнурительны, что стоили ему душевного расстройства: “избыточных ради трудов преогорчих душу мою, сам един труждаяся и в строении книг, и в друкарне, обучая мастеров в сицевом деле.”⁷⁰

Даже если посчитать, что патетика Копиевского в этом фрагменте избыточна, вряд ли стоит сомневаться, что издание книг в типографии Тессинга далось ему нелегко. И дело было не только в производственных трудностях, отсутствии квалифицированных помощников, недостатке у него образования или литературного таланта. Составляя и печатая свои учебники, Копиевский во многих случаях находился в положении первопроходца, вынужденного рассчитывать только на собственные силы. Не имея в Амстердаме возможности опереться на опыт кого-либо из русских печатников, ему пришлось создавать новую типографию фактически “с нуля.” То же самое можно сказать и о составлении им русских учебников. Вряд ли в его распоряжении имелись славянские рукописные книги светского содержания – единственные источники для поиска аналогов европейской ученой терминологии в то время. Следовательно, Копиевскому приходилось самому эти русские аналоги конструировать (или даже выдумывать), то есть изобретать русский научный язык.⁷¹

Партнерство с де Ионгом

Летом 1700 г. Копиевский разрывает отношения с Тессингом и создает новую типографию для продолжения издания книг, обещанных им Петру.⁷² Первой из этой типографии выходит двуязычная латинская грамматика, предназначенная специально для русского читателя. В предисловии к ней он снова обращается к сюжету, который не раз излагал раньше в предисловиях к своим книгам и

Тессинг, 1700). (I. F. Kopievskii, *Nomenkliator na latinskom, russkom i nemetskom iazykakh* (Amsterdam: Pechatal I. A. Tessing, 1700)).

⁷⁰ Дерграф, *Книга учащая Морского Плаванья*. (Degraf, *Kniga uchashchaia Morskogo Plavaniia*).

⁷¹ Nowak, “Eliasz Koriijewicz,” 54. В этой связи следует заметить, что нередко высказывающиеся суждения относительно плохого знания Копиевским русского языка явно поверхностны. И составленные, и переведенные им книги, и его челобитные свидетельствуют как раз об обратном. Его “славянорусский” язык действительно содержит немало украинизмов, полонизмов и галлицизмов, однако это было естественно для различных версий славянского языка, имевших тогда хождение в Московской Руси. Как замечает в этой связи Екатерина Крюк, “язык его произведений сочетает в себе черты русского и церковнославянского языка, а также у него встречаются украинизмы и полонизмы (что связано с влиянием “простой мовы” (или т.н. рутенского языка)).” См.: Е. К. Крюк, “Краткое и полезное руководство во арифметыку” Ильи Копиевского: языковые и композиционные особенности.” (Е. К. Kriuk, “Kratkoe i poleznoe rukovedenie vo aritmetyku” Il’i Kopievskogo: iazykovye i kompozitsionnye osobennosti), in *Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav): 3.-5. September 2014, Budapest* (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2015), 120.

⁷² Говоря о “типографии” Копиевского, нужно иметь в виду, что под этим словом в его время часто понимался набор шрифтов, набор пунсонов и матриц для их изготовления, или все это типографское оборудование вместе, за исключением стационарного печатного пресса. В списке обещанных Петру книг, отпечатанном Копиевским на отдельном листе в типографии Тессинга в декабре 1699 г., значилось 21 названия (4 книги изданных, 13 подготовленных к печати и 4 планирующихся к изданию). См.: Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 523-526. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 523-526).

челобитных Петру. Он опять сетует здесь на затраченные им непомерные усилия на ее издание, на понесенные финансовые издержки и на отсутствие у него знающих славянский язык наборщиков. И к этому снова добавляет, что все эти усилия и трудности довели его до душевного расстройства. На русском (текст предисловия дается сначала на латыни) этот сюжет звучит особенно выразительно:

Геркулевым убо дерзновением восприях сие дело во имя Господне и запотихся [=вогнал себя в пот] воистинно не без тщеты иных дел совершения и имения моего. Своими денгами сооружих типографию на печатование сомою точию грамматики и во едином месяцы избыточным тщанием, помощию же Божиею, сиевое дело, имущее последними караванами послати, соверших. И тако яве есть всем премудрым, всяк удобее узрит, колико аз понесл трудов в совершении сиева дела: не поразит мя жестоким камнем зависть. Умолчю же ныне о неразумивих типографах, которых учить нужда бысть мне самому, и их ради неумелости во мнозе прегорчих душу мою, и во мнозе отщетиhsя [= понес урон]. Обаче же легко бысть, егда благо подвизается тягота.⁷³

Привилегию на продажу *Латинской грамматики* в Голландии и Вестфалии Копиевский получил 17 сентября 1700 г. от правительства Республики Соединенных провинций.⁷⁴ Однако совершенно очевидно, что он рассчитывал на продажу ее в России, чему препятствовала монополия на ввоз в страну книг славянской печати, выданная Тессингу. Чтобы ее обойти, Копиевский прибегает к помощи своего нового компаньона, которым теперь стал Ян де Ионг – амстердамский купец, также как и Тессинг торговавший в России и также знакомый с Петром лично.⁷⁵ Четвертого августа 1700 г. он составляет от имени Де Ионга уже упомянутую раньше челобитную Петру, с просьбой разрешить продажу

⁷³ Копиевский, *Latina grammatica*. (Kopievskii, *Latina grammatica*).

⁷⁴ Эта привилегия напечатана им в начале книги вместе с русским переводом.

⁷⁵ De Jongh Woutters, Jan de Jong или Jean de Jonge. По-русски подписывался как “Ян де Юнг Эвоутсор” или как “Иван Иевлев Молодой.” Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 16, 528. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 16, 528). Вдова Копиевского называла его еще “Юнк Эвод.” См.: И. Ф. Токмаков, “Дело о пожитках и книгах, оставшихся после умершаго переводчика Илии Копиевскаго (1715 г. 19 октября): Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей,” *Библиограф* 4 (1885), 80. (I. F. Tokmakov, “Delo o pozhitkakh i knigakh, ostavshikhhsia posle umershago perevodchika Ilii Kopievskago (1715 g. 19 oktiabria): Materialy dlia istorii russkoi i inostrannoi bibliografii v sviazi s knizhnoi trgovlei,” *Bibliograf* 4 (1885), 80). О сотрудничестве де Ионга и Копиевского см.: В. Raptshinsky, “Russische drukkerijen te Amsterdam, 2. Kopiewski,” *Maandblad Amstelodamum* 3 (1935), 26-27. В рассказах о пребывании Петра в Голландии, собранных писателем и историком Яковом Шельтемой, говорится, что де Ионг был “известным негоциантом” (*négociant distingué*), и что в Саардаме он был представлен царю и имел с ним продолжительную беседу. См.: J. Scheltema, *Anecdotes historiques sur Pierre-le-Grand et sur ses voyages en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717* (Lausanne: Ducloux, 1842), 91. О голландских купцах Юнгах в России см.: Л. А. Тимошина, “Русский иноземец XVII в. Владимир Иевлевич,” *Вестник “Альянс-Архео”* 24 (2018): 57-115. (L. A. Timoshina, “Russkii inozemets’ XVII v. Vladimir Ievlevich,” *Vestnik “Al’ians-Arkheo”* 24 (2018): 57-115).

в “великороссийском государстве” книги “латинския с русским толкованием.”⁷⁶ Судя по тому, что тираж книги вскоре попал в Россию, эта просьба де Ионга / Копиевского была удовлетворена. На это указывает также приведенная выше фраза Копиевского о том, что ему удалось организовать отправку книги в Россию “последними караванами” (очевидно, перед окончанием навигации).

Впрочем, к некоторым заявлениям Копиевского в этом предисловии (и, скорее всего, в других случаях) нужно относиться с осторожностью. В частности, слова о том, что он “своими денгами сооружих типографию” вряд ли стоит понимать так, что она была создана исключительно на его средства. Очевидно, что сразу после разрыва с Тессингом финансовую поддержку ему стал оказывать де Ионг. Такое заключение следует и из того, что челобитная о разрешении продажи *Латинской грамматики* была составлена от имени купца, а также из документов, свидетельствующих о развитии их дальнейших отношений. В частности, впоследствии де Ионг утверждал, что именно он оплатил следующее русское издание, вышедшее уже без указания названия типографии: “*Gloria triumphorum & trophaeorum* / Слава торжеств и знамен побед” – панегирик на взятие Азова, написанный Копиевским “стихами поетыцкими.”⁷⁷

Эта книга также как и *Латинской грамматика*, была двуязычной: помимо русского она имела латинское название и содержала небольшой по объему латинский текст, т.е. формально относилась к категории книг “латинския с русским толкованием.” Здесь уместно добавить, что вряд ли компаньоны рассчитывали на коммерческий успех от ее продаж. Скорее, они преследовали иную цель: получить разрешение Петра на распространение их последующих изданий в России в обход привилегии Тессинга. И очень похоже, что вскоре они этого добились. Во всяком случае, в предисловии к *Книге учащей морского плавания* – третьей, изданной при участии де Ионга, Копиевский утверждает, что вышла она по распоряжению Петра: “дан мне был указ Великаго Государя на печатование сея книги.”⁷⁸

Сотрудничество Копиевского с де Ионгом на этом и закончилось. Вскоре после выхода *Книги учащей морского плавания* из печати между обоими возник спор, завершившийся в 1702 году судебным разбирательством, инициированным де Ионгом. Решение суда, по-видимому, было вынесено в целом в пользу истца – во всяком случае, “друкарню” Копиевский должен был у де Ионга выкупать, уплачивая ему ежегодно “по сороку по четыре рубли.” Правда, уже изданные в ней книги были признаны судом его собственностью.⁷⁹

Суть претензий де Ионга к Копиевскому не вполне ясна. О них можно судить только по его невнятным обвинениям в челобитной Петру от июля 1703 г., где купец жалуется, что был “ограблен...обманщиком Ильей Копиевским.” Грабеж же, по его словам, заключался в том, что из изданной за его счет *Книги учащей*

⁷⁶ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 528. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 528).

⁷⁷ И. Ф. Копиевский, *Gloria triumphorum & trophaeorum* / Слава торжеств и знамен побед (Амстердам: Типография И. Ф. Копиевского, 12 октября 1700). (I. F. Kopevskii, *Gloria triumphorum & trophaeorum* / Slava torzhestv i znamen pobed (Amsterdam: Tipografiia I. F. Kopevskogo, 12 oktiabria 1700)).

⁷⁸ Деграф, *Книга учащая Морского Плавания*. (Degraf, *Kniga uchashchaia Morskogo Plavaniia*).

⁷⁹ См. об этом: Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 327, 337. (Bykova, *Opisanie izdanii, napechatannykh kirillitsej*, 327, 337).

морского плавания тот изъял “четыре листа или 32 страницы с фигурами” и скрылся с ними за границей (“держится ныне в Польше или в Пруссах”).⁸⁰ Из этой челобитной можно также заключить, что сотрудничество де Ионга с Копиевским оказалось для купца убыточным. Он жалуется здесь Петру, что книги, в издание которых им были вложены собственные средства, продаются плохо: “Я печатанием книг и похвальных виршей к пользе вашего царского величества много убытку имею, понеже купцов и охотников в землях вашего царского величества зело мало.”⁸¹

В поисках новых возможностей: Берлин

Разрыв с де Ионгом, арест, наложенный судом на типографию, и отсутствие средств для ее выкупа вынуждают Копиевского покинуть Голландию. И поскольку его издательская деятельность к этому времени уже была известна за ее пределами, он решил попробовать продолжить ее в других европейских странах.

Первыми Копиевского-издателя заметили лютеранские пиетисты – еще по книгам, вышедшим в типографии Тессинга. Немцы рассчитывали с его помощью наладить печатанье переводной литературы религиозного содержания для распространения в России своей идеи надконфессиональной *ecclesia universalis*.⁸² Намек на этот их интерес мы видим в уже цитировавшейся челобитной Копиевского Петру от 18 декабря 1699 г., где он говорит о своем отказе ехать в Берлин к “курфирстовскому величеству.”⁸³ В дальнейшем интерес к славянскому “друку” Копиевского стало проявлять находившееся под сильным влиянием пиетистов Прусское научное общество, в 1701 году получившее статус королевского. На установление долгосрочного сотрудничества с Обществом и рассчитывал Копиевский, отправляясь в начале 1702 г. из Амстердама в Берлин вместе с рукописями своих сочинений и переводов.

Первоочередная цель его поездки заключалась в проведении переговоров с руководством Общества о создании при нем русской типографии. С немецкой стороны в обсуждении сотрудничества обеих сторон и подготовке текста договора принимал участие его президент Готфрид Вильгельм Лейбниц, в то время уже прославленный ученый, член Лондонского королевского общества и иностранный член Французской Академии наук. В документах имеются свидетельства того, что с трудами Копиевского он был знаком и раньше. В ноябре 1701 г. в адресованном королю Фридриху I проекте *Propagatio fidei per scientias* Лейбниц упоминал о намерениях вступить с Обществом в переговоры некоего проповедника, литовца реформатской веры, хорошо знающего славянский язык и

⁸⁰ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 17. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 17).

⁸¹ *Ibid.*

⁸² См.: E. Winter, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert* (Berlin: Akademie Verlag, 1953), 216, 217 et al.

⁸³ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 522. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 522).

занимающегося составлением славянского словаря.⁸⁴ К этим сведениям о “литовце” Лейбниц добавлял, что Петр выдал ему привилегию на печатание на славянском языке Библии и других религиозных книг, однако из-за интриг другого лица (также не названного по имени), их издание не началось.⁸⁵ Потребность Общества в литературе на русском языке Лейбниц объяснял задачами миссионерской деятельности: путь протестантских проповедников в Китай шел через просторы России, где им также следовало щедро нести “слово Божье.” Для того же, чтоб их там гостеприимно принимали, разъяснял он, эти проповедники должны быть людьми образованными и полезными в практических делах: в геодезических измерениях, навигации, определении сторон света с помощью компаса и т.д.⁸⁶

23 мая 1702 г. о намерении руководства Общества приступить к переговорам с Копиевским было объявлено в издававшихся в Гамбурге “Исторических записках.” Объявление это не было подписано, однако его содержание свидетельствует, что составлено оно либо со слов Копиевского, либо им самим. В нем, в частности, сообщалось, что по привилегии царя Московии в 1698 году Элиасом Копиевичем в Амстердаме была создана славянская типография. После этого в заметке приводился подробный список латинских названий его книг, как и во всех других списках Копиевского в трех частях: напечатанные, подготовленные к печати и запланированные. По содержанию этот список был лишь слегка обновлен по сравнению с напечатанным им в 1700 г. в *Латинской грамматике*.⁸⁷

Переговоры вскоре начались, однако они были осложнены тем, что для ввоза книг в Россию в обход привилегии, полученной Тессингом (а не Копиевским, как считал Лейбниц), требовалось разрешение Петра. Чтобы преодолеть это препятствие в июне 1702 г. Общество направило запрос (“мемориал”) на получение такого разрешения русскому послу в Гааге Андрею Артамоновичу Матвееву. Черновик его, включающий мало кому известные подробности деятельности Копиевского, был явно составлен не без участия его самого.⁸⁸ В “мемориале,” в частности, сообщалось, что сначала Копиевский работал вместе с амстердамским купцом, получившим привилегию на печатанье “научных и

⁸⁴ A. Harnack, *Geschichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 2. Bd. (Berlin: Reichsdruckerei. 1900), 141-145; Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 328. (Bykova, *Opisanie izdaniĭ, napechatannykh kirillitseĭ*, 328).

⁸⁵ Второе неназванное Лейбницем лицо – это, скорее всего, Ян Тессинг. Т. А. Быкова считает, что это де Ионг, однако ко времени составления Лейбницем *Propagatio fidei per scientias* в ноябре 1701 г. оба еще были компаньонами (*Книга учащая морского плавания* вышла 24 ноября 1701 г.). Не совсем понятно, откуда Лейбниц взял сведения о том, что Петр дал этому “литовцу реформатской веры” привилегию на печатание “славянской Библии и других книг.” Возможно, он был знаком с первым печатным списком трудов Копиевского 1699 г., который к готовящимся к печати относил: “17) *Biblia s. caepta sunt latine, russice, polonice*, 21) *Concordantiae biblicorum russice*.” Заглавие списка свидетельствовало о том, что печататься эти книги будут в соответствии с привилегией Петра: “*cum gratia et privilegio serenissimae Careae Majestatis, Amstelodami scripsit, ibidemque loci et typis mandavit*.” Цит. по: Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 523. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 523).

⁸⁶ См. подробнее: Harnack, *Geschichte der Königlich Preussischen Akademie* 2, 143-144.

⁸⁷ *Historische Remarques*, 167-168.

⁸⁸ Дальше содержание передается по: Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 329. (Bykova, *Opisanie izdaniĭ, napechatannykh kirillitseĭ*, 329).

душеполезных книг,” а после его смерти, хотя многие искали сотрудничества с ним, опасаясь обмана, решил уехать из Голландии. Свои же услуги Обществу, как было сказано дальше, он предложил потому, что разделяет его цель “распространить свет знаний возможно шире у тех берегов и народов, которые меньше всего просвещены.” После этой декларации следовало заявление о намерении Общества организовать с помощью Копиевского типографию для печатания русских книг – на выбор царя или кого-то из его доверенных лиц. Документ предполагал также и возможный порядок их распространения: изданные книги “Копиевский будет доставлять в Гамбург или Архангельск для продажи специальным уполномоченным.”⁸⁹

На переговорах, затянувшихся не на один месяц, шло обсуждение конкретных условий контракта, составленных на основе предложений “мемориала.” Черновик проекта контракта, включавший финансовые условия работы типографии, был составлен лично Лейбницем, окончательная же его редакция была вынесена для обсуждения на пленарных заседаниях Общества 18 и 24 августа в присутствии Копиевского. После этих обсуждений переговоры еще некоторое время продолжались заочно, однако в ноябре были прерваны.⁹⁰ Все известное об этих переговорах историкам говорит о том, что они шли трудно – то ли из-за неуступчивости сторон, то ли из-за нежелания Петра предоставить Обществу право на распространение его печатной продукции в России.

Для Копиевского, очень рассчитывавшего на создание русской типографии в Берлине, их провал стал очередной серьезной неудачей: он лишился не только перспективы улучшить свое бедственное финансовое положение, но и возможности удовлетворить свои амбиции лучшего в Европе издателя славянских книг. Оставшись без каких-либо источников существования и обремененный платежами по иску де Йонга, он стал искать любые возможности для возобновления своей издательской деятельности, ставшей главным делом его жизни. Для его продолжения ему теперь нужно было выкупить арестованную в Амстердаме “друкарню” и найти людей, заинтересованных в печатании славянских книг в Европе.

В поисках новых возможностей: Копенгаген

Не забывал Копиевский, конечно, и о своих прежних тесных связях с русским правительством и не терял надежду получить от него какую-то поддержку. В ноябре 1702 г. он переезжает из Берлина в Копенгаген по приглашению русского посла в Дании А. П. Измайлова, с которым летом встречался в Берлине. Однако этот переезд не оправдал его ожиданий: кроме переводов, платы за которые ему

⁸⁹ *Ibid.* Об отклике российского правительства на это послание Т. А. Быкова не сообщает. Ей известно лишь, что его должен был передать Матвееву русский посол в Дании Андрей Петрович Измайлов, находившийся в июне 1702 г. в Берлине.

⁹⁰ О подробностях этих переговоров см.: *Ibid.*, 329–332. Оставшийся нереализованным проект предполагал, что Копиевский возьмет на себя печать по заказу Академии не только русские, но и польские книги. См.: A. Harnack, *Geschichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, bd. 1 (Berlin: Reichsdruckerei. 1900), 127.

едва хватало на жизнь, никакой помощи от русской дипломатической миссии в Дании он не получил.

Между тем интерес к Копиевскому как издателю славянских книг не угас со стороны иностранных лингвистов и богословов евангельско-пиетистского направления. Одним из них был шведский ученый и дипломат Юхан Спарвенфельд, рассчитывавший с его помощью издать свой латинско-русский словарь, работе над которым он посвятил долгие годы и который считал главным трудом своей жизни.⁹¹ Другим известным ученым, заинтересованным в использовании русской типографии Копиевского, был автор вышедшей в 1696 г. в Оксфорде первой грамматики русского языка Генрих Лудольф.⁹² Последний был хорошо осведомлен не только о книгах Копиевского, но и о его переговорах со шведами об издании словаря Спарвенфельда. Об этих переговорах в 1703 г. он подробно сообщал в письме лектору “Конгрегации евангелизации народов” в Риме Ивану Пастричу (*Ivan Paštrić, Iohannes Pastritius, Giovanni Pastrizio*), допуская возможность переезда ученого “белоруса” в Швецию:

Славянский словарь Спарвенфельда не был напечатан в Амстердаме, как предполагалось: некий Илья Копиевич, белорус, напечатал в Амстердаме по царской привилегии различные русские книги и, между прочим, русско-латинскую грамматику, предназначенную для обучения латинскому языку русских. Доктор Бергиус, генеральный суперинтендант Ливонии в Риге, ведет переговоры с упомянутым Копиевичем о переезде его со своей типографией в Швецию для печатания словаря Спарвенфельда за счет короля.⁹³

Внимание Лудольфа к Копиевскому было связано, однако, не со словарем Спарвенфельда, а с новой волной интереса немецких пиетистов к изданию религиозной литературы на русском языке. Этот интерес теперь инициировал их признанный глава – знаменитый богослов и педагог, профессор университета в Галле Август Франке. Имея обширные связи среди своих единомышленников, он вел переписку со многими из них в разных странах, включая Россию. В частности, среди его корреспондентов были пастор Глюк и его преемник Иоганн Паус, информировавшие его о происходившем в Москве.⁹⁴

⁹¹ О словаре Спарвенфельда и попытках его издания см.: U. Birgegård, *Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum: His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography* (Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1985).

⁹² H. W. Ludolf, *Grammatica russica ... Una cum brevi vocabulario rerum naturalium* (Oxford: a Theatro Sheldoniano, 1696). См. о ней вступительную статью в книге: *Русская грамматика Лудольфа: Оксфорд, 1696. Переиздание* Б. А. Ларина (Ленинград: Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания, 1937), 10-11. (*Russkaia grammatika Ludol'fa: Oksford, 1696. Pereizdanie B. A. Larina* (Leningrad: Leningradskii nauchno-issledovatel'skii institut iazykoznanii, 1937), 10-11). См. новое переиздание в книге: Б. А. Ларин, *Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2002). (B. A. Larin, *Tri inostrannykh istochnika po razgovornoj rechi Moskovskoi Rusi XVI-XVII vekov* (St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 2002)).

⁹³ Цит. по: Ларин, *Три иностранных источника*, 516. (Larin, *Tri inostrannykh istochnika*, 516). О связях Копиевского с Лудольфом и Спарвенфельдом см. также: Birgegård, *Johan Gabriel Sparwenfeld*, 96-98.

⁹⁴ См.: Winter, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde*, 218-219 et al.

По свидетельству Копиевского, в 1702 г. Франке встречался с ним в Берлине для обсуждения возможностей их будущего сотрудничества.⁹⁵ Через полтора года их переговоры возобновились в Копенгагене при посредничестве находившегося там Лудольфа. 15 февраля 1704 г., явно с его подачи, Копиевский направляет Франке письмо с выражением готовности приступить к изданию русских книг в Галле.⁹⁶ Из содержания этого письма следует, что к этому времени типография Копиевского уже находилась в Копенгагене, однако за нее ему еще оставалось выплатить значительную сумму – 100 империалов (1000 рублей). Извещая Франке об этом обременении, Копиевский просил его “измыслить пути, способы и средства для высвобождения типографии.” Судя по сказанному дальше в письме, его финансовое положение в это время действительно было критическим. Он пишет, что готов отправиться в Галле, однако лишь при условии, что его снабдят “хоть какими-нибудь средствами на путешествие.” И следом сетует на тягостные условия жизни в Копенгагене: “Что касается меня самого, то я сижу как в клетке, прельщенный господином московским послом многими посулами, однако начисто покинутый.”⁹⁷

Спустя четыре дня, 19 февраля, Лудольф информировал Франке о подробностях своих переговоров с Копиевским. Он подтверждал его намерение отправиться в Галле и указывал сумму, которую Франке будет достаточно заплатить ему за славянские шрифты – 100 талеров. Из письма Лудольфа также следовало, что из-за неуступчивости Копиевского его переговоры с ним проходили непросто.

До Галле Копиевский, видимо, так и не доехал, однако сделка с Франке все же была заключена: он, как и предлагал Лудольф, продал ему центнер своих шрифтов.⁹⁸ Это, безусловно, существенно улучшило материальное положение Копиевского, однако не оправдало его ожиданий в целом: от сотрудничества с Франке он рассчитывал получить гораздо больше. В цитированном выше письме от 15 февраля 1704 г. он предлагал ему не славянские шрифты, а свои услуги типографа и издателя собственных трудов:

Итак, – писал он, – если вам, почтеннейшему повелителю, будет благоугодно иметь в Галле московскую типографию заодно со мной и моими рукописями для продолжения сего великого дела, то я буду готов к вашим услугам.⁹⁹

Очевидно, что проданные Франке шрифты составляли лишь часть типографии Копиевского. Остальную он по-прежнему надеялся использовать для печатанья

⁹⁵ “В прошлом 1702 году в Берлине Достопочтимой Светлости Вашей я показал список моих трудов и упомянул о моей типографии.” См.: Winter, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde*, 396.

⁹⁶ Письмо опубликовано полностью в: Winter, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde*, 396-397.

⁹⁷ Цит. по: Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 332, 333. (Bykova, *Opisanie izdanii, napechatannykh kirillitsej*, 332, 333).

⁹⁸ *Ibid.* Этими шрифтами в Галле впоследствии было издано несколько книг. См.: T. Chelbaeva, “Русские книги из Галле в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа.” (“Russkie knigi iz Galle v diskurse formirovaniia russkogo literaturnogo iazyka novogo tipa”), PhD diss. (Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2015). Nowak, “Eliasz Kopijewicz,” 72. О русских изданиях в Галле в XVIII в. в целом: Winter, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde*.

⁹⁹ Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 333. (Bykova, *Opisanie izdanii, napechatannykh kirillitsej*, 333).

русских книг, в частности, для издания латинско-русского словаря Спарвенфельда в Швеции. Как нам уже известно из письма Лудольфа Пастричу, посредником в переговорах об этом с Копиевским выступал магистр философии Николай Бергиус, автор вышедшего в Стокгольме в 1704 г. описания религии московитов и бывший лифляндский суперинтендант.¹⁰⁰ Обсуждение условий соответствующего соглашения велись не один год и, к несчастью для Копиевского, снова находившегося в бедственном финансовом положении, окончились безрезультатно. Прерваны они были, по-видимому, не из-за его неуступчивости, а по каким-то политическим причинам, скорее всего, связанным с активизацией военных действий между Швецией и Россией.¹⁰¹

В поисках новых возможностей: Гданьск

Из Дании Копиевский перебрался на север Польши, в Гданьск. Почему именно туда? Очень похоже, что из-за неожиданного интереса, проявленного к изданию русских календарей профессором математики Торуньской гимназии Павлом Патером.¹⁰² Чтобы получить у короля Речи Посполитой Августа II необходимую для этого привилегию, он 23 января 1703 г. обратился с соответствующим запросом к бургомистру Торуня. В запросе помимо прочего говорилось, что единственная в Европе русская типография находится в Амстердаме, и что ее возглавляет Ян Копиевич (вместо Ильи Патер ошибочно назвал имя его племянника). О дальнейшей судьбе этого запроса ничего не известно, однако интерес к изданию русских книг в Польше до Копиевского каким-то образом дошел.

Еще одной причиной его переезда в Польшу могли быть надежды на возвращение родового имения Копиевских, некогда отобранного королем Казимиром. Такую возможность в то время открывало заключение союза Речи Посполитой с Россией в Северной войне. Что касается выбора Гданьска, то его можно объяснить амбициозными издательскими планами Копиевского, явно не собиравшегося ограничиваться печатаньем календарей. Для их реализации нужно было жить в большом городе с хорошими библиотеками и развитым книгопечатанием.

Прибыл Копиевский в Польшу, скорее всего, в середине 1705 г. По каким-то причинам издание русских календарей в Торуньской гимназии не состоялось, и он приступил к осуществлению своего нового проекта – составлению русской грамматики для иностранцев. Спустя несколько месяцев, в марте следующего 1706 года, работа над книгой была закончена, и она пошла в печать. Очень похоже, что сначала Копиевский рассчитывал издать ее в Гданьске, однако сделать это ему не

¹⁰⁰ N. Bergius, *Exercitatio Historico-Theologica de statu ecclesiae et religionis Moscoviticae* (Stockholm: O. Enaeus, 1704). О русских интересах Бергиуса-ученого см. в статье: П. Н. Берков, "Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке," *Язык и литература* 5 (1930): 87-136. (P. N. Berkov, "Izuchenie russkoi literatury inostrantsami v XVIII veke," *Iazyk i literatura* 5 (1930): 87-136).

¹⁰¹ Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 328 (Bykova, *Opisanie izdaniy, napechatannykh kirillitsei*, 328); Winter, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde*, 219.

¹⁰² Nowak, "Eliasz Kopijewicz," 73-74.

удалось.¹⁰³ Поскольку шведские войска находились недалеко от города, гданьский магистрат запретил печатать в городских типографиях книгу, включавшую посвящение Петру. Издать же ее своим “друком” Копиевский не мог, поскольку для нее требовался латинский шрифт, которого у него не было. В итоге издателя удалось найти только в близлежащем Штольценберге, на который не распространялась юрисдикция городских властей. Там, в мало кому известной типографии Христиана Филиппа Гольца, *Руководение в грамматику* и вышло.¹⁰⁴ Поскольку основной текст книги был латинским, Копиевский рассчитывал, что разрешение на ее продажу в России им будет получено.¹⁰⁵ Возможно даже, что он получил его от российских властей заранее, еще до того, как начал над ней работать.

Переводчик Посольского приказа

Между тем в марте следующего 1707 г. в Торунь расположилась штаб-квартира войск генерала Карла Рёнеке, и находившийся в двухстах километрах севернее Торунь Гданьск оказался под контролем русской военной администрации.¹⁰⁶ Это обстоятельство способствовало новому сближению Копиевского с российскими властями. По всей видимости, в июле он отправляется из Гданьска в Варшаву, где в то время находился Петр, там пишет прошение о поступлении на государственную службу и после принятия присяги 30 августа зачисляется переводчиком в Посольский приказ.¹⁰⁷

Поскольку текст этой присяги содержит важные подробности, связанные с его последующей судьбой, приведу его целиком:

Понеже Пресветлейший и Державнейший Великий Государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, самодержец Всероссийский и прочае и прочая изволил меня нижеподписанного принять в службу свою для книжных и иных переводов, которые трудами моими могут и печататься во всякой исправности, того ради обещаю и кленуся Богом, истинным Учителем, что его царскому величеству в пребывающее время той службы во всем верен и благонамерен буду без всякие хитрости, как подобает исправляти великому слуге пред Богом и человек. И о противных и непотребных Московскому Государству делех и ответах корреспонденции и книг не иметь, и ни которого зла или противности чинить не буду, но во всем должен ему, оному государству ползы имать. И по возвращении своему из

¹⁰³ Nowak, “Eliasz Kopijewicz,” 73-74.

¹⁰⁴ Копиевский, *Руководение в грамматику*. (Kopievskii, *Rukovedenie v grammatyku*). См.: Nowak, “Eliasz Kopijewicz,” 75; P. Paluchowski, “Eliasz Kopijewicz i Christian Philipp Golz: chełmski epizod wydawniczy z przełomu XVII i XVIII wieku,” in *Historie gdańskich dzielnic Chełm* (Gdańsk: Muzeum Gdańska, 2018), 1: 201-211.

¹⁰⁵ Как уже было сказано, Копиевскому и де Ионгу было разрешено продавать в России *Латинскую грамматику*, основное содержание которой также было изложено на латыни.

¹⁰⁶ Nowak, “Eliasz Kopijewicz,” 79.

¹⁰⁷ О приеме Копиевского на русскую службу см.: Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 334. (Bykova, *Opisanie izdani, napechatannykh kirillitsei*, 334).

Гданска как наискорее по-прежнему быть мне к войскам его царского Величества где оные обретатися имеют, и явитца в Посолской походной канцелярии. Что учинено при написании руки моей свершав 1707 года месяца августа 30-го дни.

И в конце почерком Копиевского добавлено: “Илия Копиевский приписал рукою своею утверждая выше писаное.”¹⁰⁸

Из содержания документа можно заключить, что составлен он был в Варшаве, где в то время находилась Походная канцелярия Посольского приказа, и что Копиевскому вскоре предстояла поездка в Гданьск. Одной из целей этой поездки, как сообщал Копиевский позднее в письме к Петру, было исполнение государева наказа о покупке иностранных книг по военному искусству, для чего из царской канцелярии ему было выдано 50 ефимок. В этом же письме он сообщал, что смог найти там только одну, “Браунову артиллерию,” которую и послал Петру.¹⁰⁹ Однако в Гданьск он отправился не только и не столько с целью покупки книг, сколько для того, чтобы привезти остававшиеся там личные вещи и шрифты своей русской типографии.

Два ограбления

Поступление на государственную службу стало новым, последним крутым поворотом в биографии Копиевского. И, как и предыдущие, оно не принесло ему ни материального достатка, ни общественного признания, ни душевного покоя. К тому же его служба началась с новых несчастий: вскоре после вступления в должность, на пути из Гданьска в Варшаву, куда он направлялся со своими пожитками и “типографией,” Копиевский был ограблен, причем дважды.

Первый раз – шведами, отнявшими у него шрифты и некоторое время спустя начавшими печатать ими пропагандистские воззвания к населению областей, находившихся в зоне военных действий. Из-за возникших в этой связи опасений русского правительства произошедшее получило широкую огласку и имело большой политический резонанс.

Первое известное упоминание о нем содержится в письме Петра царевичу Алексею от 24 февраля 1708 г.¹¹⁰ На следующий день о случившемся и его опасных последствиях сообщалось в государевой грамоте, отправленной в Киев, Смоленск

¹⁰⁸ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1707, д. 47, л. 1–1 об. (RGADA, f. 138, op. 1, 1707, d. 47, l. 1 – 1 ob.).

¹⁰⁹ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 528. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 528). См. об этом: Nowak, “Eliasz Kopijewicz,” 79; Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 335. (Bykova, *Opisanie izdaniĭ, napechatannykh kirillitseĭ*, 335). Речь здесь идет о впервые изданном в 1682 году в Гданьске на немецком языке трактате Эрнста Брауна *Novissimum Fundamentum & Praxis Artilleriae Oder Nach itziger besten Manier Neuvermehrter und gantz Gründlicher Unterricht*. Русский перевод его вскоре вышел в Москве: Э. Браун, *Новейшее основание и практика артиллерии* (Москва: Московский Печатный двор, сентябрь 1709). (Ė. Braun, *Noveishee osnovanie i praktika artillerii* (Moscow: Moskovskii Pechatnyi dvor, sentiabr' 1709)).

¹¹⁰ Петр I, *Письма и бумаги императора Петра Великого*, т. 7, вып. 1 (Петроград: Первая государственная типография, 1918), 77. (Petr I, *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikago*, t. 7, vyp. 1 (Petrograd: Pervaiĭ gosudarstvennaia tipografiia, 1918), 77).

и Псков.¹¹¹ В ней, в частности, говорилось, что в русских городах появились “возмутительные письма,” напечатанные шведами шрифтом Тессинга (на самом деле это был шрифт, изготовленный Копиевским позднее), и строго предписывалось всеми возможными средствами остановить их распространение. Более обстоятельно об этом случае рассказывалось в “Боярском приговоре” “Об открытии присылаемых от неприятеля из Данцига возмутительных писем и о задержании тех, кои с оными явятся.” “Приговор” этот, составленный на основании императорского указа, зачитанного в Ближней канцелярии 1 марта 1708 г., разъяснял суть инцидента длинной цитатой из письма Петра царевичу. Приведу здесь начало этого разъяснения:

В письме Его Царскаго Величества из Чашникова 24 Февраля, которое получено в Москве того же месяца 29 числа, написано, что неприятель из Гданска целой друк слов Словенских, которыми печатал в Амстердаме Словенския книги Тессинг, и по смерти его, тот мастер, не имея чем кормиться, ехал к Нам и с оным друком, который ныне у него во Гданске, от неприятеля взят, теми словами множество всяких возмутительных писем напечатано во Гданске, которая хочет через шпионов послать в Наши края. Чего для надлежит везде сие объявить всем и накрепко заказать, дабы сего зело смотрели везде, где такие письма явятся, чтобы приносили, а паче и тех ловили, которые оныя приносить будут.¹¹²

По-видимому, обеспокоенность русских властей захватом шведами шрифта Копиевского была нешуточной – как и реальная угроза, которую представляло распространение в российских владениях “переметных листов.” Во всяком случае, даже спустя несколько месяцев после произошедшего, 10 июля 1708 г., Петр повторно предупреждал об опасности шведских листовок Ивана Мазепу:

Господин гетман.

Понеже неприятель идет по Днепру вниз, и по тому и по прочим всем видам намерение ево на Украину, того ради предлагаем вам сие: первое, чтоб вы по своей верности смотрели в Малороссийском крае какой подсылки от неприятеля, также переметных листов [для чего неприятель и друку во Гданске Словенскую взял] и всяко оные остерегали и пресекали и нам в том [ежели сами чего не можете одне учинить] совет и ведомость давали.¹¹³

Поскольку подробные обстоятельства этого ограбления историкам не известны, им остается лишь строить догадки о случившемся и даже сомневаться,

¹¹¹ *Ibid.*, 414-415.

¹¹² Полное собрание законов Российской империи, т. 4: 1700-1712 (Санкт-Петербург: типография 2 Отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1830), 402. (*Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*, t. 4: 1700-1712 (St. Petersburg: tipografiia 2 Otdeleniia Sobstvennoi e.i.v. kantseliarii, 1830), 402).

¹¹³ Петр I, *Письма и бумаги*, т. 8, вып. 1 (Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1948), 21. (Petr I, *Pis'ma i bumagi*, t. 8, vyp. 1 (Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948), 21).

что Копиевский был ограблен. Неужели неприятель силой отобрал у него русский шрифт, заранее зная, каким образом его можно будет использовать в военных целях? Т. А. Быкова допускает, что на самом деле никакого ограбления не было, а Копиевский, доведенный до отчаяния своим бедственным материальным положением, просто решил продать шведам свой “друк.”¹¹⁴ Действительно, в челобитной Петру, отправленной в мае 1708 г. Копиевский не упоминает ни о каком ограблении шведами и сообщает лишь о втором ограблении, совершенном казаками: “И моих ради несчастков, в пути на меня напали казаки и тое румедишку [=пожитки] отняли и, сверх того, били меня довольно.”¹¹⁵ На обоснованность предположения Т. А. Быковой могут косвенно указывать и формулировки письма Петра царевичу, повторенные затем в императорских грамотах. Ни в одном из этих документов не говорится, что “друк” был взят у Копиевского силой – он просто был у него “взят.” Вероятно, Т. А. Быкова обратила внимание и на сообщение Петра о том, что “мастер” был беден (“не имея чем кормиться”). Для чего Петр сделал это добавление? Неужели в оправдание сделки Копиевского со шведами?

Второе ограбление Копиевского на пути из Гданьска в Варшаву, напротив, не имело широкого резонанса. Подробности о нем известны из его челобитной, поданной больше, чем через два года после случившегося, в феврале 1710 г. Теперь своими обидчиками он называет не шведов, а русских – казаков из полка Карла Рённеке. На реке Висла они, помимо его собственного имущества, отобрали две штуки швабского полотна на сумму тридцать ефимков, которые он вез в Варшаву по заказу графа Г. И. Головкина. Копиевский свидетельствует здесь, что полотно, купленное им за деньги графа, не было возвращено, и его стоимость не была компенсирована. Рассчитывая на то, что справедливость будет восстановлена, он указывает имя человека, которого надлежит привлечь к ответу: полковника Чамардина, “удержавшего” дорогостоящий заказ Головкина.¹¹⁶ Имела ли какие-то последствия эта челобитная, неизвестно.

У Якова Брюса

В первые месяцы службы в Посольской походной канцелярии Копиевский был прикомандирован к генерал-поручику артиллерии Якову Брюсу, редактировавшему тогда перевод той самой “Брауновой артиллерии,” которую он несколькими месяцами ранее купил в Гданьске и отправил Петру.¹¹⁷ Сначала он находился при Брюсе в Варшаве, а затем после нескольких переходов вместе с русским войском оказался в Смоленске. Совершенно очевидно, что это первое назначение не радовало ни самого Копиевского, ни его начальника.

¹¹⁴ См.: Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 334. (Bykova, *Opisanie izdaniy, napechatannykh kirillitsej*, 334).

¹¹⁵ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 528. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 528).

¹¹⁶ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1710, д. 19, л. 1. (RGADA, f. 138, op. 1, 1710, d. 19, l. 1).

¹¹⁷ Петр I. *Письма и бумаги*, т. 7, вып. 2 (Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1946), 755-756. (Petr I. *Pis'ma i bumagi*, t. 7, vyp. 2 (Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1946), 755-756).

Об недовольстве новым подчиненным Брюса можно судить по его письму Петру, отправленному в конце мая 1708 г., где он просит перевести Копиевского в Посольский приказ в Москву под начало Гаврилы Головкина. Брюс объяснял свою просьбу тем, что в Москве от него будет больше пользы, и даже называл книги, переводами которых он мог бы там заняться:

Вашему величеству всеуниженно доношу, что уже тому с два месяца прошло, как явился у меня Копиевичь, который при мне живет без всякого дела, потому что мне в нем никакие помощи нет, для того что языку Немецкому неискусен; а зело б ему было кстати переводить книги Полские летописные, також и геометрическую, которая по приказу вашего величества, я, купя, отдал, будучи в Варшаве, в Посолскую канцелярию; того ради не лутче-ли его отослать к Гавриле Ивановичю [Головкину], понеже мне ненадобен, о чем вашего величества повеления ожидать буду.¹¹⁸

Почти одновременно с Брюсом к Петру с похожей просьбой обратился Копиевский, ссылаясь на свою усталость от разъездов и желание регулярно получать содержание, соответствующее его должности:

И по сие число живу я без дела и где мне вашего величества годовое жалованье брать, того не определено. ... И быть мне в походе при старости не возможно ... Всемиловитый государь! Прошу вашего величества, да повелит державство ваше во определении дела моего быть за старостию в ином месте кроме здешняго походу, и чтоб вашею превысочайшею и щедролубивою милостию в совершенство был делом и вашего величества жалованьем определен.¹¹⁹

Оба прошения были Петром удовлетворены, хотя и не сразу: Копиевский был отозван из Смоленска в Москву по распоряжению Головкина только четвертого сентября 1708 г. Ему был установлен ежегодный оклад и дано первое задание – во исполнение государевой воли перевести *Введение в европейскую историю* Самуэля Пуфендорфа:

Господин Копиевской,

По получению сего, изволь ехать из Смоленска с приложенным при сем письмом к Москве и явись в Посольском приказе дьяком и Секретарю, ибо определено тебе быть в том Посольском приказе для переводу книг, и давать жалованья по трактату (по 200 р. на год) ..., и приехав к Москве, сыщи Гисторию Буфендорфову Латинскую или

¹¹⁸ Ibid., 756.

¹¹⁹ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1, 528-529. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 528-529).

Немецкую и переводит оную на Русской язык (ибо Его Царское Величество оной изволит нужно требовать).¹²⁰

В приложенном к этому распоряжению Головкина письме говорилось, что по прибытии Копиевского в Москву, секретарю и дьякам надлежит составить “указ Великого Государя, что ему быть в службе Его Ц. В. в Посольском приказе для переводу книг с иностранных языков (которых он умеет, а именно Латинского, Немецкого и Голанского) на русской.”¹²¹ Еще из одного документа Посольской канцелярии мы узнаем, что 27 сентября 1708 г. Копиевский с этим письмом явился в Приказ и уже на следующий день указ о его назначении был готов.¹²²

В Москве

О жизни и работе Копиевского в Москве историкам известно очень немного. Он трудился над несколькими переводами, однако по каким-то причинам ни один из них не был опубликован. Рукопись *Истории* Пуфендорфа, над которой Копиевскому было велено работать при поступлении на службу, осталась неизданной в бумагах Посольского приказа.¹²³ Помимо нее до нас дошла еще рукопись его перевода *Истории Александра Македонского* Квинта Курция Руфа.¹²⁴ По сообщению вдовы Копиевского, среди завершенных им переводов были также три катехизиса. Вызванная 19 октября 1715 г. в Посольский приказ на допрос, она свидетельствовала, что это были “три книги катизмусы,” которые ее муж “сочинил и написал на словенском языке своею рукою ... о разных верах, выбирая из разных книг с латинского, з галанского, с полского языков.”¹²⁵ Эти рукописи, по ее утверждению, были переданы П. П. Шафирову. Позднее она же принесла в Приказ еще черновики сделанных Копиевским переводов каких-то книг Ветхого и Нового Заветов и незаконченный латинско-польский лексикон.¹²⁶

Известно еще, что помимо переводов Копиевский в 1710 г. принимал экзамен у Петра Ларионова – того самого, отец которого Михайло двенадцатью годами раньше подверг его публичному унижению и насмешкам, а теперь в качестве

¹²⁰ И. Ф. Токмаков, “Дело 1708 г. 4-19 сентября, о бытии в Посольском Приказе Илье Копиевскому при переводе Истории Пуффендорфовой и при прочих с Латинского, Немецкого и Голландского языков переводах: Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей,” *Библиограф* 5 (1886), 75. (I. F. Tokmakov, “Delo 1708 g. 4-19 sentiabria, o bytii v Posol'skom Prikaze Il'e Kopievskomu pri perevode Istorii Puffendorfovoi i pri prochikh s Latinskago, Nemetskago i Gollandskago iazykov perevodakh: Materialy dlia istorii russkoi i inostrannoi bibliografii v sviazi s knizhnoi trgovlei,” *Bibliograf* 5 (1886), 75).

¹²¹ *Ibid.*

¹²² *Ibid.*, 76.

¹²³ Токмаков, “Дело о пожитках и книгах,” 81. (Tokmakov, “Delo o pozhitkakh i knigakh,” 81).

¹²⁴ *Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук* 1 (Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1956), 410. (*Istoricheskii ocherk i obzor fondov Rukopisnogo otдела Biblioteki Akademii nauk* 1 (Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956), 410). См. также: Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 339-340. (Bykova, *Opisanie izdani, napечатannykh kirillitsej*, 339-340). Это сочинение Копиевский неоднократно указывал как книгу, подготовленную им к печати.

¹²⁵ Токмаков, “Дело о пожитках и книгах,” 80. (Tokmakov, “Delo o pozhitkakh i knigakh,” 80).

¹²⁶ Токмаков, “Дело о пожитках и книгах,” 80. (Tokmakov, “Delo o pozhitkakh i knigakh,” 80).

старшего подьячего ведал первым повытием Посольского приказа.¹²⁷ За прошедшие после учебы у Копиевского годы, Петр продолжил свое образование в Европе и успел поработать в российской дипломатической миссии во Франции.¹²⁸ Теперь, по возвращении в Москву, он подал в Посольский приказ прошение о назначении на должность, соответствующую его знаниям и опыту (“чином и государевым жалованьем против наук моих и трудов”). На основании этого прошения 11 января 1710 г. в Приказе было решено “освидетельствовать его в науке иностранных языков.” Назначенная для этого экзаменационная комиссия состояла из трех переводчиков: Михаила Шафирова (младшего брата вице-канцлера барона П. П. Шафирова), Матвея Белецкого и Ильи Копиевского. Они проверили Петра на знания латинского, немецкого, французского и голландского языков и пришли к заключению, что он “в науках оных языков искусен и переводчиком тех языков может быть свободно.”¹²⁹

Больше никаких примечательных известий о московском периоде жизни Копиевского и его трудах в Посольском приказе не известно. Отсутствие заметных следов его деятельности в государственных документах и особенно тот факт, что за семь лет им не было опубликовано ни одной книги, дают историкам повод говорить о частичной утрате им работоспособности.¹³⁰ Намеки на это, действительно, можно найти уже в документах о приеме Копиевского на службу. Так, в письме Головкина дьякам и секретарю Посольского приказа после подтверждения государева распоряжения о переводе Копиевским *Истории* Пуфендорфа дается наказ тщательно контролировать его работу: “и вы в том его понуждайте, чтоб с прилежанием оную переводил.”¹³¹ А в петровском указе о принятии Копиевского в должность о том же самом говорится еще более определенно: “чтобы он, сыскав *Гисторию* Буфендорфову, с Латинского или Немецкого языка переводил на русское реченье с прилежанием, и в том его понуждать, дабы он в переводе оной книги продолжения не чинил.”¹³²

Правда, кое-что о жизни Копиевского в Москве можно узнать еще из трех документов, составленных после его смерти. Все они недвусмысленно говорят об одном: достатка в его московском доме не было и близко. Первые два – это

¹²⁷ Д. О. Серов, *Администрация Петра I* (Москва: О. Г. И, 2008), 53. (D. O. Serov, *Administratsiia Petra I* (Moscow: O. G. I, 2008), 53).

¹²⁸ “В 205 г. [=1696] отпущен во Европские государства при великом посольстве для обучения цесарского [=немецкого] языка. И быв в тех государствах, приехал к Москве в 702 году и был на Москве год. В 703 г. отпущен паки в те же Европские государства для совершения в науках латинского и цесарского языков и для обучения французского языка. В 1705-1707 гг. был для его царского величества дел при после А.А. Матвеева у двора короля Французского и в Голландии за секретаря 2 года и в делах труды свои показал многие.” *О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701-1715 гг.): Документы московских архивов, собранные С. А. Белокуровым и А. Н. Зерцаловым* (Москва: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1907), 243-244. (*O nemetskikh shkolakh v Moskve v pervoi chetverti XVIII v. (1701-1715 gg.): Dokumenty moskovskikh arkhivov, sobrannyye S. A. Belokurovym i A. N. Zertsalovym* (Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1907), 243-244).

¹²⁹ *Ibid.* 244.

¹³⁰ Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 340. (Bykova, *Opisanie izdaniy, napechatannykh kirillitsej*, 340).

¹³¹ Токмаков, “Дело 1708 г. 4-19 сентября,” 75. (Tokmakov, “Delo 1708 g. 4-19 sentiabria,” 75.). Курсив мой – Ю.З.

¹³² Токмаков, “Дело 1708 г. 4-19 сентября,” 76. (Tokmakov, “Delo 1708 g. 4-19 sentiabria,” 76.). Курсив мой – Ю.З.

прошения о материальной помощи его семье, лишившейся кормильца. 8 октября его вдова составила в Посольском приказе челобитную, в которой сокрушалась, что от мужа ей досталось немало долгов: “муж мой умре, а после ево остались долги многие, и мне рабе Вашей немочно тех долгов после ево оплатить.” И к этому прибавляла, что в доме даже нет денег, “чтоб его погребсти.”¹³³ Об оставшихся после Копиевского долгах и бедственном положении осиротевшей семьи говорится и в поданном в январе 1715 года в Приказ прошении о выдаче вдове его годового жалованья.¹³⁴ Последнее свидетельство бедности семьи Копиевских – это уже не раз цитировавшийся допрос в Посольском приказе, в ходе которого вдова покойного сообщила, что в счет долга в 8 рублей была вынуждена заложить “з десять” оставшихся после мужа латинских книг “жене Фонзалена” (возможно, имея в виду жену инженера-полковника, “немчина,” Вильяма фон Залена).¹³⁵

III. *Persona*

Человек с непростым характером

Многое из известного нам о жизни Копиевского указывает на то, что это был человек с непростым характером. Об этом может свидетельствовать и его недолгое сотрудничество с Тессингом, сопровождавшееся постоянными конфликтами, и также кратковременное партнерство с де Ионгом, закончившееся судебным разбирательством, и его дальнейшие безуспешные поиски новых компаньонов. Однако еще больше оснований для такого предположения дают письменные свидетельства – как его самого, так и его современников.

Если не считать книг, то большинство дошедших до нас рукописей Копиевского – это его челобитные и письма, полные разного рода жалоб на своих многочисленных обидчиков. Вначале – на его учеников, подьячего Михайлу Ларионова, Тессинга, де Ионга, неумелых типографских работников, посольских приказчиков. Позднее, уже во время службы в Москве, к этому списку прибавляются новые. Сначала – на иноземца, золотых дел мастера Петра Вилнета, не вернувшего ему часть денег за взятые узду, хомут и сани.¹³⁶ Затем на известного уже нам полковника Чамардина, присвоившего дорогостоящее полотно, купленное Копиевским по поручению графа Головкина.¹³⁷ На продавцов изданных им книг, вводящих его в “обиду немалую и разорение.”¹³⁸ Наконец, на шведа Яна Меера, избившего его человека и отнявшего у него лошадь с телегой.¹³⁹

Помимо этого, в некоторых письмах Копиевского видны следы его амбициозного и эксцентричного характера. Лучшим примером здесь может быть то, которое он адресовал Королевскому Прусскому научному обществу во время

¹³³ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1714, д. 29, л. 1 (RGADA, f. 138, op. 1, 1714, d. 29, l. 1).

¹³⁴ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1715, д. 8, л. 1. (RGADA, f. 138, op. 1, 1715, d. 29, l. 1).

¹³⁵ Токмаков, “Дело о пожитках и книгах,” 80. (Tokmakov, “Delo o pozhitkakh i knigakh,” 80).

¹³⁶ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1709, д. 130, л. 1 – 1 об. (RGADA, f. 138, op. 1, 1709, d. 130, l. 1 – 1 ob.).

¹³⁷ РГАДА. Ф. 138, оп. 1, 1710, д. 19, л. 1 – 1 об. (RGADA, f. 138, op. 1, 1710, d. 19, l. 1 – 1 ob.).

¹³⁸ РГАДА. Ф. 138, оп. 1, 1710, д. 19, л. 1 – 1 об. (RGADA, f. 138, op. 1, 1710, d. 19, l. 1 – 1 ob.).

¹³⁹ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1710, д. 47, л. 1. (RGADA, f. 138, op. 1, 1710, d. 47, l. 1).

переговоров в Берлине. В самом начале этих переговоров одним из условий создания русской типографии Копиевский назвал включение себя в состав членов Общества. Когда же ему в этом было отказано, то в ответном письме он представил этот отказ как предложение сотрудничать с ним в качестве "поденного работника." Следом заявил о своем желании прервать переговоры, однако сразу после этого высокомерно объявил, что, если Общество посчитает их прекращение невозможным, то он все же будет готов сотрудничать с ним, хотя не по доброй воле, а по принуждению.¹⁴⁰

Странности поведения Копиевского отмечали и его современники. В частности, Лудольф, который, как уже было упомянуто, вел с ним в 1704 г. в Копенгагене переговоры о продаже славянских шрифтов. В письме к Франке он указывал на откровенно завышенные финансовые требования Копиевского ("Если бы бедняга был немного более уступчивым и не просил столько денег") и добавлял, что бедственное положение ослабило его умственные способности (*sein Elend den Kopf geschwächt*).¹⁴¹ А спустя три года после этого о Копиевском как о "больном мастере" (*kränklichen Meister*) писал Александру Меншикову Генрих фон Гюйссен (правда, не указывая характер его болезни).¹⁴²

Вполне можно допустить, что в последние годы жизни душевные расстройства Копиевского, о которых он сам упоминал раньше в связи с подготовкой к печати своих книг ("преогорчих мою душу"), усилились. Его нестабильное психическое состояние мог усугубить и личный кризис, вызванный невостремованностью в Москве его предыдущего опыта издателя русских книг.¹⁴³ Но все это, конечно, догадки. Не вызывает сомнений лишь то, что со времени приезда в Россию и до конца своих дней он оставался малозаметным переводчиком Посольского приказа.

О семье Копиевского историкам известны лишь отрывочные сведения. Как уже говорилось, в 1676 г. он венчался с местной дворянкой Еленой Жидович в протестантской церкви Кайданова. От их брака у него родилась дочь Анна, которую в мае 1708 г. Копиевский упоминает в челобитной Петру, рассказывая о своих злоключениях на пути в Варшаву ("И из Гданска взяв свою румедишку и дочь девицу, поехал к вашему царскому величеству").¹⁴⁴ Поскольку в не раз упоминавшемся письме Лудольфа к Франке 19 февраля 1704 г. сказано, что Копиевский собирался приехать в Галле с дочерью, то можно заключить, что к этому времени он уже был вдов.

В России он женился повторно, о чем свидетельствуют документы Посольского приказа. В частности, показания его вдовы Марьи и дочери от брака с Еленой Анны, к тому времени уже бывшей замужем за "иноземцем" портным Иваном Адиковым.¹⁴⁵ По предположению Т. А. Быковой, в России у Копиевского родилось

¹⁴⁰ См.: Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 330. (Bykova, *Opisanie izdaniĭ, napechatannykh kirillitsei*, 330).

¹⁴¹ Winter, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde*, 217.

¹⁴² *Ibid.*, 221.

¹⁴³ Текст приведенной выше присяги недвусмысленно свидетельствует о том, что при поступлении на службу он рассчитывал на продолжение своей издательской деятельности в России ("переводов, которые трудами моими могут и печататься во всякой исправности").

¹⁴⁴ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом* т. 1, 528. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1, 528).

¹⁴⁵ Токмаков, "Дело о пожитках и книгах," 80. (Tokmakov, "Delo o pozhitkakh i knigakh," 80).

еще по крайней мере два ребенка.¹⁴⁶ Такое заключение она делает на основании прошения от января 1715 г. его вдовы о выдаче ей причитающегося мужу жалованья за предыдущий год. В нем она просит “дать чем бог по сердцу положит в приказ, что б мне рабе вашей после мужа моего з *детми* своими сиротами во всеконечной скудости не быть и меж двор не скитатца.”¹⁴⁷

Однако как звали русскую жену Копиевского, и идет ли речь в этих документах об одной женщине или двух – не ясно. В не раз упоминавшемся протоколе допроса в Посольском приказе от 19 октября 1715 г., изданном без указания источника, она названа Марьей Андреевной, а в двух прошениях о вспомоществовании, поданных в октябре 1714 г. и январе 1715 г. – один раз Катериной Андреевной, другой Марьей Андреевной. В первом случае – “Перевотчика Ильи Копиевского вдова Катерина Андреева дочь.”¹⁴⁸ Во втором – “перевотчика Ильинская жена Копиевского вдова Марья Андреева дочь.”¹⁴⁹ Из этого вполне может следовать, что Копиевский был женат в России дважды. Хотя также не исключено, что в какой-то из этих документов просто вкралась ошибка писца.

Исследования биографии Копиевского

В историографии Копиевскому явно не повезло. О нем, правда, сказано немало в известном труде П. П. Пекарского, названного современником “библиотекой сведений о зачатках нашего умственного движения, возникшего из реформ Петра Великого.”¹⁵⁰ Однако эти материалы отрывочны и не создают целостного представления о его фигуре. Почти через сто лет после Пекарского к биографии Копиевского обратилась Т. А. Быкова, уделив особое внимание его книгоиздательской деятельности. Еще некоторое время спустя биографические сведения о нем обобщил и дополнил З. Новак в статье, оставшейся почти незамеченной историками. Этими тремя работами список основных исследований биографии Копиевского и заканчивается.¹⁵¹

Как объяснить такое скромное внимание к составителю и издателю первых русских учебников? Ведь историками написаны десятки подробных биографий людей, оставивших гораздо менее заметный след в культурных преобразованиях петровского времени. Наверное, на это есть несколько причин, однако главной, скорее всего, является маргинальное положение его фигуры в общем контексте историографии российской истории.

¹⁴⁶ Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*, 338. (Bykova, *Opisanie izdaniĭ, napechatannykh kirillitsei*, 338).

¹⁴⁷ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1715, д. 8, л. 1. (RGADA, f. 138, op. 1, 1715, d. 29, l. 1). Курсив мой – Ю.З.

¹⁴⁸ Катериной Андреевной она названа и в делопроизводстве по этому челобитью: РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1714, д. 29, л. 1 об. (RGADA, f. 138, op. 1, 1714, d. 29, l. 1 ob.).

¹⁴⁹ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1715, д. 8, л. 1. (RGADA, f. 138, op. 1, 1715, d. 29, l. 1).

¹⁵⁰ Цит. по: Е. Шмурло, “Пекарский Петр Петрович,” П. П. Пекарский, *Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 году* (Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1865), 82. (Е. Shmurlo, “Pekarskii Petr Petrovich,” P. P. Pekarskii, *Puteshestvie akademika Nikolaia Iosifa Delilia v Berezov v 1740 godu* (St. Petersburg: tip. Akad. nauk, 1865), 82).

¹⁵¹ Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1-2. (Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, t. 1-2); Быкова, *Описание изданий, напечатанных кириллицей*. (Bykova, *Opisanie izdaniĭ, napechatannykh kirillitsei*); Nowak, “Eliasz Kopijewicz.”

Действительно, какое отношение к ней имеет уроженец Великого княжества Литовского, затем гражданин Республики Соединенных провинций и лишь в последние годы жизни – российский подданный. К тому же не православный, а кальвинист, по-видимому, остававшийся преданным своей вере до конца дней. Неясна и его этническая принадлежность: то ли белорус, то ли поляк, то ли литовец, то ли украинец, но явно, не “природный русский.” В общем, инородец и иноверец, каким-то чудом оказавшийся в роли просветителя православного “славяно-русского народа.”

Что касается причин внимания к его фигуре трех названных выше авторов, то они вполне объяснимы, хотя и по-разному. В труде П. П. Пекарского, где Копиевский выступает одним из исполнителей воли Петра, присутствие подробных сведений о нем обусловлено историографической манерой автора, видевшего главной целью своих исследований строгое следование источникам. Не могла обойти вниманием его фигуру и Т. А. Быкова, автор образцового библиографического описания книг кириллической печати конца XVII – первой четверти XVIII в. Кем был человек, подготовивший и издавший за границей одиннадцать из описанных ею русских изданий? Отвечая на этот вопрос, на основе тщательного анализа разнообразных документальных материалов, ей удалось впервые воссоздать важнейшие эпизоды жизненного пути Копиевского. Обращение к его биографии З. Новака, признавшего в нем поляка по происхождению, можно, по-видимому, объяснить его симпатией к соплеменнику. Опираясь на материалы Пекарского и Быковой и анализируя польские источники, он добавляет к истории жизни Копиевского новые штрихи, подчеркивая его значимый вклад в начало становления научного знания в России.

Если же говорить об историографии петровских реформ в области образования и культуры в целом, то второстепенное место, которое в ней отводится этому инородцу и иноверцу, не вызывает особого удивления. Хорошо известно, что большинство писателей, переводчиков и типографов в окружении Петра, особенно на начальном этапе его преобразований, составляли православные выходцы из Юго-Западной Руси, имевшие основательное богословское образование, а нередко и высокие церковные должности. Поскольку Копиевский в эту когорту никак не мог быть зачислен, он так и остался в историографии скромным “белорусским просветителем,” вследствие места рождения гораздо больше известным и чтимым в Минске, чем в Москве.

Сказанное, конечно, вовсе не значит, что сегодня его имя и его труды забыты. Однако интерес к ним проявляют почти исключительно лингвисты, видя в Копиевском в первую очередь переводчика, автора грамматик (латинской и русской) и составителя двух трехязычных словарей.¹⁵² Что касается других его

¹⁵² См. некоторые недавние работы: М. К. Брагоне, “К истории русского Эзопа на рубеже XVII и XVIII веков,” в *Litterarum fructis: Сборник статей к 60-летию С. И. Николаева*, ред. Н. Ю. Алексеева, Н. Д. Кочеткова (Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2012), 75-87. (М. К. Bragone, “K istorii russkogo Ezopa na rubezhe XVII i XVIII vekov,” in *Litterarum fructis: Sbornik statei k 60-letiiu S. I. Nikolaeva*, red. N. Iu. Alekseeva, N. D. Kochetkova (St. Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2012), 75-87); L. Ronchi de Michelis, “Tra Amsterdam e Mosca: I. F. Kopievskij e una traduzione russa dei libri simbolici della chiesa riformata olandese” in *I testi cristiani nella storia e nella cultura: prospettive di ricerca tra Russia e Italia*, a cura di S. Boesch Gajano et al. (Rome: Pontificio Istituto Orientale, 2013), 251-264; И. Е. Кузнецова, “Отражение вариативности языковых единиц в ‘Номенклаторе’ И. Копиевского,” в *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 2 (Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2014),

учебных книг, то их содержание и их место в российском культурном ландшафте начала XVIII в., то эти темы стали привлекать внимание исследователей только недавно. Как и вопросы, связанные с распространением и популярностью его книг в России.¹⁵³

Между тем, уже сегодня можно с уверенностью заключить, что издания Копиевского внесли заметный вклад в становление науки и образования в России начала XVIII в. Достаточно упомянуть, что благодаря им массовый русский читатель получил первый печатный учебник арифметики, первые русско-латинско-немецкий и русско-латинско-голландский словари, первые учебники латинской грамматики, всемирной истории, военного дела, астрономии, навигации. И кроме этого – первую русскую карту звездного неба и первый русский перевод античной классики (Эзопа). Как тут не захотеть узнать об их создателе как можно больше?

463-469. (I. E. Kuznetsova, "Otrazhenie variativnosti iazykovykh edinit v 'Nomenklatore' I. Kopievskogo," v *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*. Vyp. 2 (Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova, 2014), 463-469); E. K. Крюк "Краткое и полезное руководство во аритметыку' Ильи Копиевского." (E. K. Kriuk, "Kratkoe i poleznoe rukovedenie vo aritmetyku' Il'i Kopievskogo").

¹⁵³ См.: Ю. П. Зарецкий, "Всемирная история Ильи Копиевского (Перевод, истолкование, компиляция, адаптация, трансляция европейского исторического знания в Россию)," в *История: переводить, понимать, оценивать* (к юбилею М. А. Юсима), ред. П. Ю. Уваров (Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2021), 447-467. (Iu. P. Zaretskii, "Vsemirnaia istoriia Il'i Kopievskogo (Perevod, istolkovanie, kompiliatsiia, adaptatsiia, transliatsiia evropeiskogo istoricheskogo znaniia v Rossiiu)," v *Istoriia: perevodit', ponimat', otsenivat'* (k iubileiu M. A. Iusima), red. P. Iu. Uvarov (Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2021), 447-467); Ю. П. Зарецкий, "Проект Петра Первого по изданию светских учебников: осуществление замысла," *Quaestio Rossica* 4 (2021) (в печати). (Iu. P. Zaretskii, "Proekt Petra Pervogo po izdaniiu svetskikh uchebnikov: osushchestvlenie zamysla," v *Quaestio Rossica* 4 (2021) (in press).

Василий Татищев, “искусной архитект” Фридриха Барбароссы и кто-то третий

Vasilii Tatishchev, the “Skilled Architect” of Friedrich Barbarossa and a Third Personage

Михаил Бойцов

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики*

Mikhail Boytsov

*National Research University
Higher School of Economics
mboytsov@hse.ru*

Abstract:

The author attempts to find out under what circumstances Vasilii Tatishchev could have come to his assertion that Emperor Frederick I Barbarossa had sent an architect to Andrei Bogoliubskii, prince of Vladimir. Despite the wide popularity of this Tatishchev's argument among today's historians of architecture, it has never become the subject of a special study. Meanwhile, this case allows a deep look into the specific research methods of a historian in the first half of the eighteenth century, as well as into his narrative strategies and value orientations.

Keywords:

The culture of historical research in the eighteenth century, Vasilii Tatishchev, the “Tatishchev data,” the “Volynskii conspiracy,” Petr Eropkin, The Book of Degrees of the Royal Genealogy, Frederick I Barbarossa, architectural monuments of Vladimir

Трудно найти публикацию о белокаменном зодчестве Владимиро-Суздальской Руси XII–XIII вв., в которой не приводилось бы одно смелое утверждение В. Н. Татищева (1686–1750). Согласно ему, не кто иной, как император Фридрих I Барбаросса (ок. 1122–1190) прислал зодчего владимирскому князю Андрею Боголюбскому (ок. 1111–1174), с каковым император, оказывается, состоял в дружбе. В серьезной литературе это заявление Татищева сопровождается обычно осторожными оговорками. Тем не менее, оно явно повлияло на таких историков архитектуры, как Н. Н. Воронин, А. И. Комеч и С. В. Заграевский, когда они указывали на германские земли, и прежде всего Рейнскую область, в качестве вероятной творческой родины создателя храма Покрова на Нерли.

Источник интригующего сообщения автора *Истории Российской*, как и сотен других его замечаний, неизвестен. Однако удивляет, что ни один специалист, – ни по древнерусской архитектуре, ни по истории Владимиро-Суздальской Руси, ни по сомнительным “татищевским известиям” – до сих пор не попытался прояснить здесь хотя бы то небольшое, что прояснить возможно. Разве не резонно спросить, когда и при каких обстоятельствах Татищев сформулировал свой тезис, возвращался ли он к нему, модифицировал ли его с течением времени? Считал ли его случайной догадкой или же серьезным открытием? Использовал

ли свою находку, чтобы высказать какие-либо исторические, философские или политические взгляды?

Если же Татищев всецело выдумал эпизод о “дружбе” Барбароссы с Андреем Боголюбским, то в чем состояли мотивы и интересы автора, где он обрел источник вдохновения? Столь смелую игру воображения и саму по себе стоило бы признать гениальной, ведь Татищев никак не мог знать того, в чем уверены сегодняшние историки архитектуры: примерно в 1157 г. во Владимире действительно появились новые мастера, умевшие так возводить и украшать храмы, как это делали тогда в Италии, Франции и Германии. Мастерство приезжих было отнюдь не провинциального уровня: сохранись сегодня их постройки в любой из перечисленных стран, они благодаря своему художественному качеству не затерялись бы и там в длинном ряду романских памятников.

Цель этой статьи состоит, однако, вовсе не в том, чтобы разыскивать следы зодчих XII в. Подробный разбор одного-единственного тезиса В. Н. Татищева позволяет высветить методы работы и движение мысли русского историка первой половины XVIII в., определить, как его академические интересы сочетались с политическими симпатиями, увидеть на единичном примере, как формировалось то историческое знание, элементы которого не потеряли актуальности даже в наши дни. В самом деле, владимирские экскурсоводы и сегодня с удовольствием поведают туристам о зодчем, присланном Барбароссой. Правда, не все они упомянут имя человека, которому мы всецело обязаны этим не то блистательным открытием, не то досадным заблуждением, а, быть может, и вдохновенным домыслом.¹

1. Одно открытие в двух примечаниях

Суждение Татищева о причастности Барбароссы к достижениям строительной артели князя Андрея Боголюбского известно всего лишь по двум примечаниям ко второй части татищевской *Истории Российской*, изданной немалыми усилиями Г. Ф. Миллера (1705–1783) в 1774 г. – т.е. почти через четверть века после кончины автора. Первое из них будет далее обозначаться как “Примечание А.” В издании оно стоит под номером 483 и читается следующим образом:

По оставшему во Владимире строению, а паче по вратам градским видимо, что Архитект достаточный был. Онаго древняго строения мало осталось, и починка новая весьма отменилась; церковь же, конечно, должна бы преимуществовать. Но как она после некаким простым каменщиком перестроивана, то ныне уже ни коего знака науки архитектурной в ней не видно, мастера же присланы были от

¹ В качестве общего введения в биографию и труды В. Н. Татищева, а также в бесконечные дискуссии вокруг его наследия см.: Михаил Б. Свердлов, “Василий Никитич Татищев – историк,” в М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России (Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011), 439–520. (Mikhail B. Sverdlov, “Vasilii Nikitich Tatishchev – istorik,” v M. V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoi nauki v Rossii (St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011, 439–520).

Императора Фридерика первого, с которым Андрей в дружбе был, как ниже явится.²

Под “вратами градскими” следует понимать, конечно, Золотые ворота, но вот о какой церкви идет речь, из приведенной формулировки сразу не догадаться. Хотя строительство Золотых ворот датируется 1158–1164 гг. (т.е. временем, когда во Владимире уже работали приезжие мастера), историки архитектуры настаивают на участии в нем и старой артели Юрия Долгорукого (1090/1100–1157), трудившейся в Ростово-Суздальской земле до приезда туда “зодчего Барбароссы.”³ О качестве ее построек можно судить по Борисоглебской церкви в Кидекше и Спасо-Преображенскому собору в Переяславле-Залесском, заложенным, видимо, практически одновременно в 1152 г.

Легко заметить, что “Примечание А” построено на двух принципиально различных типах данных. По большей части оно передает “сегодняшние” личные впечатления от осмотра “древняго строения” во Владимире. И только в самом конце появляется “историческое” утверждение, основу которого должно составлять некое старинное письменное свидетельство – если, конечно, автор здесь не разыгрывал читателя.

“Примечание А” относится к тому месту основного текста *Истории*, где Татищев в рубрике за 1160 г. пересказывает широко известный летописный рассказ о возведении Успенского собора во Владимире.⁴ В отличие от летописца, Татищев не придает значения вере князя и его “тщанию к святой Богородице” – все дело в его стараниях практического плана: “по снисканию бо его даде ему Бог мастеров для строения онаго из умных земель.” На внешнем поле страницы против этого абзаца проставлен “фонарик”: “Архитект во Владимире.”⁵ Однако

² Василий Н. Татищев, *История Российская с самых древнейших времён*, кн. 3 (Москва: Имп. Московский университет, 1774), 487. (Vasilii N. Tatishchev, *Istoriia Rossiiskaia s samykh drevneishikh vremён*, кн. 3 (Moscow: Imp. Moskovskii universitet, 1774), 487).

³ См. Николай Н. Воронин, *Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков*, т. 1 (Москва: Академия Наук СССР, 1961), 132, 323–24. (Nikolai N. Voronin, *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov*, t. 1 (Moscow: Akademiia Nauk SSSR, 1961), 132, 323–24); Татьяна П. Тимофеева, *Золотые ворота во Владимире* (Москва: Северный паломник, 2002), 16. (Tat'iana P. Timofeeva, *Zolotyе vorota vo Vladimire* (Moscow: Severnyi palomnik, 2002), 16); Сергей В. Заграевский, “Архитектор Фридриха Барбароссы,” в *Хвалам достойный.... Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Международная научная конференция, Владимир, 5–6 июля 2011 года* (Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2013), 184–95. (Sergei V. Zagraevskii, “Arkhitektor Fridrikha Barbarossy,” v *Khvalam dostoinyi.... Andrei Bogoliubskii v russkoi istorii i kul'ture. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, Vladimir, 5–6 iul'ia 2011 goda* (Vladimir: Gosudarstvennyi Vladimiro-Suzdal'skii muzei-zapovednik, 2013), 184–95).

⁴ Цитируем (в упрощенной орфографии) статью за 6668 г. по Радзивилловской летописи, копию которой Татищев внимательно изучал: “[В] то же лето созда бысть церкви святыи Богородици в Володимири благовернымъ и христоролюбивымъ княземъ Андреемъ, и украси ю дивно многоразличными иконами, и драгимъ каменемъ бес числа, и сосуды церковными, и верхъ ея позлати. По вере же его и по дщанию ко святей Богородици приведе ему богъ из умныхъ земель мастера и украси ю паче инехъ церквей”. *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ), т. 38 (Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1989), 130. (*Polnoe sobranie russkikh letopisei* (dalee - PSRL), t. 38 (Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение, 1989), 130).

⁵ Татищев, *История*, 127. (Tatishchev, *Istoriia*, 127). Ср. вариант из Первой редакции будущей *Истории Российской*: “[...] по снисканию бо его приведе ему бог из умныхъ земель мастера, иже строиша и украсиша ю паче всехъ церквей [...]”. В “фонарике” слово “архитект” дано во множественном числе. Василий Н. Татищев, *История Российская в семи томах*, т. 4 (Москва;

откуда взялся Барбаросса в примечании? Может быть, Татищев просто обратил внимание на сообщение летописи о перестройке в 1194 г. разрушившегося от времени и небрежения суздальского собора? Летописец похвалил епископа Иоанна за то, что тот “не ища мастеров от Немець, но налезе мастера от клевет святое Богородицы и своих.”⁶ Значит, раньше некий крупный и состоятельный заказчик искал “мастеров от Немець,” а кем же ему и быть, если не Андрею Боголюбскому? Тогда Татищеву стоило только поинтересоваться, кто же правил “немцами” при князе Андрее, чтобы легко прийти к умозаключению: зодчих должен был направить именно Фридрих I. Объяснение это, однако, слишком простое. Прежде всего, Татищев прекрасно знал, что “немцы” – этноним обобщенный, которым летописцы могли называть самые разные народы.⁷ А кроме того, как вскоре будет показано, морфология его утверждения куда сложнее.

Второе примечание – будем называть его впредь “Примечание Б” – стоит в издании под номером 547: “Цесарь был Фридерик Барбаросса, по нем сын его Генрик IV. сий же упоминает Послов от Цесаря и архитекты присланные, N. 483, чем дружбу сию утверждает.”⁸ Поскольку сын Фридриха I вззошел на престол в 1190 г. под именем Генриха VI (1165–1197), а с Генрихом IV (1050–1106) были связаны весьма драматичные события, читатель здесь может заподозрить, что Татищев вовсе не разбирался в истории германских земель. Однако из последующего станет ясно, что такие подозрения безосновательны.

Опри всей краткости “Примечания Б” в нем обнаруживается несколько странностей. Один “архитект” превратился в нескольких. Вместо дружбы Фридриха I с Андреем Боголюбским, которую автор обещал разъяснить “ниже,” в “Примечании Б” “утверждается” дружба уже между Генрихом VI и его владимирским контрагентом, которым мог быть только Всеволод Большое Гнездо (1154–1212). Далее оказывается, что во Владимир вместе с архитекторами были отправлены и послы, причем именно от Фридриха I. Что же до Генриха VI, то он только “упоминает” об этих событиях – очевидно, в какой-то грамоте. У слов о присланных архитекторах (а не у последующего упоминания о “дружбе” между государями) Татищев ставит отсылку *выше*, к “Примечанию А,” тогда как

Ленинград: Академия Наук СССР, 1964) (далее – Татищев 4), 258. (Vasilii N. Tatishchev, *Istoriia Rossiiskaia v semi tomakh*, t. 4 (Moscow: Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1964) (dalee - Tatishchev 4), 258). Ошибочное предположение, будто у Татищева здесь слышен отголосок оборота “умный свет” из манифеста о вступлении на престол Елизаветы Петровны, см. в: Андрей В. Горовенко, *Василий Татищев и “древние летописи”: домонгольская Русь глазами первого русского историка* (Санкт-Петербург: Олег Обышко, 2019), 292. (Andrei V. Gorovenko, *Vasilii Tatishchev i “drevnie letopisi”: domongol'skaia Rus' glazami pervogo russkogo istorika* (St. Petersburg: Oleg Obyshko, 2019), 292). Как раз в этом месте Татищев дословно следует летописи.

⁶ *Летопись по Лаврентьевскому списку*, изд. 3 (Санкт-Петербург: Археографическая комиссия, 1897), 390. (*Letopis' po Lavrentievskomu spisku*, izd. 3 (St. Petersburg: Arkheograficheskaiia komissiiia, 1897), 390). Ср. также близкий вариант в Никоновской летописи, также использовавшейся Татищевым: *ПСРЛ*, т. 10 (Санкт-Петербург: типография Министерства внутренних дел, 1885), 21 (статья за 6701 г.). (*PSRL*, t. 10 (St. Petersburg: tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1885), 21 (stat'ia za 6701 g.)).

⁷ См., например: “[...] иногда половцев и татар, за едино отродие кладут, хотя они никоего согласия в роде и языке не имели, власно как, и не весьма давно, у нас все европейские так разные народы во едино имя немец заключали”. Татищев 4, 411. (Tatishchev 4, 411).

⁸ Татищев, *История*, 500. (Tatishchev, *Istoriia*, 500).

“Примечание А” в свою очередь ссылалось на “Примечание Б,” поскольку ничего иного, хоть как-то относящегося к дружбе Гогенштауфенов и Юрьевичей, еще “ниже” уже более не “явится”. Запомним эту странную закольцованную композицию, отметив заодно, что автор обманывает ожидания читателя: сначала он посулил разъяснить “ниже” характер отношений Барбароссы и Андрея, а в итоге не сказал на эту тему ничего нового, если не считать упоминания послов, якобы отправленных от первого ко второму.

“Примечание Б” относится к пересказу Татищевым под 1190 г. другого сюжета, известного благодаря Ипатьевской летописи, – о бегстве галицкого князя Владимира Ярославича из венгерского плена в “Немецкую землю” к “царю немецкому.” Согласно Татищеву, когда император узнал, что беглец “есть сестричич Всеволода Великого Князя Белорусского, о котором он любовь и частую переписку имел, принял его с честью и любовью великою.”⁹ Теперь речь идет уже не о дружбе, а о любви, притом в новом сочетании – между Фридрихом Барбароссой и Всеволодом. Примечание должно было как раз разъяснить, какой именно император приветил Владимира Ярославича, поскольку 1190 г. оказался рубежным между двумя царствованиями.¹⁰ Заявить о наличии любви Фридриха I к владимирскому князю Татищев мог, исходя из простого умозаключения: раз император полюбил родственника Всеволода, значит, он любил и самого Всеволода. Зато замечание про переписку между ними, тем более “частую,” выглядит тем подозрительнее, что в Первой редакции будущей его еще не было.¹¹

Не требуется особой проницательности, чтобы из сопоставления обоих примечаний, “А” и “Б”, догадаться, как могла выглядеть их документальная основа – если, конечно, таковая вообще имелаась. Она должна была представлять собой лаконичный пересказ фрагмента послания императора Генриха VI, адресованного Всеволоду Юрьевичу.¹² В нем император напоминал Всеволоду о “дружбе” между их предшественниками: императором Фридрихом I (отцом автора) и князем Андреем Юрьевичем или же Юрием Владимировичем (сводным братом или отцом адресата). В качестве яркого проявления той “дружбы” Генрих VI, надо полагать, “упомянул,” как его отец направил на Русь мастеров-строителей. Собственная память подспорьем Генриху VI в данном случае быть никак не могла: если эпизод с отправкой зодчих вообще имел место, то лет за восемь до его рождения. Император не мог вычитать о нем и в копии грамоты, которой его отец должен был снабдить архитекторов, поскольку

⁹ Там же, 293. (Там же, 293). В Ипатьевской летописи: “Царь же уведав оже есть сестричич великому князю Всеволоду Суждальскому и прия его с любовью и с великою честью”. ПСРЛ, т. 2, изд. 2 (Санкт-Петербург: типография М. А. Александрова, 1908), 666. (PSRL, t. 2, izd. 2 (St. Petersburg: tipografiia M. A. Aleksandrova, 1908), 666).

¹⁰ В действительности бегство Владимира Ярославича произошло, видимо, еще в 1189 г. Подробнее об этом эпизоде см.: Michael Lindner, “Ein *regulus Ruthenorum* am Hofe Kaiser Friedrich Barbarossas. Das Wiener Dreikönigetreffen des Jahres 1165 und die ‘Ostpolitik’ des Staufers” *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung* 50 (2001): 349, 357–59.

¹¹ “Царь же, уведав, иж есть сестричич великому князю Всеволоду суздальскому, с ним же царь велику любовь име, прият его с любовью и честью великою.” Татищев 4, 312. (Tatishchev 4, 312).

¹² Такое предположение уже делалось. См, например: Воронин, *Зодчество*, 331. (Voronin, *Zodchestvo*, 331).

регистров исходящих писем в императорской канцелярии тогда еще не велось.¹³ Выходит, напомнить Генриху VI о событиях сорокалетней давности должен был какой-то долгожитель в его окружении, Адресат тоже не припомнил бы прибытия зодчих: ему тогда было года три от роду. Однако развернутое ими строительство он должен был видеть как до своего изгнания в 1162 г., так и после возвращения в пятнадцатилетнем возрасте. Да и при его правлении здания, воздвигнутые приезжими, были у всех на виду, говоря сами за себя.

Согласно замыслу Татищева, основной текст его труда основывался всецело на русских летописях, тогда как сведениям из иностранных источников отводилось место в примечаниях.¹⁴ В соответствии с этой логикой, следы грамоты Генриха VI стоило бы разыскивать в одной из тех немецких книг, что Татищев время от времени сам покупал или выписывал – то поштучно, то ящиками.¹⁵ В таких усилиях, однако, необходимости нет: самые тщательные поиски посланий не только Генриха VI, но и всех прочих средневековых императоров немецкие историки уже давно провели. Вероятность того, что издатели академического справочника *Regesta Imperii* пропустили какую-либо немецкую публикацию из известных Татищеву, ничтожно мала. Между тем во всех трех томах RI, посвященных правлению Генриха VI, никаких посланий русским князьям не

¹³ Thomas Ertl, *Studien zum Kanzlei- und Urkundenwesen Kaiser Heinrichs VI* (Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2002), 29.

¹⁴ См. свидетельство Татищева еще 1734 года: “[...] историю рускую, которую ты хотя не в совершенном порядке, однако ж довольную в моих письмах найдешь, и ко иной примечании и дополнки [вариант: дополнению – М.Б.] из чужестранных книг, выписанные на разных бумагах, естьли охота будет, можешь в порядок собрать [...]” Василий Н. Татищев, “Духовная,” в: Василий Н. Татищев, *Избранные произведения*, ред. Сигизмунд Н. Валк (Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1979) (далее – Татищев 8), 138. (Vasilii N. Tatishchev, “Dukhovnaia,” v: Vasilii N. Tatishchev, *Izbrannye proizvedeniia*, red. Sigizmund N. Valk (Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение, 1979) (dalee - Tatishchev 8), 138). О таком же построении труда уже на стадии завершения говорится в письме 1746 г.: “История от начала росиских государей до нашествия татар от многих русских манускриптов древним наречием сочинена и от иностранных примечаниями изъяснена [...]” Василий Никитич Татищев. *Записки. Письма. 1717–1750 гг.* (Москва: Наука, 1990) (Научное наследство 14) (далее – Татищев 9), 321 (№ 229). (Vasilii Nikitich Tatishchev. *Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 gg.* (Moscow: Nauka, 1990) (Nauchnoe nasledstvo 14) (dalee - Tatishchev 9), 321, no. 229). См, наконец, в тексте самой *Истории Российской*: “[...] где что изъяснения или от чужестранных к доказательству требовалось, оное я, числами назнача, особно приобщил [...]” Татищев 4, 39. (Tatishchev 4, 39). Ср.: Александр И. Андреев, “Труды В. Н. Татищева по истории России” в: Василий Н. Татищев, *История Российская в семи томах*, т. 1 (Москва-Ленинград: Академия Наук СССР, 1962) (далее – Татищев 1), 25–26 (Aleksandr I. Andreev, “Trudy V. N. Tatishcheva po istorii Rossii” v Vasilii N. Tatishchev, *Istoriia Rossiiskaia v semi tomakh*, t. 1 (Moscow-Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1962) (dalee - Tatishchev 1), 25–26); Сигизмунд Н. Валк, “О составе рукописей седьмого тома *Истории Российской* В. Н. Татищев” в: Василий Н. Татищев, *История Российская в семи томах*, т. 7 (Москва-Ленинград: Академия Наук СССР, 1968) (далее – Татищев 7), 31. (Sigizmund N. Valk, “O sostave rukopisei sed'mogo toma ‘Istorii Rossiiskoi’ V. N. Tatishcheva” v Vasilii N. Tatishchev, *Istoriia Rossiiskaia v semi tomakh*, t. 7 (Moscow-Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1968) (dalee - Tatishchev 7), 31).

¹⁵ О библиотеке Татищева на Урале см.: Алевтина М. Сафронова, *Личная библиотека В. Н. Татищева в Екатеринбурге* (Екатеринбург: Уральский университет, 2017). (Alevtina M. Safronova, *Lichnaia biblioteka V. N. Tatishcheva v Ekaterinburge* (Ekaterinburg: Ural'skii universitet, 2017)). О составе самарской библиотеки, перевезенной в Москву, можно судить по каталогу, составленному вскоре после смерти Татищева: Петр П. Пекарский, *Новые известия о В. Н. Татищеве* (Санкт-Петербург: Имп. Академия наук, 1864), 56–63. (Petr P. Pekarskii, *Novye izvestiia o V. N. Tatishcheve* (St. Petersburg: Imp. Akademiia nauk, 1864), 56–63).

упоминается.¹⁶ Более того, и в служебной картотеке возможных дополнений для будущих переизданий ничего сколько-нибудь подходящего тоже не обнаружилось.¹⁷ Тем самым поиски предполагаемого источника татищевского суждения остается вести все-таки на российской почве.

2. Немецкие примечания к русской истории

Вполне готовую – как тогда казалось автору – рукопись единственно нас интересующей (нынешней второй) части *Истории древнейшей* Татищев привез с собой в Петербург в конце января или начале февраля 1739 г. Ему пришлось покинуть Самару из-за обвинений в злоупотреблениях, допущенных во главе доверенной ему в 1737 г. Оренбургской экспедиции (уже переименованной в комиссию).¹⁸ Претензий к Татищеву накопилось столько, что 27 мая 1739 г. была созвана особая сенатская комиссия из шести человек “для рассмотрения дел и доношений, касающихся действий тайного советника Василия Татищева.”¹⁹ Тем не менее, в те же нервные месяцы, по признанию самого Татищева, он занимался доработкой готовых разделов *Истории*: “многим оную показывал, требуя к тому помосчи и разсуждения, дабы мог что пополнить, а невнятное изъяснить”. Критических замечаний Татищеву пришлось выслушать немало: “Иному то, другому другое ненравно было.”²⁰ Однако нашлись и знатоки, “снискательные к гистории русской,” оказывавшие ему поддержку, делившиеся с ним не только собственными знаниями, но и рукописными коллекциями. Среди них были и вскоре “в несчастье впадшие” давние знакомые Татищева обер-егермейстер и кабинет-министр А. П. Вольтер (1689–1740), архитектор, полковник и гоф-бауинтендант П. М. Еропкин (1689–1740), капитан флота и советник Экипажмейстерской конторы А. Ф. Хрущов (1691–1740). С их помощью Татищев совершенствовал, вероятно, не только основной текст своего труда, но и примечания к нему, тоже привезенные более или менее готовыми из Самары.²¹

На протяжении почти всего петербургского пребывания Татищев числился подследственным, жил какое-то время под домашним арестом, вызывался на допросы и очные ставки. В апреле 1740 г. прошел слух, что его заключили в крепость. При этом в те же самые месяцы в столице империи происходили

¹⁶ См. указатель имен и географических названий: *Die Regesten des Kaiserreiches unter Heinrich VI. 1165 (1190)–1197. Namenregister, Ergänzungen und Berichtigungen, Nachträge*, bearb. von Karin und Gerhard Baaken (Cologne-Vienna: Böhlau, 1979) (J. F. Böhmer, *Regesta Imperii IV: Ältere Staufer*, Abt. 3), 1–183.

¹⁷ Выражаю признательность профессору Г. Лубиху (Университет Рурской области в Бохуме), любезно проверившему эту картотеку.

¹⁸ 3 января 1739 г. Татищев был еще в Самаре. См.: Татищев 9, 272–74 (№ 175–76). (Tatishchev 9, 272–74, no. 175–76). В Санкт-Петербурге он оказался не позже 15 февраля. См.: там же, 274 (№ 177). (Sm.: tam zhe, 274, no. 177).

¹⁹ *Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век*, составил Платон И. Баранов, т. 2, 1725–1740 (Санкт-Петербург: типография Правительствующего Сената, 1875), 592 (№ 7035). (*Opis' vysochaishim ukazam i poveleniim, khраниashchimsia v S.-Peterburgskom Senatskom arkhive, za XVIII vek*, sostavil Platon I. Baranov, t. 2, 1725–1740 (St. Petersburg: tipografiia Pravitel'stviushchego Senata, 1875), 592, no. 7035). Подробности см.: Горovenko, *Василий Татищев*, 99–129. (Gorovenko, *Vasilii Tatishchev*, 99–129).

²⁰ Татищев 1, 85. (Tatishchev 1, 85).

²¹ Валк, “О составе рукописей,” 30. (Valk, “O sostave rukopisei,” 30).

события одно драматичнее другого, причем все они могли так или иначе сказаться на его судьбе, а некоторые, судя по всему, действительно сказались. В апреле 1740 г. был низвергнут Волынский, и до июня шло беспощадное следствие над ним и его “конфидентами,” в числе которых при неблагоприятном развитии событий Татищев тоже мог оказаться. Присутствовал ли он утром 27 июня 1740 г. в толпе на Сытном рынке, когда его “снискательные к истории русской” приятели лишились голов один за другим? Не прошло и четырех месяцев, как 17 октября скончалась благоволившая Татищеву Анна Иоанновна и императором провозгласили Иоанна Антоновича (1740–1764) при регентстве Э. И. Бирона (1690–1772), Татищеву уже вовсе не благоволившего. Ничего хорошего историку от нового правителя ждать не приходилось. Однако уже 9 ноября 1740 г. Бирон был арестован и отправлен в ссылку. Новая регентша Анна Леопольдовна простила Татищева и 31 июля 1741 г. назначила ему ехать в Царицын возглавлять Калмыцкую комиссию. Не успеет еще Татищев более или менее освоиться на месте новой службы, как 25 ноября 1741 г. Анну Леопольдовну вместе с Иоанном Антоновичем свергнет Елизавета Петровна. Вскоре выяснится, что особой благосклонности она к Татищеву не питает...

Прибыв в начале 1739 г. из Самары в столицу империи, Татищев не прервал начавшуюся еще в 1730 г. переписку с влиятельным секретарем канцелярии Санкт-Петербургской Академии наук И. Д. Шумахером (1690–1761).²² В частности, Татищеву очень хотелось подключить академиков к исправлению рукописи своего труда. В их помощи применительно к основному тексту будущей второй части *Истории* он не нуждался – очевидно, не без оснований полагая, что в летописях разбирается заведомо лучше них. Зато вводный исторический обзор до княжения Рюрика (из него со временем вырастет первая часть *Истории Российской*), а также примечания к уже написанному внушали Татищеву беспокойство: он был заинтересован в критическом взгляде на них специалистов, лучше него разбиравшихся в истории всеобщей.

Для опасений основания имелись. Татищев был самоучкой: он учился на ходу, по книгам и рукописям, не прослушав ни единого курса по истории, не позанимавшись ни в одном историческом семинаре. С историей как университетской дисциплиной Татищев смог впервые познакомиться лишь во время пятнадцатимесячного пребывания в Швеции в 1724–1726 гг.²³ По его собственным словам, он “имел случай со многими учеными разговаривать” не только в Уппсале, но и в Копенгагене, куда, видимо заехал из Мальмё в октябре

²² См. о нем, а также и об отношениях Татищева с другими членами Академии Наук: Conrad Grau, *Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev, 1686-1750* (Berlin: Akademie, 1963), 115–145. Сравни: Юрий Н. Столяров, “Вклад И. Д. Шумахера в развитие русской науки и культуры. (К 325-летию со дня рождения первого российского библиотекаря и библиотековеда),” *Научные и технические библиотеки*. № 9 (2015): 34–50. (Iurii N. Stoliarov, “Vklad I. D. Shumakhera v razvitie russkoj nauki i kul'tury. (K 325-letiiu so dnia rozhdeniia pervogo rossiiskogo bibliotekaria i bibliotekoveda),” *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, no. 9 (2015): 34–50).

²³ Подробно об этом см: Grau, *Der Wirtschaftsorganisator*, 42–54; Александр Юхт, *Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в.* (Москва, 1985), 156–89. (Aleksandr Iukht, *Gosudarstvennaia deiatel'nost' V. N. Tatiščeva v 20-kh – nachale 30-kh godov XVIII v.* (Moscow, 1985), 156–89); Юрий Китнер, “Татищев в Швеции (1724–1726),” в *Архангельск в XVIII в.* (Санкт-Петербург, 1997), 318–412. (Iurii Kitner, “Tatiščev v Shvetsii (1724–1726),” v *Arkhangel'sk v XVIII v.* (St. Petersburg, 1997), 318–412); Свердлов, “Татищев – историк,” 451–55 (Sverdlov, “Tatiščev – istorik,” 451–455).

1725 г.²⁴ Значение тех, безусловно важных, встреч и библиотечных занятий для становления Татищева как историка не стоит все же преувеличивать: в ходе шведской командировки он был перегружен другими задачами, требовавшими много времени и сил. К тому же специальных исторических дисциплин в России еще практически не существовало, что крайне затрудняло применение к русской истории источниковедческих методов, выработанных к тому времени западноевропейскими историками. Что же до знания в России истории всеобщей, то волна переводов новой зарубежной литературы и исторических источников на русский язык при Татищеве только еще поднималась, причем не без его собственного участия.²⁵ Впрочем, не меньшей проблемой были (а отчасти и остаются до сих пор) и переводы работ российских историков на западноевропейские языки – именно с ней Татищев и столкнется в 1739 г. Ведь поскольку члены Санкт-Петербургской Академии наук не были сильны в русском языке, введение к труду Татищева (у него оно называлось “Предъизвещение”) и примечания потребовалось перевести на немецкий.

Ни русского оригинала примечаний к интересующей нас части, ни предшествовавших ему подготовительных вариантов обнаружить до сих пор не удалось, отчего самый ранний известный сегодня вариант примечаний “А” и “Б” доступен лишь в немецком переводе для академиков, отразившем одну из предварительных редакций будущей второй части *Истории Российской*.²⁶ Перевод сохранился в белой рукописи, описанной еще в 60-е гг. XX в.²⁷ В этом внушительном кодексе в картонном переплете переписаны немецкие версии как раннего варианта “Предъизвещения,” так и примечаний.²⁸ Текст их был

²⁴ Татищев 1, 349. (Tatishchev 1, 349); Юхт, *Государственная деятельность*, 182, 343 (Iukht, *Gosudarstvennaia deiatel'nost'*, 182, 343).

²⁵ Подробно см.: Wim Coudenys, “Translation and the Emergence of History as an Academic Discipline in 18th-century Russia,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 17 (2016): 721–52 или русский перевод: Вим Куденис, “Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России,” *Quaestio Rossica* 4, no 1 (2016): 235–60; 4, no 2 (2016): 209–30. (Wim Coudenys, “Perevodchiki XVIII v. i stanovlenie istoriografii kak nauki v Rossii,” *Quaestio Rossica* 4, no. 1 (2016): 235–60; 4, no. 2 (2016): 209–30).

²⁶ Даже если подтвердится гипотеза, что фрагмент Татищева “Сокращение истории русской,” включавший комментарии, представлял собой исходную редакцию будущей *Истории Российской*, он нам бесполезен, поскольку изложение обрывается уже на III г. См.: Владимир С. Астраханский, “Предварительная редакция “Истории Российской” В. Н. Татищева (1726–1727 гг.),” в Астраханский, *“История Российская” В. Н. Татищева: опыт текстологических, историографических и библиографических изысканий: сборник научных статей*, под общей редакцией Марианны Д. Татищевой (Москва, 1993), 6–35 (Vladimir S. Astrakhanskii, “Predvaritel'naia redaktsiia “Istorii Rossiiskoi” V. N. Tatishcheva (1726–1727 gg.),” v Astrakhanskii, *“Istoriia Rossiiskaia” V. N. Tatishcheva: opyt tekstologicheskikh, istoriograficheskikh i bibliograficheskikh izyskaniĭ: sbornik nauchnykh stateĭ*, pod obshchei redaktsiei Marianny D. Tatishchevoi (Moscow, 1993), 6–35); Евгений М. Добрушкин (подгот., введ.), “Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева по русской истории,” *Советские архивы* 5 (1971): 88–95. (Evgenii M. Dobrushkin (podgot., vved.), “Neopublikovannaia rukopis' V. N. Tatishcheva po russkoi istorii,” *Sovetskie arhivy* 5 (1971): 88–95).

²⁷ См. ее описания: Татищев 4, 18 (Tatishchev 4, 18); Татищев 7, 32 (Tatishchev 7, 32).

²⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 181, Рукописный отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел, оп. 16, д. 1374. (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA), f. 181, Rukopisnyi otdel biblioteki Moskovskogo Glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del, op. 16, d. 1374). “Derer alten Rußischen Annalium Zweyter Theil.” Под этим заголовком дается разъяснение: “т.е. древних Российских летописцев вторая часть, содержащая примечания Г. Татищева.” Затем другой рукой было в

опубликован только в обратном переводе на русский язык И.В. Валкиной, местами точном, местами шероховатом, а местами просто ошибочном.²⁹ Поскольку рукопись нашлась не в Академии наук, а в Московском архиве Коллегии иностранных дел, надо полагать, что Миллер, готовивший публикацию труда Татищева, взял ее с собой, переезжая в Москву.³⁰

Дошедшую беловую рукопись можно датировать концом 1741 или началом 1742 г. (что подробно обосновывается далее), хотя работа над переводом началась еще поздней осенью 1739 г.³¹ Во всяком случае, 21 ноября 1739 г. Татищев направляет Шумахеру “Предъизвещение” с просьбой о переводе его на немецкий язык, заодно сообщая, что примечания также готовы, и их как раз переписывают набело.³² Следующее письмо прилагалось уже к законченным комментариям: “При сем посылаю примечания на историю, которые переведши, изволите сообщить кому в посторонних историях лучше сведусему, чтоб исправил и по

скобках после “летописцев” добавлено: “на Немецком языке,” а после “примечания” вставлено: “на Историю”. Еще одна пометка сделана красными чернилами рядом с именем Татищева. Ее автор счел нужным указать, что примечания “вероятнее” относятся к труду не Татищева, а А. Л. Шлёцера (1735–1809) (*verosimilius Schlözeri*), сославшись для обоснования своего предположения на последнюю строку четвертого листа и первую строку пятого. Сами эти строки не лишены ценности для определения времени написания рукописи: “[...] solches habe in mei- /ner Erklärung des von JE-/ROSLAW // PROMULGIERTEN Gesetzes er-/wiesen [...]”. Действительно, Шлёцер первым издал “Русскую правду” в 1767 г., но именно Татищев в 1737 г. обнаружил “закон, промульгированный Ярославом”, как он ее здесь называет. Поскольку здесь говорится об *изъяснении* (*Erklärung*) этого “закона”, понятно, что автор ссылается на первый вариант своего “Собрания законов древних русских”, переданный им в Академию в 1740 г. Удивительно, что в академическом издании совершенно безосновательно утверждается, будто “на указанных листах рукописи читается пометка Шлёцера.” (Татищев 7, 32) (*Tatishchev* 7, 32). Ошибочное впечатление у читателя, будто на немецкий язык был переведен весь текст второй части, а не одни лишь комментарии к ней, создается в работах: Михаил Б. Свердлов, *Василий Никитич Татищев – автор и редактор “Истории Российской”* (Санкт-Петербург: Европейский дом, 2009), 65 (*Mikhail B. Sverdlov, Vasilii Nikitich Tatishchev – avtor i redaktor “Istorii Rossiiskoi”* (St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2009), 65); Свердлов, “Татищев – историк,” 472. (*Sverdlov, “Tatishchev – istorik,”* 472). Выражаю глубокую признательность Е. В. Акельеву и О. Е. Кошелевой за исключительно любезную помощь в идентификации этой рукописи (у нее с 60-х гг. прошлого века сменился шифр) и за возможность с ней ознакомиться.

²⁹ Татищев 7, 74–146. (*Tatishchev* 7, 74–146). Далее все переводы с немецкого – мои.

³⁰ Подробнее о Г. Ф. Миллере и его роли в становлении российской исторической науки см.: Александр Б. Каменский, “Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783),” в Герард Ф. Миллер, *Сочинения по истории России. Избранное* (Москва: Наука, 1996), 374–416. (*Aleksandr B. Kamenskii, “Sud’ba i trudy istoriografa Gerarda Fridrikha Millera (1705–1783),” v Gerard F. Miller, Sochineniia po istorii Rossii. Izbrannoe* (Moscow: Nauka, 1996), 374–416); Симон С. Илизаров, *Герард Фридрих Миллер (1705–1783)* (Москва: Янус-К, 2005). (*Simon S. Ilizarov, Gerard Fridrikh Miller (1705–1783)* (Moscow: Ianus-K, 2005); Peter Hoffmann, *Gerhard Friedrich Müller (1705–1783): Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands* (Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005).

³¹ Филигрань “КОМЕРЦКОЛЕГИИ” на каждом листе мало дает для датировки рукописи, поскольку такая бумага выпускалась на протяжении 1736–1741 гг. См. Сократ А. Клепиков, *Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века* (Москва: Наука, 1978), 30 (№ 393). (*Sokrat A. Klepikov, Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX veka* (Moscow: Nauka, 1978), 30, no. 393). (Любезно указано О. Е. Кошелевой.)

³² “При сем посылаю Пред[ъ]извещенье истории русской, которое мню что перевести, и в истории древней искуснейшему, рассмотря, исправить. [...] Гисторию если бы токмо писец был, то бы я готов и ее, а примечания набело дописывают. Но понеже и оные прежде равномерного с Пред[ъ]извещением разсмотрения требуют, то не ожидая переписки истории пришло.” Татищев 9, 275–76 (№ 180). (*Tatishchev* 9, 275–76, no. 180).

его искусству дополнил.”³³ Хотя письмо и без даты, его можно отнести к декабрю 1739 г., поскольку со следующим посланием – от 14 января 1740 г. – Татищев отправляет только что переписанную набело часть *Гистории* – но не для перевода, а в помощь переводчику, чтобы тот лучше понимал содержание примечаний.³⁴ Имя переводчика известно: Шумахер поручил работу советнику камер-коллегии (с 1741 г. ее вице-президенту, а с 1764 г. президенту) Ф. И. фон Эмме (1699–1767).³⁵ Работа фон Эмме затянется – вероятно, не в последнюю очередь потому, что Татищев время от времени досылал ему новые примечания, чему ниже будет приведен яркий пример.

Таблица 1. “Примечание А” в немецкой рукописи.
Текст и обратный перевод

Примечание № 272. ³⁶	
Немецкий текст	Обратный перевод с немецкого
Dieses ist wohl Anmerckens werth, / woher doch ANDREAS einen ARCHITECT / genommen, denn die von ihm nachge- / bliebene Gebäude zumahl die Stadt / Pforte, sind nach der damahligen Zeit // allerdings zubewundern, und man / möchte solche wohl von einem erfare / nen Zeichen-Meister abnehmen und / zum Andencken in Kupffer stechen / laßen. Die Kirche möchte auch außer- / allem Zweiffel EXCELLENT seyn, allein / sie nach wohl bey der INVASION des / BATI beschädiget und hernach wieder / ausgebessert und REPARIRET worden / seyn, wordurch ein vieles von ihrer / alten Pracht verlohren gangen, weil / ich indeßen aber keine Zeit gehabet sie / mit ATTENTION zubeachten, so kann / ich auch nichts umständliches davon / sagen; Gleichergestalt ist auch die / von seinem Vater in JURIEFF POLSCOI / gebauete Kirche sehens und bewun- / derns werth.	Заслуживало бы, пожалуй, примечания, откуда же Андрей взял архитектора, поскольку оставшиеся после него постройки, особенно городские ворота, для того времени, конечно же, вызывают восхищение, и надо бы опытному рисовальщику запечатлеть их и для памяти выгравировать на меди. Церковь, вне всякого сомнения, тоже должна была быть превосходной, но ее повредили, вероятно, при вторжении Батыя, после чего снова подправили и починили, в результате чего утрачено многое из ее древней красоты. Поскольку между тем у меня не было времени рассмотреть ее со вниманием, то не могу и сказать о ней ничего обстоятельного. Точно так же и церковь, выстроенная в Юрьеве-Польском его отцом, достойна внимания и восхищения.

В Библиотеке Академии Наук, в составе Воронцовского собрания, исследователи творчества Татищева давно уже обнаружили другую, более позднюю, рукопись примечаний, отразившую авторскую правку на стадии

³³ Там же, 276 (№ 181). (Там же, 276, no. 181).

³⁴ “При сем же посылаю гистории 13 тетрадей, которые при исправлении примечаней, мною, надобны [...]” Там же, 277 (№ 182). (Там же, 277, no. 182).

³⁵ Татищев 1, 25–26 (Tatishchev 1, 25–26); Татищев 4, 16 (Tatishchev 4, 16); Татищев 7, 32. (Tatishchev 7, 32).

³⁶ РГАДА, ф. 181, оп. 16, д. 1374, л. 230–230 об. (RGADA, f. 181, op. 16, d. 1374, l. 230–230 ob.).

перехода от Первой редакции *Истории* ко Второй. При этом манускрипт, судя по всему, сохранил ряд чтений из предыдущих редакций, включая тот самый русский оригинал, с которого несколькими годами ранее заказывался перевод на немецкий.³⁷ Выделим полужирным шрифтом части приведенного выше обратного перевода на сегодняшний русский язык, которые, судя по всему, можно заменить собственными словами Татищева из “Воронцовского списка.”

Таблица 2. Сохранившиеся чтения русского оригинала “Примечания А”

Обратный перевод с немецкого	“Воронцовский список”
	Примечание № 341. ³⁸
Заслуживало бы, пожалуй, примечания, откуда же Андрей взял архитектора, поскольку оставшиеся после него постройки, особенно городские ворота, для того времени, конечно же, вызывают восхищение, и надо бы опытному рисовальщику срисовать их для памяти и выгравировать на меди. Церковь, вне всякого сомнения, тоже должна была быть превосходной, но ее повредили, вероятно при вторжении Батыя, после чего снова подправили и починили, в результате чего утрачено многое из ее древней красоты. Поскольку между тем у меня не было времени рассмотреть ее со вниманием, то не могу и сказать о ней ничего обстоятельного. Точно так же и церковь, выстроенная в Юрьеве-Польском его отцом, достойна внимания и восхищения.	Сие примечание достойно, что Андрей имел архитекта по дружбе от императора Фридерика Барбароссы, как н. 382, и видимо, что архитект был искусной, ибо оставшие его строения, а наипаче ворота градские, по тогдашнему времени удивления достойны (паче же для памяти, и ежели бы оное искусному срисовать и напечатать). Церковь же оная конечно должна бы оным преизяществовать, но как оная после перестроивана, потом от Батыя созжена и повреждена, а после починивана, то ея великолепия и того, чтоб с архитекторую согласовало, ничего не видно.

³⁷ Подробнее об этом списке см.: Сигизмунд Н. Валк, “О рукописях второй редакции второй части *Истории российской* В. Н. Татищева,” в Василий Н. Татищев, *История Российская в семи томах*, т. 2 (Москва-Ленинград: Академия Наук СССР, 1963) (далее – Татищев 2), 10–11, 18–19 (Sigizmund N. Valk, “O rukopisiakh vtoroi redaktsii vtoroi chasti ‘Istorii rossiiskoi’ V. N. Tatishcheva,” v Vasilii N. Tatishchev, *Istoriia Rossiiskaia v semi tomakh*, t. 2 (Moscow-Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1963) (dalee - Tatishchev 2), 10–11, 18–19); Валк, “О рукописях первой редакции второй части *Истории Российской* В. Н. Татищева,” в Татищев 4, 19 (Valk, “O rukopisiakh pervoi redaktsii vtoroi chasti ‘Istorii Rossiiskoi’ V. N. Tatishcheva,” v Tatishchev 4, 19). См. также факсимиле отдельных страниц этой рукописи: Татищев 2, 196–97, 273 (Tatishchev 2, 196–97, 273); Василий Н. Татищев, *История Российская в семи томах*, т. 3 (Москва- Ленинград: Академия Наук СССР, 1964) (далее – Татищев 3), 243, 245, 255, 271–72 (Vasilii N. Tatishchev, *Istoriia Rossiiskaia v semi tomakh*, t. 3 (Moscow-Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1964) (dalee - Tatishchev 3), 243, 245, 255, 271–72); Татищев 4, 33 (Tatishchev 4, 33); Свердлов, “Татищев - историк,” 498–501. (Sverdlov, “Tatishchev - istorik,” 498–501).

³⁸ Татищев 4, 444–45. (Tatishchev 4, 444–45).

Скорректировав сегодняшний перевод собственными словами Татищева, далее можно при цитировании немецкой рукописи воспроизводить некоторые ее места довольно точно к гипотетическому исходному татищевскому тексту (не забывая, конечно, что это все же только его реконструкция).

Первым делом в немецком примечании бросается в глаза отсутствие упоминания Фридриха Барбароссы. Вместо категорического утверждения о роли императора Татищев лишь задает риторический вопрос, откуда князь Андрей мог взять столь искусного зодчего? Однако не стоит спешить с выводом, будто Татищев, составляя это примечание, еще ничего не знал о присылке архитектора Штауфеном. Сначала необходимо свериться с немецким “Примечанием Б.”

Это будет сделано чуть позже, а пока обратим внимание на то, в каком синтаксическом отдалении друг от друга оказались “сын” (Андрей) и “отец” (Юрий). Такое обычно происходит, когда изначально короткую запись разбивают вставкой. Здесь вставок было две, судя по тому, что затрагиваются две совсем разные темы.

Во-первых, говорится о необходимости зарисовать и растиражировать в виде гравюр облик владимирского “строения”. Во-вторых, Татищев делится собственными впечатлениями от владимирской архитектуры. Самое удивительное, что обе эти вставки можно примерно датировать, представляя тем самым каждый сюжет немецкого “Примечания А” в качестве отдельного хронологического слоя. Пусть небольшие несоответствия между формулировками из “Воронцовского списка” и немецким текстом нас не смущают: в данном случае важно лишь, как распределялись во времени блоки информации, а не как точно выглядел исходный текст каждого из таких блоков.³⁹

Таблица 3. Хронологические слои в “Примечании А”

лои	1739 г. или ранее	конец 1739 – начало 1740 г.	ноябрь 1740 г.	после 12 сентября 1741 г.
.	Сие примечание достойно,			
.		откуда же Андрей взял архитектора,*		
.	ибо оставшие его строения, а наипаче ворота градские, по тогдашнему времени удивления достойны.			
.			[...] паче же для памяти, и ежели бы оное искусному срисовать и напечатать [...]	
.				Церковь же оная конечно должна бы оным преизяществовать, но как оная после перестроивана, потом от Батия созжена и повреждена, а после починивана, то ея великолепия и того, чтоб с архитектору согласовало, ничего не видно.

³⁹ Здесь и далее звездочкой отмечены обратные переводы с немецкого тех мест, для которых не обнаруживается соответствий в русских текстах Татищева.

.	Точно так же и церковь, выстроенная в Юрьеве-Польском его отцом, достойна внимания и восхищения.*			
---	---	--	--	--

Первая вставка (слой 4) должна относиться примерно к тому же времени, что и письмо Шумахеру от 19 ноября 1740 г., в котором Татищев впервые ставит перед своим корреспондентом вопрос о фиксации облика памятников. Татищев предлагает Академии взять на себя подготовку приложения к его историческому труду (и прежде всего к интересующей нас второй части): “Но при том весьма бы нужно некоторых древних строений чертежи приложить [...] Между строениями руски[ми] в Володимере [соборная] церковь и ворота, в Юрьеве церковь.”⁴⁰

Что же касается визуального осмотра Татищевым достопримечательностей Владимира (слой 5), то на этот счет сохранилось два его собственных ясных свидетельства. Первое содержится в письме Шумахеру от 12 сентября 1741 г. из Нижнего Новгорода: “Доношу вам, что я, едуци чрез Володимер, нарочно неколико времени умедлил для осмотра древняго строения, [а именно соборной] церкви и башни, которое в примечании на гисторию древнюю внесу.”⁴¹

В частично опубликованном путевом дневнике Татищева сохранились кое-какие подробности о его экскурсии. Во Владимир он прибыл 5 сентября, но достопримечательности в тот же день осматривать не стал. Зато 6 сентября:

по утру рано ходил тайный советник осматривать соборную церковь, строение в. кн. Андрея. Она видна, что верх надельван без гзымза;⁴² архитектура древняя; пилястры не по пропорции узки, и капители негде видны ордена тосканского, но сверх капителей аршина на полтора стена наделана, к ней же для утверждения стен приделаны быки из кирпича и камня. Внутри она весьма тесна. В ней четыре столпа. Место княжеское видно, что сделано новое.⁴³

⁴⁰ Татищев 9, 278 (№ 184). (Tatishchev 9, 278, no. 184). Судя по академическим протоколам за конец 1740 и начало 1741 г., эту инициативу Татищева никто не обсуждал. В Академии среди коллекций рисунков, похоже, не было изображений исторических памятников, за исключением кое-каких видов окрестностей Петербурга. См. *Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года*, т. 1: 1725–1743 (Санкт-Петербург: Имп. Академия наук, 1897), 236–37, 792. (*Protokoly zasedanii Konferentsii Imperatorskoi Akademii nauk s 1725 po 1803 goda*, t. 1: 1725–1743 (St. Petersburg: Imp. Akademiia nauk, 1897), 236–37, 792).

⁴¹ Татищев 9, 281 (№ 194). (Tatishchev 9, 281, no. 194). Факсимиле письма см. на с. 282–83.

⁴² Гзымз – карниз. См.: *Словарь русского языка XVIII в.*, вып. 5 (Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1989), по. (*Slovar' russkogo iazyka XVIII v.*, vyp. 5 (Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение, 1989), no).

⁴³ Николай Н. Пальмов, “К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева,” *Известия Российской Академии наук – Bulletin de l'Académie des Science de Russie*, серия 6, т. 19, вып. 6–8 (1925): 203. (Nikolai N. Pal'mov, “K astrakhanskomu periodu zhizni V. N. Tatishcheva,” *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk – Bulletin de l'Académie des Science de Russie*, seriia 6, t. 19, vyp. 6–8 (1925): 203)

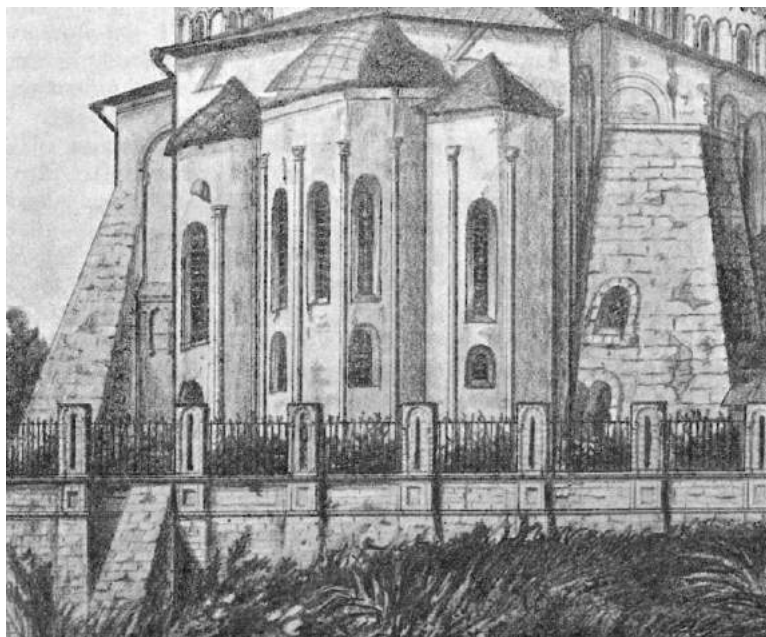

Иллюстрация 1. Успенский собор во Владимире до реставрации (фрагмент)⁴⁴

Изображение Успенского собора до реставрации 1889–1891 гг. позволяет лучше понять описание Татищева. “Быками” он называет два контрфорса, пристроенных в 1708 г. по бокам собора. “Не по пропорции узкими пилястрами” с капителями “ордена тосканского” считает вертикальные тяги-полуколонки на апсидах. Согласно его витрувианско-палладианским представлениям, на капителях обязательно должен лежать антаблемент, а раз его нет, значит, стену “аршина на полтора” надстроили.

От Успенского собора Татищев пошел к Золотым воротам.

Ворота градские тако ж древнего строения из белого камня. Пилястры и капители – тосканские лучшею пропорциею, нежели у [соборной] церкви, токмо она башня видно, что много на верху сломано было и после доделывано кирпичом.

Где на Золотых воротах Татищев мог увидеть архитектурные формы, которые он называет тосканскими пилястрами с капителями, притом “лучшею пропорциею”, чем у Успенского собора? Пожалуй, только на остатках надвратной церкви Ризоположения. Почему пропорции у “тосканских пилястров и капителей” здесь лучше, чем у собора, понятно: стены церкви ниже, отчего “пилястры” не столь ужасно вытянуты в высоту и не так тщедушны. Между тем свидетельство Татищева о наличии “пилястров с капителями” у церкви Ризоположения сходных с теми, что на восточном фасаде Успенского собора, должно было бы вызвать живейший интерес у историков архитектуры, – если бы оно им было известно. Ведь наблюдения Татищева можно истолковать в том смысле, что

⁴⁴ Александр И. Виноградов, *История кафедрального Успенского собора в губ[ернском]. гор[оде]. Владимире*, изд. 3 (Владимир: типо-литография губернского правления, 1905), между 58 и 59. (Aleksandr I. Vinogradov, *Istoriia kafedral'nogo Uspenskogo sobora v gub[ernskom] gor[ode] Vladimire*, izd. 3. (Vladimir: tipo-litografiia gubernskogo pravleniia, 1905), mezhdu 58 i 59).

надвратную церковь строили уже точно новые мастера, а не старая артель Юрия Долгорукого, как порой, кажется, считают.⁴⁵ Вот только на плане Н. фон Берка и А. Гусева 1779 г. – главном источнике сведений о надвратной церкви – полуколонок, как на апсидах Успенского собора не обозначено.⁴⁶ Успели бы они бесследно исчезнуть за те без малого 40 лет, что прошли с визита Татищева? В любом случае, судя по описанию, он видел все еще значительные фрагменты белокаменного храма, а не только результаты его перестройки из кирпича в 1536 или 1691–1695 гг.⁴⁷

До сих пор в той церкви, про которую в “Примечании А” говорится, что она “некаким простым каменщиком перестроивана”, безусловно видели только что упомянутую надвратную церковь Ризоположения.⁴⁸ При этом у читателя создавалось странное впечатление, будто Татищев то ли не оценил Успенский собор, то ли на пути к Золотым воротам вовсе его не заметил. Процитированные выше записи из путевого журнала, а также промежуточные редакции “Примечания А” позволяют усомниться в правильности общепринятого понимания его слов. Во-первых, мы убедились, что Татищев называл Успенский собор “соборной церковью” или же, краткости ради, просто “церковью”. Во-вторых, он исходил из того, что весь верх собора был надстроен (стена сверху “наделана”), так что “некакому простому каменщику” было где здесь оставить свой след. В-третьих, “церковь” из “Примечания А” “должна бы оним [либо “воротам градским”, либо же вообще “строениям” – М.Б.] преизяществовать.” Оценка, которая куда более подходит для главного городского собора, нежели для надвратной церкви. В-четвертых, история этой неназванной церкви описывается следующим образом: “как она после перестроивана, потом от Батыея сожжена и повреждена, а после починивана, то ея великолепия и того, чтоб с архитекторею согласовало, ничего не видно.”⁴⁹ Это Успенский собор был перестроен при Всеволоде, сожжен при штурме города в 1238 г., а позже восстановлен.⁵⁰ Летописных свидетельств о сожжении Золотых ворот с церковью Ризоположения нет. Даже в город враги прорвались не через них, а сквозь пролом в стене неподалеку.⁵¹ Все говорит в пользу того, что внимание Татищева во Владимире было поделено между Золотыми воротами и Успенским собором.

3. “Изящнейшая церковь” болгарского зодчего

⁴⁵ Например: Тимофеева, *Золотые ворота*, 26 (Timofeeva, *Zolotyie vorota*, 26.) Летописная дата освящения церкви Ризоположения – 1163 или 1164 г. – приходится на самый продуктивный период деятельности “новой” артели. См. *Летопись по Лаврентьевскому списку*, 334 (*Letopis' po Lavrentievskomu spisku*, 334); *ПСРЛ*, т. 9 (Санкт-Петербург: типография Э. Праца, 1862), 231. (*PSRL*, t. 9 (St. Petersburg: tipografii E. Pratsa, 1862), 231).

⁴⁶ Воронин, *Зодчество*, 147. (Voronin, *Zodchestvo*, 147).

⁴⁷ Ни в одной реконструкции надвратного храма Золотых ворот (А. В. Столетов, Е. И. Дешалыт, С. В. Заграевский) не предусмотрено не только полуколонок, но и капителей.

⁴⁸ См., например: Воронин, *Зодчество*, 137. (Voronin, *Zodchestvo*, 137).

⁴⁹ Татищев 4, 445. (Tatishchev 4, 445).

⁵⁰ См., например: “Татарове же много древіа наволочиша въ церковь и около церкви и зажгоша.” 109. *ПСРЛ*, т. 10, 109 (статья за 6745 г.). (*PSRL*, t. 10, 109 (stat'ia za 6745 g.).

⁵¹ “[...] выбиша стену у Златыхъ вратъ [...]” Там же, 108. (Tam zhe, 108).

Ни о Дмитриевском соборе, ни о других владимирских памятниках Татищев ничего не пишет. Хотя город в 1741 г. украшало больше зданий XII в., нежели сегодня, вряд ли Татищев смог бы их отличить от построек других времен. Как он определил, что архитектура Успенского собора “древняя”, да и какой смысл вкладывал в само сочетание слов “архитектура древняя,” неизвестно. О ряде владимирских храмов Татищев не раз читал в летописях, но взглянуть на них, видимо, желания не испытывал. Он мог бы прикоснуться к остаткам деревянных стен и башен, возведенных, если верить тогдашним местным знатокам, еще при Всеволоде Большое Гнездо (они простоят на городских валах до 1750 г.).⁵² Однако тайный советник должен был поспешать по указу государя Иоанна Антоновича к новому месту службы и потому, бегло осмотрев Золотые ворота, “в 6-м часу поехал.”

Хотя визит был и кратким, он принес плоды: Татищев обещал Шумахеру внести дополнение “в примечании на историю древнюю” после осмотра “древнего строения,” “церкви и башни,” и обещание выполнил. Заодно мы узнаём, что Татищев временами досылал фон Эмме дополнения и поправки к примечаниям и что белой список немецкого перевода никак не мог быть сделан ранее письма от 12 сентября 1741 г., в котором Татищев еще только обещал внести добавление в “Примечание А.” В реальности же готовая рукопись могла появиться вряд ли ранее, чем через пару месяцев – уже при царствовании императрицы Елизаветы.

Восстановленная хронология складывания немецкой версии “Примечания А,” показывает, что первый его блок с оценкой “ворот градских” как “по тогдашнему времени удивления достойных” (слой 3) *не мог передавать собственные впечатления Татищева*. Ему удастся рассмотреть и оценить ворота вместе с “церковью” только примерно полутора годами позже. *Иными словами, ранее Татищева кто-то не просто рассмотрел Золотые ворота, но и выделил их из всего “оставшего строения” во Владимире как наиболее достойный внимания памятник*. Мнение этого неизвестного эксперта было для Татищева столь авторитетным, что он, во-первых, сразу с ним согласился, во-вторых, воспроизвел его Шумахеру, заказывая составление и гравирование чертежей, и, в-третьих, при первой же возможности отправился сам разглядывать рекомендованные ему Золотые ворота.

Неизвестный информатор прямо сопоставлял Золотые ворота – в качестве лучше всего сохранившейся постройки времени Андрея Боголюбского – с храмом св. Георгия в Юрьеве-Польском как равноценным памятником времени Юрия Долгорукого. Если бы этот эксперт систематически читал летописи, ему было бы известно, что храм, возведенный артелью Юрия, быстро исчез: его разобрали уже при внуке заказчика. Татищев сначала этого тоже не знал – и потому включил неправильную датировку в свой комментарий, изначально целиком написанный, судя по всему, с чужих слов. Однако скоро историк в

⁵² Иван Ф. Дмитриевский, *О начале Владимира что на Клязьме* (Санкт-Петербург: Имп. Академия наук, 1802), 282. (Ivan F. Dmitrievskii, *O nachale Vladimira chto na Kliaz'me* (St. Petersburg: Imp. Akademiiia nauk, 1802), 282); Николай Д. Дмитриевский, *Взгляд на достопамятности Владимира* (Москва: в типографии Лазаревых института Восточных языков, 1838), 20. (Nikolai D. Dmitrievskii, *Vzgliad na dostopamiatnosti Vladimira* (Moscow: v tipografii Lazarevykh instituta Vostochnykh iazykov, 1838), 20).

хронологии разобрался, и потому заключительный “блок” (слой 6) в последующих версиях “Примечания А” больше не появится. Зато уже в Первой редакции основного текста *Истории* будет приведен верный пересказ летописного известия: “Князь Святослав Всеволодич, во крещении Гавриил нареченный, разруши церковь в Юрьеве, иж обетшала, юже созда дед его, и созда вновь чудну зело резаным камением.”⁵³ Вероятно, Татищев узнал из летописи правильную датировку еще когда доделывал немецкий комментарий. Во всяком случае, в его немецкой рукописи имеется примечание (“Примечание В”), аналогичное тому, что и в Первой, и во Второй редакциях *Истории Российской* будет относиться к только что приведенному месту про снос старой церкви и возведение на ее месте новой: “Церковь эта стоит до сих пор, построена из белого камня и всюду украшена растительным орнаментом и фигурами, а над ними читается имя князя Святослава-Гавриила.”⁵⁴

В последующих версиях “Примечание В” будет дважды дополняться. Сначала появится жалоба про надпись: “токмо разобрать все не без труда.”⁵⁵ Она означает, что легко прочитав имя князя и правильно его идентифицировав, Татищев испытывал понятные трудности с остальным содержанием пятистрочной надписи.⁵⁶ Позже добавится неожиданно лестная общая оценка памятника, которая войдет и в печатное издание: “Сия есть по ея древности и особой архитектуре во всех русских строениях изящнейшая.”⁵⁷

Таблица 4. “Примечание В”

Обратный перевод немецкого списка примечаний	Исходный текст “Воронцовского списка” ⁵⁸	Исправленный текст “Воронцовского списка” ⁵⁹	Издание 1774 г.
Прим. № 346	Прим. № 488	Прим. № 523, затем № 635	Прим. № 635

⁵³ Татищев 4, 369. (Tatishchev 4, 369). См. то же место во Второй редакции: Татищев 3, 226. (Tatishchev 3, 226). Для сравнения: “Того же лета Святославъ князь въ Юргеве руші церковь святаго Юргя каменую, такоже бе обетшала и поламалася, юже бе создать дедъ его Юрги Володимеричъ и святилъ великимъ священъемъ.” *Летопись по Лаврентьевскому списку*, 433. (*Letopis' po Lavrentievskomu spisku*, 433). Ср. в Львовской летописи, известной Татищеву: ПСРЛ, т. 20, ч. 1 (Санкт-Петербург: типография М. А. Александрова, 1910), 155. (PSRL, t. 20, part 1 (St. Petersburg: tipografiia M. A. Aleksandrova, 1910), 155).

⁵⁴ “Diese Kirche stehet biß DATO, ist von weis-/sen Steinen erbauet auch überall mit / Laub-Werck und FIGUREN gezieret, und / über solchen ist der Nahme des Fürsten / SWAETOSLAI GABRIELIS zu lesen,” РГАДА, ф. 181, оп. 16, д. 1374, л. 258об. (RGADA, f. 181, op. 16, d. 1374, l. 258 ob.).

⁵⁵ Татищев 4, 468. (Tatishchev 4, 468).

⁵⁶ Об этой надписи из пяти строк см.: Вольфганг В. Кавельмахер, “Краеугольный камень из лапидария Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (к вопросу о так называемом Святославовом кресте),” в *Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век*, отв. ред. Ольга Е. Этингер (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997), 191–93 (Vol'fgang V. Kavel'macher, “Kraeugol'nyi kamen' iz lapidariiia Georgievskogo sobora v Iur'ev-Pol'skom (k voprosu o tak nazyvaemom Sviatoslavovom kreste),” v *Drevnerusskoe iskusstvo. Rus'. Vizantiia. Balkany. XIII vek*, ed. Ol'ga E. Etingof (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997), 191–93). Фотографию камня и надписи см. на с. 192.

⁵⁷ Татищев 3, 269, 306. (Tatishchev 3, 269, 306).

⁵⁸ Татищев 4, 468. (Tatishchev 4, 468).

⁵⁹ Татищев 3, 269, 306. (Tatishchev 3, 269, 306).

Церковь эта стоит до сих пор, построена из белого камня и всюду украшена растительным орнаментом и фигурами, а над ними читается имя князя Святослава-Гавриила.*	Церковь сия в Юрьеве Польском доднесь стоит, зделана из белого камня и вся резана, на которой имя князя Святослава Гавриила и год подписано, токмо разобрать все не без труда.	Церковь сия в Юрьеве Польском доднесь стоит, сделана из белого камня и вся резана, на которой имя князя Святослава Гавриила, и год подписано, токмо все разобрать не без труда. Сия есть по ея древности и особой архитектуре во всех русских строениях изящнейшая.	Церковь сия в Юрьеве Польском доднесь стоит, сделана из белого камня и вся резана, на которой имя князя Святослава Гавриила, и той подписи разобрать не без труда. Сия есть по ея древности и особой архитектуре во всех Русских строениях изящнейшая. ⁶⁰
--	--	---	--

Утверждать категорически, что Татищев никогда (или по меньшей мере никогда ранее 1739 г.) не бывал в Юрьеве-Польском, было бы при нынешних неполных сведениях о его итинерарии слишком смело. Лучше сформулировать осторожно: поскольку известий о визите Татищева в этот город, лежавший в стороне от его основных маршрутов, обнаружить не удалось, резонно допустить, что Татищев вряд ли посещал Юрьев-Польской. Если это допущение подтвердится, то окажется, что и в данном случае он следовал за чужим, но авторитетным мнением. Однако, судя по тому, что Татищев, видимо, продолжительное время работал над расшифровкой надписи, в его распоряжении была ее зарисовка, а не только ее описание. Возможно, о “растительном орнаменте и фигурах,” как и вообще об изяществе “особной архитектуры” храма Татищев судил тоже не столько по рассказам, сколько по чьим-то рисункам.⁶¹

Пускай мысль сопоставлять Золотые ворота с Георгиевским собором Татищеву и не принадлежит, но именно он повернул ее в новую сторону, добавив от себя столь же безапелляционное суждение, как и в случае с “архитектором Барбароссы”: “Мастер был болгарский.”⁶² Ничем не подтверждаемое утверждение, что зодчий прибыл из Волжской Булгарии, присутствует в обеих редакциях *Истории Российской*.⁶³ Однако было ли оно сформулировано уже ко времени написания немецкого “Примечания В,” остается лишь догадываться. Сообщение Тверской летописи, что создателем храма якобы выступал сам князь Святослав Всеволодович, Татищев либо не знал, либо его проигнорировал.⁶⁴ Для него возведение нового храма в Юрьеве стало прямым следствием победы Святослава над булгарами: “А Святослав иде во град свой Юрьев и от имени болгарского нача в Юрьеве строить церковь каменну святого Георгия.”⁶⁵ Отсюда Татищеву легко было сделать и следующее допущение, что среди болгарских пленных или заложников мог оказаться и зодчий. Особенно если счесть узоры,

⁶⁰ Татищев, *История*, 526. (Tatishchev, *Istoriia*, 526).

⁶¹ Вообще-то храм был восстановлен из руин в 1471 г. при полном искажении его исходных пропорций.

⁶² Татищев 3, 226. (Tatishchev 3, 226).

⁶³ См. в Первой редакции: “А мастер болгарский строи ю”. Татищев 4, 369. (Tatishchev 4, 369).

⁶⁴ “И създа ю Святославъ чюдну, резанымъ камениемъ, а самъ бе мастеръ”. *ПСРЛ*, т. 15 (Санкт-Петербург: в типографии Л. Демиса, 1863), 355. (*PSRL*, t. 15 (St. Petersburg: v tipografii L. Demisa, 1863), 355).

⁶⁵ Татищев 4, 358. (Tatishchev 4, 358). Во Второй редакции: “Святослав пришел во град свой Юриев и от имени болгарского начал строить церковь святого Георгия каменную”. Татищев 3, 209. (Tatishchev 3, 209).

покрывающие стены юрьевского храма, "восточными", похожими на те, что возможно, встречались в развалинах городов Волжской Булгарии.

4. От "Примечания Б" – к примечанию-призраку

Вернемся, наконец, к "Примечанию Б" в немецкой версии. Оно дает не так мало, как может показаться на первый взгляд: "Около того времени правил император Фридрикус Барбаросса, а после него его сын Генрикус VI. Но далее ниже будет указано, что от этого императора были отправлены посланцы ко Всеволоду."⁶⁶

Во-первых, написание имен наводит на мысль, что Татищев здесь заглядывал в какой-то латинский справочник, чтобы выяснить, какой император правил в 1190 г. Во-вторых, видно, что ошибка с номером Генриха в издании *Истории Российской* на совести безымянного типографа и редактора Миллера, но не автора. В-третьих, здесь так же, как и в немецком "Примечании А," нет ни слова про архитектора Фридриха I. Однако, в-четвертых, сообщается о посланцах к Всеволоду. Хотя при данной формулировке можно гадать, который из двух императоров их отправил, нам уже известно, что подразумевается Генрих VI. (Иначе непонятно, зачем его вообще было упоминать.) Наконец, в-пятых, отсылка делается, в отличие от изданной версии, не к *предшествовавшему* "Примечанию А," а к какому-то месту "далее ниже" (*weiter herunter*).

Раз Татищев упоминает императорских посланцев ко Всеволоду, значит, он должен был уже познакомиться с тем гипотетическим источником, в котором пересказывалась присланная во Владимир грамота Генриха VI про "дружбу" и "архитекта". Выходит, Татищев по каким-то причинам счел за лучшее скрыть от немецких академиков свою находку, вычеркнув упоминание о ней из обоих примечаний "А" и "Б." Задаваемый им в "Примечании А" риторический вопрос, откуда князь Андрей мог взять столь хорошего архитектора (слой 2), служит лишь прикрытием: он заменил исходное утверждение, которое должно было стоять на этом месте еще до начала работы над переводом, и которое вернется во все последующие русские версии тех же примечаний, – утверждение, что зодчего отправил Фридрих I.

Иными словами, русский прототекст "Примечания А" к концу 1739 г., перед тем как Татищев цензурировал его, отправляя переводчику, должен был выглядеть приблизительно следующим образом:

Сие примечание достойно, что Андрей имел архитекта по дружбе от императора Фридерика Барбароссы, и видимо, что архитект был искусной, ибо оставшие его строения, а наипаче ворота градские, по тогдашнему времени удивления достойны. Точно так же и церковь, выстроенная в Юрьеве-Польском его отцом, достойна внимания и восхищения. (Последнее предложение – в обратном переводе с немецкого).

⁶⁶ "Umb diese Zeit REGIERTE Kayser FRIEDERICUS BARBAROSSA und nach ihm sein / Sohn HENRICUS VI. Weiter herunter / aber wird angezeigt, daß vom Kayser / Gesandten an WSEWOLOD geschickt gewesen". РГАДА, ф. 181, оп. 16, д. 1374, л. 245. (RGADA, f. 181, op. 16, d. 1374, l. 245).

Логика этого фрагмента понятна: хотя “архитект Барбароссы,” построивший Золотые ворота, и не имел отношения к юрьевскому храму, оба сохранившихся здания и сегодня производят равно сильное впечатление.

Не менее существенно обещание автора, что “ниже” он расскажет о посольстве от Генриха VI к Всеволоду, а значит, надо полагать, и о грамоте, привезенной посланниками, в которой упоминалось об “архитекте.” Однако это ключевое “Примечание Г” отсутствует! Тем не менее, ссылка на него дается не только в немецкой рукописи, но и в обоих вариантах “Примечания Б” из “Воронцовского списка”: “А *ниже* показуется, что послы ко Всеволоду от цесаря были.”⁶⁷ И только в беловом варианте Второй редакции отсылка к примечанию *ниже* будет заменена нелогичной ссылкой на “Примечание А” *выше*, в котором никаких пояснений про доверенных лиц Генриха VI не содержалось.⁶⁸ Так грубо нарушить собственные обещания автора обычно вынуждают внешние обстоятельства. Странное поведение Татищева проще всего объяснить тем, что нужная выписка из источника потерялась, но автор, никак не желая отказываться от “архитекта Барбароссы,” всё пытался разыскать ее вновь. Когда же последние надежды угасли, он пошел на уловку, “закольцевав” примечания “А” и “Б.”

Возможное возражение, что “ниже” могло означать ссылку не на примечание, а на какое-то место в основном тексте, отвести несложно. Блок текста с похвалой “архитекту” Барбароссы в первом варианте “Воронцовского списка” помещен в самом начале “Примечания А,” а в последнем – напротив, в самом его конце. Тем не менее, в обоих случаях автор ставит после него “н.” (т.е. “нота” или “нотица”), как он всегда делает, отсылая именно к примечаниям. В первом случае он дает ошибочный номер 382, во втором же не приводит никакого.⁶⁹ Иными словами, автор все время планирует вставить “Примечание Г,” но так этого и не делает.

Можно ли определить, к какому разделу основного текста (а значит, и к какому году) относилось пропавшее примечание? Очевидно, что появиться оно должно было, скорее всего, при описании либо успешного правления Всеволода (почтение которому спешат выразить чужие государи), либо же какого-либо заметного строительства во Владимире – причем только между 1190 (“Примечание Б”) и 1197 (кончина Генриха VI) годами. В соответствующей главе 23 [32] много страниц посвящено событиям новгородским, киевским, рязанским, смоленским, галицким... Несколько упоминаний Всеволода относится к пространным “сюжетным” повествованиям о распрях, вставляя в которые сообщение об иностранном посольстве было бы совсем некстати. В результате поисков более или менее подходящих мест обнаруживается пять. Все они относятся к делам строительным.

Таблица 5. “Владимирские” сюжеты за 1190–1197 гг. в главе 23 [32]

⁶⁷ Татищев 3, 302 (Tatishchev 3, 302); Татищев 4, 454 (Tatishchev 4, 454). Эта фраза, видимо, без изменений перенесена из ранних вариантов, так что фон Эмме скорее всего перевел именно ее, когда написал: “Weiter herunter aber wird angezeigt.”

⁶⁸ Татищев 3, 253. (Tatishchev 3, 253).

⁶⁹ “Сие примечание достойно, что Андрей имел архитекта по дружбе от императора Фридерика Барбароссы, как н. 382 [...]” Татищев 4, 444. (Tatishchev 4, 444). “Мастеры же [...] присланы были от императора Фридерика Барбароссы, с которым Андрей дружбу имел. Зри н. ...” Татищев 3, 295. (Tatishchev 3, 295).

Первой редакции

	год	событие
.	6699 (1191)	Князь великий Всеволод заложи град новый в Суздали, и того ж лета срублен бысть.
.	6700 (1192)	Того ж году октября 25 дня у князя Всеволода родился сын [...] И тогда же заложи великий князь Всеволод в Володимери церковь Рождества пресвятыя богородицы каменну.
.	6701 (1193)	Того ж году августа месяца обнови Всеволод в Суздали церковь святыя Богородицы, ея же палася половина безрядьем, и покрыта ю оловом.
.	6703 (1195)	В Володимере заложен бысть сего году детинец (замок) иуния 4-го дня. Того ж году обновлена церковь святыя Богородицы златоверхия епископом Иоанном, иж погоре в великий пожар, и бысть устроена, аки нова. ⁷⁰ Того ж году в Переяславли у Клещина озера срубиша град новый.
.	6703 (1195)	Того ж лета епископ Иоан заложи во Владимире на воротех церковь каменну Зачатия святыя богородицы месяца мая в 30 день. ⁷¹

Из получившегося перечня наибольшее отношение к “архитекту Барбароссы” имело “обновление” Успенского собора.⁷² Конечно, настораживает упоминание надвратной церкви, но будем исходить из допущения, что Татищев умел различить между старыми *городскими* воротами – Золотыми с церковью Ризоположения – и новыми воротами *детинца* с церковью Иоакима и Анны. В любом случае, наиболее подходящим местом для добавления “Примечания Г” представляются страницы, посвященные событиям 1195 г.

5. Польза от Фридриха Барбароссы

Об “архитекте” Барбароссы Татищев писал не только в своем главном труде. По всей видимости, еще в 1744 г. он закончил работу, которая лишь в 1793 г. выйдет из печати под названием “Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской.”⁷³ В ней Татищев, помимо

⁷⁰ Ср.: “Того же лета заложи благоверный князь Всеволодъ Юргевичъ детинець, в граде Володимери, месяца иуния въ 4 день [...]. Того же лета, месяца августа, обновлена бысть церкви святое Богородицы Володимери, аже бе ополела в великий пожаръ, блаженнымъ епископомъ Иваномъ [...] и бысть опять акы нова [...]” *Летопись по Лаврентиевскому списку*, 390 (*Letopis' po Lavrentievskomu spisku*, 390), про основание Переяславской крепости см. на с. 391. Не всё в кратком сообщении Татищева можно вывести из точно известной ему Никоновской летописи. Ср.: *ПСРЛ*, т. 10, 21–22. (*PSRL*, t. 10, 21–22).

⁷¹ Ср.: “В том же лете заложи блаженный епископъ Иоанъ, на воротех святе Богородицы церковь камену во имя Зачатъе святыя Богородица, месяца мая въ 30 день [...]” *ПСРЛ*, т. 38, 158. (*PSRL*, t. 38, 158).

⁷² Татищев, очевидно, не знал, что внешний вид осмотренного им храма сложился не при князе Андрее, как было записано в его путевом журнале, а как раз в результате перестройки, предпринятой Всеволодом – правда, еще после пожара 1185 г. Ущерб от нового пожара десять лет спустя, о котором здесь идет речь, был сравнительно невелик.

⁷³ Сигизмунд Н. Валк, “О составе издания,” в Татищев 8, 30–31. (Sigismund N. Valk, “O sostave izdaniia,” v Tatishchev 8, 30–31). В июле 1745 г. автор отослал первую половину этого труда в

прочего, поделился собственными впечатлениями от экскурсии трехлетней давности:

Андрей Боголюбский, учиняся великим князем, в 1157 году престол из Ростова во Владимир перенес и, получа архитекта от императора Фридерика Барбороссы, церковь соборную и врата градские построил, которые доднесь хотя чрез раззорение многое лепоты их утратили, однако ж еще видения достойны.⁷⁴

Упоминание “зодчего Барбароссы” в “Лексиконе” оказывается самым ранним из достоверно известных сегодня у Татищева, ведь приведенная выше реконструкция “Примечания А” 1739 г. является гипотетической. И эта же запись окончательно разъясняет, о какой владимирской “церкви” пишет Татищев в том же самом контексте во всех сходных местах – не о надвратной, а о “соборной.”

Жаль, что “Лексикон” был доведен Татищевым только до буквы “Л”: хотелось бы прочитать и его статью про Юрьев-Польской. Ведь в *Истории* создатели Золотых ворот во Владимире и храма в Юрьеве поставлены на одну доску. Между ними существует своего рода симметрия, которую Татищев ясно выразил в “Росписи алфаветической” к Первой редакции *Истории* короткой записью: “Архитекты в Руси: из Немец н. 341, 403; из Болгор н. 488.”⁷⁵ Если для сегодняшних историков архитектуры Георгиевский храм – это последнее создание школы, основанной в 1158 г. мастерами Андрея Боголюбского, то в глазах Татищева он предстает “болгарской” альтернативой архитектуре “немецкого” зодчего.

Последнее слово по интересующему нас вопросу было сказано Татищевым за два года до смерти в “Представлении о купечестве и ремеслах.”⁷⁶ Автор, “видя себя при конце жизни,” но все еще желая приносить пользу, в письме от 12 мая 1748 г. просит М.И. Воронцова (1714–1767) передать эту записку государыне.⁷⁷

В самом начале “Представления” Татищев дает историческое обоснование своему тезису, что “весьма давно государи о пользе купечества русского прилежали.” Заботу о купечестве он усматривает уже в “договорех с императоры греческими” Олега, Игоря и Святослава, переходя затем к заслугам на том же поприще других правителей – от Ярослава до Алексея Михайловича, – чтобы

Академию и больше уже к нему не возвращался. См.: Татищев 9, 315 (№ 223). (Tatishchev 9, 315, no. 223).

⁷⁴ Василий Н. Татищев, “Лексикон Российский исторической, географической, политической и гражданской,” в Татищев 8, 213. (Vasilii N. Tatishchev, “Leksikon Rossiiskii istoricheskoi, geograficheskoi, politicheskoi i grazhdanskoi,” v Tatishchev 8, 213). См. статью “Владимир Белорусский и Володимер”.

⁷⁵ Татищев 4, 534. (Tatishchev 4, 534).

⁷⁶ Подробнее см.: Николай Л. Рубинштейн, “Неизвестная записка В. Н. Татищева “Представление о купечестве и ремеслах в России,”” *Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ*, вып. 8 (Москва: МГУ, 1949), 39–47. (Nikolai L. Rubinshtein, “Neizvestnaia zapiska V. N. Tatishcheva “Predstavlenie o kupechestve i remeslakh v Rossii,”” *Doklady i soobshcheniia Istoricheskogo fakul'teta MGU*, вып. 8 (Moscow: MGU, 1949) 39–47). Первую публикацию см. в: *Исторический архив* 7 (1951): 410–26. (*Istoricheskii arkhiv* 7 (1951): 410–26). Переиздание: Василий Н. Татищев, “Представление о купечестве и ремеслах,” в Татищев 8, 392–401. (Vasilii N. Tatishchev, “Predstavlenie o kupechestve i remeslakh,” v Tatishchev 8, 392–401).

⁷⁷ Татищев 9, 340 (№ 248). (Tatishchev 9, 340, no. 248).

подвести читателя к “мудрым учреждениям” Петра Великого, а главное, к тому, что государыня Елисавет Петровна “все законы, уставы и учреждения родителя ея повелела возобновить и в сущее действо произвести.”

В историческую цепочку радетелей о купечестве оказался вставлен и “Юрий, или Георгий, II, великий князь в Белой Руси,” строивший многие грады, куда он разных иностранцев приглашал.

Сын его Андрей I Боголюбский по союзу с императором Фридрихом Барбароссою и с болгары волскими многих ремесленников призвал, междо которыми, видно, были искусные архитекты, как строения оставшия во Владимире церкви и ворот градских и в Юрьеве церковь видения достойные свидетельствуют.⁷⁸

Итак, симметрия между владимирскими Золотыми воротами и юрьевским собором, обозначившаяся еще в исходном варианте “немецких примечаний” 1739 г., проведенная в письме Шумахеру в ноябре 1740 г., переросшая в симметрию между “немцами” и “болгарами” в “Росписи алфаветической” Первой редакции, дозрела теперь до полного совершенства. Правда, ради такой симметрии давнюю “дружбу” Андрея Боголюбского с Фридрихом Барбароссой пришлось снизить до “союза” между ними – такого же, как у Андрея с болгарами. Зато вместо одного “достаточного архитекта” возникло сразу как минимум двое, не считая сопровождавших их “многих ремесленников”. Ради все той же симметрии Татищев забывает приведенную в его собственной *Истории* правильную датировку юрьевского собора и относит его ко времени Андрея Боголюбского, которого в ряду других перечисленных в записке правителей Руси стилизует под Петра I.

Не стоит искать других идеологических целей, ради которых Татищеву стоило бы привлекать фигуру Фридриха I Барбароссы. Менее всего она годилась для возвеличивания своей “дружбой” владимирского князя. Татищев представлял Фридриха I вовсе не как великого и грозного императора. Во-первых, Татищев вчитывался в рассказ польского историка Мартина Кромера (1512–1589) о походе Штауфена в Польшу.⁷⁹ Во-вторых, он знал, что император умер, возглавляя Крестовый поход.⁸⁰ Но главное, с чем у Татищева связывался Фридрих I, это, в-третьих, многовековой конфликт между императорами и римскими папами. Татищев не жалеет злых слов в адрес понтификов (как и в адрес их “русского аналога” – патриарха Никона).

⁷⁸ Татищев, “Представление,” 393. (Tatishchev, “Predstavlenie,” 393).

⁷⁹ Татищев, похоже, путался в том, на чьей стороне оказались русские князья. В немецком комментарии они действуют на стороне императора: “In diesem Jahre sagt CROMERUS habe / Kayser Friedericus einen Zug nach / POHLEN gethan, wobey ihm die Rußische[n] / Fürsten ASSISTIRET, wovon nebst / vielen andern in Roth-Reußen / vorgefallenen // vorgefallenen Ergebnheiten in denen Rußischen ANNALIBUS dahero nichts / enthalten, weil sich der Orthen keine SCRIBENTEN gefunden”. РГАДА, ф. 181, оп. 16, д. 1374, л. 229–229об. (RGADA, f. 181, op. 16, d. 1374, l. 229–229 ob.). Сходно: Татищев 3, 294 (Tatishchev 3, 294); Татищев 4, 444 (Tatishchev 4, 444). Напротив, русские помогают полякам против Фридриха: Татищев 2, 268 (Tatishchev 2, 268); Татищев 4, 437 (Tatishchev 4, 437).

⁸⁰ Татищев 3, 254 (Tatishchev 3, 254); Татищев 4, 454 (Tatishchev 4, 454).

Довольно всем известно, что римские архиепископы дерзнули власть над государи и народы требовать, с государи нечестивым образом поступать, народ от учиненной государем присяги увольнять, на них возмущать и престола лишать, как нас истории о Фридерике первом и Генриках во ужас приводят.⁸¹

В другом варианте той же сентенции Татищев упоминает унижение, якобы испытанное Фридрихом I в Венеции в 1177 г. в сцене примирения с папой Александром III. Как утверждали впоследствии пропапские хронисты, понтифик будто бы наступил на склонившегося поцеловать его ноги императора. Осуждая пап, Татищев поставил венецианский эпизод в один ряд с покаянием Генриха IV в Каноссе. По его словам, папы

чрез слепое народа к ним послушание государей с престола свергали, подданных от рабства и послушания присяги их разрешали, не токмо рабов противо государя, но детей противо родителей и государей своих воевать понуждали, цесарю на шею ногою становились или у дверей босо и без одежды просить прощения принуждали, как то читаем о цесарях Фридерике Барбароссе и Гендрике.⁸²

Несложно понять, откуда у Татищева именно такие сведения о Фридрихе I: он воспроизводит *общие места протестантской публицистики*, со времен Лютера клеймившей пап за их глумление над германскими государями. Трудно представить, чем такой – лютеранский – Фридрих Барбаросса мог оказаться полезен владимирским князьям.

6. Степенные книги, известные и потерянные

В одной из промежуточных версий “Примечания А,” отразившихся в “Воронцовском списке,” Татищев прямо называет источник своего знания о зодчем Барбароссы: “Мастеры же, по Степенной, присланы были от императора Фридерика Барбароссы.”⁸³ Как убедительно показано в недавних исследованиях, отсылки Татищева к его источникам не отличаются точностью.⁸⁴ Если он и не мистифицировал читателей сознательно, то, видимо, и не заботился особенно об аккуратности своих ссылок – так, как это принято у историков сегодня. Он указывал дополнительные сведения в спешке или по памяти, а она его нередко

⁸¹ Татищев 1, 379. (Tatishchev 1, 379). Под “Генриками” здесь подразумеваются Генрих IV, вынужденный к публичному покаянию в Каноссе, и Генрих VII (ок. 1275–1313), якобы отравленный папским агентом.

⁸² Василий Н. Татищев, “Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах,” в Татищев 8, 80–81. (Vasilii N. Tatishchev, “Razgovor dvu priiatelei o pol'ze nauki i uchilishchakh,” v Tatishchev 8, 80–81).

⁸³ Татищев 3, 295. (Tatishchev 3, 295).

⁸⁴ См. многочисленные примеры сомнительных ссылок у Татищева в работах: Алексей П. Толочко, “История российская” Василия Татищева: источники и известия (Москва: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005). (Aleksei P. Tolochko, “Istoriia rossiiskaia” Vasiliia Tatishcheva: istochniki i izvestiia (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; Kiev: Kritika, 2005); Горовенко, Василий Татищев (Gorovenko, Vasilii Tatishchev).

подводила. Один и тот же источник он мог называть совершенно по-разному. Тем не менее, игнорировать его собственное указание без проверки не стоит.

Степенная книга представляет собой историческую компиляцию 60-х гг. XVI в. получившую широкое распространение во множестве вариантов, возникавших не только в XVI и XVII вв., но еще и в начале XVIII в.⁸⁵ К настоящему времени известно 145 ее списков.⁸⁶ Сведения, полученные из Степенных книг, Татищев обещал приводить, в отличие от летописных свидетельств, только в примечаниях, что к нашему случаю вполне подходит.⁸⁷ Разумеется, в исходном тексте Степенной книги, недавно переизданной в соответствии со всеми академическими канонами, нет ни слова о послании Генриха VI к Всеволоду.⁸⁸ Однако было бы непредусмотрительно заведомо исключать саму возможность того, что в каком-то из многочисленных поздних манускриптов могла встретиться фраза, вдохновившая Татищева на его утверждение. Собственного экземпляра Степенной книги у Татищева, судя по всему, не имелось, но зато он сумел познакомиться с разными ее рукописями, включая и ту, что обнаружил в университетской библиотеке в Уппсале.⁸⁹ Татищев и сам копировал интересовавшие его места из попадавшихся ему списков, и получал уже готовые цитаты от своих “снискательных к истории русской” приятелей. Коллекция выписок из Степенной книги упоминается в посмертной описи библиотеки Татищева.⁹⁰ На Степенную книгу Еропкина Татищев прямо ссылается в обеих редакциях *Истории* в примечании к рассказу об убиении Андрея Боголюбского.⁹¹ Вероятно, тот же памятник подразумевается во Второй редакции под “манускриптом Еропкина” в рассказе о казни вдовы Андрея, якобы замешанной в заговоре.⁹² Сохранились выписки Татищева о событиях второй половины XV–XVII вв. из *Степенных книг*, принадлежавших В. А. Урусову (ок.

⁸⁵ Подробно см.: Алексей В. Сиренов, *Степенная книга: история текста*, Москва: Языки славянских культур, 2007 (Alekssei V. Sirenov, *Stepennaia kniga: Istoriia teksta*, (Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007); Сиренов, *Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв.*, Москва-Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2010. (Sirenov, *Stepennaia kniga i russkaia istoricheskaiia mysl' XVI–XVIII vv.* (Moscow-St. Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2010)). Татищев полагал, что Степенную книгу составили еще на рубеже XIV и XV вв., а в XVI в. только дополнили.

⁸⁶ *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий в трех томах*, отв. ред. Николай Н. Покровский, Гейл Д. Ленхофф, т. 1 (Москва: Языки славянских культур, 2007), 26. (*Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam. Teksty i kommentarii v trekh tomakh*, отв. red. Nikolai N. Pokrovskii, Geil D. Lenhoff, t. 1 (Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007), 26).

⁸⁷ “Затем степенные, хронографы, четьи минеи, прологи и пр. хотя много помоществовали, но из них в примечании токмо для изъяснения вношено, а в текст не мешано [...]” Татищев 4, 49. (Tatishchev 4, 49). Сходно во Второй редакции: Татищев 1, 91. (Tatishchev 1, 91).

⁸⁸ *Степенная книга царского родословия*, 448–82. (*Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia*, 448–82). (Степень VI).

⁸⁹ Сиренов, *Степенная книга: история текста*, 10. (Sirenov, *Stepennaia kniga: Istoriia teksta*, 10).

⁹⁰ Пекарский, *Новые известия*, 59. (Pekarskii, *Novye izvestiia*, 59). “Из Степенной выписки.”

⁹¹ Татищев 3, 249. (Tatishchev 3, 249); Татищев 4, 449 (Tatishchev 4, 449). Мнение, что никакого “манускрипта Еропкина” не существовало, см. в: Толочко, “*История российская*” Василия Татищева, 180–85. (Tolochko, “*Istoriia rossiiskaia*” Vasiliia Tatishcheva, 180–85). Напротив, о реальности Степенной книги Еропкина см.: Сиренов, *Степенная книга: история текста*, 315. (Sirenov, *Stepennaia kniga: Istoriia teksta*, 315).

⁹² Татищев 3, 113, 250, примеч. 520. (Tatishchev 3, 113, 250, note 520).

1690–1741) и Волынского.⁹³ При этом А. В. Сиренов допускает, что “списки Еропкина и Волынского или являются одной рукописью, перешедшей от одного владельца к другому, или связаны единством происхождения...”⁹⁴ Считается, что Степенная книга Волынского пропала: возможно, сгорела в 1812 г.⁹⁵ В его же собрании имелись некие выписки из *Степенной книги* (которую какой-то архивист впоследствии определил как “Ростовский летописец,”) датированные 1716 г. и представлявшие собой, видимо, самостоятельную переработку какого-то варианта исходного текста.⁹⁶ Благополучно идентифицирован экземпляр *Степенной книги* из собрания А. Ф. Хрущева.⁹⁷ Согласно оценке Сиренова, использованные Татищевым манускрипты Урусова, Еропкина и Волынского (если последние два представляли собой все же разные рукописи) относились к семейству Латухинской Степенной, составленной архимандритом Желтоводского монастыря Тихоном Макарьевским в 1676 г.⁹⁸ Никаких упоминаний Фридриха I Барбароссы или же Генриха VI в рукописях Степенной книги пока что выявлено не было. Однако поиск среди манускриптов из собраний Волынского, Хрущева и Еропкина, еще в XVIII в. оказавшихся в конце концов в московском Архиве коллегии иностранных дел, имеет смысл продолжить.⁹⁹

⁹³ Александр Х. Востоков, *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея* (Санкт-Петербург: Имп. Академия наук, 1842), 646–48 (№ 416). (Aleksandr H. Vostokov, *Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisei Rumiantsevskogo muzeuma* (St. Petersburg: Imp. Akademiiia nauk, 1842, 646–48, no. 416)). Оригинал: Российская государственная библиотека, ф. 256, № 416, л. 1–251 (Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, f. 256, no. 416, l. 1–251) (Степенная Урусова); л. 252–79 (l. 252–79) (Степенная Волынского). Согласно Сиренову, для части, относящейся к Степенной Урусова, имеется более ранний список: РГАДА, ф. 199, Портфели Миллера, оп. 1, № 46/6. (RGADA, f. 199, Portfeli Millera, op. 1, no. 46/6). Сиренов, *Степенная книга: история текста*, 315. (Sirenov, *Stepennaia kniga: Istoriia teksta*, 315). Судя по архивной машинописной описи фонда 199, дела № 46/7 и 46/8 могут представлять собой выписки оттуда же. Они охватывают в общей сложности время от Ивана III до Алексея Михайловича. РГАДА, ф. 199, оп. 1, л. 4об. (RGADA, f. 199, op. 1, l. 4 ob).

⁹⁴ Сиренов, *Степенная книга: история текста*, 315–16. (Sirenov, *Stepennaia kniga: Istoriia teksta*, 315–16).

⁹⁵ Толочко, “История российская” Василия Татищева, 176. (Tolochko, “Istoriia rossiiskaia” Vasiliiia Tatishcheva, 176); Сиренов, *Степенная книга: история текста*, 316. (Sirenov, *Stepennaia kniga: Istoriia teksta*, 316).

⁹⁶ РГАДА, ф. 181, оп. 1, № 19/24. (RGADA, f. 181, op. 1, no. 19/24). См. рукописную архивную опись фонда: “Это после Степенной книги первый опыт Прагматической Русской Истории, составлен Государственной Коллегии Иностранных дел Секретарем Иваном Юрьевым, доведен до 1564 г. [...] Из дел Архива видно, что сия книга поступила [в] оный в числе двух экземпляров из пожитков А. Волынского [...] 1746 году Марта 10-го белой экземпляр [отослан] в Санктпетербург в Коллегию, а этот черновой остался в Архиве.” РГАДА, ф. 181, оп. 1, л. 102об.–103об. (RGADA, f. 181, op. 1, l. 102v–103 ob.).

⁹⁷ РГАДА, ф. 181, оп. 1, № 26/34. (RGADA, f. 181, op. 1, no. 26/34).

⁹⁸ *Латухинская Степенная книга. 1676 г.*, издание подготовили Николай Н. Покровский, Алексей В. Сиренов, отв. ред. Николай Н. Покровский, (Москва: Языки славянской культуры, 2012), 37–38. (*Latukhinskaia Stepennaia kniga. 1676 g.*, izdanie podgotovili Nikolai N. Pokrovskii, Aleksei V. Sirenov, отв. red. Nikolai N. Pokrovskii, (Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2012), 37–38).

⁹⁹ Сергей А. Белокуров, *О библиотеке московских государей в XVI столетии*, Москва: типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898, 88–89 (Sergei A. Belokurov, *O biblioteke moskovskikh gosudarei v XVI stoletii*, Moscow: tipografiia G. Lissnera i A. Geshelia, 1898, 88–89). Ср.: Сергей П. Луппов, *Книга в России в послепетровское время 1725–1740* (Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1976), 175,

7. Итоги

а. Проведенное исследование позволяет сформулировать как несколько вполне определенных утверждений, так и ряд предположений большей или меньшей степени вероятности. Прежде всего, стало понятно, что своей “теории” о присылке зодчего на Русь Фридрихом Барбароссой автор *Истории Российской* последовательно придерживался на протяжении не менее десяти лет, до самого конца жизни, несмотря на менявшиеся политические и личные обстоятельства. Более того, он ее ценил и последовательно популяризовал как минимум в трех произведениях, выдержанных в различных жанрах, но в равной мере рассчитанных на требовательную публику. Никакой заведомой мотивации для привлечения к повествованию исторических образов Фридриха I, и тем более Генриха VI, у Татищева не обнаруживается. “Дружба” с ними не добавляла в его глазах величия и престижа владимирским князьям. Тем не менее, в сочинениях Татищева просматривается идеологическая программа, к которой он постепенно приспособил эти исторические фигуры. Политика, предполагающая всемерное приглашение иностранных специалистов, оказывается, глубоко национальна – в том плане, что все выдающиеся правители Руси, включая еще Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, ее последовательно осуществляли...

б. Гипотетическим “исток” теории Татищева должен был явиться краткий пересказ послания Генриха VI (“немецкого царя”) Всеволоду Большое Гнездо, в котором император якобы упоминал о “дружбе,” связывавшей его отца с владимирскими князьями, и зодчего (или зодчих), отправленного (отправленных) Фридрихом I некогда Андрею или, скорее, еще Юрию. Соответствующая запись “в оригинале” могла быть датирована 6703 (1195) г. Подлинность этого свидетельства остается под большим вопросом, однако и признаков сознательной мистификации тоже не обнаруживается. Скорее даже наоборот: ключевым для татищевской теории являлось “Примечание Г”, которое мистификатору несложно было бы сформулировать. (Например: “Того же лета приходили ко Всеволоду от царя немецкого по дружбе их...”) Между тем от одной версии текста к другой Татищев только собирался добавить примечание про послов и их грамоту, но так этого и не сделал. Отсюда и возникает впечатление, что автор до последнего надеялся найти потерявшуюся выписку, содержание которой он по памяти пересказывал на разные лады в двух других примечаниях. Там же он поделился как собственным взглядом на “ворота градские” и “соборную церковь” во Владимире, так и впечатлениями некоего иного лица от тех же Золотых ворот и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

в. Действительно, “теория” Татищева держится не на одном лишь гипотетическом письменном свидетельстве, а на сочетании его с экспертным мнением современника, обратившего внимание историка на три памятника древнерусского зодчества и признавшего в двух из них работу западного мастера. Последнее предполагает предварительное личное знакомство информатора с романским зодчеством где-нибудь в Рейнской области, Ломбардии или, например, Южной Франции. Ведь иллюстрированных альбомов

по средневековой архитектуре, а тем более по архитектуре романской, тогда еще нигде не выпускали.¹⁰⁰ Как выбор Золотых ворот и Георгиевского храма из всех древнерусских памятников, так и сопоставление их между собой – заслуга не Татищева. Однако, видимо, именно он нашел идеологическое обоснование для противопоставления их друг другу как произведений немецкого и болгарского зодчих соответственно. Неизвестный информатор должен был разъяснить историку принадлежность западному зодчему и Успенского собора, ведь путевой журнал Татищева свидетельствует, что “родство” между “соборной церковью” и Золотыми воротами было ему заведомо известно. О том же говорило еще его письмо Шумахеру от 19 ноября 1740 г., в котором предлагалось составить чертежи обоих этих памятников. Однако в примечания к будущей *Истории Российской* Успенский собор впервые попадет почти годом позже – лишь после посещения его автором. В немецком же “Примечании А” собор еще только подразумевается тем, что слово “строения” (*Gebäude*) употреблено во множественном числе. Преимущество Золотых ворот состояло, вероятно, в том, что они, по мнению Татищева (а скорее всего еще по мнению его информатора), сохранились существенно лучше, чем “соборная церковь.”

г. В екатеринбургской библиотеке Татищева собрано много книг по фортификации и современному гражданскому строительству. Зато история архитектуры, похоже, его совсем не интересовала, судя по тому, что представлена она была едва ли не одним лишь Витрувием.¹⁰¹ Чтобы ориентироваться в этой области, Татищеву, видимо, требовались советы какого-то консультанта. Разумеется, любое предположение о личности человека, способного привлечь внимание Татищева к памятникам древнерусской архитектуры, пока обречено оставаться сугубо гипотетическим. Тем не менее понятно, что искать следует авторитетного специалиста, знакомого с итальянскими, немецкими или южнофранцузскими средневековыми памятниками, и в то же время всерьез интересовавшегося историей Руси. В известном нам окружении Татищева легко указать на человека, отвечавшего всем этим требованиям, с которым историк был к тому же знаком немало лет кряду – по меньшей мере с 1731 г. Это упоминавшийся выше Пётр Еропкин – “конфидент” Волынского, казненный вместе с ним 27 июня 1740 г. По воле Петра I Еропкин уезжал за границу – в Голландию, Италию и, возможно, Францию. Известно, что в 1716–1724 гг. он обучался у римского архитектора С. Чиприани (1662–1738).

При нынешних скудных сведениях о биографии Еропкина не удастся выяснить даже того, посещал ли он когда-либо Владимир и Юрьев-Польской, ведь его строительная деятельность разворачивалась по большей части в Санкт-Петербурге, Москве и окрестностях обеих столиц. Разве только владимирские краеведы уверены, что конный двор в Гавриловом Посаде, хотя и возведенный при Екатерине II, был спроектирован еще Еропкиным. Невероятного в этом

¹⁰⁰ Само представление о некоем особом “романском искусстве”, как и интерес к нему, появятся лишь в начале XIX в.

¹⁰¹ Сафронова, *Личная библиотека*, 278–85. (Safronova, *Lichnaia biblioteka*, 278–85). В самарской библиотеке Татищева, перевезенной со временем в Москву, книг по архитектуре практически не было: Пекарский, *Новые известия*, 56–63. (Pekarskii, *Novye izvestiia*, 56–63). Ср.: Луппов, *Книга в России*, 216. (Luprov, *Kniga v Rossii*, 216).

утверждении нет, особенно если учесть, что Волынский с 1732 г. возглавлял “Конюшенную комиссию” и развил на этом посту энергичную деятельность.¹⁰² Заботы о Гавриловском конном заводе входили в круг его прямых обязанностей, хотя новое строительство там (в отличие, например, от Хорошевского конного завода) при Волынском так и не началось. Тем не менее, во-первых, авторство Еропкина еще должно быть подтверждено, а во-вторых, типовой проект конного завода архитектор мог начертать и без выезда на место предполагаемого строительства... В чем сомнения нет, так это в том, что Еропкин был великолепным рисовальщиком и умел впечатляюще изображать архитектурные памятники.

Появление Еропкина в качестве гипотетического соавтора “теории” Татищева заставляет всерьез пожалеть об исчезновении принадлежавшего ему экземпляра Степенной книги, как и всего его рукописного собрания. Наибольшие споры вокруг этой коллекции связаны с некоей Полоцкой летописью, о которой Татищев узнал якобы именно от Еропкина. Один эпизод из нее, вошедший в “Историю Российскую”, был еще в XIX в. “разоблачен” как антибироновский памфлет. Татищева при этом следовало считать “или не более, как введенным в обман Еропкиным, или только согласившимся воспользоваться выдумкою последнего.”¹⁰³ С этим “разоблачением” согласились далеко не все, и жаркие споры о подлинности Полоцкой летописи продолжаются по сей день.¹⁰⁴ Кто бы ни оказался прав в конечном счете, Еропкину пока придется оставаться под “источниковедческим подозрением”: вдруг он снабжал Татищева “выписками,” которые сам же сочинял или смело редактировал? Несложно, впрочем, допустить, что Татищев мог получить цитату про “архитекта”, присланного “немецким царем” и из чьих-либо иных рук, а Еропкин только добавил свою рекомендацию владимирских Золотых ворот ей в подтверждение. Обмениваться историческими находками и наблюдениями было бы естественно в кружке любителей российских древностей, собиравшемся в доме Волынского.

Хотя приведенные сведения не дают никаких оснований обвинить Татищева в сознательной фальсификации, они позволяют высказать к нему, исходя из *сегодняшних* требований к историческому исследованию, по меньшей мере

¹⁰² Подробнее: Игорь В. Курукин, *Артемий Волынский* (Москва: Молодая гвардия, 2011), 173–79, 183–89, 256–59. (Igor' V. Kurukin, *Artemii Volynskii* (Moscow: Molodaia gvardiia, 2011), 173–79, 183–89, 256–59).

¹⁰³ Николай П. Лыжин, “Два памфлета времен Анны Иоанновны,” *Известия Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности*, т. 7, вып. 1 (Санкт-Петербург: Имп. Академия наук, 1858), 49. (Nikolai P. Lyzhin, “Dva pamfleta vremën Anny Ioannovny,” *Izvestiia Imperatorskoi Akademii Nauk po Otdeleniiu russkogo iazyka i slovesnosti*, t. 7, vyp. 1 (St. Petersburg: Imp. Akademiia nauk, 1858), 49).

¹⁰⁴ Подробный историографический обзор и аргументы в пользу достоверности свидетельств Татищева см. в: Александр В. Майоров, “Из истории белорусского летописания: Полоцкая летопись В. Н. Татищева,” *Вестник Полоцкого государственного университета*, серия А, гуманитарные науки (2005), № 1: 1–19; № 7: 1–16. (Aleksandr V. Maiorov, “Iz istorii belorusskogo letopisaniia: Polotskaia letopis' V. N. Tatishcheva,” *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. A, humanitarne nauki (2005), no. 1: 1–19; no. 7: 1–16); Майоров, “О Полоцкой летописи В. Н. Татищева,” *Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской Академии наук* 57 (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006), 321–43. (Maiorov, “O Polotskoi letopisi V. N. Tatishcheva,” *Trudy otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury Rossiiskoi Akademii nauk*, t. 57 (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2006), 321–43).

четыре профессиональные претензии. Конечно, в контексте его собственного времени эти претензии вряд ли бы выглядели серьезными.

Во-первых, Татищев сознательно скрыл от академиков свое “открытие” о воздействии Фридриха I на владимирскую архитектуру. Похоже, он осознавал его неординарность и допускал, что профессионалы потребуют предъявить доказательства, которые уже тогда, в конце 1739 г., видимо, были утрачены.¹⁰⁵ Как бы то ни было, Татищев заменил свое четкое указание на Барбароссу риторическим туманным вопросом о происхождении “архитекта” Андрея Боголюбского. Поправку эту он внес на рубеже 1739 и 1740 гг., когда готовил примечания для перевода на немецкий.

Во-вторых, Татищев неоднократно обманывал ожидания своих потенциальных читателей, обещая им в каждой новой версии своего сочинения привести “ниже” так никогда и не написанное разъяснение о посольстве Генриха VI к Всеволоду. В конце концов он пошел на очевидную хитрость, замкнув примечания “А” и “Б” друг на друга. Вместо этой уловки Татищев мог попросту удалить упоминание “архитекта Барбароссы,” но оно, выходит, представляло для него ценность, которой никак нельзя было пожертвовать.

В-третьих, Татищев произвольно назначил некоего “болгарского” архитектора создателем Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. К такому заключению, он, видимо, пришел путем интуитивно расширительного толкования летописного известия, в котором победа над булгарами и возведение юрьевского храма оказались рядом. Кроме того, здесь могли сыграть роль впечатления неизвестного информатора (Еропкина?), быть может, подкрепленные его рисунками, убедившими Татищева в “ориентальном” происхождении строителей. Создав в своем воображении “болгарского” зодчего, Татищев, видимо, всего лишь слегка “дополнил” историческую реальность очевидной ему самому деталью, от которой лишь по существу недоразумению не сохранилось упоминаний в источниках.

В-четвертых, Татищев, то ли вполне осознанно, то ли, напротив, будучи больным и пребывая уже не вполне в ясном уме и твердой памяти, заменил хорошо ему известную правильную датировку Георгиевского собора на другую – фантастическую – ради достижения задуманного идеологического эффекта. Политические пристрастия сильнее обычного потеснили в нем в тот момент академического историка.

е. Свое “открытие” вклада Штауфена в древнерусскую архитектуру Татищев сделал не позже 1739 г., поскольку в “немецкой рукописи” примечаний уже упоминаются некие посланцы Генриха VI к Всеволоду Большое Гнездо. Следующим по времени косвенным указанием на то, что “открытие” уже

¹⁰⁵ Вряд ли можно полностью согласиться с мнением, что в то время в Академии некому было раскритиковать присланную Татищевым рукопись. См. Горовенко, *Василий Татищев*, 112. (Gorovenko, *Vasilii Tatishchev*, 112). Общими представлениями о Фридрихе Барбароссе, как и вообще о западной истории, должны были располагать П. Л. Леруа, И. Ф. Брем, И. И. Тауберт, Х. Г. Крузиус. См.: Анатолий А. Чернобаев, “Немецкие ученые-историки – члены Российской Академии наук в XVIII в.,” *Немцы в России. Три века научного сотрудничества* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003), 125–35. (Anatolii A. Chernobaev, “Nemetskie uchēnye-istoriki – chleny Rossiiskoi Akademii nauk v XVIII v.,” *Nemtsy v Rossii. Tri veka nauchnogo sotrudnichestva* (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003), 125–35).

совершено, можно считать ноябрьское письмо 1740 г. с предложением Академии наук обмерить и зафиксировать именно Золотые ворота и юрьевский храм.¹⁰⁶

Зато ясной *нижней* хронологической границы татищевского “открытия” выявить пока не удалось. Гипотеза, заслуживающая проверки в первую очередь, состоит в том, что оно случилось в том же 1739 г. в ходе встреч Татищева в столице с другими радетелями о русской истории. Если бы мысль о Барбароссе посетила Татищева еще в Самаре, – скажем, при изучении рукописей, оставшихся после его предшественника на посту главы Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова (1695–1737), – то осмотреть Золотые ворота Татищев мог бы еще в январе 1739 г. Стоило только выбрать путь в Петербург через Нижний Новгород и Москву, а не через Ярославль и Вологду, как ему не пришлось бы откладывать знакомство с работой “искусного архитекта” до неведомой будущей оказии. Да и в былые годы Татищеву доводилось проезжать через Владимир, но памятники тогда его, очевидно, не интересовали. Правда, здесь несложно выдвинуть и совсем другую гипотезу: желание взглянуть на Золотые ворота возникло у тайного советника лишь после комментария некоего петербургского знатока средневековой архитектуры (Еропкина?), тогда как необычную строку из “Степенной” (вскоре так некстати утерянную) историк мог обнаружить и раньше – будь то у Кирилова, будь то у очередного раскольника.

Если догадка Татищева об участии Барбароссы в строительстве владимирских Золотых ворот родилась действительно при участии Еропкина, то не ради ли памяти о погибшем приятеле Татищев упорно повторял утверждение, для которого у него не сохранилось никаких доказательств?.. При распродаже конфискованного имущества Волынского Татищев купил, помимо свечных щипцов стоимостью 45 рублей, серебряные подсвечники за 88 рублей.¹⁰⁷ Не в них ли вносили свечи, когда тесный кружок любителей древней российской истории сходился в гостиной дома на Мойке, чтобы обменяться суждениями о забытых страницах прошлого – вроде той, на которой владимирский князь обзавелся “искусным архитектором” благодаря дружбе с императором Фридрикусом Барбароссой?

¹⁰⁶ Это письмо свидетельствовало о перемене в настроении Татищева. Всего десятью днями ранее был свергнут Бирон, и историк, справедливо решив, что опасность миновала, возобновил подготовку к публикации *Истории*.

¹⁰⁷ Курукин, *Артемий Волынский*, 364. (Kurukin, *Artemii Volynskii*, 364).

Об одной библиографической химере: трактат Д. С. Аничкова в издании Н. И. Новикова

Regarding a Bibliographic Chimera: N. I. Novikov's Publication of a Treatise by Dmitrii Anichkov

А. В. Зайцева

Научная библиотека Московского государственного университета имени

М. В. Ломоносова

A. V. Zaitseva

Scientific Library of Moscow State University

anna.zaitseva.shesternina@gmail.com

А. Л. Лифшиц

Национальный исследовательский университет – Высшая школа
экономики

A. L. Lifshits

National Research University – Higher School of Economics

alifshits@hse.ru

Abstract:

References to Dmitrii Anichkov's *Annotationes in logicam, metaphysicam et cosmologiam* (1782) regularly appear in literature on Russian book history. However, this publication not only did not exist, but could not exist. Anichkov, following the classification put forth by Christian Wolf and Friedrich Baumeister, regarded cosmology as part of metaphysics. In fact, Anichkov's textbook, entitled *Annotationes in logicam et metaphysicam*, which was published in 1782 and 1783, included two volumes that ontology and cosmology respectively. Both are yet to be explored.

Keywords:

Moscow University Typography, unknown edition, the history of education, textbook, philosophy, metaphysics

В ряде био- и библиографических справочников, а вслед за ними и в научной литературе встречается упоминание трактата профессора Московского университета Д. С. Аничкова (1733–1788) *Annotationes in logicam, metaphysicam et cosmologiam*, который во многих случаях датируется 1782 годом.¹ К нашему

¹ См., например: Г. Н. Геннади, *Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и Список русских книг с 1725 по 1825 г.* Т. 1 (Берлин: тип. Розенталя и К°, 1876), 32. (G. N. Gennadi, *Spravochnyi slovar' o russkikh pisateliakh i uchenukh, umershikh v XVIII i XIX stoletiiakh i spisok russkikh knig s 1725 po 1825 g.* Т. 1 (Berlin: tip. Rozentalia i K°, 1876), 32); С. А. Венгеров, *Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)*, т. 1 (Санкт-Петербург: Семеновская Типо-литография И. Ефрона, 1889), 579. (S. A. Vengеров, *Kritiko-bibliograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh (ot nachala russkoi obrazovannosti do nashikh dnei)* т. 1 (St. Petersburg: Semenovskaia tipo-litografiia I. Efrona, 1889), 759); *Энциклопедический словарь*, под ред. И. Е. Андреевского. Т. 1а (Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1890), 786. (*Entsiklopedicheskii slovar' pod red. I. E. Andreevskogo* Т. 1а

удивлению, обнаружить свидетельств о существовании экземпляров такой книги не удалось. Очевидно, авторы множества научных работ, учебных пособий и справочников, которые цитируют это произведение, полагались на предшественников и не проверяли, существует ли такое издание на самом деле. Похоже, авторитетным источником позднейших сведений стал “Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета,” который называет Аничкова сочинителем этого труда.²

Такого издания не знает и *Сводный каталог книг, напечатанных в России на иностранных языках*.³ Зато под № 143 в нем приведено описание труда Аничкова с похожим названием: *Annotationes in logicam et metaphysicam...*,⁴ Это издание, представляющее собой компиляцию из отрывков сочинений Фридриха Христиана Баумейстера (Friedrich Christian Baumeister; 1709–1785) и других европейских философов, а также комментариев к ним, хорошо знакомо библиографам и иным книжникам и легко находится в каталогах библиотек. Его иногда принимают за упомянутый трактат по логике, метафизике и космологии,⁵ хотя ни на титульном листе, ни в содержании ничего похожего на космологию не содержится.

Впрочем, сочинение под заглавием *Annotationes in Cosmologiam* существует в виде отдельного курьезного тома, не имеющего ни титульного листа, ни выходных данных. Именно так его описывает Систематический каталог книг

(St. Petersburg: F. A. Brokgauz i I. A. Efron, 1900), 786); *Русский биографический словарь*, т. 2 (Санкт-Петербург, 1900), 149. (*Russkii biograficheskii slovar'*, t. 2 (St. Petersburg, 1900), 149); Т. В. Артемьева, *История метафизики в России XVIII века*, (Санкт-Петербург: Алетеия, 1996), 114. (Т. V. Artem'eva, *Istoriia metafiziki v Rossii XVIII veka* (St. Petersburg: Aleteia, 1996), 114); и т.д.

² *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку*. Ч. 1 (Москва: Унив. Тип., 1855), 6. (*Biograficheskii slovar' professorov i predavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekaiushchee stoletie so dnia uchrezhdeniia ianvaria 12-go 1755 goda po den' stoletnego iubileia ianvaria 12-go 1855 goda, sostavlennyi trudavi professorov i predavatelei, zanimaiushchikh kafedry v 1854 godu, i raspolzhennyi po azbuchnomu poriadku* Ch.1 (Moscow: Univ. tip., 1855), 6).

³ *Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, 1701–1800*, т. 1–3 (Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1984–1986). (*Svodnyi katalog knig na inostrannykh iazykakh, izdannykh v Rossii v XVIII veke. 1701–1800*, t. 1–3 (Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение, 1984–1986). Подобно всякому претендующему на полноту изданию, и этот каталог нуждается в дополнениях и корректировках.

⁴ *Annotationes in logicam et metaphysicam ex variis probatissimis auctoribus excerptae et usibus Rossicae juventutis una cum parte polemica et variis exercitationibus, ex logica disputatrice selectis, adornatae a collegiorum assessore, logices, metaphysices et matheseos purae in Universitate Imperiali Mosquensi professore publico ordinario Demetrio Anitschcow* (Mosquae: Impensis N. Novicow et societatis: In Typographia Universitatis apud N. Novicow, 1782). На обороте титульного листа этого издания стоит издательская марка Новикова с латинскими литерами.

⁵ См., например: М. В. Семиколенных, “*Institutiones philosophiae rationalis* Фридриха Христиана Баумейстера и некоторые из ранних российских учебников по логике”, *Второй Международный Конгресс Русского общества истории и философии науки “Наука как общественное благо”*, т. 4 (Москва: РОИФН, 2020), 112–116. (М. V. Semikolennykh, “*Institutiones philosophiae rationalis* Fridrikha Khristiana Baumeistera i nekotorye iz rannikh rossiiskikh uchebnikov po logike,” *Vtoroi Mezhdunarodnyi Konhress Russkogo obshchestva istorii i filosofii nauki “Nauka kak obshchestvennoe blago”* (Moscow: ROIFN, 2020), 112–116).

библиотеки Киево-Печерской лавры.⁶ Четыре экземпляра книг, похожих на описанный том имеются в фонде Научной библиотеки МГУ. Судя по ним, издание имеет только шмуцтитул, на котором слова заглавия предваряются римской цифрой “II”. То есть внешний вид книги указывает на ее несамостоятельность и заставляет искать первую часть.

Вероятно, это обстоятельство, а также наличие сведений о неких латинских “Прибавлениях⁷ к логике, метафизике и космологии,” дали повод Н. Н. Мельниковой счесть книжку приложением к *Annotationes* Аничкова.⁸ Основанием для такого объединения могли также послужить наличие издательской марки Новикова⁹ на обороте шмуцтитула и сходство (но не тождественность) типографского оформления. При этом в старейшей служебной картотеке Научной библиотеки МГУ, составленной в XIX столетии, никакой связи с трудом Аничкова не обозначено, книги имеют шифры, относящие их к разным, хотя не слишком далеко отстоящим друг от друга разделам философии.

В издание, которое Н. Н. Мельникова сочла приложением к труду Аничкова, описано под редуцированным заглавием шмуцтитула *Annotationes in cosmologiam*.¹⁰ Тем не менее, экземпляры компиляции 1782 года из фондов Научной библиотеки МГУ показывают, что в издании труда Аничкова, при том же числе страниц, что и в описании в *Сводном каталоге*, нет шмуцтитула, в котором упоминалась бы космология. Нет его и в отсканированном экземпляре РГБ.¹¹

В то же время в фондах библиотеки Московского университета есть издание, которое, несомненно, представляет собой первую часть анонимного трактата.¹² Этот том также не имеет титульного листа, а на шмуцтитуле, его заменяющем, значится: *Annotationes in metaphysicam, et quidem I. In Ontologiam*. Особенности набора, расположение заглавий, стиль гравированных заставок и издательская марка Н. И. Новикова не оставляют сомнений в том, что две книжечки на латинском языке, напечатанные in octavo представляют собой двухтомник, вышедший из типографии Московского университета между 1779 и 1789 гг., в то время, когда типография, “осуществлявшая одновременно функции издательства,” стала играть заметную роль в распространении философских

⁶ *Систематический каталог книг Библиотеки Киево-Печерской лавры*, т. 2 (Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1912), № 7689. (*Sistematicheskii katalog knig Biblioteki Kievo-Pecherskoi Uspenskoï lavry*, t. 2 (Kyiv: Tip. Kievo-Pecherskoï Uspenskoï lavry, 1912), No. 7689).

⁷ Так слово *annotationes* переведено в цензорском разрешении профессора Антона Барсова на книге Аничкова 1782 г.; осознавая его условность, используем этот перевод.

⁸ Н. Н. Мельникова, *Издания, напечатанные в Типографии Московского университета, XVIII век*. (Москва: Издательство Московского Университета, 1966), № 1471. (N. N. Mel'nikova, *Izdaniia, napechatannye v Tipografii Moskovskogo universiteta, XVIII vek* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1966), No. 1471); петитом указано приложение с собственной пагинацией II. *Annotationes in cosmologiam*, 144.

⁹ Правда, в этом случае применена издательская марка с буквами НН в круге.

¹⁰ *Сводный каталог*, № 143. (*Svodnyi katalog*, No. 143).

¹¹ *Annotationes in logicam et metaphysicam*, Russian State Library, accessed February 7, 2021, <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003497912#?page=5>.

¹² Издание, представленное в двух экземплярах, имеет свой собственный шифр, и его связь с “Прибавлениям к космологии” эксплицитно никак не обозначена.

знаний.¹³ Вероятно, именно этот двухтомник отражен, причем весьма причудливым образом, в каталоге библиотеки Московской Духовной академии. Здесь указано анонимное издание *Annotationes in cosmologiam et metaphysicam, et quidem I in ontologiam*.¹⁴

Все сказанное позволяет заключить, что мы имеем дело с библиографической путаницей, возникшей, очевидно, довольно давно и не проясненной до настоящего времени в том числе и из-за редкости анонимного двухтомника.

Обращение к книжным росписям показало, что оба тома засвидетельствованы один за другим в издававшемся Н. И. Новиковым списке книг 1784 года,¹⁵ а также в следующем году¹⁶ и в нескольких позднейших выпусках. Цена за первый том составляла 50 копеек без переплета и 65 копеек для издания в переплете; за второй, соответственно, 35 и 50 копеек. В каталоге за предшествующий 1783 год книжки еще не значатся, что означает выход книг из печати в 1783 или в начале 1784 года. Сплошной просмотр газеты “Московские ведомости” за 1783 год показал, что объявление о продаже первого тома было опубликовано 18 октября;¹⁷ а второго – 2 декабря.¹⁸ Заметим только, что латинская компиляция Аничкова, опубликованная в 1782, числится в “росписи” за 1783 год¹⁹ как самостоятельное издание, а не как первый том многотомного издания; название труда Аничкова здесь приведено полностью.

Таким образом, согласно шмуцтитулам и с учетом того, как анонимные книжки представлены в книгопродавческих росписях и объявлениях, они могут быть описаны следующим образом:

[*Annotationes in metaphysicam*. Т. 1–2]. – [Москва: в Унив. тип., у Н. Новикова, 1783]. – 8° (16 см).

[Т. 1]: *Annotationes in metaphysicam, et quidem I. In Ontologiam*. – 242 с.

[Т. 2]: *II. Annotationes in Cosmologiam*. – 144 с.

Сверка текста компиляции Аничкова, его единственного известного труда на латинском языке, с текстом двухтомника ожидаемо не выявила совпадений.²⁰ В

¹³ Артемьева, *История метафизики*, 119. (Artem'eva, *Istoriia metafiziki*, 119).

¹⁴ *Систематический каталог книг Библиотеки Московской духовной академии, составленный библиотечарем Московской духовной академии И. Корсунским*, вып. 6. Философия (Москва: Тип. М. Н. Лаврова, 1890), 97, № 12363. (*Sistematicheskii katalog knig Biblioteki Moskovskoi Dukhovnoi akademii, sostavlennyi bibliotekarem Moskovskoi Dukhovnoi akademii I. Korsunskim*, вып. 6. Filosofia (Moscow: Tip. M. N. Lavrova, 1890), 97, No. 12363).

¹⁵ *Роспись российским книгам, которые продаются без переплета и в разных переплетах в Университетской книжной лавке, что у Никольских ворот, в Москве* (Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1784), 57. (*Rospis' rossiiskim knigam, kotorye prodaiuts'a bez perepleta i v raznykh perepletaKh v Universitetskoi knizhnoi lavke, chto u Nikol'ckikh vorot, v Moskve* (Moscow: Univ. tip., u N. I. Novikova, 1784), 57).

¹⁶ *Ibid*, 100.

¹⁷ *Московские ведомости*, № 83 (1783): 662. (*Moskovskie vedomosti*, No. 83 (1783): 662).

¹⁸ *Московские ведомости*, № 96 (1783): 765. (*Moskovskie vedomosti*, No. 96 (1783): 765).

¹⁹ *Роспись российским книгам*, 31. (*Rospis' rossiiskim knigam*, 31).

²⁰ Рукописи Аничкова и библиотека сгорели при пожаре в его доме в середине 1780-х гг.; см.: М. П. Лепехин, “Аничков,” *Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 1 (Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1988), 33. (M. P. Lepekhin, “Anichkov,” *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*,

типографии Московского университета при Новикове выходило немало изданий, подписанных именем Аничкова – труды по арифметике,²¹ геометрии,²² алгебре²³ и фортификации,²⁴ а также слова, произнесенные на университетских Торжественных собраниях.²⁵ Тем не менее, компиляция 1782 – это единственное его сочинение на латыни.

Поиск возможной связи книги Аничкова с анонимным двухтомником заставил нас еще раз пристально посмотреть на книги из Научной библиотеки Московского университета. Было выявлено несомненное сходство некоторых томов.²⁶ И трактат Аничкова, и двухтомник существуют в переплетах из гладкой светло-коричневой телячьей кожи и имеют одинаковые форзацы с цветным печатным орнаментом и печатные же наклейки на корешке “Библиотека древних языков” с вписанным номером, а также номером “22.3” на последнем форзаце, сделанным одной и той же рукой орешковыми чернилами.

Библиотека древних языков – традиционный раздел книгохранилищ духовных образовательных учреждений. Благодаря стечению обстоятельств нам удалось выяснить, откуда в библиотеку Московского университета поступили книги. На форзаце за одной из них сохранился плохо различимый инскрипт на смеси русского и латинского языков, в котором, к счастью, удалось полностью прочесть не самое распространенное имя. Это дарственная надпись некоему Диомиду Каллистову, сделанная не слишком уверенным почерком последней четверти XVIII столетия. Диомид Герасимович Каллистов нашелся по списку 1782 года среди учеников класса “Аналогия” во Владимирской духовной

вур. 1 (Leningrad: Nauka, 1988), 33).

²¹ Д. С. Аничков, *Теоретическая и практическая арифметика: В пользу и употребление юношества*. Издание третье (Москва: тип. Комп. Тип., 1786). (D. S. Anichkov, *Teoreticheskaiia i prakticheskaiia arifmetika: V pol'zu i upotreblenie iunoshestva*. Izdanie tretie (Moscow: tip. Komp. Tipogr., 1786)).

²² Аничков, *Теоретическая и практическая геометрия: В пользу и употребление не токмо юношества, но и тех, кои упражняются в землемери, фортификации и артиллерии* (Москва: Унив. тип. у Н. Новикова, 1780). (Anichkov, *Teoreticheskaiia i prakticheskaiia geometriia: V pol'zu i upotreblenie ne tokmo iunoshestva, no i tekhn, koi uprazhniaiutsia v zemlemerii, fortifikatsii i artillerii* (Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1780)).

²³ Аничков, *Начальные основания алгебры, или арифметики литеральной: Служащая для удобнейшего и скорейшего вычисления как арифметических, так и геометрических задач, в пользу и употребление российского юношества, упражняющегося в математических науках* (Москва: Унив. тип. у Н. Новикова, 1781). (Anichkov, *Nachal'nye osnovaniia algebry, ili arifmetiki literal'noi: Sluzhashchaia dlia udobneishago i skoreishago vychisleniia kak arifmeticheskikh, tak i geometricheskikh zadach, v pol'zu i upotrebleniia rossiiskogo iunoshestva, uprazhniaiushchegosia v matematicheskikh naukakh* (Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1781)).

²⁴ Аничков, *Начальные основания фортификации, или военной архитектуры: Служащая в пользу и употребление российского юношества, упражняющегося в математических науках* (Москва: Унив. тип. у Н. Новикова, 1787). (Anichkov, *Nachal'nye osnovaniia fortifikatsii, ili voennoi arkhitektury: Sluzhashchiia v pol'zu i upotreblenie rossiiskogo iunoshestva, uprazhniaiushchegosia v matematicheskikh naukakh* (Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1787)).

²⁵ Аничков, *Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства* (Москва: Унив. тип. у Н. Новикова, 1779). (Anichkov, *Slovo o prevratnykh poniatiiakh chelovecheskikh, proiskhodiashchikh ot izlishnykh upovanii, vozлагаemykh na chuvstva* (Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1779)); Аничков, *Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих* (Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1783). (Anichkov, *Slovo o raznykh sposobakh, tesneishii soiuz dushi s telom iz'iasniaiushchikh* (Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1783)).

²⁶ Напомним, что все три книги до проведения исследования и написания настоящей статьи имели в библиотеке разные шифры.

семинарии.²⁷

Иными словами, можно утверждать, что компиляция 1782 года и анонимный латинский двухтомник, если и не составляли части одного издания, то входили в некий комплект, предназначавшихся ученикам духовного училища. Что, тем не менее, не предопределяет решения вопроса об их авторстве.

Замечательно, однако, что существует описание трактата Д. С. Аничкова *Annotationes in logicam et metaphysicam...*, в котором сказано, что он состоит не из одного, а из нескольких томов. В электронном каталоге Библиотеки Иностранной литературы как сочинение Аничкова указаны безымянные вторая и третья части, входящие в один конвюлт с изданием 1782 г.; по тем же данным, конвюлт происходит из собрания еще одного духовного училища – Московской Перервинской семинарии.²⁸

Сведения о том, что у Аничкова было сочинение, состоявшее из трех томов, находим в труде архимандрита Гавриила (Воскресенского). Но историк философии пишет о труде, в названии которого вновь к логике и метафизике присоединена космология: “Он сочинил и напечатал в Москве 1782 г. на латинском языке в 3 книжках для философских лекций своих дополнения к Баумейстеровой логике, метафизике и космологии под названием *Annotationes in logicam, metaphysicam et cosmologiam*.”²⁹ Эта фраза, однако, представляет собой дословное заимствование из Словаря И. М. Снегирева.³⁰ В свою очередь, источником для Снегирева, вероятно, могла послужить биографическая справка, помещенная в собрании речей профессоров Московского университета, где без указания года говорится о трех изданных под этим названием книгах,³¹ или, что вероятнее, еще более ранние сведения митрополита Евгения (Болховитинова), помещенные им в неоконченном “Новом опыте исторического словаря.”³² На чем

²⁷ Н. Ф. Малицкий, *История Владимирской духовной семинарии*, вып. 3: Списки воспитанников. 1750–1900 г., сост. Н. Малицкий (Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1902), 12. (N. F. Malitskii, *Istoriia Vladimirskoi dukhovnoi seminarii*, вып. 3 Spiski vospitannikov. 1750–1900 г., sost. N. Malitskii (Moscow: Pechatnia A. I. Snegirevoi, 1902), 12). Шестнадцатилетний на тот момент сын священника Диомид Каллистов был в дальнейшем преподавателем духовного училища и священником села Мошок, расположенном почти ровно посередине пути из Владимира в Муром.

²⁸ *Annotationes in logicam et metaphysicam*, Library of Foreign Literature (Moscow), accessed February 3, 2021, https://catalog.libfl.ru/Record/REDKOSTJ_2112#libfldescription. Добавим сюда сведения о книгах из Московской Духовной академии и из библиотеки Киево-Печерской лавры, и мы получим тот круг, где имели хождение интересующие нас издания.

²⁹ Гавриил (Воскресенский), архим., *История философии*. Ч. 6 (Казань: Унив. тип., 1840), 73. (Gavriil (Voskresenskii), arkhim., *Istoriia filosofii*. Ch. 6 (Kazan': Univ. tip., 1840), 73).

³⁰ И. М. Снегирев, *Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением*. Т. 1 (Москва: Унив. тип., 1838), 13. (I. M. Snegirev, *Slovar' russkikh svetskikh pisatelei, sootchestvennikov i chuzhestrantsev, pisavshikh v Rossii, sluzhashchii dopolnieniem k Slovariu pisatelei dukhovnogo china, sostavlennomu mitropolitom Evgeniem*. Т. 1 (Moscow: Univ. tip., 1838), 13).

³¹ *Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оною, с краткими их жизнеописаниями*. Изданы Обществом любителей российской словесности. Ч. 2. (Москва: Унив. тип., 1820), 5. (*Rechi, proiznesennye v torzhestvennykh sobraniiah Imperatorskogo Moskovskogo universiteta russkimi professorami onogo, s kratkimi ikh zhizneopisaniiami*. Izdany Obshchestvom liubitelei rossiiskoi slovesnosti. Ch. 2 (Moscow: Univ. tip., 1820), 5).

³² Евгений (Болховитинов), митр., “Новый опыт исторического словаря о российских писателях, природных и чужестранных, умерших и живых,” *Друг просвещения*, № 3 (1805): 197. (Evgenii

основывался ученый митрополит, установить невозможно, но вполне вероятно, что он как современник, а также, как непосредственный участник московского книгопечатания 1780-х гг.³³ мог знать об авторстве сочинения доподлинно.

Приходится признать, что приводимое в многочисленных работах и справочниках название, в котором упоминаются сразу и логика, и метафизика, и космология, представляет собой контаминацию названий трех различных томов, а автором действительно оказывается Д. С. Аничков. С одной стороны, два анонимных тома, напечатанные, как мы установили, в 1783 году, не имеют признаков, которые объединяли бы их с сочинением Аничкова в одно целое, с другой стороны, *логика* и *метафизика* обозначены на титульном листе и в цензорском разрешении книги 1782 года, которая посвящена только логике, а метафизики не касается. С другой стороны, известно, что в XVIII столетии “невозможно было преподавать одну лишь логику, ибо логика неизменно преподавалась публичным профессором логики и метафизики обязательно в комбинации с метафизикой.”³⁴

Но почему на титульном листе не обозначена космология? Похоже, дело в том, что спустя четверть века после выхода в свет труда Аничкова, не многие могли точно сказать, что именно тот понимал под метафизикой, и почему охотно повторяемое название *Annotationes in logicam, metaphysicam et cosmologiam* просто не имеет смысла.

В статье *Русского биографического словаря* говорится как об общепринятой точке зрения, что трактат Д. С. Аничкова служит “толкованием и вместе дополнением к трудам Ф. Баумейстера.”³⁵ Практически во всех статьях, посвященных профессору Московского университета, рассматривается зависимость философских воззрений и лекционных курсов Аничкова от сочинений и взглядов этого немецкого философа. Труды Баумейстера и основанные на них пособия были весьма популярны и в Московском университете, и, как показывают каталог книг Московской Духовной академии и сохранившиеся экземпляры, в духовных училищах.³⁶ Сочинения немецкого философа неоднократно печатались на латыни и в русских переводах, в том числе и в качестве учебных пособий в типографии Московского университета.³⁷

(Bolkhovitinov), mitr., “Novyi opyt istoricheskogo slovaria o rossiiskikh pisateliakh, prirodnykh i chuzhestrannykh, umershikh i zhivykh,” *Drug prosveshcheniia*, № 3 (1805): 197).

³³ Будущий ученый иерарх в 1780-х гг. был знаком с членами литературного кружка Н. И. Новикова и подрабатывал корректором у книгоиздателя М. П. Пономарева; см.: *Православная энциклопедия*, т. 17 (Москва: Церковно-науч. центр Православная энциклопедия, 2008), 63. (*Pravoslavnaia éntsiklopediia*, t. 17 (Moscow: Tserkovno-nauch. sentr Pravoslavnaia Étsiklopediia, 2008), 63).

³⁴ А. Н. Круглов, “Преподавание логики в Императорском Московском университете XVIII века,” *Логико-философские штудии*, т. 18 (№ 2) (2020), 164. (А. Н. Kruglov, “Prepodavanie logiki v Imperatorskom Moskovskom universitete XVIII veka,” *Logiko-filosofskie shtudii*, t. 18 (No. 2) (2020), 164).

³⁵ *Русский Библиографический Словарь*, т. 2, 149 (*Russkii biograficheskii slovar'*, t.2, 149).

³⁶ Ср.: Круглов, *Преподавание логики*, 168 и след. (Kruglov, *Prepodavanie logiki*, 168).

³⁷ Укажем лишь издания, вышедшие у Н. И. Новикова: Ф. Х. Баумейстер, *Християна Бауместера Логика*. Перевод с латинского Александра Павлова. Издание второе (Москва: тип. Комп. Типогр., 1787). (F. Kh. Baumeister, *Khristiiana Baumeistera logika*. Pervod s latinskago Aleksandra Pavlova. Izdanie vtoree (Moscow: tip. Komp. Tipogr., 1787)); Баумейстер, *Нравоучительная философия: Содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другие вещи, для знания нужные и полезные*. Перевел с латинского языка профессор Дмитрий Синьковский (Москва: тип. Комп. Типогр., 1788). (Baumeister, *Nravouchitel'naia filosofii, sodержashchaia estestvennoe parvo, etiku*,

Согласно Баумейстеру, который следовал классификации Христиана Вольфа, метафизика подразделяется на четыре части: онтологию, космологию, психологию и богословие.³⁸ Очевидно, что два “анонимных” тома соответствуют двум первым преподаваемым разделам метафизики.³⁹

Таким образом, в настоящее время издание должно быть описано следующим образом:

Annotationes in logicam et metaphysicam ex variis probatissimis auctoribus excerptae et usibus Rossicae juventutis una cum parte polemica et variis exercitationibus, ex logica disputatrice selectis, adornatae a collegiorum assessore, logices, metaphysices et matheseos purae in Universitate Imperiali Mosquensi professore publico ordinario Demetrio Anitschcow. – Mosquae [Moscow]: Impensis N. Novicow et societatis: In Typographia Universitatis apud N. Novicow, 1782–[1783]. — 16 см.

[Ч. 1]. – 1782. – 221 с., [2] л. ил.

[Ч. 2, т. 1]: *Annotationes in metaphysicam, et quidem I. In Ontologiam. – [1783]. — 242 с.*

[Ч. 2, т. 2]: *II. Annotationes in Cosmologiam. – [1783]. – 144 с.*

Добавим в заключение, что историки философии, а также историки образования получают новый источник сведений и о преподавании метафизики в Московском университете и духовных училищах в последние годы XVIII столетия, и о философских воззрениях известного самостоятельностью суждений профессора Дмитрия Сергеевича Аничкова.

politiku, ekonomiiu i drugie veshchi dlia znaniia nuzhnye i poleznye. Perevel s latinskago iazyka professor Dmitrii Sin'kovskii (Moscow: tip. Komp. Tipogr., 1788)); Баумейстер, Христиана Баумейстера Метафизика. Перевод с латинского Александра Павлова вновь высмотрен и на многих местах исправлен профессором Дмитрием Синьковским. Издание второе (Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789) (Baumeister, Khristiana Baumeistera metafisika. Perevod s latinskago Aleksandra Pavlova vnov' vysmotren i na mnogikh mestakh ispravlen professorom Dmitriem Sin'kovskim. Izdanie vtoree (Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1789)). Добавим сюда же приписывавшееся Баумейстеру издание: Разумная беседа, или Собрание важных, острых и замысловатых изречений. Переведена с французского языка на российской А. Н. (Москва: Тип. Комп. типогр., 1788). (Razumnaia beseda, ili sobranie vazhnykh, ostrykh i zamyslovatykh izrechenii. Perevedena s frantsuzskago iazyka na rossiiskii A. N. (Moscow: tip. Komp. Tipogr., 1788)).

³⁸ Ср.: М. Frid. Christ, *Bavmeisteri Avgvsti Gymnasii Gorlicensis Rectoris Institvtiones Metaphysicae: Ontologiam Cosmologiam, Psychologiam Theologiam Denique Naturalem Complexae; Methodo Wolffii Adornatae* (Wittenbergae & Servestae: Zimmermannus, 1738). Исправленные издания под тем же названием выходили в 1754, а затем в 1760 г. Вполне вероятно, что замена *institutiones* на *annotationes* как раз и является свидетельством того, что Аничков превращает сочинение Баумейстера в “прибавления” и комментарии к нему.

³⁹ Возможно также, что, случившийся в московском доме профессора пожар стал причиной того, что “замечания” к психологии и богословию, которые назывались бы *Annotationes in psychologiam et theologiam*, так и не вышли из печати.

K. N. Batiushkov, “An Evening at Kantemir’s” (1816): Translation, Introduction and Notes by Marcus C. Levitt

Marcus C. Levitt
The University of Southern California
levitt@usc.edu

Abstract:

Konstantin Batiushkov’s “An Evening at Kantemir’s” (*Večer u Kantemira*, 1816) is unique as a work of literature, a document of Russian intellectual history, and a cultural and artistic manifesto. The “Evening” takes its cue from the popular Enlightenment genre of “dialogues with the dead,” although Batiushkov brings together people who were contemporaries rather than widely separated historical figures, as was usual. In it, the poet Antiokh Kantemir (1708-44) challenges Montesquieu’s argument from *The Spirit of Laws* that Russia’s harsh climate has resulted in its alleged lack of civilization. Batiushkov was rewriting history with hindsight, and one of the charming aspects of the work is its slightly humorous and lightly ironic play with anachronism, as Batiushkov presents Kantemir as marvelously prophetic of the later successes of Russian literature. Typical is his interlocutor’s statement that “It is easier to believe that the Russians will storm Paris” than that Russia could produce a Lomonosov. Batiushkov himself was with the troops that took Paris in 1814, and the recent Russian victory was surely on readers’ minds as they read this piece. “An Evening at Kantemir’s” attempted to integrate the “new” Russian literature with the eighteenth-century “classicist” literary and Enlightenment tradition. It also illustrates Batiushkov’s faith in poetry as a fundamental way to advance the cause of national progress.

Keywords:

Batiushkov, Kantemir, Montesquieu, Lomonosov, Russian poetry, Enlightenment

Introduction

Konstantin Batiushkov’s “An Evening at Kantemir’s” (*Večer u Kantemira*, 1816) is remarkable as a work of literature; as a document of Russian intellectual history; and as a cultural and artistic manifesto. To start with its special generic nature, the work was published in Batiushkov’s *Opyty v stikhakh i proze* (2 vols., 1817), and the term “*opyt*” is quite apt for this unusual work.¹ “*Opyt*” could mean “essays,” in the sense of Montaigne’s *Essais* (which Batiushkov quotes in the epigraph to the first volume); it also suggests “trials, experiments, assays” (derived from the Late Latin *exagium*, “weighing, testing on the balance”).² As an essay, “An Evening at Kantemir’s” challenges Montesquieu’s argument that Russia’s harsh climate has resulted in its alleged lack of civilization. The “Evening” also partakes of the classical genre “dialogue of the dead” that was revived by French Enlightenment figures such as Fontenelle and François Fénelon, and became popular in

¹ For a short recent biography of Batiushkov, see Igor A. Pilshchikov, with T. Henry Fitt, “Konstantin Batiushkov: Life and Work,” *Russian Virtual Library*, accessed Nov. 11, 2021, https://rvb.ru/batyushkov/bio/bio_eng.htm. This is a revised version of the article that appeared in Crystine A. Rydel, ed., *Russian Literature in the Age of Pushkin and Gogol: Poetry and Drama*, (Detroit: Brucoli Clark Layman; The Gale Group, 1999), 20-37.

² The Russian *opyt* adds the possible nuance meaning “experience, skill” (in OCS and other Slavic languages, the root meaning of the verb *pytat’* is to ask or to beg, while in modern Russian it means to torture).

Russia.³ Of particular relevance in this case are the dialogues by Batiushkov's great uncle and mentor, the poet M. N. Murav'ev, who included a series of them in his own collection of various "opyty" (*Opyty istorii, pis'men i npravoucheniia*, 1796; 1810), including a conversation between Kantemir and Horace.⁴ However, as M. P. Alekseev notes, "An Evening at Kantemir's" greatly differs from the abstract, a-historical and didactic works by Murav'ev and earlier Russian dialogues of the dead. These often brought together people from entirely different historical periods (like Horace and Kantemir); unlike them, Batiushkov brings together people who were contemporaries (Kantemir, his friend Montesquieu and their known acquaintances), depicting them in a particular time and setting with what Alekseev calls a "strict and consistent historicism" (historical accuracy; we might say, or realism).⁵ Batiushkov himself wrote that "Everything [in the work] is original and there has been nothing of the kind before [in our literature]."⁶

Batiushkov's historicism, however, did not extend as far as precise adherence to historical fact, and "An Evening at Kantemir's" could also be considered as a short story (that is, a work of fiction), or as an essay in the form of one. Batiushkov was rewriting history with hindsight, and one of the charming aspects of the work is its slightly humorous and lightly ironic play with anachronism. The basic target of "An Evening at Kantemir's" was Montesquieu's *The Spirit of Laws*, from which he takes some of the opinions the philosopher expresses in the story. But as Batiushkov surely knew, Montesquieu's opus was only published several years after Kantemir's death.⁷ Similarly, Batiushkov presents Kantemir as marvelously prophetic of the later successes of Russian literature, making more or less transparent references to the post-Kantemirean poets Dmitriev, Derzhavin, and especially to Lomonosov, whose very existence proves his (Batiushkov/Kantemir's) "prophesy" about the rich future of Russian letters. Batiushkov's Kantemir describes Lomonosov's life in specific detail, following it up with the almost embarrassing authorial admission that "This is only a hypothesis, but the matter is possible." Almost, because the reader chuckles along with Batiushkov at the French intellectuals' obtuse and mistaken

³ See Nicoletta Marcialis, *Caronte E Caterina: Dialoghi Dei Morti Nella Letteratura Russa Del 18. Secolo* (Rome: Bulzoni, 1989).

⁴ "Goratsii i kniaz' Antiokh Dmitrievich Kantemir" in M. N. Murav'ev, *Opyty istorii, pis'men i npravoucheniia* (Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1810), 349-53. At several points *An Evening at Kantemir's* recalls this dialogue, for example, when Horace tells Kantemir that he will be remembered more for his poetry than for his diplomatic service, 350-351; see N. V. Fridman, *Proza Batiushkova* (Moscow: Nauka, 1965), 116-7. Batiushkov cites Murav'ev's dialogues in his review of Murav'ev's *Opyty in Syn otechestva in 1814*, which was reprinted in the *Opyty v stikhakh i proze*, 55-6, and also mentions Kantemir's appearance in passing. See also, M. P. Alekseev, "Montesk'e i Kantemir," *Sravnitel'noe literaturovedenie*, ed. G. V. Stepanov (Leningrad: Nauka, 1983), 123-4.

⁵ "Montesk'e i Kantemir," 124. See also Fridman, *Proza Batiushkova*, 128-30. As is clear from the work of Alekseev and Fridman, Batiushkov based his work on a careful reading of the available sources.

⁶ Quoted in Fridman, *Proza Batiushkova*, 114.

⁷ It is perhaps significant that two European reviews of Kantemir's satires published in French and German both discussed the extent to which Montesquieu's argument about Russians' "coldness" was applicable to Kantemir himself. N. A. Kopanev even suggests that Montesquieu may have authored the French review. See N. A. Kopanev, "O pervykh izdaniakh satir A. Kantemira," *XVIII vek*, 15 (Leningrad: Nauka, 1986), 151 and 153; cf. Ekaterina Vasil'eva, "Brat'ia Guasco i frankoiazychnye izdaniia 'Satir' Kantemira," *Vestnik KGU*, 3 (2017), 95-6.

confidence about Russia's alleged barbarism; we all know that history has proved them wrong. This is again underscored by the next exchange in which "Abbé V." declares that "It is easier to believe that the Russians will storm Paris and destroy all of the fortresses built by Vauban" than that Russia could produce a Lomonosov. Batiushkov himself was with the troops that took Paris in 1814, and the recent Russian victory was surely on readers' minds as they read this piece.

There are also less obvious and perhaps less conscious anachronisms. For example, Kantemir states in the story that he "was the first to dare to write like one speaks . . . the first to expel from our language coarse Slavonic and foreign words." This reflects the Karamzinian linguistic program, promoted by the members of Arzamas (including Batiushkov) in the 1810s rather than Kantemir's position.⁸ However, in a more general sense, we may say that Batiushkov was claiming Kantemir as forerunner, a linguistic reformer and a creator of the modern literary language.⁹ This was part of an attempt to put forward a new canon for Russian literature. Mariia Maiofis, who has examined Arzamas' program in detail, notes that much of the retrospective canon-building of the period actually involved a selective rejection of the eighteenth-century tradition, a de-canonization.¹⁰ However, Arzamas' "modernization project" (Maiofis' term) attempted to integrate the "new" Russian literature with the eighteenth-century "classicist" literary and Enlightenment tradition, albeit in their own way.

The issue of anachronism, however, is clearly subordinate to Batiushkov's main aim—to refute Montesquieu and to validate Russian civilization, Russia's rightful place in European culture, and its intellectual and artistic worth—which includes his own legitimacy as a poet. "An Evening at Kantemir's" took up the long-running French debate over Russia's historiographical place in the world and its continued resonance in debates over Russian self-image that simmered between the momentous events of 1812 and 1825. As a document of Russian intellectual history "An Evening at Kantemir's" "gives voice to a new national

⁸ On Kantemir's linguistic position, see N. I. Nikolaev, "Trudnyi Kantemir (Stilisticheskaia struktura i kritika teksta)," *XVIII vek*, 19 (1995): 3-14. For a more detailed examination of his language, and the idea of writing as one speaks, see Victor Zhivov, *Language and Culture in Eighteenth-Century Russia*, trans. Marcus C. Levitt (Boston: Academic Studies Press, 2009).

⁹ After the meeting of Arzamas on Jan. 6, 1817, at which "Večer u Kantemira" was read and discussed (in Batiushkov's absence), in his notes on the session Bludov lightheartedly described Montesquieu and Kantemir of the work as "departed members of Arzamas" and said that "they spoke among themselves like worthy living members of Arzamas" (Fridman, *Proza Batiushkova*, 126-7).

¹⁰ Mariia Maiofis, *Vozzvanie k evrope: Literaturnoe obshchestvo Arzamas i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815-1818 godov* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008), 534-7 and passim. Maiofis suggests that Arzamas' "modernization project" attempted to integrate the eighteenth-century literary and Enlightenment tradition, albeit on their own "dynamic," historicizing terms. This "dynamic" model was based on the "idea of the gradual perfection of literature and language, parallel to. . . the enlightenment and education of the reader," 533; Maiofis cites Batiushkov, *Opyty*, 17). On the other hand, she notes (537) that Karamzin's Panteon Rossiiskikh avtorov (1801-2) could have been prefaced with the epigraph 'We have no literature,' thus anticipating the later crisis of Russian letters—the famous declarations by the Decembrist Alexander Bestuzhev ("Vzgliad na russkuiu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 god" [1825]) and V. G. Belinsky (*Literaturnye mehtaniia* [1834]).

consciousness" in the post-Napoleonic period.¹¹ It offers testimony that before 1825, Russian intellectual life still operated on an Enlightenment frame of reference, that it was part of "the long eighteenth century."¹² Kantemir/Batiushkov maintains that with time and education, the Russian language will be "as clear and accurate as the language of the witty Fontenelle and the profound Montesquieu"; that "there are [already] enlightened and thinking people [in Russia] who are able to enjoy the beautiful fruits of the Muses"; and that "great minds and rare talents" and even "a great genius" may arise in Russia. Regardless of the climate, "poetry is inherent to all humankind" because "the human heart is the best source of poetry," as evidenced, Kantemir/Batiushkov asserts, in the beauty and richness of Russian folksongs.¹³ Peter the Great proved "that talent is inherent in all of humanity," and it only requires time and education to be manifested. "Give us time, prolong the favorable circumstances, and you will not be able to deny us the best abilities of the mind." (Kantemir/Batiushkov seems to feel the same condescension toward the Kalmyks and Samoyeds as Montesquieu and Abbé V. do toward Russians, but allows that time and education may raise them up as well.) We may contrast this to the arch-Romantic despair over Russian culture of Chaadaev, who famously lamented in the "First Philosophical Letter" (1829) that "there is something *in our blood* that resists all true progress" (italics added).¹⁴

Batiushkov thus countered the long tradition of Russia-bashing on the part of French intellectuals,¹⁵ whose views not only had helped provide a rationale for the invasion of 1812¹⁶ but also fed into the growing dissatisfaction of Russian intellectuals of Batiushkov's cohort (including Chaadaev). Most of them, like Batiushkov, had spent much time in Europe fighting against the French, but many upon returning home were disturbed by comparing what they had seen of life there to conditions in Russia and were dissatisfied with Alexander I's reactionary policies. This dissatisfaction was manifested among other things in the growth of secret societies leading up to the Decembrist Revolt of 1825 and in caustic notes

¹¹ Otto Boele, *The North in Russian Romantic Literature. Studies in Slavic Literature and Poetics*, vol. 26 (Amsterdam: Rodopi, 1996), 35.

¹² Nicholas Riasanovsky, for example, considers Decembrism the climax of "the last phase of the Russian Enlightenment." See Nicholas V. Riasanovsky, *A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801-1855* (Oxford: Clarendon Press, 1976), 83.

¹³ This is also, arguably, another anachronism in regard to Kantemir. On his alleged use of folk proverb, see Nikolaev, *Trudnyi Kantemir*, 9-12. On the other hand, the special value of Russian folk songs became a major issue in Russian letters of the late eighteenth and first third of the nineteenth century.

¹⁴ P. Ia. Chaadaev, *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma*. 2 vols. (Moscow: Nauka, 1991), 1: 330.

¹⁵ These included Montesquieu, Rousseau, Claude-Carloman de Ruhlière, Chappe d'Auteroche, Mably, Condillac, Raynal, and Mirabeau. On the European debate, see the literature cited in Marcus C. Levitt, "An Antidote to Nervous Juice: Catherine the Great's Debate with Chappe d'Auteroche over Russian Culture," *Early Modern Russian Letters: Selected Articles* (Boston: Academic Studies Press, 2009), 339-57; on the roots of the anti-Russian view leading up to Montesquieu, see Marshall Poe, "A People Born to Slavery: Russia," *Early Modern European Ethnography, 1476-1748* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000).

¹⁶ Larry Wolff shows how "the intellectual formulas of the Enlightenment [were] deployed in the military maneuvers of the next generation," that is, they served as a justification for the Napoleonic invasion of Russia. See Larry Wolff, *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Stanford: Stanford University Press, 1994), 363. As Wolff notes, Tolstoy exposed this connection most forcefully in *War and Peace*.

in Russian literary criticism.¹⁷ Batiushkov, however, despite his close personal and family ties to many future Decembrists, did not share their desire for political action.¹⁸ Fridman interprets the line from “An Evening at Kantemir’s” that “The plow is the foundation of society, the true site of citizenship, the basis for the law” to mean that Batiushkov was advocating the amelioration of serfdom, but this is not very convincing.¹⁹ Rather, it seems as if Batiushkov is indicating that agriculture has already sown “beneficial traces” and that the values of society, citizenship, and law already have a foothold in Russia. This reading would reinforce the larger argument promoting gradual enlightenment via time and education, building upon the legacy of Peter the Great. Responding to Montesquieu’s listing of the things that prevent Russia’s progress, including her “almost Asiatic form of government” and “slavery,” Batiushkov’s Kantemir not only counters with what he sees as the great humanistic achievement of the tsar-reformer, who by curing “the disease of ignorance” developed “all of the soul’s potential” in Russians; he also notes that according to Montesquieu’s own theory, “with the success of enlightenment all forms of government change in a clear and inevitable way,” and that Montesquieu himself had detected such changes in Russia. Batiushkov’s Kantemir concludes that “Maybe in two or three centuries, maybe earlier, the beneficent heavens will grant us a genius who will fully understand Peter’s great idea – and the most vast land in the world, heeding his creative voice, will make it a repository of law, of freedom based on it, of manners that give law endurance, in a word – a repository of enlightenment.” This genius, apparently, will be a new Peter, a new enlightened monarch. In any case, this is by no means a summons to immediate, radical change.

If Batiushkov’s main aim in “An Evening at Kantemir’s” was to validate Russian civilization, his no less important concern was with Russian poetry, his own and that of his predecessors such as Kantemir. He saw poetry as a major way to advance the cause of national enlightenment. In his review of *Opyty v stikhakh i proze*, Sergei Uvarov memorably called Batiushkov “a passionate lover of Italian and French poetry,” and, as Igor Pil’schikov has noted, Uvarov “expressed the general opinion of his contemporaries” that the publication had shown Batiushkov to be “the plenipotentiary representative” of Romance literatures in Russia.²⁰ Batiushkov thus had a deep stake in defining what we may call Russia’s cultural geography. Montesquieu stigmatized Russia as a northern country whose frigid weather rendered it insensitive and culturally stunted, and as Otto Boele has noted, Batiushkov and his cohort took part in a debate in which “Western views” framed the

¹⁷ See, for example, the essays by V. K. Kukhelbeker, A. A. Bestuzhev and D. V. Venevitinov in *Russian Romantic Criticism: An Anthology*, ed. and trans. Lauren Leighton (Westport, CN: Greenwood Press, 1987). See also Maiofis, *Vozzvanie k Evrope*, 531-99.

¹⁸ Distress with his friends’ disturbing political ideas has been suggested as a motive for Batiushkov’s move to Italy and Germany in 1819-22; upon his return he began to show serious signs of the mental illness that marked the last thirty-odd years of his life. See V. A. Koshelev, “K. N. Batiushkov i Murav’evy: k probleme formirovaniia ‘dekabristskogo’ soznaniia,” *Novye bezdelki: sbornik statei k 60-letiiu V. E. Vatsuro* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996), 117-137.

¹⁹ Fridman, *Proza Batiushkova*, 125.

²⁰ I. A. Pil’schikov, *Batiushkov i literatura Italii: Filologicheskie razyskaniia* (Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury, 2003), 6.

terms.²¹ Thus in "An Evening at Kantemir's," Batiushkov/Kantemir is at pains to affirm (as we have seen) that "poetry is inherent to all humankind," but also to defend "the possibility of a Northern poetry."²² The Abbé V. ironically refers to Russians as "Hyperboreans" (mythological dwellers of the far north) and to Kantemir as "honored defender of the North," and Kantemir counters with references to "the northern muse" (in the case of Ossian) and to Lomonosov's birth "amid the half-savage northerners." At the same time, Batiushkov's Kantemir also refers to his Greek blood and to his love for "the blue sky and the ever-green olives of southern lands," and ascribes to the notion that "the southern countries were the birthplace of the arts" (although he adds that they had spread from there). Thus, while Batiushkov argued for the universal human value of poetry, a major goal of his career was to assimilate to Russia the aesthetic legacy of both the classics and of the "Southern" poets of France and Italy.²³

* * *

This translation is based on the text of "Večer u Kantemira" in K. N. Batiushkov, *Opyty v stikhakh i proze*, edited by I. M. Semenko. Literaturnye pamiatniki (Moscow: Nauka, 1977), 34-51 (available online at: <http://feb-web.ru/feb/batyush/texts/bop/bop-0342.htm>). Semenko's annotations have been useful in preparing my own.

K. N. Batiushkov, "An Evening at Kantemir's"

Antioch Kantemir, Russian envoy at the court of Louis XV, preferred solitude to the noise and dissipation of the brilliant court. He devoted his free time from his duties to science and poetry. In his peaceful study, surrounded by his beloved books, he often exclaimed while rereading Plutarch, Horace and Virgil: "Happy is he who is satisfied by little, free, alien to envy and to prejudice, who has a clean conscience and can spend his time with you, teachers of mankind, the wise men of all ages and peoples:

. . . With you, the Latins and the Greek...
The causes for all things and actions seek."²⁴

His mind had properties that are rarely united: thoroughness, accuracy and imagination. Often, steeped in algebraic calculations, Kantemir sought the truth and - like the sage of Syracuse-²⁵ forgot about the world, about people and constantly changing society. He was

²¹ Boele, *The North in Russian Romantic Literature*, 34.

²² This is how Jacob Emery sees Batiushkov's interest in "the Scandinavian epic tradition as exemplified by Ossian." See Jacob Emery, "Repetition and Exchange in Legitimizing Empire: Konstantin Batiushkov's Scandinavian Corpus," *The Russian Review*, 66, no. 4 (2007): 615).

²³ Igor Pil'shchikov examines Batiushkov's profound involvement with Italian poetry on the textual level in *Batiushkov i literatura Italii*.

²⁴ "Happy is he who is satisfied by little..." — a prose paraphrase of Kantemir's sixth satire, from which the following verse is also taken.

²⁵ Archimedes.

engaged in the sciences not in order to flaunt his knowledge in the vain bustle of learned women or academics--no! He loved science for science, poetry for poetry - a rare quality, a true sign of a great mind and a beautiful, strong soul! In Paris, where the self-esteem of an eminent person may be constantly reinforced by praise and appreciation for the least literary success, where a few careless verses, written by a foreigner, give the right of citizenship in the republic of letters, Kantemir wrote ... poetry in Russian! And at what time? A time when our tongue had barely become able to express the thoughts of an enlightened person. Abandon a mathematician and a poet on a desert island, said D'Alembert: the first will sketch lines and angles, not caring that no one will take advantage of his observations; but the second will stop writing poetry because there is no one to praise it; consequently, poetry and poets, concludes the rational philosopher, are only fed by vanity.²⁶ Paris was such a desert island for Kantemir. But who could understand him? Who could admire poetry in Russian? Even in Russia, where society, the arts and sciences were still in swaddling clothes, he without doubt would have found few to appreciate his talent. Heart and soul above his time and circumstances, he wrote poetry, and he constantly revised his poems, wanting to reach the greatest possible perfection, and, it seems, bequeathed both his book and his glory to noble posterity. Talent is nourished on praise, but true, great talent will not die without it. A poet may be vain - just like a scientist - but a true lover of all that is beautiful cannot exist without activity, and what our Catullus has said about our Bavius - who

With his last breath gives forth his final verse - ²⁷

may often also be said of a great poet. On his deathbed, Cervantes did not abandon his pen; Camoens wrote the *Lusiads* among uncultivated savages; Tasso, unfortunate Tasso, conversed with the Muses while in awful captivity;²⁸ and Derzhavin, an hour before his death with fingers growing cold picked out chords on his immortal lyre.²⁹ Can we accuse these people of vanity?... But let us return to Kantemir.

²⁶ Jean-Baptiste le Rond d'Alembert (1717-1783), a French mathematician, physicist, philosopher, and music theorist. Batiushkov seems to be referring to d'Alembert's "Essai sur la societe des gens de lettres" of 1753. (Thanks to Kirill Ospovat for this suggestion.)

²⁷ The line is from P. A. Viazemsky's satire "K peru moemu." Viazemsky is thus "our Catullus." His literary antagonist, "our Bavius," criticized in the poem, is evidently A. S. Khvostov, who was mocked for graphomania. Viazemsky read the poem at a public meeting of the Society of Lovers of Russian Literature on April 29, 1816.

²⁸ Cervantes completed the novel *Los trabajos de Persiles y Sigismunda* just before his death; it was published posthumously in 1617. Camoens wrote the epic poem *The Lusiads* while in exile in Portuguese Macaum in China; Tasso was confined to a madhouse for seven years. Notably, from the early 1820s until his death in 1855, Batiushkov himself suffered from mental illness.

²⁹ A reference to Derzhavin's unfinished poem, "Na tlennost'," whose first stanza he wrote on a small slate chalkboard (preserved in the Derzhavin Museum in St. Petersburg). The poem is commonly known for the start of its first line, "Reka vremen v svoem stremlenii..."

One evening Montesquieu and Abbe V.,³⁰ a known wit, visited our poet. He had been communing with his muse and did not notice the arrival of his friends who had free access to his home. For several minutes Kantemir kept on rereading aloud the beginning of his epistle to Prince Nikita Trubetskoi,³¹ each time with new fervor and satisfaction. While reading Kantemir's serene and even cold face changed markedly: his eyes shone like lightning, his cheeks burned, and his hand beat time on the open book before him. Montesquieu looked at the Abbé, nodded to him, and intended to leave. They did not want to disturb the minister, assuming that he was busy with some important state business. Kantemir heard a rustle behind him, looked back - and rushed to embrace his unexpected guests. "We are bothering you. We came at a bad time." "Not at all!" "Are you reading important papers?" "I was entertaining myself rereading some verses that I wrote." "What kind of verses? We did not understand a word of them." "Russian." - "Russian verses!" exclaimed the abbe, shrugging his shoulders in surprise: "Russian poetry! That's curious ..."

Kantemir:

A pale imitation of Horace, Juvenal and Persius. You know my passion for the ancient writers; I was carried away. Unable to compete with the classical Roman poets, I drag after them, like a slave after his master, or like a passionate lover after a proud beauty. Have you never written poetry, Mr. President, and known the suffering and pleasure that they call metromania?

Montesquieu:

What you say is true. I have not written verse, but I love poetry when I find just as many thoughts as words in it: when it is clear, strong, expressive, in a word - as good as prose. I have always respected the satires and epistles of Horace; they introduce us to Rome, with the manners and the way of life of the degenerate descendants of the Brutuses, Coriolanuses, and Scipios.³² I read Juvenal with pleasure; a true Roman soul! He is the same in verse that Tacitus is in prose. I love the creations of those poets as monuments of language, formed by centuries of the people's glory, a language that is brave, abundant, and expressive: the venerable parent of modern languages.

Abbé V.:

³⁰ Kantemir's acquaintanceship with the philosopher Charles Louis Montesquieu (1689-1755) gave Batiushkov the idea for this composition. Batiushkov has Montesquieu called the "president" in reference to his position in the Parliament of Bordeaux. M. P. Alekseev suggests that "Abbé V." refers to Montesquieu's friend, the archaeologist Filippo Venutti (1706-68) ("Montesk'e i Kantemir," *Sravnitel'noe literaturovedenie*, ed. G. V. Stepanov (Leningrad: Nauka, 1983), 133-4), although he notes that "Abbé V." functions more as a literary foil for Montesquieu, helping to shape the debate, than a real historical figure (135).

³¹ The "Pis'mo I. K kniaziiu Nikite Iurevichu Trubetskomu." Kantemir's friend Trubetskoi (1699-1767) was a high-ranking official, from 1740 the procurator-general of the Senate. Kantemir also addressed his seventh satire to Trubetskoi.

³² Cf. Montesquieu's well-known treatise of 1734, "Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur decadence."

And, of course, Mr. President regrets that you are writing Russian poetry. Knowing Latin perfectly as well as our French, so clear, precise and beautiful, you are depriving us of the pleasure of reading your charming works.

Montesquieu:

I do regret it and wonder how you can write—I will say more-- how you can think in the language of the uneducated. You write in Russian, but your tongue and nation are still wrapped in swaddling clothes.³³

Kantemir:

True: the Russian language is in its infancy; but it is rich and as expressive as Latin, and will eventually be as clear and accurate as the language of the witty Fontenelle and the profound Montesquieu. Now I am forced to struggle with the greatest of difficulties: I am forced to constantly invent new words, expressions and phrases, which, no doubt, will become obsolete in a few years. Translating "The Worlds" of Fontenelle, I created new words, and the Academy in St. Petersburg often approved of my attempts.³⁴ I was clearing the way for my followers.

Abbé V.:

But tell me, for God's sake, how could you incorporate all of the subtle expressions and turns of phrase of that leading connoisseur (*shchegol'*) of the French language, our septuagenarian Fontenelle?

Kantemir:

As best I could! I followed slavishly in his footsteps. My translation is weak, coarse, unfaithful. The Scythians once forced a captive Greek to carve Venus and promised him freedom. The Greek was a bad sculptor; in Scythia there was neither Parian marble, nor skilled carvers; for the lack of them this fellow countryman of Praxiteles used rough granite, a hammer, and a simple saw but created something similar to Venus, following in absentia the model that was so famous not only in Greece but even in barbarian lands. The Scythians

³³ Note that it is the narrator ("Batiushkov") who first uses this phrase.

³⁴ This refers to Kantemir's translation of Bernard Le Bovier de Fontenelle's *Entretiens sur la pluralité des mondes* (1686). Completed about 1729-30, the translation was only published by the Academy of Sciences in 1740; the delay was due to the book's argument against heliocentrism, offensive to some members of the Orthodox Church. On this translation, the problems concerning its publication and its linguistic innovations, see, B. E. Raikov, *Ocherki po istorii geliotsentricheskogo mirovozzrenii v Rossii: iz proshlogo russkogo estestvoznaniia*. 2nd ed. (Moscow: Akademiia nauk SSSR, 1947), 223-35; M. I. Radovskii, *Antiokh Kantemir i Peterburgskaia Akademiia nauk* (Leningrad: Akademiia nauk, 1959), 64-76; V. V. Veselitskiĭ, *Antiokh Kantemir i razvitie russkogo literaturnogo iazyka* (Moscow: Nauka, 1974), 10-12, 20-26.

were happy because they didn't know the divine original, and they worshiped the new goddess with childlike ardor. The Scythians – are my compatriots; Praxiteles' statue – is Fontenelle's immortal book; and I am that unskilled Greek sculptor.

Abbé V.:"

Oh, you are too modest, honored prince!

Kantemir:

Not satisfied with my experience with Fontenelle, I set to work on *The Persian Letters*.³⁵

Abbé V.:

The Persian Letters in Russian!

Montesquieu:

Could I have expected that this first, weak fruit of my pen would take up so much of your precious time?

Abbé V.:

Now the Hyperboreans³⁶ will learn how flighty and faint-hearted the inhabitants on the banks of the Seine are!

Kantemir:

And how witty.

Abbé V.:

I've long attended the evenings at Mme. Geoffrin – she praises you to the skies, but in her soul despises you.³⁷ I've predicted your fame for a long time, M. Montesquieu! No one is a

³⁵ Kantemir's translation of *The Persian Letters* was lost.

³⁶ In Greek mythology, the Hyperboreans were a mythical people who lived in the far north in a land of sunshine; in the modern period, it came to refer to people who live in extremely cold, northerly and Arctic regions, and the word was sometimes used to refer to Russians or inhabitants of Siberia.

³⁷ Marie Thérèse Rodet Geoffrin (1699–1777), hostess of a celebrated salon that was an important venue for French Enlightenment writers. Long after Montesquieu's death she was greatly upset by the publication of his private letters, issued anonymously in 1767 by Kantemir's close associate, the Abbé Guasco (on whom, see below), whose aim, according to R. J. M. Evans, was "to insult and discredit" the aged Mme Geoffrin; the publication caused "something of a scandal in France and England." See R. J. M. Evans, "Antiokh Kantemir and His First Biographer and Translator," *Slavonic and East European Review*, 37 (1958): 184–5.

prophet in their own country,³⁸ but my prophecy has come true, as you can see. It may very well be that at this very moment on the shores of the Arctic Ocean, on the banks of the Lena or the Ob, in the deserts of Tartary – they are reading your witty writings, and the name of Montesquieu is being broadcast in the encampments of Kalmyks and Samoyeds!

Montesquieu:

They are reading *The Persian Letters* by the light of fish oil lamps...

Abbé V.:

Or by the light of the aurora borealis ... How strange and wonderful! - And we were talking with such disdain about the great Moscovia!³⁹

Kantemir:

Kalmyks and Samoyeds do not read books of philosophy, and it will be quite a while until they do, of course. But in densely inhabited Moscow, in Peter's emerging capital, in small and large monasteries of Russia there are enlightened and thinking people who are able to enjoy the beautiful fruits of the Muses.

Montesquieu:

The number of such people must be very limited. Until now, I thought, and still think, that your climate, harsh and unstable; your land, mostly barren, covered in winter with deep snow; the small population; the difficulty of communications; the form of government, almost Asiatic; deep-seated prejudice and slavery, ingrained over centuries; all of this together will hold back the progress of thought and enlightenment for a long time. The power of climate is the primary factor.⁴⁰

Abbé V.:

I agree with you; and I believe that all the efforts of a giant tsar, whatever he could accomplish even with an iron hand – will all be destroyed, crumble away, disappear.⁴¹

³⁸ A paraphrase of a line from Ivan Dmitriev's *skazka* "Iskateliam fortuny." (Of course, the original line is from John 4:39-45.)

³⁹ "Moscovia" is an old Latinized name for the city of Moscow that later came to stand for the kingdom of Muscovy. Below, Kantemir repeats the use of this archaic term with mild irony.

⁴⁰ Montesquieu's argument about the dependence of civilization on climate in *De l'esprit des lois* (*The Spirit of Laws*, 1748), and his negative judgements about Russia with its frigid, "northern" weather, is the main target of "An Evening at Kantemir's." Batiushkov strove to present his poetry as equal to that of the "Southern" poets of France and Italy.

⁴¹ Batiushkov is referring to the extensive debate over Peter's reforms and their viability among eighteenth-century thinkers including Montesquieu, Voltaire, Rousseau and many others. See the discussion and bibliography in Levitt, "An Antidote to Nervous Juice," 341-3.

Nature, ancient customs, superstition, incurable barbarism will prevail over weak and insubstantial education; and all of what is half-savage will return to being the old savage Muscovy, and an eternal fog of oblivion will cover over the life and deeds of Peter the Great's successors.

Kantemir:

I dare to disagree with the great creator of the book about the spirit of laws,⁴² and with you, my dear abbé. Russia has awakened from a deep sleep, like the mythical Epimenides.⁴³ The dawn, illuminating our land, heralds a beautiful morning, a magnificent noon, and a clear evening: here is my prophecy!

Abbé V.:

But this is not the dawn – it's the Northern Lights. They sparkle a lot, but without light and without warmth.

Montesquieu:

The witty abbé has said a great truth. Let us assume - a difficult assumption, hardly realizable! - that the government will open up all paths to enlightenment, that it will constantly summon foreigners to educate its youth, build warm edifices for schools, and from these greenhouses and hothouses of enlightenment will come a few immature and parched fruits. Let us assume that the government will produce sufficiently skilled soldiers, some sailors, a number of artillerymen, engineers and so on. But tell me, can the government inspire taste for the elegant, for the abstract and speculative sciences? What power can change the climate? Who can give you a new sky, new air, a new earth?

Abbé V.:

And a new sun? How can one sow the sciences where in autumn a farmer's sickle can only reap scant ears on furrows that he has irrigated, where in the winter iron dissolves from the cold and you need an axe to chop liquids? *Caeduntque securibus humida vina!*⁴⁴

Montesquieu:

Cold air constricts iron; how could it not act on a person? It squeezes his fibers; it gives them extraordinary strength. This physical strength is communicated to the soul. The soul inspires courage in danger, determination, bravery, strong self-reliance; it is a secret source

⁴² This is an anachronism, as *The Spirit of Laws* was published in 1748, four years after Kantemir's death.

⁴³ Epimenides (of Knossos) – a semi-mythical ancient Greek philosopher-poet said to have fallen asleep for fifty-seven years in a cave on Crete that was sacred to Zeus, after which he awoke with the gift of prophecy.

⁴⁴ "They cut the liquid wine with axes" (Virgil, *Georgics*, III, 364).

for many fine qualities of character; but it also deprives one of the sensitivity necessary for the arts and sciences. Heat, on the other hand, expanding the tiniest creases of skin, reveals the tips of the nerves and gives them a wonderful prickliness. In cold lands the outer skin is so much compacted by the air that the nerves, so to speak, are deprived of life, and rarely, very rarely, communicate feeble sensations to the brain. You know that imagination, taste, sensitivity and liveliness depend on these innumerable weak sensations.⁴⁵ You must skin a Hyperborean to make him feel something.⁴⁶

Abbé V.:

What can you say to that? You will defend your compatriots as a minister, and to the strong, convincing syllogisms of the president reply with diplomatic phrases that deflect the truth.

..

Kantemir:

I was born in Constantinople. My forefathers came from an ancient family that once possessed the throne of the Eastern Empire.⁴⁷ Consequently, Greek blood also flows in me, and I genuinely love the blue sky and the ever-green olives of southern lands. In my youth I traveled with my father, a sincere friend and inseparable companion of Peter the Great, and saw the broad valleys of Russia from the Dniepr to the Caucasus and from the Caspian Sea to the shores of magnificent Moscow.⁴⁸ I know Russia and its inhabitants. The farmer's hut and the boyar's terem are equally familiar to me. Guided by the lessons of my father, one of the most well-educated men in Europe, from early years brought up in the schools of philosophy and experience, I was obliged by my position to have continual and close intercourse with foreigners of all nations. I could not retain barbaric superstitions and was accustomed to look at my new homeland with the eye of an impartial observer. At Versailles, in the private office of your king, in the presence of his ministers, I was the representative of a great people and its almighty monarch;⁴⁹ but here, in friendly society, with a great genius of Europe, I consider it my duty to speak frankly; and you, M. Abbé,

⁴⁵ This is a summary of *The Spirit of Laws*, Book XIV, part 2. On eighteenth-century theories about the deleterious effect of the climate on Russian nerves and national character, see Levitt, "An Antidote to Nervous Juice," 339-57, that includes the bibliography on the issue.

⁴⁶ In *The Spirit of Laws* (Book XIV, part 2), Montesquieu wrote: "Il faut écorcher un Moscovite, pour lui donner du sentiment (You must skin a Muscovite to make him feel)." A variant of this saying – "Scratch a Russian and you will find a Tatar"—is attributed to Napoleon.

⁴⁷ The family of Kantemir's mother, Princess Kassandra Cantacuzene, was one of the most prominent in the Byzantine Empire, and included two emperors of the same name (Gr. Kantakouzenos).

⁴⁸ Kantemir's father Dmitrii Kantemir (Cantemir) (1673-1723) was a statesman, soldier, and a well-known man of letters. While serving as ruler (voivode) of Moldavia, he allied with Peter the Great against his Ottoman overlords and upon Russia's defeat in 1711, Peter took him and his family under his protection. In 1722-3, Peter gave Dmitrii administrative command over his Persian campaign, and he took his family on his travels along the Volga.

⁴⁹ Empress Anna Ioannovna appointed Kantemir plenipotentiary minister to France in 1738 and he continued to serve there under Empress Elizabeth until his death in 1744.

may reprove Kantemir for his ignorance rather than for partiality or insincerity. Here is my answer: you know what Peter did for Russia; he created human beings, - no! He developed all of the soul's potential in them; he cured them of the disease of ignorance; and the Russians, under the leadership of this great man, proved in a short time that talent is inherent in all of humanity. Not fifteen years had passed, and the great monarch already enjoyed the fruits of the learning of his followers; all of the auxiliary military sciences suddenly blossomed in his state. With the thunder of victories we announced to Europe that we have artillery, a navy, engineers, scientists, and even experienced sailors. What do you want from us in such a short time? Intellectual successes, successes in the abstract sciences, in the fine arts, in eloquence, in poetry? Give us time, prolong the favorable circumstances, and you will not be able to deny us the best abilities of the mind. You say that the power of climate is the primary factor. I do not argue: the climate has an effect on people; but this influence, as you noted in your immortal book, is reduced or mitigated by the form of government, customs, a communal lifestyle. The climate itself in Russia is diverse. Foreigners writing about our country generally assume that Moscovia is covered with eternal snows and populated by savages. They forget Russia's immeasurable size; they forget that at the time when a resident of the dank shores of the White Sea goes hunting for marten on his swift skis, a happy inhabitant of the mouth of the Volga is collecting wheat and valuable millet. The North itself is not so terrible to the eye of the traveler; for it provides everything necessary for the farmer. The plow is the foundation of society, the true site of citizenship, the basis for the law; and where, in what part of Russia does it not leave beneficial traces?⁵⁰ With the successes of sociability and education the North is constantly changing, and, if I dare say it, it is becoming part of enlightened Europe. Tell me, when Tacitus described the Germans, could he have imagined that in their wild forests one would one day encounter magnificent cities, that in ancient Pannonia and Noricum luminaries of human thought would be born?⁵¹ No, of course not! But Peter the Great, holding the fate of half the world in his hands, consoled himself with the great thought that on the banks of the Neva the tree of sciences would flourish under the protection of his power and, sooner or later, it would produce new fruits, and humanity would be enriched by them. You, M. Montesquieu, constantly observe the political world: on the ruins of past centuries, in the dust of proud Rome and beautiful Greece, you apprehend the causes of current phenomena and have learned to prophesy about the future. You know that with the success of enlightenment all forms of government change in a clear and inevitable way, and you have noticed these changes in the Russian land. Time destroys everything and builds it back up, ruins and perfects. Maybe in two or three centuries, maybe earlier, the beneficent heavens will grant us a genius who will fully understand Peter's great idea - and

⁵⁰ "v kakoi strane Rossii ne ostavliaet on [plug] blagodel'nykh sledov svoikh..." N. V. Fridman interprets this passage to mean that Batiushkov was advocating the amelioration of serfdom (Fridman, *Proza Batiushkova*, 125), but this is not very convincing. The connection between agriculture and civil society may derive from physiocratic ideas, but I have found no evidence for this either for Kantemir or Batiushkov.

⁵¹ Tacitus' *Germania* (c. 98 AD) described the Germanic peoples on the periphery of the Roman Empire, including in the Roman provinces of Noricum and Pannonia. Pannonia included parts of present-day Hungary, Austria, Croatia, Serbia, Slovenia and Bosnia - Herzegovina; and Noricum - parts of modern Austria and Slovenia.

the most vast land in the world, heeding his creative voice, will make it a repository of law, of freedom based on it, of manners that give law endurance, in a word - a repository of enlightenment. Gratifying hopes!⁵² They will come true, certainly. The benefactor of my family, the benefactor Russia, rests in his tomb; but his spirit, his still active, great spirit, has not abandoned the country that he loved. He is present everywhere, animating everything, giving spirit to everything, and new life and new strength. It seems to me, he continually visits Russia, urging it to go forward! "Do not stop on the path I have set you on and you will achieve the great goal that I have marked out for you!"

Montesquieu:

But the arts? Can they thrive in the mists of the Neva or under Moscow's severe sky?

Abbé V.:

The arts ... Ah! They need the transparent air and bright sun of Rome, ancient Greece, or the temperate climate of our France.

Kantemir:

The southern countries were the birthplace of the arts, but these lovely children of the imagination were often forced out of their homeland by barbarism, superstition, the sword of conquerors, and, like swift waves, spilled out over the face of the earth. Music, painting and sculpture love their ancient fatherland, and, even more, crowded cities, luxury, effeminate manners. But poetry is inherent to all humankind: wherever a person breathes the air, is nourished by the fruits of the earth, wherever he exists - there he enjoys himself, experiences good and evil, love and hate, rebukes and caresses, has joy and suffering. The human heart is the best source of poetry...

Abbé V.:

So! But admit it, it is not as sensitive in the North.

Montesquieu:

I have seen the opera in England and in Italy. From music that the British listen to quietly the Italians are beside themselves and jump around like Pythia on the prophet's tripod.

Kantemir:

What does that prove? That the sensitivity of the people of the south is more irascible, more communicative? But it is hardly as deep or as strong as the sensitivity of northern

⁵² This is possibly a reference to Alexander I and his promised constitution.

peoples. During my stay in London the Scottish scholar N. N. showed me the songs of his compatriots from the mountains. They recall ancient Homer and in both the power of their thought and depth of feeling they outstrip many works of the Italian Muse.⁵³

Abbé V.:

Incredible!

Kantemir:

We Russians also have folk songs. They breathe tenderness and the eloquence of the heart. One can see contemplation in them, quiet and deep, which gives indescribable charm even to the coarsest works of the northern muse.

Abbé V.:

Wonderful! On my honor, incredible!

Kantemir:

...Tell me, if the rude children of the North are able to feel and express themselves so vividly and pleasantly, what can we not expect from these people when they are educated?

Abbé V.:

But ... honored defender of the North ... you know that folk songs ... are just the babbling of infants!

Kantemir:

Infants eventually grow up. How can we know, perhaps on the wild shores of the Kama or the majestic Volga great minds and rare talents may arise?⁵⁴ What do you say, M. President, what do you say, on hearing that by the ice of the North Sea, amid the half-savage

⁵³ Batiushkov is referring to the works of Ossian, allegedly the ancient author of Scottish epic poetry. However, Kantemir could not have known Ossian's works since they were first published by the Scottish poet James Macpherson in 1761, long after his death. Ossian's poetry was later revealed to be counterfeit, written by Macpherson himself. However, Ossian had a strong international impact, including in Russia, and on Batiushkov's poetry in particular. Emery sees Batiushkov's interest in the Scandinavian epic tradition as reflecting his desire "to argue for the possibility of a Northern poetry, exemplified by Ossian." See Emery, "Repetition and Exchange," 615. On Ossian's reception in Russia, see Iu. D. Levin, "Ossian v Rossii," in *Dzheims Makferson. Poemy Ossiana*, ed. and trans. Iu. D. Levin (Leningrad: Nauka, 1983), 502-529.

⁵⁴ A veiled reference to Batiushkov's contemporaries, the poets Ivan Dmitriev (1760-1837) and Gavrila Derzhavin (1743-1816).

northerners, a great genius was born?⁵⁵ That he traversed all scientific fields with giant steps, and as a philosopher, orator and as a poet transformed the language and left behind timeless monuments? This is only a hypothesis, but the matter is possible. What would do you say if...

Abbé V.:

But why put forward such hypotheses? It is easier to believe that the Russians will storm Paris and destroy all of the fortresses built by Vauban⁵⁶! However, there are no laws for miracles, Fontenelle told me with a meaningful snicker after he read his profound discussion of oracles to me for the first time.⁵⁷ All your hopes can come true, perhaps, or you'll find them in the kingdom of the moon together with Astolphe's lost hopes.⁵⁸ But forgive my candor ... I confess, I still look at you with surprise and cannot comprehend how in Paris - in the land of Racine and Corneille - you can write Russian poetry!

Kantemir:

This reminds me of: "how can one be Persian?"!⁵⁹

Montesquieu:

You would defeat us with our own weapons. But let me make one remark. You imitate Horace and Juvenal: consequently, you are writing satire, satire on manners - which have not yet been established. Horace and Juvenal ridiculed the vices of depraved people, but people who had reached a high degree of enlightenment. The witty and always thoughtful Boileau wrote at the court of a great king, in the most brilliant era of the French monarchy. But society in Russia must be a terrible state of chaos now, a coarse mixture of everything distorted, a combination of hardened prejudices, ignorance, ancient barbarism, Tatar customs with some glint of Asiatic luxury, plus a few sparks of European enlightenment! What kind of material is there for a satirical poet? Can the delicate arrows of an epigram penetrate triple layers of ignorance and sting a heart petrified by vice, tempered in ignorance? And what do these arrows mean in a land where women, guardians of morality, have hardly begun to be freed from the yoke of their husbands; in a land where public opinion is still unstable, still not established, and cannot punish that which is not subject

⁵⁵ Mikhail Lomonosov (1711-65). This is another anachronism, as the cult of Lomonosov as a national genius did not develop until long after Kantemir's death. Hence "This is only a hypothesis."

⁵⁶ Sébastien Le Prestre de Vauban (1633-1707), a marshal of France and the foremost military engineer under Louis XIV. Of course, Batiushkov is being tongue in cheek here, referring to the Russian occupation of Paris in the war against Napoleon, in which he himself took part.

⁵⁷ A reference to Fontenelle's ironic discussion of superstition in his "Histoire des oracles" (1687).

⁵⁸ In an episode of Ariosto's *Orlando Furioso* (1516), the protagonist Astolphe finds his lost hopes on the moon.

⁵⁹ From Letter 28 of Montesquieu's *The Persian Letters*; this is the response of some Parisians upon hearing of the Persian letter writer's national origin when he was wearing French clothing.

to the judgement of law? In short: how can you tell the truth with a smile to sovereigns or to slaves? First - it is dangerous; second - it is useless.

Kantemir:

Enjoying the favor of tsars and nobles who hold top positions in the state, I have no fear of speaking the truth, and my satires were of some benefit. Peter the Great, transforming Russia, also tried to transform customs: a new arena opened up for an observer of humanity and its passions. In the old Moscow, we have seen a wonderful mix of old and new, two elements in constant struggle with each another. New customs, new clothes, a new kind of life, a new language still could not change old people or erase their old character. Some boyars wore wigs and new clothes but retained the same old prejudices, the old stubbornness, that now seemed all the stranger; others, putting aside the beard and long caftan of their ancestors, together with European dress assumed all of the vices and all of the weaknesses of your countrymen, but were incapable of your politeness and sociability. Frequent changes at court brought low and unworthy people to high office; they appeared and disappeared. Favorite succeeded favorite, one crowd of flatterers – another. Pride and meanness, superstition and blasphemy, hypocrisy and open debauchery, greed and extravagance beyond belief. In a word, passions, contrary in all respects miraculously merged together and presented a new spectacle for an impartial observer and philosopher, who only by groping his way with Horace in his hands could find the happy mean. I tried to capture some of the features of that time. I'll say even more, I strove to depict vice in all of its nakedness and show my compatriots the true path of honesty, good morals and virtue. The wise Feofan, Archimandrite Krolik (both worthy pastors), Nikita Trubetskoi and other magnates encouraged the weak effort of my unskilled but audacious and sincere pen.⁶⁰ I was the first to dare to write like one speaks. I was the first to expel from our language coarse Slavonic and foreign words, unnatural for Russian, and I opened the way for future talents. My satires will have some value for our descendants, like the ancient paintings of the first painters, the precursors of Raphael; in them they will find an accurate picture of Russian manners and language during a glorious era - from the time of Peter the Great to the reign of the happy Elizabeth, whom we adore - and my name (forgive me my authorial pride) will be respected in Russia more because I first dared to speak the language of the Muses and philosophy, rather than because I occupied an important place at your court.⁶¹

⁶⁰ The references are to Feofan Prokopovich (1681-1736), church leader and an architect of the Petrine reforms; and to his ally, Feofan Krolik (d. 1732); and to Kantemir's friend Trubetskoi (see note 8). Prokopovich and Krolik wrote poems in Russian and Latin praising Kantemir's first satire. They circulated in manuscript together with the satires and were included in the first published edition of 1762.

⁶¹ Batiushkov describes Kantemir's legacy in the poet's own (ventriloquized) voice as a kind of Horatian "Exegi monumentum" (Horace, *Odes*, Book 3, ode 30). Montesquieu's discussion of Horace and his posing of the problem of "telling the truth with a smile to sovereigns or to slaves" ("smeiasia govorit' istinu vlastelinam ili rabam") also recalls the famous line from Derzhavin's adaptation of "Exegi monumentum," "Pamiatnik": "And speak truth to tsars with a smile" ("I istinu tsariam s ulybkoi govorit"). In prioritizing Kantemir's poetry over his diplomatic service Batiushkov echoes Murav'ev's dialogue of the dead "Goratsii i kniaz' Antiokh Dmitrievich Kantemir"; see note 6 to the Introduction.

Abbé V.:

Perfect! You speak like a true philosopher.

Montesquieu:

We would like to see your satires in French. I agree with you in part: the picture of manners of a people that is almost new is curious. But ... it's your friend the Abbé Guasco . . .⁶²

"You have come to visit us just at the right moment!" Kantemir said, hugging the Abbé. "You translated my satires into French--read something to satisfy the president; and you, gentlemen, I beg your patience and indulgence ..."

The reading and conversation lasted a long time, even past midnight. Finally, Montesquieu and the Abbé V. bowed to the minister and parted. Were they satisfied? I don't know.

I only know that Kantemir, stirring the coals that were dying out in the fireplace, said to Abbé Guasco: "Admit it, dear friend, Montesquieu is an intelligent man, a great writer, but ..."

"But he talks about Russia like an illiterate?" added Abbé Guasco. Modest Kantemir smiled, wished the abbé good night, and they parted.

⁶² Octavien de Comte de Clavières Guasco (1712-1781), Italian writer and friend of Kantemir, who took credit for translating his satires into French prose (from an unpublished Italian version). Montesquieu helped to get the translation published in 1749, after Kantemir's death; the title page said it was published in London, but it actually came out in The Hague, according to N. A. Kopanev (*O pervykh izdaniakh satir A. Kantemira, XVIII vek*, 15 (Leningrad: Nauka, 1986), 144-5). Batiushkov made use of the biography of Kantemir that Guasco appended to this translation in preparing *An Evening at Kantemir's*. Some doubt has been raised about Guasco's authorship of the translation. See Evans, "Antiokh Kantemir and His First Biographer," 184-95; Kh. Grasskhof [Helmut Grasshoff], "Pervye perevody satir A. D. Kantemira," *Mezhdunarodnye svyazi russkoi literatury* (Moscow; Leningrad: Akademiia nauk, 1963), 101-111; and Ekaterina Vasil'eva, "Brat'ia Guasco i frankoiazychnye izdaniia "Satir" Kantemira," *Vestnik KGU* 3 (2017): 93-8.

Viktor Zhivov, "Toward a Typology of the Baroque in Russian Literature of the XVII—Early XVIII Centuries"¹

Translated by Marcus C. Levitt

Marcus C. Levitt

The University of Southern California

levitt@usc.edu

Abstract:

Viktor Zhivov's 2007 article, here translated into English for the first time, attempts to describe the specific nature of the Baroque in Russia. According to Zhivov, Russian Baroque culture arose via transplantation and was not the result of organic cultural development. Because of their cardinal differences, the language of Western Baroque and that of traditional Russian culture represent polar opposites in many ways. Hence the transplantation of even the most insignificant element results in its radical transformation, highlighting the peculiarities of the process of reception. The article outlines the principles that governed this process. It argues that it was the external features of the Baroque style that were borrowed, while its deeper orientation on polysemy, which defined the Baroque worldview in the West, was not. The assimilation of Western literature was eclectic and replaced rhetorical ambivalence with the rhetoric of didacticism. It took what could be synthesized with traditional culture most easily, at the same time as the more content-oriented features and those specific to European Baroque were rejected. If in Western Europe the Baroque posed riddles for the reader, in Russia authors on the "European" trajectory assisted the reader by providing solutions. The Baroque in Russia was primarily a phenomenon of Western influence, so that its unique features took second place in the process of forming a new cultural paradigm as a whole. "Baroque" elements acquired a completely new pedagogical function, becoming carriers of the new ideology that was being introduced. The Baroque became a servitor of power, whose aim was the political reeducation of society.

Keywords:

Baroque, stylistics, cultural transplantation, polysemy, Europeanization, semiotics

1. Posing the Question

The specific nature of the Baroque in Russia was conditioned by that fact that Baroque culture was not the result of organic cultural development but arose via transplantation, as one of the most important instances of Europeanization or of Western influence. This turn to external and non-traditional sources was itself called forth by Russia's own inner cultural demands, and this restructuring (*perestroika*) emphasized those cultural practices and models that were more natural to borrow. However, in the given case, in speaking of borrowing or influence we must significantly clarify these notions in order to avoid random coincidences that explain nothing. In fact, the language of Western Baroque and that of traditional Russian culture represent polar opposites in many ways. This refers to their

¹ Viktor Zhivov, "K tipologii barokko v russkoi literature XVII – nachala XVIII v.," in *Chelovek v kul'ture russkogo barokko. Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi konferentsii. IF RAN. Moskva: Istoriko-arkhitekturnyi muzei "Novyi Ierusalim."* Sentiabria 2006 g. (Moscow: IF RAN, 2007), 11–31. The editors have converted the original Russian article's in-text citations into footnotes.

hermeneutic mechanisms, to the way in which literature functions, to the construction of authorship, and to the operations of the literary process. Because of these cardinal differences, the transplantation of any, even the most insignificant element results in its radical transformation, highlighting the peculiarities of the process of reception. At the same time, the rejection of some particular cultural matter, its fundamental unacceptability, may testify to the divergence of literary and historical paths. In these circumstances, it is important to establish the basic lines of reception and to understand the principles that determine the selectivity of this process.

2. The Problem of Defining Western European Baroque

Crucial for Western European Baroque is its orientation on textual polysemy, the possibility of different readings, and the rhetoric of ambivalence. As René Wellek demonstrated,² stylistic elements taken alone cannot constitute something specifically Baroque; they may represent elements common to all European literatures, presented in ancient rhetorical manuals, part of the classical heritage, and constantly used by medieval Latin literature.³ The novelty of the Baroque is created not by the elements themselves, or their configuration, but by the goal of their usage. As Wellek writes, "[o]ne must acknowledge that all stylistic devices may occur at almost all times. Their presence is only important if it can be considered as symptomatic of a specific state of mind, if it exposes a 'baroque soul'."⁴ Their specific nature here is that they serve not as an embellishment or a particular rhetorical aim but are part of a system – a system of communicative means that is oriented on polysemy.

The poetry of John Donne or other English metaphysical poets may serve as a good example.⁵ The development of a metaphor (or conceit) is constructed so that at each step the reader perceives a new view of the text, a new understanding of everything that came before, but at the same time not negating the previous meaning. Conceptism is not only the expansion of a metaphor but a play with the meaning of the whole. In the words of the Jesuit Claude-François Ménéstrier, who theorized about Baroque imagery, "[t]his is the pleasure that a metaphor gives – always representing two things together. It also pleases

² René Wellek, "The Concept of Baroque in Literary Scholarship," *The Journal of Aesthetics and Art Criticism* 5, no. 2 (1946): 77-109.

³ Ernst Robert Curtius, *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter* (Berne: Francke 1984), 138-54, 158-74, 277-305.

⁴ *Ibid.*, 92. See also the useful survey by B. L. Spahr, "Barock und Manierismus: Epoche und Stil," in *Der Literarische Barockbegriff*, ed. Wilfried Barner [Wege der Forschung, Bd. 358] (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975), 534-567.

⁵ See, for instance, his poem "A Valediction of Weeping," in *The Complete English Poems of John Donne*, ed. C. A. Patrides (London: J. M. Dent, 1985), 84-85, with its developing metaphorical juxtaposition of tears and the globe, a craftsman creating a globe and a demiurge, a stream of tears and a flood covering the world (or globe). Many such examples could be cited, and not only from English poetry. See for example, the numerous comments on Richard Crashaw's poetry in Austin Warren, *Richard Crashaw: A Study in Baroque Sensibility* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1939). (Author's note)

because it makes us see objects in unfamiliar dress, if I dare say so, in a mask that surprises us.”⁶

In Baroque literature, plays on words, emblems, cryptograms, oxymorons, hyperboles, contrasts, etc., have the same function. Baroque stylistics is the stylistics of polysemy. The orientation on polysemy may be expressed and formulated quite explicitly, and polysemy or ambivalence itself often serves as an object of Baroque aesthetic reflection. As an example, we may cite Jean Rotrou’s well-known tragedy *Saint Genest*. It is built upon the device of a play within a play, and its main theme is the confusion between real and theatrical action, reality’s turning into fiction and vice versa. The protagonist Saint Genest is an actor who is undergoing conversion to Christianity at the same time as he is playing a Christian martyr in a spectacle staged for the Roman emperor, persecutor of Christians. All of his monologues and speeches produce ambiguity (*qui pro quo*); the spectators marvel at the power of his acting and his colleague-actors cannot understand why he is improvising, deviating from the text he has memorized. The semantic uncertainty is only resolved in the finale, where the actor himself becomes a martyr.⁷

The orientation toward polysemy is ultimately based on a negation of the world’s harmony, a feeling of its illusoriness. The predominant feeling turns out to be an intense experience of the inconstancy of perceived reality and the possibility that any given thing may become its opposite. Baroque authors articulate this experience quite clearly.⁸ Thus Marin de Gomberville, in the afterword to *Polexandre*, discussing the symmetrical perfection of women’s hairstyles, writes: “The irregularity of my spirit cannot suffer these annoying and perpetual regularities (*ces importunes & perpétuelles iustesses*). It is at home in confusion. It loves disorder. It condemns the view of those who believe that the world was made according to measure, number and weight, and it would love music less if it were not eternally irregular (*inegale*), and only forms things out of parts that are not merely different but diametrically opposed.”⁹ The phrase about “weights and measures” is from Wisdom 11: 20, in which it says that “thou hast arranged all things by measure and number and weight.” As W. Floeck rightly notes, “Gomberville’s revolt is directed against both what is considered proper to the field of art (*innerkünstlerische*) as well as against the idea of cosmic harmony.”¹⁰ Thus, the rejection of order and rules is directly linked to the negation of universal harmony, with irregularity as an ontological attribute.

⁶ Claude-François Ménéstrier, *La Philosophie des images énigmatiques, où il est traité des enigmes, hieroglyphiques* (Lyon: Chez Hilaire Baritel, 1694), 90, quoted in J. Rousset, “La poésie baroque au temps de Malherbe: la métaphore,” *XVIIIe siècle* 31 (April 1956), 369.

⁷ Jean de Rotrou, *Saint Genest: tragédie* (Paris: G. de Luyne, 1666); cf. Imbrie Buffum, *Studies in the Baroque from Montaigne to Rotrou* (New Haven: Yale University Press, 1957), 249 ff.

⁸ Il’ia N. Golenishchev-Kutuzov, “Barokko i ego teoretiki,” *XVII vek v mirovom literaturnom razvitii* [Red. kollegiia: Iu. B. Vipser (et. al.)] (Moscow: Nauka, 1969), 102-153.

⁹ Marin Le Roy de Gomberville, “Advertissement avx honnestes Gens,” *Svitte de la Quatriesme et dernière partie de Polexandre* (Paris: Augustin Covrbé, 1637), 1327-1328, cited in Wilfried Floeck, *Die Literarästhetik des französischen Barock: Entstehung, Entwicklung, Auflösung* (Berlin: E. Schmidt, 1979), 38. The passage from Gomberville that Floeck cites is from the 1641 edition and in a somewhat different version, one that shows that Gomberville was fully aware of the blasphemous nature of the declaration of 1637. In the 1641 version he tried to tone down the sacrilegious aspect, but without changing the idea of his statement. (Author’s note)

¹⁰ Floeck, *Die Literarästhetik des französischen Barock*, 38.

The destruction of the borders between dream and waking is proclaimed a creative principle. Thus, one may read Donne's poem "The Dream" as a special reflection on the conditionality of this boundary; here reason acknowledges the reality of dreaming and life becomes its continuation.¹¹ By dint of this aesthetic, the Baroque becomes enigmatic; this enigmatic quality, like other aspects of Baroque culture, is emphasized and consciously cultivated. Readers (or spectators) seem to be drawn into the creative process, and this perception is purposefully stimulated. In the reader's perspective, *conceitti* appear as the unravelling of meanings, and other Baroque literary devices play the same role. As Giambattista Marino writes in a sonnet attacking his literary opponent, Gaspare Murtola, "Isn't the purpose of the poet to amaze (*È del poeta il fin la meraviglia*)?"¹²

The orientation on polysemy defines the multiplicity of registers in which the text may be perceived and turns reading into a process of figuring out its meanings, which requires the juxtaposition of all of the possible interpretations. A well-nigh textbook example of such a multi-registered hermeneutic task is Edward Herbert's "An Ode Upon a Question Moved, Whether Love Should Continue for Ever."¹³ In this poem, which may be seen as a response to and reenactment (*pereigrivanie*) of John Donne's "The Ecstasy,"¹⁴ a sensual lyric blends with a discussion of the ideas of Pseudo-Dionysius the Areopagite concerning corporeal mediation in spiritual ascent and an exegesis of Paul's Epistle to the Romans. The presence of the various registers that mark these diverse themes creates the work's conceptual depth; each theme is doubled and both elements acquire an additional intellectual charge. These features of Baroque literature have obvious parallels in Baroque art and architecture, whose basic elements include the mixing of levels, perspectival shifts, and unpredictable viewpoints.

3. The Baroque in Russia and the Character of the Literary Process

Scholars of seventeenth-century Russian literature have correctly identified in works of this period (for example, by Simeon Polotskii, Sil'vestr Medvedev, and Karion Istomin) an exhaustive set of stylistic characteristics that usually characterize the Baroque.¹⁵ The oeuvre of these poets also include types of poetry specific to the Baroque, like Simeon's figural poems in the shape of a heart, a cross, and stars;¹⁶ emblematic and heraldic poetry, and so on. Poems appear which formally allow more than one reading, depending on the graphic presentation of the text; Simeon calls them "knots" and notes that such a knot "is read in three ways (*troiako chitaetsia*)."¹⁷ It is precisely the external features of the style, external

¹¹ Donne, *The Complete English Poems of John Donne*, 83-84.

¹² Ettore Allodoli, *Le più belle pagine dei poeti burleschi del seicento* (Milan: Fratelli Treves, 1925), 79.

¹³ Herbert John Clifford Grierson and Geoffrey Bullough, *The Oxford Book of Seventeenth-Century Verse* (Oxford: The Clarendon Press, 1934), 231-236.

¹⁴ Ben C. Clough, "Review of Minor Poets of the Caroline Period, ed. George Saintsbury and Metaphysical Lyrics and Poems of the Seventeenth Century by H. J. C. Grierson," *Modern Language Notes* 38: 1 (1923), 53.

¹⁵ They are described in detail in L. I. Sazonova, *Poëziia russkogo barokko: vtoraiia polovina XVII-nachalo XVIII v.* (Moscow: Nauka, 1991).

¹⁶ *Ibid.*, 78-79.

¹⁷ *Ibid.*, 136-137.

manifestations of polysemy, that are borrowed, while the deeper orientation on polysemy that defines the specificity of the Baroque [as a movement or worldview] is not.

This limited reception is visible in the very character of the literary process. For European literatures it is characteristic that particular Baroque authors influence other ones, and interactions and borrowings are synchronous in the historical and literary respect; models are sought in works that are based on the same aesthetic principles. Thus, in England one may observe the influence of du Bartas, Marino, and Góngora,¹⁸ in France – Góngora, Gracián, and Marino,¹⁹ in Germany (the Silesian school) – the same Marino and Góngora.²⁰

In Russia, the picture is quite different. Although borrowed texts were widespread in the seventeenth century, they were borrowed without any system, and it is impossible to discern any “Baroque” intent. A. M. Panchenko writes that “in European circumstances, the Russian syllabic poets would have seemed to be hopelessly retrograde, but in Russia, which had ‘skipped’ the Renaissance, their role was different: they brought to Russia the ideas of the humanists, albeit in Baroque form, and in addition colored by provincialism.”²¹ Naturally, the question arises what Baroque form has to do with a Baroque that was the carrier of humanist ideas, and what happens to form when it is bereft of the content inherent in the donor culture?

Indeed, it was in the seventeenth century when the *Gesta Romanorum* (Rus. *Rimskie deianiia*), a collection of novellas created in England in the thirteenth century, was disseminated in Russia. Similarly, the *Speculum magnum exemplorum* (Rus. *Velikoe zertsalo*), a collection put together in the fifteenth century on the basis of earlier material, was translated and copied. A collection of *Facetiae*, whose sources were various, including works by Poggio Bracciolini and certain novellas from Boccaccio, circulated in manuscript.²² All this is very far from Baroque literature. One may say that from the very beginning, the assimilation of Western literature was eclectic. It seems to me that this eclecticism was natural and also characteristic of the later period. Its driving force was to replace rhetorical ambivalence with the rhetoric of didacticism.

4. The Assimilation of External Features

In borrowing external features there is still significant selectivity. What is taken, first of all, is that which may be synthesized with traditional culture most easily, at the same time as the more content-oriented features and those specific to European Baroque are rejected. Thus, the motif “the world is a dream” is assimilated, and is easily perceived as a usual expression of the idea of the fragility of earthly being; the more specifically Baroque motif

¹⁸ See Mario Praz, *Secentismo e marinismo in Inghilterra: John Donne-Richard Crashaw* (Florence: La Voce, 1925).

¹⁹ Helmut Hatzfeld, “Der Barockstil der religiösen klassischen Lyrik in Frankreich,” *Literaturwissenschaftliches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft* 4 (1929): 30-60.

²⁰ Gerald Gillespie, *German Baroque Poetry* (New York: Twayne Publishers, 1971).

²¹ A. M. Panchenko, *Russkaia stikhotvornaia kul'tura XVII veka* (Leningrad: Nauka, 1973), 168.

²² See the survey in E. V. Petukhov, *Russkaia literatura: istoricheskii obzor glavneishikh literaturnykh iavlenii drevniago i novago perioda*, 3rd rev. ed. (Petrograd: Tip. A. Suvorina, 1916), 306-327.

that "a dream is the world" (as in John Donne's poems cited earlier, for example) does not occur in Russian letters. In precisely the same way the motif "the world is a theater" – that is, a spectacle of passions that is easily combined with the idea of the vanity of earthly glory – is easily assimilated. However, the additional motif that "the theater is the world" is alien to the Russian repertoire. Thus, it is easy to find in Karion Istomin the theme of the imperfection of earthly existence, but here it is transformed into a perfectly traditional lesson about sin and virtue:²³

*Время летяще и часов кончину
зрите, люди, в том смерть всякому чину,
Иже в мире сем имут мудры главы,
сподобятся вси небесны в век славы.
Не забывай лет и в часах что было,
Богу молися, трудись не уныло.
Суетна тем жизнь, яже в грех бывает,
добродетель же с Христом единяет.*

(Look, people, at time flying by and the end of our hours; in this death comes to every rank. Those who in this world have wise heads are vouchsafed eternal glory in heaven. Do not forget the years and hours that have passed, pray to God, labor with gladness. Life is vain which dwells in sin, virtue unites us with Christ).

In an analogous way, theatricality is only assimilated as the aggregate of external devices, and we have ample testimony about theatricality in eighteenth-century court sermons, about the theatricalization of celebrations and of the public life of the cultured elite as a whole.²⁴ Yet at the same time, the illusoriness and the blurring of boundaries between life and its depiction – that is, the conceptual function of these theatricalizing devices – find no resonance in the Russian setting. As Sazonova remarks, "such a specific feature [of the Baroque] as the hedonistic relationship to existential problems connected to Renaissance traditions remained alien to Russian meditative poetry.

If, for example, the Polish Baroque poet Jan Morsztyn's meditations on life's transitory and fickle nature are accompanied by praise of earthly pleasures, in seventeenth-century Russian poets there is merely the preaching of piety. In the meditations of seventeenth and early eighteenth-century poetry, didactic and moralizing tendencies rather than tragic ones predominate. In comparison with the lyrics of Polish and Czech poets of Dubrovnik, with their vivid 'individualistic' character, the special nature of Russian meditative

²³ Sazonova, *Poëziia russkogo barokko*, 112.

²⁴ Iu. M. Lotman, *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* (Tallinn: Aleksandra, 1992-1993), I: 269-286.

poetry consists in its propensity for an abstract and generalized type of statement.²⁵

One might argue about the degree to which Baroque hedonism derives from the Renaissance, but it is obvious that, in Baroque literature itself, it serves as an important means of creating contrast; it is this very contrast that is lacking in Russian “didactic” Baroque.

Cultural texts were interpreted primarily on the basis of the old language in which illusoriness, having become a subject of interest, is understood rather straightforwardly as demonic possession. One may recall how Archpriest Avvakum perceived theatrical spectacles. Recounting a performance at the court of [Tsar] Aleksei Mikhailovich (a performance on biblical themes using Italian theatrical machinery, with whose aid actors were lowered onto the stage from the ceiling), he writes:

A man dressed as Archangel Michael descending in front of him [the tsar] into the chamber was asked: “Who are you and where are you from?” He says: “I am the Archistratigus [“Supreme Commander of the Heavenly Hosts” (*Translator’s note*)] of the Lord’s power, sent to you, the great Sovereign.” Thus God’s power blighted him, this archangel of darkness – he has been lost, body and soul. And he doesn’t even realize it; he is doing what he must. But woe unto him!²⁶

The tsar’s theatrical interests are seen as a sign that his faith has weakened and are likened to the ecclesiastical innovations he introduced. Notably, in this context, interpretations of Avvakum’s writings as Baroque (in view of their broad use of contrast) appear very doubtful. Traditional Russian culture strove to distinguish the genuine from the apparent, and this endeavor was based on religious ideas and thus ruled out the full acceptance of ambivalence that was the hallmark of Western European Baroque.

In this context there was no real demand to stimulate the perception of the viewer, listener, or reader. Therefore, such stimulation was reduced to entertainment, evoking the traditional rhetorical prescription to delight (*delectare*). This was only partially new for Russia and, in any case, had no direct connection to the Baroque. *Concetti* could be assimilated and create the effect of the unexpected, but the sense of depth and semantic duality was absent. As an example, I will cite Stefan Iavorskii’s sermon on the week of

²⁵ Sazonova, *Poëziia russkogo barokko*, 25.

²⁶ Avvakum, “Kniga tolkovaniia i npravouchenii,” *Russkaia istoricheskaia biblioteka* (Leningrad: Izdatel’stvo Nauk SSSR, 1927), 39: 466. For similar statements, see Avvakum’s “Advice to the Saintly Holy Fathers” (*Sovet sviatym ottsam prepodobnym*), in *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe i drugie ego sochineniia* (Moscow: Khud. lit. 1960), 255. An analogous view of theatrical performances is expressed by an anonymous follower of Avvakum, who wrote a letter (*poslanie*) to him in Pustozersk after the death of Aleksei Mikhailovich, in 1676 [quotation omitted by translator]. Cited in N. Iu. Bubnov and N. S. Demkova, “Vnov’ naidennoe poslanie iz Moskvyy v Pustozersk “Vozveshchenie ot syna dukhovnago ko ottsu dukhovnomu” i otvet protopopa Avvakuma (1676 g.),” *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* 36 (1981), 143.

Pentecost concerning the text "Receive ye the Holy Spirit" (John 20: 22 [20: 7]).²⁷ The seven weeks from Easter to Trinity are juxtaposed to seven images of the descent of the Holy Spirit. These seven images correspond to seven "ranks" of people, and to each of these is attributed its own image of the descent. Thus, for the tsar (about whom Iavorskii, basing himself on etymology, declares that "every Orthodox tsar is Christ, God's anointed"²⁸), the Holy Spirit descends in the image of a dove, "and rests upon him as on the Christ, and becomes for him Noah's dove, bringing an olive branch, betokening peace"²⁹ (the dual allusions are to John the Baptist's baptism of Christ and to Noah after the flood). "To the great tsarinas and tsarevnas [wives and daughters of the tsar]" are ascribed the "image of overshadowing (*osenenie*), that overshadows the Heavenly Tsaritsa."³⁰ This "overshadowing" (cf. Luke 1: 35) is elegantly juxtaposed to a parasol, which it seems was mentioned by name for the first time in Russian letters.³¹ Princes, boyars, and other courtiers are assigned the image of wine:

And when [the Apostles] were filled with wine on the day of Pentecost, and as soon as they perceived the Holy Spirit, they became bold and audacious, unafraid of any threat or antagonism. Those who formerly were rabbits now became lions, former sticks now became pillars. And where was this boldness, audacity, and grandness from? [The Apostles] were filled with wine, the Holy Spirit. Wine produces audacity. [...] And in my zeal, I desire that we perceive in our princes, boyars, and the whole assembly [of senior government officials (*Translator's note*)] this image of the wine, the Holy Spirit. Drink, Christ lovers, and delight in this divine wine. And because wine gives a person eloquence and understanding, for it gladdens a person's heart, and makes one dare to achieve brave and every kind of good deed; we wish for you as well in your labors and good offices [to find] in this divine drinking this kind of action, this kind of grace and spiritual power.³²

One must keep in mind that in the holiday ritual, after the triumphant church service that climaxed with the sermon, a feast followed at which everyone got completely intoxicated. This pragmatic feature is what created the acumen [witty twist—*Translator's note*] of Iavorskii's sermon. Thus, a contrast is created between the spiritual (allegorical) and

²⁷ Stefan Iavorskii, *Propovedi blazhennyya pamiati Stefana Iavorskogo* (Moscow: Sinodal'naia tip., 1804-1805), I: 163-179; cf. Iu. F. Samarin, "Stefan Iavorskii i Feofan Prokopovich," *Sobranie sochinenii* (Moscow, 1880), 5: 357-358.

²⁸ Iavorskii, *Propovedi blazhennyya*, 164-5. On the connection between Christ and tsar as God's "anointed," see Viktor Zhivov and Boris Uspenskii, "Tsar' i Bog: Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii," *Iazyki kul'tury i problema perevodimosti*, (Moscow: Nauka), 79-83. Also see, B. A. Uspenskii and V. M. Zhivov, *Tsar and God and Other Essays*, trans. Marcus C. Levitt, David Budgen, and Liv Bliss, ed. Marcus C. Levitt (Boston: Academic Studies Press 2012), especially 24-5, 158, and via the index. See also section 9 below (*Translator's note*).

²⁹ *Ibid.*, 178.

³⁰ *Ibid.*, 179.

³¹ *Ibid.*, 168.

³² *Ibid.*, 171-172.

material (pragmatic) interpretation. However, no new meaning is produced as a result of this contrast. Of course, this might also be the case in Western European Baroque literature; but there, this was a peripheral phenomenon, whereas in Russian circumstances this became fundamental.

5. Hermeneutic Mechanisms in the Russian Baroque

The Baroque orientation on polysemy presumes particular hermeneutic principles. However, in Russia, these principles were not assimilated. Baroque authors like Simeon present the traditional scholastic theory of the four basic kinds of interpretation as something new,³³ which was well known to Ukrainian bookmen, who may well have been the model for Simeon.³⁴ Thus, the poem "Writing" (*Pisanie*) speaks of the "conceptual" (*myslennyi*) reading of the Bible and that

*Из мысленного паки разум исплывает
четверогубый, иже души оживляет.
Первый разум писменный, им же деяния
исторически миру дают писания.
Второй аллегоричный, иже под покровом
иноглаголения дает дела словом.
Третий нравом учащий, иже вся приводит
к благих дел творению, да ся благодать родит.
Есть онагогический в четвертом лежащий
месте, вся ко небесным духовно родящий.*³⁵

(From the conceptual realm flow four-pronged reason [or meaning] that enlivens the soul. The first is the written [literal] meaning, the historical acts that writing gives to the world. The second is allegorical, that gives meaning to things through the veiled word. The third teaches a moral that leads to good deeds and produces grace. In the fourth, place is the anagogical meaning that spiritually gives birth to heavenly things).

This scheme obviously has no direct relationship to Baroque hermeneutics. Here we see the very same eclecticism in assimilating Western European elements as in the choice of literary borrowings about which we spoke earlier.

Similarly, the juxtaposition of knowledge and inspiration was not assimilated. For Russian writers of the second half of the seventeenth and early eighteenth centuries, a poet was first of all a scholar, and by no means the carrier of special revelatory knowledge that

³³ On the theory and its sources, see Henri de Lubac, *Exégèse médiévale: les quatre sens de l'écriture*, 4 vols. (Paris: Aubier, 1959-1963).

³⁴ Ioanikii Galiatovskii, *Kliuch razumeniia sviashchennikom, zakonnikom i laikom nalezhachii* (L'vov: Tip. Mikhaila Slezki, 1665), 167-168.

³⁵ A. M. Panchenko, *Russkaia stikhotvornaia kul'tura XVII veka* (Leningrad: Nauka, 1973), 183-184.

was received from above and set against usual, historical learning. This opposition (connected with that between the real and the possible in Aristotle), which was of such importance for Western European Baroque and which defined the status of literature, was absent in Russia, where no trace of these notions were seen, and where poetry fully ascribed to the paradigm of scholarly enlightenment.

For Russia of the seventeenth and eighteenth centuries, the opposition between various kinds of knowledge turns out to be unimportant, insofar as a much more general and culturologically significant opposition was between knowledge (as belonging to the new culture) and ignorance (as adhering to traditional culture). The principle of opposing the educated to the ignorant is established and begins to act as a weapon in cultural, political, and religious struggle (in the polemic between Nikonians and Old Believers, in the clash between Grecophiles and Latinophiles in the late seventeenth century, and between advocates and enemies of the Petrine reforms).³⁶ Once set into motion, this mechanism of cultural differentiation, directly connected to the question of power and the question of the right to that power, is activated again and again, in the case of any cultural, political or religious conflict.

In principle, the separation of elite culture from that of the ignorant crowd is characteristic of the Baroque.³⁷ In Russia, however, this separation assumes special importance. If in the West social and cultural differentiation are constant attributes of literature and culture (i.e., various texts are meant for various audiences), in Russia all of traditional learned culture has one addressee: the pious person in need of Christian edification. Literature is oriented on Holy Writ, and just as Holy Writ is addressed to all Christians, so all of the texts that are oriented on it preserve this single undifferentiated addressee. The discourse of unity embraces literary culture as a whole as well as its implied reader.³⁸

In the Russian Baroque this situation changes. Instead of one unified audience, it is separated into the educated and the ignorant, and texts appear that are directed toward the cultural elite (which is constituted by these very texts). Simeon openly declares this in the poem "Voice of the People" (*Glas naroda*) that was part of his [anthology] *The Many-Flowered Garden*:

Что найпаче от правды далеко бывает,
гласу народа мудрый муж то причитает.
Яко что-либо народ обыче хвалити,

³⁶ V. M. Zhivov, *Iz tserkovnoi istorii Petra Velikogo: issledovaniia i materialy* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004), 11-16.

³⁷ In the "Argument" preceding his comedy "Les Visionnaires," Jean Desmarets de Saint-Sorlin [*Oeuvres poetiques* (Paris: Le Gras, 1641), unpaginated, fol. ā iij 2v] mocks the bad taste of uneducated society and declares:

Ce n'est pas pour toy que l'escris,
Indocte & stupide vulgaire:
l'escris pour les nobles esprits.
Je serois marry de te plaire. (*Author's note*)

³⁸ V. M. Zhivov, *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* (Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002), 100-105.

то конечно достойно есть хулимо быти,
 И что мыслит, суетно; а что поведает,
 то никоея правды в себе заключает.
 Еже гаждает дело, то весма благое,
 а еже ублажает, то бохма есть злое.
 Вкраце, - что-либо хвалит, то неправо в чести,
 мир сей непостоянный весь лежит в прелести.
 Не веруй убо гласу общему народа,
 ищи в деле правды человека рода.
 Слово ветр развеваает, а кто тому верит
 безразсудно, срамоты мзду себе возмерит.³⁹

(The wise man considers the voice of the people something most often far from the truth. For that which the people praises is usually, of course, worthy of condemnation, and what it thinks is vain; and what it thinks it knows, has no truth at all. It perverts things that are very good and applauds what is evil in God's eyes. In short, it praises whatever is dishonorable. This inconstant world abounds in evil attractions. So do not trust the voice of the common people but seek the truth of mankind in action. The wind scatters words, and those who trust them are foolish and prepare themselves for ignominy).

This separation of audiences could also take place within a single text, in which one part was constructed according to the principles of Baroque rhetoric and another part lacked any Baroque embellishments. Several times St. Dimitri of Rostov ends his sermons with words to his unlettered auditors, addressing them with a special additional statement laying out the given moral lesson. Thus, in one sermon he says: "I think that not everyone will remember what I have said except the lettered ones; the simple and unlettered folk will leave without benefit. So, I will say it in a way that is easy (*dostoino*) to be remembered."⁴⁰ In an analogous way, in the sermon of August 19, 1701: "It is already . . . time to finish with an 'amen' . . . but . . . I think that all I have said to sinners will not be understood by the unlettered, and I fear they will go away without benefit, and I will appear a pompous rhetorician and not a useful teacher, so I will say a little something to benefit the simplest ones."⁴¹ After these statements follow texts in correct Church Slavonic but minus Baroque rhetorical devices. Indeed, in the previous part we find Baroque *concetti*, a rhetorical strategy of enticing the listener, and rather complex Church Slavonic, while in these additions for the "simple folk" there are no *concetti* and the language is easier.

6. The Baroque as Enlightenment

³⁹ Panchenko, *Russkaia stikhotvornaia kul'tura XVII veka*, 188.

⁴⁰ Sv. Dimitrii Rostovskii, *Sobranie raznykh pouchitel'nykh slov i drugikh sochinenii* (Moscow: Sinodal'naia tip., 1786), 1: 51v.

⁴¹ *Ibid.*, 5: 56v.

In Russian conditions, elements of Baroque stylistics serve as markers of European culture, so that these elements become an object of explanation and learning. If in Western Europe the Baroque posed riddles for the reader, in Russia authors on the "European" trajectory succor the reader by providing solutions.

In 1704, Peter I returned to Moscow after his victories in Livonia. The triumphal gates and celebratory commemoration were composed by Iosif Turoboiskii, prefect of the Moscow Academy, and his explanatory guide was published right then. The celebration was planned according to European Baroque models, but this tradition was unknown and incomprehensible to Muscovites. That which they saw, they perceived within the framework of familiar cultural paradigms. Therefore, these public Baroque festivities led them to think that Peter was the Antichrist. In particular, that is how they understood Peter's depiction in the role of Mars, i.e., as a pagan idol.⁴² Turoboiskii specifically warns against such a perception:

Because you, pious reader, will not be surprised by what we have written, nor emulate the ignorant, who know nothing and have seen nothing, but who like a turtle in its shell never ventures out, and as soon as it sees something new is shocked and belches out various unholy claptrap.⁴³

It is evident that the substance of this "unholy claptrap" (*bliadoslovie*) were suggestions of the anti-Christian or demonic nature of the corresponding festivities. Turoboiskii explains how one should apprehend such depictions "correctly." At the same time, he defends the very method of allegorical interpretation, arguing that it is not "some kind of arrogance" or "the folly of frenzied reason" (*nekim buistvom*) but standard for Holy Writ itself:

You should also know this, dear reader, that it is usual for a seeker of wisdom to imagine a thing in an unfamiliar image. Thus, lovers of wisdom depict the truth as a measure, wisdom as a clear-sighted eye, courage as a pillar, abstinence as a bridle, and numberless others. Do not think that this is some kind arrogance or the folly of frenzied reason, because we also see this in divine writ. Is not an olive branch and a rainbow shining in the sky an image of our escape from the devil's work? Is not the crossing of the sea an image of baptism? Is not a snake hanging from a tree an image of the crucified Jesus? Have you not read how Jacob called his sons Reuven – water, Judah – a lion cub, Dan – a serpent by the roadside, Benjamin – a ravenous wolf? [...] Because such is the nature of things, and because divine writ presents various things in various images, we who receive instruction from divine writ must present a worldly thing in worldly images, and we strive to acclaim the glory of our celebrants in the image of ancient celebrants, due to the poverty of our skill.⁴⁴

⁴² Zhivov, *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoï kul'tury*, 472-482.

⁴³ *Panegiricheskaia literatura petrovskogo vremeni*, ed. V. P. Grebeniuk (Moscow: Nauka, 1979), 156.

⁴⁴ *Ibid.*, 155-6.

Further, concrete images are explained: Mars is a metaphor for Peter; a lion – the Swedes, and so on. Notably, fully traditional hermeneutic schemes, familiar from patristic literature, are analyzed as innovations. This testifies once again that these innovations were poorly assimilated by Russian cultural consciousness and could produce misapprehension and cultural conflict.

7. The Conflict between Hermeneutic Systems

When the *perestroika* of culture took place in the seventeenth century, together with the rhetorical organization of literature appear methods of rhetorical interpretation of tropes and figures. Metaphor and allegory become objects of reflection. Elite (“Baroque”) culture demonstratively demands the correct elucidation of metaphors and allegories as conventional signs. In these circumstances, traditional culture cannot help but react; in traditional culture, tropes may also become objects of reflection, and the result of this reflection may be the rejection of such conventionality. Verbal tropes are equated to sacred symbolic entities (the form of the cross, arrangement of the fingers in making the cross, and so on) for which the connection between signified and signifier is conceptualized as unconditional.

Thus, the apologist for Old Belief, Nikita Dobrynin (Pustosviat), and Simeon Polotskii debated the phrase “the stars converse with You” (*Тебѣ собесѣдуютъ звѣзды*) in addressing God in one of the prayers in the baptismal service according to the Nikonite edition of the Prayer Book (*Trebnik*); in the pre-Nikonite version, the corresponding phrase was read differently: “the stars pray to You” (*Тебѣ молятся звѣзды*). According to Nikita Dobrynin, such texts must be read in an unconditional sense. In his opinion, the stars are angels, but angels can only pray to God and cannot converse with Him due to their subordinate position: “Angels do not share God’s throne (*soprestol’ny*), only the Father, Son, and Holy Ghost share a throne [...] And concerning the stars, in [holy] writing one cannot find them described as interlocutors with God.”⁴⁵ In answering such objections, Simeon wrote:

The phrase here is not about conversing aloud or with the mind, because stars do not have lips or minds, but are inanimate things [...] As it says in the same prayer, “The sun sings to You, the moon glorifies You” [...] because here “sings” and “glorifies” are similarly metaphorical [to this word – *метафорически* – Simeon adds a gloss – *преноснѣ*, meaning “figuratively” (*Author’s note*)] and the same goes for conversing. All such phrases are not inappropriate; to those who think beautifully, the fruits are beautiful and good; but for mindless Nikita and the like-minded they are a trap and stumbling block.⁴⁶

⁴⁵ I. Rumiantsev, *Nikita Konstantinov Dobrynin ("Pustosviat"): Istoriko-kriticheskii ocherk* (Sergiev Posad, 1916), 258, 330.

⁴⁶ Simeon Polotskii, *Zhezl pravleniia* (Moscow: Pechatnyi dvor, 1667), 1: 55-55v.

Thus, Simeon directly indicates the possibility of two interpretations of the same text (one may find an analogous defense of the corrected text of the given prayer in Paisios Ligarides).⁴⁷ At the same time, he directly connected the hermeneutic conception he was laying out with the existence of metaphorical usage, remarking upon it as a special means of reference. It is worth mentioning the fact that Simeon knew very well that his opponents rejected this type of exegesis and he explicitly connected this rejection with ignorance, framing the polemic in terms of the opposition between knowledge and ignorance discussed above.⁴⁸

Stefan Iavorskii later grounded the necessity of understanding words in their figurative meaning in precisely the same way. Moreover, he found it possible to approach the text of Holy Writ in this way, considering biblical exegesis the basis for any hermeneutic method. In a treatise of 1721 on praising the names of the Eastern patriarchs during liturgy, he reasoned that "universal" (*vselenskii*) in the title of the Constantinopolitan patriarch does not mean "ruling over the universe." He wrote:

Furthermore, it is known that the word "universal" does not always exclusively mean the entire world, but sometimes refers to many places, or a significant part of the world, in a metaphorical sense (*tropicheskim razumom*). Thus, in the Gospel of Luke where it says that "a decree went out from Caesar Augustus that the whole universe should be registered" (Luke 2: 1) – was the whole universe with all of its inhabitants, lands, cities, and kingdoms really in Augustus Caesar's power? Not at all, for Caesar's dominion had no inkling of the recently discovered new world, the Kingdom of China, great Tartary, and much, much more. Thus, one may speak about any Fourth Monarchy [Babylon, i.e., a great power (*Translator's note*)] as controlling the entire universe. This is how a phrase [about the universe] from the Psalms is interpreted in the Apostles: "Their message has gone out to all the earth, and their words to the ends of the universe" (Rom. 10: 18). Again: "preach the gospel to the whole of creation" (Mark 16: 15). And again: "the people of Jerusalem and all Judea were going out to him [John the Baptist], and all the country of Jordan, and he baptized them in the river Jordan" (Mathew 3: 5-6). There are also other often-used words—but precisely words, and not the truth itself—whose well-known meaning is taken as a trope [*tropitsa*, i.e. Lat. *tropice* (*Author's note*)], as in the phrase

⁴⁷ *Materiialy dlia istorii raskola za pervoe vremia ego sushchestvovaniia*, ed. N. I. Subbotin (Moscow, 1875-1890) 9: 123-128. For a history of the question, see Rumiantsev, *Nikita Konstantinov Dobrynin*, 380-381.

⁴⁸ See in more detail B. A. Uspenskii and V. M. Zhivov, "Zur Spezifik des Barock in Rußland. Das Verfahren der Äquivokation in der Russischen Poesie des 18. Jahrhunderts," *Slavische Barockliteratur II: Gedenkschrift für Dmitrij Tschizewskij (1894-1977)*, ed. R. Lachmann (Munich: W. Fink, 1983), 25-30. See also Simeon's commentary on the words of the Creed on Christ being "seated" at the right hand of God in heaven [...] (*omitted by translator*). Simeon Polotskii, *Obed dushevnyi* (Moscow: Verkhniaia tipofrafiia, 1681), fol. 81-82v.

of the Apostles: one ought to “pray without ceasing” (1 Thessalonians 15: 17), where “without ceasing” means “often.”⁴⁹

Thus, the person educated in the Baroque separates a word from its content, which is what allows the possibility of using a word in a figurative sense. Hence, for Iavorskii, the text of the Gospels is not in and of itself the truth; the truth appears only as the result of applying the correct hermeneutic procedure, so that the “genuine” content of the text is revealed. This is why it is so important to study grammar, rhetoric, and so on. The Old Believers approach this matter differently. For them Holy Writ as a text revealed by God is the truth in and of itself, which in principle does not depend on the perceiving subject or interpretive method. The sacred form and sacred content by their very essence cannot be separated insofar as they are bound by an unconditional bond. From this point of view, the truth is not connected with correct interpretation but with the correct reproduction of a text. For this reason—according to Old Believers—the Nikonians’ correction of church books resulted in their perdition, and the hermeneutic justification for these corrections represented impious tricks by those who were indifferent to the truth.

Thus, elite culture not only introduced rhetorical organization into literature, it also insisted on the necessity of knowing rhetoric for the correct understanding of Holy Writ, and, consequently, for the salvation of the soul. Hermeneutic devices become instruments for cultural differentiation.⁵⁰ It should be kept in mind, at the same time, that these devices, like the rhetorical principles concerning tropes and figures that appear in Russia within the framework of Baroque culture, are not directly connected with the Baroque per se. They belong to the rhetorical organization of literature in general, and their importance for Russian Baroque once again testifies to its eclecticism – borrowing not what is specific to Baroque, but what could also be taken from Quintilian. The Baroque in Russia is primarily a phenomenon of Western influence, so that its unique elements take second place in the process of forming the new cultural paradigm as a whole.

8. Eclecticism as a Principle of the Russian Baroque

Insofar as the reception of the Baroque boiled down to the assimilation of external devices that were disconnected from their semiotic context, the recipient culture did not develop criteria for the selection of cultural material and the means to classify cultural texts. Therefore, the principle of assimilating the new culture became eclecticism. This is characteristic for all writers and theoreticians of the Russian Baroque without exception, although, of course, to different degrees.

Fedor Kvetnitskii’s *Clavis Poetica*—composed in the 1730’s as a course in poetics to be presented in the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy—may serve as an example of such

⁴⁹ Zhivov, *Iz tserkovnoi istorii Petra Velikogo*, 246-247.

⁵⁰ B. A. Uspenskii, “Otnoshenie k grammatike i ritorike v Drevnei Rusi (XVI-XVII vv.),” *Izbrannye trudy*, [izd. 2., ispr. i dop.], 3 vols. (Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul’tury,” 1996-1997), 2: 5-28.

eclecticism in literary theory.⁵¹ Lomonosov, by the way, studied under Kvetnitskii. In European poetic manuals, two trends are clearly evident. One, based on the notion of poetic inspiration (*furor poeticus*), approaches poetry as a special means of cognition. The difference between the historical and the poetic are related to the Aristotelian opposition between the real and the possible (as in Aelius Donatus) and poetry is the understanding of the possible – that is, the universal and timeless, transcending particular historical knowledge (as in Giovanni Antonio Viperano). The second trend, represented first of all by Jesuit poetic manuals, puts the emphasis on the doctrine of ingenuity or wit (*acumen, argutio*). In the pedagogical context, this doctrine quickly took on the character of a set of rules for producing the unexpected and ambiguous (as in Pontan and Masenius); the freedom of poetic genius, so important for the first trend, is completely ignored here.

In Kvetnitskii's poetics, a textbook for students who have studied grammar but not yet rhetoric, these two tendencies are intermingled. The very definition of poetry given at the beginning of the textbook testifies to the compromise character of its theoretical basis ("*ars quamcumque materiam vero simili fictione ad delacatationem et utilitatem audientium metricae tractandi*"). The oppositions between art and nature, poetic vision and metrical organization, so significant for European literary development, are eliminated or downplayed in the few lines dedicated to these questions. *Furor poeticus, fictio, and acuta apprehensio* are merged into one, and the material of poetry (*materia*) is not set apart as something special and ideal, but treated the same way as the material of rhetoric – the difference between poetry and prose texts boils down to metrical organization – and the problem of correlating genres and styles remains untouched.

In the section concerning description (*descriptio*), Kvetnitskii follows Feofan Prokopovich and declares clarity (*claritas*) and brevity (*brevitas*) as virtues. This directly contradicts the principle of *acumen* as presented in other parts of the manual. This contradiction is revealed very clearly in the discussion of genres, the section "*De carmina in specie*." A short description of six classical genres – epic, bucolic (*georgic*), satire, drama, elegy, and lyric – is accompanied by fourteen short chapters dedicated to *acumen*, epigram, Baroque word play, etc. Indeed, here Kvetnitskii's enthusiasm for the playful genres of Baroque poetics, for various operations with the verbal sign leading to unexpected combinations of ideas, is clearly evident. Together with operations of a semantic type, formal transformations are given great importance: anagrams and structures according to patterns – program / anagram / epigram, acrostics, various figural poems, and so on. Bernd Uhlenbruch, who published Kvetnitskii's poetic manual, justly remarks that it is hardly possible to speak of a direct development of the poetics of *acumen* leading from Sarbiewski to Muscovite rhetorical and poetic manuals of the eighteenth century. While some continuity exists, the basic ideas undergo significant reworking. In particular, if Sarbiewski understands *acumen* as a creative principle that considers anagrammatical transformations as "childish nonsense," his followers introduce this kind of formal game as one of the

⁵¹ For its publication and commentary see B. Uhlenbruch, "Fedor Kvetnickij," *Clavis poetica: Eine Handschrift der Leninbibliothek Moskau aus dem Jahre 1732*, ed. B. Uhlenbruch (Cologne: Böhlau, 1985); see also V. M. Zhivov, "Aktual'nye problemy istorii russkoi ritoricheskoi traditsii (Po povodu izdaniia poetiki F. Kvetnitskogo)," *Sovetskoe slavianoovedenie* 2 (1988): 94-99.

sources of acumen. Furthermore, Kvetnitskii's enthusiasm for verbal games, figural poetry, and *carmina curiosa* to some extent indicates a connection to Kievan traditions, but Feofan's *Poetica* was not part of this development. The latter's acceptance of the ideals of clarity and simplicity in no way coincide with this trend, so that there is a basic contradiction at the very heart of this type of cultural assimilation.

In a series of external markers, Kvetnitskii's poetic manual may be defined as Baroque (just as those of Feofan or Lavrentii Gorki), although a Baroque value system (*ustanovka*) is lacking. Because of this, the author does not differentiate between various currents in European literary thought. In place of the Baroque emphasis on polysemy comes a general orientation on didacticism. Obviously, the conflict between philosophical and literary movements that were so central to Europe in the seventeenth and eighteenth centuries were perceived as a phenomenon of secondary interest in Russia during the period we are concerned with; Russia was adopting not one of the various European movements but European culture as a whole. This led to eclecticism, to a certain kind of synthesis of the theories being assimilated, and compromise or contradiction appear as external signs of this synthesis.

9. The Ideological Purpose of Baroque Devices

And so, in the West, Baroque's arsenal reflected the mentality of the era and organically developed out of its orientation on polysemy. In Russia, external elements were borrowed, but not this deeper context. For this reason, there was no correlation between the era's mentality and elements of poetics or stylistics. As a result, these elements were set free and acquired a completely new pedagogical function. They became carriers of the new ideology that was being introduced. Above we spoke about how and for what reason Iosif Turoboiskii explained the substance of emblematic depictions for Muscovite society, training it in the new political discourse. The Baroque became a servitor of power, whose aim was the political reeducation of society.⁵²

We will limit ourselves to one very simple example. For Baroque poetics, the *figura ethymologica* was a characteristic device of verbal play. We find its wide use in Feofan Prokopovich. Thus, in his "Speech on the Tsar's Power and Honor" of 1718, he defends the practice of calling the tsar "Christ," referring to the etymological meaning of the word as

⁵² Cf. L. I. Sazonova's very indicative formulation: "At the same time, Baroque poetry in Russia is characterized by a substantial change in its historical markers of a special type of world-apprehension. In conditions of strengthening absolutism, the pessimism and reflectivity, tragic feeling and mystic exaltation that were features of European Baroque, had to lose their authoritative position. A different ideological orientation took on primary importance, one which was connected to state building and the tasks of enlightening society. In Russian literature, the Baroque fulfilled two most important functions: panegyric and educational." See Sazonova, *Poëziia russkogo barokko*, 223. It is unnecessary to say that such functions had nothing in common with the sources of Baroque poetics and were peripheral to the literary space of West European Baroque; they destroyed the wholeness and rendered the entire phenomenon of Russian Baroque problematic. These functions were characteristic of later literary development, such as the classicism described by L.V. Pumpianskii, "K istorii russkogo klassitsizma (poetika Lomonosova," *Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovaniia* (Moscow: Nauka, 1983), 303-331. Furthermore, one may say that the belated Russian Baroque was superimposed onto new principles of literary construction. (*Author's note*)

"the anointed one" (*pomazannik*).⁵³ However, the connection is not limited to etymology (externally, this could be expressed in the semiotically significant writing of the word with a superscript [*titul*]), and the verbal play threatens to transform into reality. If the tsar is Christ, those who betray him are Judases. This is the case with Mazepa in the "Service of Thanksgiving...on the Great God-Given Victory...near Poltava," which was written by Feofilakt Lopatinskii in 1709 and edited by the tsar himself.⁵⁴ The naming process goes beyond the framework of a game of meanings. Right after Mazepa's betrayal, Peter himself called him "the second Judas"⁵⁵ and ordered that he be anathematized.⁵⁶ The *figura ethymologica*, thus, is transformed into an excommunication from the church for a political crime, something without precedent in Russia. Of course, the anathematization of Mazepa also had important educational significance.

This transformation presents a general model that is significant for all of the Baroque elements assimilated into Russia. Thus, say, Feofan's *Rhetoric* reveals its sources as moderate Baroque (Nicholas Caussin, Junius Melchior).⁵⁷ However, Feofan's framework differs from those of his sources. His enlightenment thrust, the goal of his treatise, is to introduce a new order, the systematization of a new lifestyle. If in Western Europe rhetoric governed the existing order, in Russia its task was to create a new one. Here we encounter what Renate Lachmann calls "*Dekorum-Rhetorik*."⁵⁸ The modality has changed. If in European rhetoric we find prescriptions of the sort: "When you deliver a speech to greet a monarch, it is recommended that you employ such and such an arrangement of the following figures [...]," on Russian soil it takes a different form: "When meeting a monarch, you must make a speech of greeting. This is the way it is done: you make such and such an arrangement and use the following figures [...]," and so on. Instead of regulating existing verbal practices, the entire sphere of public behavior is constituted anew and subjected to regulation.

Clearly, this new function does not depend on a Baroque or Classicist mentality, and this defines the significance of Feofan's *Rhetoric* (and other analogous tracts) for the following generations. Insofar as elements of Baroque stylistics are assimilated by themselves, apart from a Baroque foundation, they acquire a special durability, which is not characteristic of

⁵³ Feofan Prokopovich, *Feofana Prokopovicha ... Slova i rechi pouchitel'nyia sobrannyya i nekotoryia vtorym tisneniyem, a drugiia vnov' napechatannyya*, I (St. Petersburg: 1760-1774), 252; cf. Zhivov and Uspenskii, "Tsar' i Bog," 79-83.

⁵⁴ Feofilakt (Lopatinskii), *Sluzhba blagodarstvennaia, Bogu v Troitse sviatoi slavivomu o velikoi Bogom darovannoi pobede, nad sveiskim korolem Karlom 12 i voinstvom ego. Sodeiannoi pod Poltavoiu v leto 1709* (Moscow: Pechatnyi dvor, 1709), fol. 16v-17, 19v.

⁵⁵ See Peter's letter to Stefan Iavorskii (Oct. 31, 1708), in *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo*, 12 vols. (St. Petersburg, Moscow, 1887-1977), 8: 261.

⁵⁶ *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* (St. Petersburg, 1830), IV, № 2213. On the history of the anathematization and the symbolic actions and objects connected with it, see Ernest A. Zitser, *The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great* (Ithaca: Cornell University Press, 2004), 93-107.

⁵⁷ Renate Lachmann, "Feofan Prokopovič," *De arte rhetorica libri X, Kijoviae 1706*, ed. R. Lachmann (Cologne: Böhlau, 1982), 468, and S. A. Kibal'nik, "O 'Ritorike' Feofana Prokopovicha," *XVIII vek* 14 (Leningrad: Nauka, 1983), 197.

⁵⁸ Lachmann, "Feofan Prokopovič," 61.

their European counterparts. Because of this, the tradition of Russian Baroque literature continues to assert its influence throughout the entire eighteenth century.

Иностранные языки в России XVIII в.¹

Foreign Languages in Eighteenth-Century Russia

Татьяна Костина

Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук

Tat'iana Kostina

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

tatianav.kostina@gmail.com

Abstract:

This article presents a summary of the reports and transcripts of the discussion held on October 24, 2020, at a panel on the functioning of foreign languages in 18th-century Russia, which took place during the international conference "Müller Readings-2020." The attendees discussed different approaches to the subject using various historical examples, such as the language of the manuscripts presented to Peter the Great and Catherine I; the languages of Russian-Turkish diplomacy in the reign of Peter the Great; the problems of the horizon of the translator and the genre conditionality of the use of languages; their use in the initial period of the existence of the St. Petersburg Academy of Sciences; and the problems of publishing foreign language sources. Several reports were devoted to the history of teaching foreign languages among various social strata, as well as to the methods of teaching languages in the 18th century.

Keywords:

"Müller Readings-2020" Conference; foreign languages in Russia; eighteenth century

21-24 октября 2020 г. в Санкт-Петербурге прошла международная научная конференция "Миллеровские чтения – 2020."² В последний день конференции, дистанционно, на платформе ZOOM, состоялось научное заседание секции, посвященной бытованию иностранных языков в Российской империи XVIII в. Это центральный вопрос для изучения культуры эпохи Просвещения, и заседание, посвященное ему, вызвало определенный резонанс в научном сообществе. Мы предлагаем вниманию читателей развернутые резюме докладов и дискуссии.

В первой части секции, состоящей из пяти докладов, были продемонстрированы разные подходы к проблеме функционирования языков.

* * *

Открылось заседание выступлением И. А. Вознесенской (Библиотека РАН, Санкт-Петербург), которая в последние годы комплексно занимается подносными книгами в собрании Рукописного отдела Библиотеки Российской

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда гуманитарных исследований [далее РФФИ] и Фонда "Дом наук о человеке" Франции [далее ФДНЧ], в рамках научного проекта № 20-513-22001.

² Полное название конференции, организованной Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН, - "Миллеровские чтения – 2020: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия." Ранее конференции "Миллеровские чтения" состоялись в 2013 и 2018 г.

Академии наук.³ В докладе “Языки подносных экземпляров из библиотеки Петра I”⁴ она рассказала о библиотеке первого императора, в составе которой сохранилось около 40 рукописных книг, представляющих собой подносные экземпляры. В данном докладе она проинформировала о 25 рукописных книгах библиотеки Петра I на иностранных языках, составляющих 10% от всех рукописей библиотеки, и сосредоточилась на описании шести из них, представляющих собой подносные экземпляры. Четыре из них подносились Петру I,⁵ а две Екатерине I.⁶ В докладе были прослежены обстоятельства создания, поднесения и, в ряде случаев, перевода на русский язык и издания этих сочинений.

Подводя итоги, И. А. Вознесенская заметила, что рукописи подносились на языках понятных императору и императрице, либо содержали перевод (как в случае с подношением Кантемиров), но, фактически, они потерялись в недрах библиотеки, а поднесенные тексты не получили широкого распространения ни в рукописном, ни в печатном виде.

Вопросы и дискуссия:

А. М. Новикова (Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” в Санкт-Петербурге): “Вы упоминали, что в Библиотеке Петра I были французские рукописи. О чем они были и каким годом датированы?”

И. А. Вознесенская: “Рукописи на французском языке (их, кажется, шесть) были получены Петром I в подарок во время его поездки во Францию в 1717 г. Это знаменитые альбомы с планами Версаля и Марли, Устав ордена Св. Духа, грамматика французского языка и др. Несмотря на то, что это подарки, они не относятся к подносным экземплярам, потому что они не были сделаны

³ И. А. Вознесенская, “Подносной экземпляр трактата ‘О народном просвещении и правосудии’ Михайлы Аврамова из собрания БАН,” *Петербургская библиотечная школа* № 1 (2017): 37-41. (I. A. Voznesenskaia, “Podnosnoi ekzempliar traktata ‘O narodnom prosveschchenii i pravosudii’ Mikhaily Avramova iz sobraniia BAN,” *Peterburgskaia bibliotechnaia shkola*, 1 (2017): 37-41); И. А. Вознесенская, “Подносные панегирики братьев Лихудов Петру I из собрания БАН,” *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого* № 5 (30) (2020), 4ю (I. A. Voznesenskaia, “Podnosnye panegiriki brat’ev Likhudov Petru I iz sobraniia BAN,” *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo*, 5:30 (2020), 4).

⁴ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42003 Петровская эпоха.

⁵ БАН, П I Б, № 154: Adriann Schoonebeck, *Korte maniere om de Ets-Konst velkomen te leeren*, 1698. На голл. яз. (BAN, P I B, № 154: Adriann Schoonebeck, *Korte maniere om de Ets-Konst velkomen te leeren*, 1698. Na goll. iaz.); БАН, П I Б, № 9: Dorotheo Alimari, *Bellona Recens Armis Exercita*, 1699. На лат. яз. (BAN, P I B, № 9: Dorotheo Alimari, *Bellona Recens Armis Exercita*, 1699. Na lat. iaz.); БАН, П I Б, № 42: Daniel Waeywel, *Tractaet... der Quadratura Circuli*, 1717. На голл. яз. (BAN, P I B, № 42: Daniel Waeywel, *Tractaet... der Quadratura Circuli*, 1717. Na goll. iaz.); БАН, П I Б, № 150: Сербан Кантемир, *Панегирик*; Дмитрий Кантемир, *Рассуждение физическое о монархиях*. 1714. На лат., греч. и рус. яз. (BAN, P I B, № 150. Serban Cantemir, *Panegirik*; Dmitrii Kantemir, *Rassuzhdenie fizicheskoe o monarkhiakh*. 1714. Na lat., grech. i rus. iaz.).

⁶ БАН, П I Б, № 107: Иван Максимович, *Латинско-русский словарь*. 1724. На лат. и рус. яз. (BAN, P I B, № 107: Ivan Maksimovich, *Latinsko-russkii slovar’*, 1724. Na lat. i rus. iaz.); БАН, П I Б, № 151: Thomas Consett, *Concio-congratulatoria de Imperatrice Catharina, nuper Moscvae coronate*, 1724. На лат. яз. (BAN, P I B, № 151: Thomas Consett, *Concio-congratulatoria de Imperatrice Catharina, nuper Moscvae coronate*, 1724. Na lat. iaz.).

специально для Петра. Например, Устав ордена Св. Духа был скорее всего выполнен для Людовика XIV.”

Т. В. Костина (СПБII РАН): “Есть ли на подносных экземплярах читательские пометы?”

И. А. Вознесенская: “Читательских помет нет. На рукописи Сербана и Дмитрия Кантемиров очень много помет, но они редакторские. Возможно, их появление связано с изданием этой рукописи. Остальные рукописи не имеют помет.”

* * *

Доклад Т. А. Базаровой (СПБII РАН) “Дипломатический язык русских послов в Стамбуле в Петровскую эпоху” был посвящен языкам, на которых велись переговоры и составлялись международные договоры и соглашения.⁷

В Петровскую эпоху языком общения между европейскими дипломатами и Высокой Портой был не турецкий, а итальянский, активно использовался и греческий. Постоянные представители западноевропейских держав в Стамбуле, как правило, турецким не владели. Хотя были и исключения. Например, хорошо знал разговорный турецкий голландский посол Якоб Кольер, что позволяло ему общаться с османскими министрами без переводчиков. Петр I при выборе будущего главы дипломатической миссии обращал внимание на языковую подготовку кандидата: итальянским владели Д. М. Голицын, П. А. Толстой, И. И. Неплюев, латынью А. И. Дашков. По-видимому, уже в Стамбуле разговорным итальянским на основе латыни овладел вице-канцлер П. П. Шафиров. При неофициальных контактах с представителями Порты, западноевропейскими дипломатами, агентами и информаторами использовали и другие языки.

⁷ Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, грант № 18-09-00721. Ранее исследование было начато в других работах. См.: Т. А. Базарова, “Материалы походной канцелярии вице-канцлера П. П. Шафирова о деятельности русских дипломатов в Османской империи в 1713–1714 гг.,” *Вспомогательные исторические дисциплины*, Т. XXXI (2010): 348–355. (Т. А. Bazarova, “Materialy pokhodnoi kantseliarii vitse-kantslera P. P. Shafirova o deiatel'nosti russkikh diplomatov v Osmanskoi imperii v 1713–1714 gg.,” *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* 31 (2010): 348–355); Т. А. Базарова, “Статейные списки русских послов при Высокой Порте 1711–1714 гг.: история создания и перспективы изучения,” *Вспомогательные исторические дисциплины*, Т. XXXIV (2014): 78–93. (Т. А. Bazarova, “Stateinye spiski russkikh poslov pri Vysokoi Porte 1711–1714 gg.: istoriia sozdaniia i perspektivy izucheniia,” *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 34 (2014): 78–93); Т. А. Базарова, “Переводчики русских послов в Стамбуле в начале XVIII в.,” в *Переводчики и переводы в России конца XVI–начала XVIII столетий: Материалы Международной научной конференции*. (Москва: Институт российской истории РАН, 2019), 9–16. (Т. А. Bazarova, “Perevodchiki russkikh poslov v Stambule v nachale XVIII v.,” in *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI–nachala XVIII stoletii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2019), 9–16; Т. А. Барарова “Для лутчаго и состоятельнейшаго оного мира охранения...”: пребывание русского посла П. А. Толстого при османском дворе,” *Труды Государственного Эрмитажа*. [Т.] 101: *Петровское время в лицах: материалы научной конференции* (Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019), 53–60. (Т. А. Bazarova, “Dlia lutchago i sostoiatel'neishago onogo mira okhraneniia...”: prebyvanie russkogo posla P. A. Tolstogo pri osmanskom dvore,” *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. [Т.] 101: *Petrovskoe vremia v litsakh: materialy nauchnoi konferentsi* (St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2019), 53–60).

С послами в Порту отправляли переводчиков и толмачей со знанием итальянского, латыни, а также греческого и молдавского языков. На основе неопубликованных документов удалось установить, что в начале XVIII в. сотрудники русской миссии в Стамбуле изучали турецкий язык. В определенной мере (мог вести беседу и читать) им овладел уже сын П. А. Толстого Иван, находившийся в османской столице в качестве дворянина посольства до 1706 г. Успешно изучил разговорный турецкий подьячий Иван Небогатый, находившийся при посольстве в 1705-1707 гг. и с 1712 г. Недостаток специалистов также отчасти компенсировался приемом на русскую службу иностранцев. В 1712-1713 гг. для обучения сотрудников посольства (подьячих и переводчиков) был нанят учитель турецкого языка, а в 1720-х гг. резидент Иван Неплюев создал школу обучения иностранным языкам.

Вопросы и дискуссия:

В. С. Ржеуцкий (Германский исторический институт в Москве): “У меня несколько уточняющих вопросов: 1. На каких источниках основан доклад? 2. Какой период Вы охватываете в своих исследованиях? 3. Появляется ли при взаимодействии с Портой в качестве дипломатического языка французский?”

Т. А. Базарова пояснила, что работает с письмами, реляциями русских послов, указами, рескриптами, статейными списками. Эти материалы сохранились в РГАДА, в АВПРИ [Архив внешней политики Российской Империи], также отдельные документы сохранились и в Архиве СПбИИ РАН. Интересует период с 1699 г. и до окончания Северной войны в 1721 г. Французский язык упоминается, но он не использовался в переговорах.

Д. В. Сень (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону): “В начале XVIII в. ачуевский мухафыз Хасан-паша просил И.А. Толстого, родного брата П. А. Толстого, писать ему на греческом и французском, мотивируя это тем, что читать письма на русском языке у него нет специалистов, но в крепости есть люди, владеющие упомянутыми языками. В связи с этим возникает вопрос: насколько для османской стороны была существенна проблема переводов, устных и письменных? При посредничестве кого османы решали проблему коммуникации с русскими?”

Т. А. Базарова: “Франция была многолетним союзником Турции, что объясняет наличие у турок специалистов. Главные переводчики с османской стороны — это греки-фанариоты из рода Маврокордато. Греческий использовался и для контактов русских с информаторами.”

М. А. Петрова (Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Москва): “Сохранились ли какие-то тексты Петра, в которых он пишет, что российским дипломатам необходимо знать язык страны пребывания?”

Т. А. Базарова: “Мне такие тексты не встречались, но такое обсуждение могло происходить на уровне Посольского приказа.”

С. М. Шамин (Институт российской истории Российской Академии наук, Москва): “В Москве на протяжении XVII в. обычно держали 3-4 переводчика с турецкого языка. При этом Асанов умирает в 1701 г., перед этим Татаринов в 1694 г. Как Вы думаете, почему Петр I во время войны с Турцией не озаботился восстановлением численности переводчиков? И еще вопрос... Рамазан Тефкелев все-таки был переводчиком с турецкого или нет? Если был, то когда им стал?”

Т. А. Базарова: “Материал не позволяет ответить на этот вопрос, некоторые действия Петра I приводят меня в тупик. Рамазан и его сын Муртаза иногда попадаются в документах, причем иногда их называют переводчиками, а иногда толмачами.”

Дальнейшая дискуссия позволила прояснить судьбы отдельных переводчиков; увидеть, что специалисты со знанием турецкого языка распределялись между Посольским приказом, Азовом и Стамбулом.

* * *

Продолжила работу конференции Р. А. Евстифеева (Сорбонна, Париж) докладом “Горизонт эрудиции русского переводчика XVIII в.: случай С. С. Волчкова.”⁸ Исследовательский интерес Евстифеевой в последние годы концентрируется на переводах произведений Бальтазара Грасиана, подготовлен соответствующий каталог,⁹ в процессе подготовки находится база данных по переводу лексики интеллектуальных качеств в трактатах Грасиана. Интерес к Волчкову обусловлен тем, что он перевел сочинение Грасиана “Придворный человек,” однако для определения горизонта эрудиции использовались и другие его переводы.¹⁰

Вопрос о горизонте эрудиции переводчика стоит для исследователей очень остро, особенно, когда речь идет о первой половине XVIII в. Век Просвещения — это век активного политического и культурного трансфера, и значение переводчика как медиатора этого процесса велико. При этом практически не существовало институций, которые занимались подготовкой медиаторов или посредников, их появление происходило спонтанно. Отсюда вытекает проблема

⁸ Доклад подготовлен в рамках проекта “VIR MAXIMUS: Tracking the Transfer of Moral-Political Ideas Through the Reception of B. Gracián’s Texts (XVII-XXI cent.),” при финансовой поддержке от исследовательской и инновационной программы Европейского Союза “Horizon 2020,” по гранту им. Марии Склодовской-Кюри № 839351.

⁹ Riva Evstifeeva, “VIR MAXIMUS Catalogue,” August 30, 2020, <https://zenodo.org/record/4008175#.XOrzyMgZY2w>.

¹⁰ Р. А. Евстифеева, “Политический язык ‘Придворного человека’ – Political Language of ‘The Courtly Man,’” в *VIII Римские Кирилло-Методиевские чтения (5-10 февраля 2018). Материалы конференции*, ред. Н. Запольская, М. Обижаева (Москва: Индрик, 2018), 33-36. (R. A. Evstifeeva, “Politicheskii iazyk ‘Pridvornogo cheloveka’ – Political Language of ‘The Courtly Man,’” in *VIII Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniia (5-10 fevralia 2018). Materialy konferentsii*, red. N. Zapol’skaia, M. Obizhaeva (Moscow: Indrik, 2018), 33-36); Р. А. Евстифеева, “Лексикология и переводоведение: лексика интеллектуальных качеств человека в Вояжировом лексиконе С. С. Волчкова (1755? – 1776),” *L’analisi linguistica e letteraria* XXVIII: 2 (2020): 73-84. (R. A. Evstifeeva, “Leksikologija i perevodovedenie: leksika intellektual’nykh kachestv cheloveka v Voiazhировом leksikone S. S. Volchkova (1755? – 1776),” *L’analisi linguistica e letteraria* 28:2 (2020): 73-84).

адекватности эрудиции как инструментария в руках медиатора. Легитимация медиатора в должности переводчика происходила либо спонтанно, либо по поручению власти (как непосредственно, так и через институты: Коллегию иностранных дел, Коммерц-коллегию, Академию наук). Волчков поработал во всех трех в разное время. Кроме них в этот период зарождались новые инстанции легитимации. В карьере Волčkова их было две. Во-первых, профессиональное сообщество, которое работало как на легитимацию, так и на делегитимацию Волčkова как переводчика (поводом служило отсутствие формального образования). Во-вторых, для Волčkова имел большое значение рынок. Эту модель легитимации пытался создать сам Волчков, учитывая при выборе источника для перевода рыночный спрос на литературу определенных жанров, продвигая свои переводы в печать через Академию наук, когда он находился в должности директора Сенатской типографии и издавая сочинения за свой счет в типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

Известно, что Волчков с 1722 г. был юнкером в Герольдмейстерской конторе, затем служил в Мануфактур-коллегии, в 1725 г. был послан в миссию России в Силезии. В 1728 г. делал переводы для Коллегии иностранных дел, в 1730-1735 г. был секретарем при посла в Берлине, изучал французский, после чего был принят в Академию президентом И. А. Корфом. В Академии Волчков занимался как делопроизводственными переводами с немецкого языка, так и, во вне рабочее время, более "литературными," переведя "Флоринову экономию," "Придворного человека," "Мир душевный" и др. Однако переводы Волčkова нередко не доходили до печати, "застывая" на стадии рецензирования в Академии. Как из заявлений самого Волčkова, так и из его переводов видно, что он не владел латинским языком. Показателен перевод Волčkова из Плутарха (1750), в котором он называл Дионисия Денисом, Евстафия Евстатом, Есхилия Ешилем. Уже из этого видно, что переводчик вовсе не был знаком с античной культурой. В работе над "Придворным человеком" Волчков не различал текста и паратекста, делал частичный перевод примечаний, удалял или вливал с искажениями в общий текст цитаты античных авторов, время от времени ошибочно называя разных из них Тацитом, латинские цитаты систематически выбрасывал.

В выводах Р. А. Евстифеева отметила, что для изучения Нового времени проблема горизонта эрудиции переводчика очень важна, поскольку переводчик – центральная фигура в процессе культурного трансфера. Европейская литературная культура эпохи, кроме того, предусматривала знание древних языков и античной культуры. Поэтому Волчкову в работе было недостаточно только знания современных ему немецкого и французского языков. Это ставило его в уязвимую позицию в процессе легитимации как переводчика по разным, описанным выше, каналам.

Вопросы и дискуссия:

В. С. Ржеуцкий: "Можно ли сказать, что карьера Волčkова в Посольском приказе, на дипломатическом поприще -- это прежде всего следствие его знакомства с иностранными языками, или были еще какие-то обстоятельства? И еще... Вы очень хорошо показали переводческую манеру Волčkова. Можно ли сказать, что

он каким-то образом выделяется на фоне переводчиков своего времени или в этом смысле он скорее явление эпохи?”

Р. А. Евстифеева: “На первый вопрос ответ положительный, что очевидно не только из моего доклада, но и из доклада Т. Базаровой. Первые шаги на дипломатическом поприще, несомненно, были сделаны благодаря знанию немецкого языка. А второй вопрос скорее является перспективой для дальнейших исследований.”

В. Берелович (Ecole des hautes études en sciences sociales, Женевский университет): “Меня заинтриговало наличие в источниках переводов Волчкова богословских книг и, в частности, среди ранних переводов книги пастора Дегура — видного и ярого протестанта. Есть ли какие-то сведения по поводу заказа на перевод этой книги?”

Р. А. Евстифеева: “Я предлагаю разделить вопрос на два аспекта: 1. наши сведения, вообще, о том, как происходил выбор/заказ книг на перевод; и 2. что происходит с присутствием богословской, мистической литературой в списке переводов Волчкова. Про некоторые книги Волчкова известно, что у них был заказчик (например, перевод Савариева лексикона был сделан по заказу Коммерц-коллегии), но, в основном, приходится об этом догадываться, а, возможно, заказа и не было. Представленная в докладе некоторая типология переводов сделана как раз для того, чтобы попытаться понять, что за ней может стоять, находя общие векторы. Вопрос с религией очень сложен. Я могу допустить, что Волчкова в какой-то момент пытались рассматривать как агента протестантизма в его пиетистском варианте.”

С. М. Шамин: “Проблема, которую Вы обозначили, чуть в более раннее время особенно видна на уровне вообще всех переводчиков. Петр I едет через Митаву, ему иезуиты вручают Элогиум... Мы с Сергеем Викторовичем Алпатовым его опубликовали, сравнили с источником, стало очевидно, что переводчику не хватает эрудиции.” И это касается не только конкретного случая. Очевидно, что пока у нас не появилось систематического образования, когда античность стали вбивать в головы, это оставалось серьезной проблемой.”

* * *

Следующий доклад сделала Дж. Ларокка (Университет г. Мачераты): “Полиглот при русском дворе. Якоб Штелин и иностранные языки (предварительные замечания).” Интеллектуальная биография Штелина (одописца, искусствоведа, воспитателя Петра III), его деятельность занимают центральное место в истории культуры и литературы XVIII в., но при этом еще малоизучены, несмотря на то, что недавно К. В. Малиновский опубликовал и

¹¹ С. В. Алпатов, С. М. Шамин, “Элогиум митавских иезуитов в документах Великого посольства 1697 г.,” *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 4 (2014): 96-110 (S. V. Alpatov, S. M. Shamin, “Elogium mitavskikh iezuitov v dokumentakh Velikogo posol'stva 1697 g.,” *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 4 (2014): 96-110).

переиздал многие из его работ.¹² Помимо писем, которыми Штелин обменивался с разными дипломатами, писателями и математиками со всей Европы (на разных языках, но, в основном на французском и немецком, иногда на латинском), в архивах сохранились его оды на немецком (некоторые из них не были опубликованы), литературные очерки и стихи на французском языке. Материалы на итальянском языке создавались в двух жанрах. Это оперы и истории, в частности, так называемые исторические записки. В докладе Ларокка проанализировала черновики двух исторических записок, дошедшие до нас в неопубликованном виде. Она обратила внимание на то, что Штелин использовал один и тот же термин ("записки") для обозначения одного и того же жанра: "Записки, служащие истории нашего времени" (1744) и "Исторические записки о коронации Ее Императорского Величества Елизаветы Первой. Сбор фактов и материалов" (не ранее 1770-х). Штелин в обоих случаях использовал для их создания итальянский язык, что вряд ли можно считать случайностью.

Повествование в "Записке..." (1744) балансирует между исторической реконструкцией и поэтическим лиризмом. Несмотря на незавершенность и конспективность "Исторических записок о коронации..." (не ранее 1770-х), видно, что цель Штелина заключалась в фиксации событий эпохи. Жанр, в котором Штелин писал эти произведения, можно сравнить с жанром "*Memorie*," хорошо знакомым итальянскому читателю XVIII в., который связывался в восприятии современников с произведениями научно-популярного характера. Однако самое раннее найденное произведение с таким названием вышло в Италии в 1742 г., из чего можно предположить, что вряд ли Штелин был знаком с ним и ориентировался на него. Сам термин был заимствован из французского языка, где использовался уже во второй половине XVII в., из чего можно сделать вывод, что источник этого жанра для Штелина, видимо, не итальянский, а французский. Остается открытым вопрос об употреблении для этого жанра Штелиным итальянского языка, имевшего в эти годы статус языка оперы, а также, как мы видели из доклада Т. А. Базаровой, языка дипломатии и межкультурного общения. Широта и многообразие использовавшихся Штелиным источников не позволяет с точностью определить причину выбора им итальянского языка для создания данных материалов. Тем не менее, представляется, что размышлять о жанрах необходимо, и контекст их создания говорит о том, что выбор языка был сделан не случайно.

Вопросы и дискуссия:

М. Шруба (Миланский университет): "Не было ли попытки узнать, для кого предназначались упомянутые труды Штелина? Почему немец писал в России на итальянском языке?"

Дж. Ларокка: "Это ключевой вопрос о том, кто был его аудиторией, но мы не можем прямо на него ответить. Скорее у Штелина была определенная иерархия,

¹² К. В. Малиновский, *Материалы Якоба Штелина*. В 3-х томах (Санкт-Петербург: КРИГА, 2015). (K. V. Malinovskii, *Materialy Yakoba Shtelina*. V 3-kh tomakh (St. Petersburg: KRIGA, 2015)); см. также: Giuseppina Larocca "New Perspectives on Jacob von Stählin: Towards an Intellectual Biography," *Slavonica* (June 2018): 1-11.

он использовал разные языки для определенных жанров. Возможно, выбор языка определяло содержание записок. Он писал в этих текстах о масках, о балетах, и, возможно, поэтому испытывал итальянское влияние.”

* * *

Доклад “Немецкоязычные тексты Академии наук XVIII в.: проблемы публикации” М. Б. Лавринович (Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики,” Москва) посвятила выработке принципов публикации текстов на немецком языке в сборнике документов “Учебные заведения Петербургской Академии наук: документы и материалы (1724-1747 гг.).”¹³ Работа с этими документами позволяет выявить основные черты языка, на котором говорили и писали сотрудники и чиновники Академии наук во второй четверти XVIII в.: это немецкий язык, отличающийся большим количеством галлицизмов и латинизмов.

В основу доклада положена работа над немецкими редакциями одного документа, хорошо известного в русском переводе, — это “Проект об учреждении Академии наук” 22 января 1724 г.¹⁴ Удалось разыскать две немецкие редакции этого текста. В СПбФ АРАН сохранился вариант “А,”¹⁵ в РГАДА — вариант “В.”¹⁶ Подлинник перевода с пометами Петра I, неоднократно публиковавшийся, также сохранился в РГАДА.¹⁷ Установлено, что ни одна из найденных немецких редакций при этом не являлась источником перевода. Изучение водяных знаков на бумаге этих трех документов приводит к мысли о том, что документы действительно были созданы в 1720-е гг. Интересно, что обе немецких редакции переписаны одним почерком, принадлежащим писцу из канцелярии Л. Л. Блюментроста.

Создание Проекта пришлось на период унификации письма в интересах канцелярий (конец XVII — начало XVIII вв.) и появления первых учебных пособий (прописей) по канцелярскому курсиву.¹⁸ В них рекомендовали строгое и четкое письмо, без размашистых петель и свободных росчерков; использование заостренных узких петель, прямых выносных. Почерк, которым написан “Проект,” сохранил барочные элементы в заглавных буквах. Также в нем использованы сокращения (знак двоеточие) и вспомогательные значки для облегчения чтения: две точки над у — ü и дуга над и — ÿ (не путать с ü); для переноса слов

¹³ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00595.

¹⁴ Такой заголовок является прямым переводом названия известного нам немецкого варианта проекта. Ранее русский перевод публиковался под заголовком “Проект положения об учреждении Академии наук и художеств,” данным ему исследователями при публикации.

¹⁵ СПбФ АРАН, ф. 3: Комиссия Академии наук, оп. 1, д. 422: Acad. Cancell. Acten., 270-281 об. (SPbF АРАН, ф. 3: Komissiiia Akademii nauk, op. 1, d. 422: Acad. Cancell. Acten., 270-281 об.).

¹⁶ РГАДА, ф. 17: Наука, литература и искусство, оп. 1, д. 2: Бумаги графа А. И. Остермана, касающиеся Академии наук 1724-1725 годов, 5-19 об. (RGADA, f. 17: Nauka, literatura i iskusstvo, op. 1, d. 2: Bumagi grafa A. I. Ostermana, kasaiushchiesia Akademii nauk 1724-1725 godov, 5-19 об.).

¹⁷ РГАДА, ф. 1451: Именные указы Петра I Сенату и др. учреждениям, оп. 1, д. 18: Указы Петра I Сенату, 1724 г., 89-100 (RGADA, f. 1451: Imennye ukazy Petra I Senatu i dr. uchrezhdeniiam, op. 1, d. 18: Ukazy Petra I Senatu, 1724 g., 89-100).

¹⁸ М. Borgern, *Vorschrift und gründlicher Unterricht vor die Jugend in Anleitung zur Current-Cantzley und Fraktur Schrift* (Dresden, 1707); Н. Curas, *Calligraphia Regia: Königliche Schreib Feder dergleichen noch nie zum Vorschein kommen* (Berlin, 1714).

употреблены два прямых штриха. При этом слова с латинскими и французскими корнями (полностью или только их корни) выделены с помощью округлого письма, называемого антиква.

Очевидна необходимость издать выверенный немецкий текст, а также переиздать перевод, сверенный с подлинником и снабженный комментарием, в котором через обращение к немецкому тексту прояснить содержание самого "Проекта." Изучение двух вариантов немецкого текста с содержательной точки зрения показало, что вариант "В" более персонализирован, а также содержит больше галлицизмов, чем вариант "А." Исходя из этого было принято решение публиковать вариант "В," а значимые отличия из редакции "А" отобразить в примечаниях. Для подготовки текста к изданию решено руководствоваться рекомендациями Рабочей группы по проблемам издания текстов раннего Нового времени (Arbeitskreis "Editionsprobleme der frühen Neuzeit"), созданной в 1976 г.¹⁹

Если при публикации текстов XVI–XVII вв. характерно стремление к максимальному сохранению внешних особенностей текста, а для публикации текстов XIX в. – стремление к стандартизации, то XVIII век находится в промежуточном положении. Поэтому решения по отношению к текстам, созданным в это время, каждый раз сугубо индивидуальны. В результате были согласованы следующие принципы для издания "Проекта" и его перевода: 1. сделать издаваемый текст доступным и полезным разным специалистам: педагогам, историкам, филологам, лингвистам; 2. не воспроизводить особенности, связанные с историей письма; 3. принимать во внимание все известные редакции; разночтения сообщать только в случае, если они фактически или лингвистически значимы; 4. пунктуацию нормализовать в соответствии с современными правилами; 5. корни и слова на латинском и французском языках отображать курсивом; 6. очевидные ошибки или фразы, требующие интерпретации, объяснять.

Вопросы и дискуссия:

Р. А. Евстифеева: "Планируете ли вы публиковать изображения, сканы документа или только транскрипцию?"

Т. В. Костина ответила, что изображения публиковать не планируется, а готовится именно комментированный текст, но, если будет получено разрешение СПбФ АРАН, то какой-то небольшой фото-фрагмент, возможно, будет приведен в качестве иллюстрации. Во всяком случае, это уже шаг вперед, потому что прежде ученые пользовались наскоро сделанным русским переводом, к тому же плохо изданным; последние издания "Проекта" сильно разнятся с оригиналом.

М. Б. Лавринович добавила, что "наша задача как раз опубликовать не образ документа и не транскрипцию, а обработанный документ."

¹⁹ R. Aulinger, G. Lutz, G. Müller, H. Scheible, D. Wuttke, "Empfehlungen zur Edition frühneuzeitlicher Texte," *Jahrbuch der historischen Forschung in der Bundesrepublik Deutschland – Berichtsjahr 1980* (Stuttgart: Klett, 1981), 85-96.

С. Менгель (Университет им. Мартина Лютера Галле-Виттенберг, директор Института славистики): “Вы сказали, что в комментариях будут учитываться только те разночтения, которые лингвистически или фактически значимы. Что понимается под лингвистически значимыми разночтениями?”

М. Б. Лавринович: “Мы указываем в примечаниях случаи, когда слово во втором списке написано иначе, но больших лингвистических проблем в этом источнике нет, в нем присутствует много содержательной правки и дополнений.”

Т. В. Костина: “Во время совместной работы (Лавринович, Костина и О. А. Кирикова) с обеими редакциями, в одной из них была отмечена относительно последовательная замена галлицизмов на слова с германскими корнями. Это не совсем лингвистический, но переводческий момент, который тоже может быть интересен лингвистам.”

С. Менгель: “Почерки этого времени очень похожи, но, может быть, в них присутствуют диалектные различия.”

Т. В. Костина: “Во время поиска в СПбФ АРАН немецкоязычных документов, написанных почерком этого же писца, было установлено, что очень похожими почерками обладали И. Г. Гмелин-младший и гравер Академии наук Г. Унферцагт. Оба они родились в 1700-е гг. и могли учиться по одним и тем же пособиям, причем Гмелин происходил из юго-западной части Германии.”

* * *

После небольшого перерыва по приглашению ведущей секции Т. В. Костиной короткое пояснение перед возобновлением работы секции сделал В. С. Ржеуцкий: “Последние четыре доклада секции подготовлены в рамках трехлетнего франко-российского проекта об истории изучения языков в России XVIII в. Этот проект поддержан Российским фондом фундаментальных исследований с российской стороны и Домом наук о человеке с французской стороны.²⁰ Его цель — показать главные тенденции в изучении наиболее важных для истории России XVIII в. языков. Это, прежде всего, латынь, немецкий, французский, итальянский, а также русский языки. Мы будем прослеживать процессы изучения языков в основных социальных группах, которые обращались к иностранным языкам в то время, т.е. среди дворянства и духовенства, прежде всего, и на примере главных учебных заведений для этих социальных групп: это Гимназия Академии наук, Сухопутный шляхетный кадетский корпус и семинарии.”

* * *

Доклад “Социальный состав учеников и иностранные языки в школах и пансионах Петербурга в 1780 г.” сделала Т. В. Костина. Одна из задач проекта, о

²⁰ Доклады Т. В. Костиной, Е. И. Кисловой, В. С. Ржеуцкого, Р. Бодена и В. Береловича подготовлены при финансовой поддержке РФФИ и ФДНЧ, в рамках научного проекта № 20-513-22001.

котором рассказал В. С. Ржеуцкий, -- выявить факторы, влиявшие на выбор языка обучения в России XVIII в., понять, насколько он был детерминирован социальным происхождением. Пансионы второй половины XVIII в. представляют в этом отношении особый интерес, потому что выбор языков преподавания в них был обусловлен не столько возможностями преподавателей, сколько рыночными механизмами спроса на тот или иной язык.

Источник, на анализе которого построен доклад, извлечен из двух архивов, РГАДА и СПбФ АРАН, и имеет название "Описание находящихся в Санктпетербурге 26 школ и пансионов немцами или французами содержимых, так как оне при учиненном по всемилостивейшему Ея Императорскаго Величества именному повелению присланному к г. Директору Академии наук экзамене назначенными к тому Академиками в марте и апреле месяцах 1780 года оказались," с продолжением "О школах Российских."²¹ Осмотр школ и пансионов с последующим подробнейшим отчетом был заказан Екатериной II перед встречей с Иосифом II, состоявшейся 18 мая 1780 г. Список учебных заведений, надлежащих к осмотру, был сформирован из списков пансионов и учеников, представленных полицейской управой, которая имела представление о школах в своих районах. Можно полагать, что в него вошли все действующие школы, за исключением домашних, создаваемых под обучение отдельных учеников конкретных фамилий и их окружения, как правило, дворян.

В пансионы отдавали детей достаточно обеспеченные представители разных социальных слоев, от специалистов из мещан (хлебник, парикмахер, лакей и др.) до генералов на военной службе. Для целей анализа пансионы были разделены на три категории по социальному составу учеников. К пансионам I типа отнесены те, в которых более 70% родителей учеников были потомственными и личными дворянами. В пансионах II типа родителей-дворян было от 13 до 34%, но случаи с низким процентом дворян компенсировались более высоким социальным статусом отдельных учеников (в пансион А. В. Гартвига, где дворян было 13%, отдавали детей и чиновники VII класса). В пансионах третьего типа родителей дворян было от 0 до 16%, но в пансионе Л. Шумахера, где их было 16%, отец с самым высоким чином был штык-юнкером.

Внутри каждой группы имелись разные предложения: от программы, приближающей пансионы к академическим гимназиям, до поверхностного обучения азам. Заметно, что практически все стремились к преподаванию/изучению французского и немецкого языков, но в пансионах III типа редко могли это обеспечить, ограничивались обучением чтению и письму на русском языке. Латынь преподавали в четырех пансионах, итальянский в одном. Это пансионы, где преобладали дети купцов, представители свободных профессий, специалисты высокого уровня; в пансионах I типа латынь не преподавали. Немецкий язык был несколько более распространен в обучении в этих пансионах, что было обусловлено, по-видимому, большим числом немецкоговорящих учеников, для которых он был родным. Можно полагать, что в значительной части пансионов мы имеем дело с билингвальным составом

²¹ РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 3: Переписка Кабинета е.и.в. по Академии наук, 1724-1794 гг. Ч. 4 (2), 58-95 (RGADA, f. 17, op. 1, d. 3: Perepiska Kabineta e.i.v. po Akademii nauk, 1724-1794 gg. Ch. 4 (2), 58-95); СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 2-1780, д. 4 Протокольные бумаги. Май, 2-52 об. (SPbF ARAN, f. 1, op. 2-1780, d. 4 Protokol'nye bumagi. Mai, 2-52 ob.).

учеников (русско-немецким), для которых изучаемые языки (русский и немецкий) являлись один родным, а второй иностранным. Исключение составляют пансионы первого типа, в некоторых из них иностранцев не было совсем.

Способы преподавания языков были самыми разными и зависели как от уровня пансиона, так и от личности его устроителя. Лишь в некоторых пансионах III типа основными методами становились списывание и заучивание катехизиса наизусть. В некоторых продвинутых пансионах практиковалось наглядное обучение. Были распространены переводы и устные беседы с учениками на изучаемых языках.

Вопросы и дискуссия:

В. С. Ржеуцкий: “Можно ли на основе ‘Описания’ сделать подсчет детей иностранцев в пансионах? Есть мнение, что пансионы в Москве и Петербурге в Екатерининскую эпоху обслуживали прежде всего потребности иностранных землячеств в этих городах; что количество учеников из иностранцев было более 50%.”

Т. В. Костина: “По всем пансионам иностранцев было значительно меньше половины, но они, конечно, присутствовали. Вопрос об их численности важен как для изучения национального состава, так и для изучения учебного процесса. Из ‘Описания’ мы можем видеть, в основном, фамилии учеников, из которых большая часть, скорее всего, родилась в Петербурге. Однако есть несколько пансионов, где учились, в основном, иностранцы. Можно предполагать, что русских учеников отдавали в них намеренно, для лучшего усвоения иностранных языков, на которых дети общались и во внеучебное время.”

Н. А. Хриссидис (Университет Южного Коннектикута, Нью-Хейвен): “В вашей презентации упоминаются прочие языки. О каких языках идет речь?”

Т. В. Костина: “‘Описание’ не позволяет понять, что это за прочие языки, о которых упоминали владельцы некоторых пансионов в рекламных целях.”

С. Менгель: “Как изучался русский язык? Использовались ли для этого грамматики?”

Т. В. Костина: “Дело с преподаванием языков грамматическим способом в Петербурге обстояло не очень хорошо. Массовый срез по этому поводу был получен за 1757 г., в связи с введением обязательных экзаменов для гувернеров в Академии наук и Московском университете. Очень малый процент учителей оказался способен к преподаванию грамматики языка. К 1780 г. ситуация незначительно изменилась в лучшую сторону. И хотя в пансионах I и II типа использовали грамматики, изданные при Академии наук, у экзаменаторов были нарекания к учителям. Во многих пансионах III типа учителя правили тексты детей ‘по своему разумению,’ используя собственные прописи; дети в них делали ошибки, характерные для тех, кто учится правописанию ‘из практики,’ а не по правилам грамматики.”

* * *

В докладе “Иностранные языки в семинариях XVIII века и методы их распространения” Е. И. Кислова (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) поставила вопрос: как достаточно специфические социальные условия семинарского образования влияли на преподавание языков в них? Основное отличие семинарского образования от дворянского — это его массовость. По указам Петра I все дети духовного сословия обязаны были получить образование в “школах,” чтобы остаться внутри сословия и получить духовный чин. Соответственно, в течение XVIII в. росло как количество семинарий, так и число детей в них. Образование все равно не было всеобщим, но в центральных губерниях оно стало к концу века достаточно массовым. Из-за этого в классах семинарий часто оказывалось чрезмерное количество учеников (особенно в начальных классах).²² При этом каждый ученик мог проходить один класс несколько раз подряд (либо из-за неспособности к наукам, либо наоборот — для того, чтобы к старшим классам, которые давали право на выход в духовный чин, не подошел слишком юный по возрасту ученик). Всё это формировало существенные отличия методов и способов семинарского преподавания от светского.

Второй особенностью семинарий была традиционная ориентация на латынь, которая постепенно превращалась из изучаемого предмета в язык преподавания. Содержание преподавания было ориентировано на польско-украинскую иезуитскую модель (реализованную в Киевской академии). И эта традиционность порождает проблемы для исследователей, потому что, в отличие от состава учителей, содержание преподавания крайне редко фиксировалось в документах. Ежемесячные

“репорты” учителей появляются только с 1785 г. До этого момента в реконструкции методов преподавания и содержания курсов нам приходится опираться на косвенные данные и отдельные сохранившиеся учебные материалы.

Основным методом обучения латыни в семинариях было заучивание больших фрагментов текста и списков слов. Грамматический метод начинает появляться в преподавании латыни в последней четверти XVIII в., однако изучение грамматики также превращалось в заучивание наизусть образцовых русско-латинских грамматик (главным образом — грамматики В. И. Лебедева).²³ Отчеты показывают, что один и тот же раздел грамматики могли параллельно слушать ученики разных классов, но при этом старшим давали более сложные задания и привлекали больше дополнительный материал. При этом ученики могли поступать в классы на протяжении всего года, поэтому изучение грамматики “по

²² См. подробнее: Е. I. Kislova, “‘Latin’ and ‘Slavonic’ Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century,” *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies* 4: 2 (2015), 72-91.

²³ О составе грамматик и методах работы с ними в семинариях см.: Е. И. Кислова, “Учебные пособия по латыни и их использование в семинариях XVIII в.,” *Ученые записки Новгородского государственного университета* 5:30 (2020): 9. (Е. I. Kislova “Uchebnye posobiia po latyni i ikh ispol'zovanie v seminariiakh XVIII v.,” *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* 5:30 (2020): 9).

кругу” оказывалось оправдано: каждый ученик рано или поздно мог выучить все ее разделы, пусть и не с начала.

Когда в последней трети XVIII в. в семинариях было введено преподавание новых европейских языков, оно попало в ту же модель, что и преподавание латыни. Происходило это в том числе потому, что учителя-иностранцы в семинариях использовались только на самом начальном этапе “заведения” классов, и уже через пару лет их сменяли студенты и выпускники семинарий, их труд был намного дешевле.²⁴ Большое количество учеников в классах и нехватка учителей приводили к ориентации обучения на заучивание и письменный перевод, что естественным образом создавало проблемы с устной речью на иностранных языках.

Вопросы и дискуссия:

В. С. Ржеуцкий: “Можно ли из сохранившихся документов составить представление о том, когда появился грамматический (морфологический и синтаксический) анализ в преподавании латинского языка?”

Е. И. Кислова: “Во второй половине XVIII в. закупались грамматики, и с грамматикой ученики имели дело. Но до 1802 г. у нас нет никаких сведений о том, как выглядел грамматический анализ. В отчетах регулярно употребляется штамп о разборе заданий по ‘форме грамматико-этимологической резолюции,’ но что под ним подразумевалось, пока достоверно установить не удастся.”

А. И. Вачева (Софийский университет): “Известно, что в Западной Европе учили латинский язык, читая Энеиды Вергилия. Использовался ли этот текст в качестве дополнительного чтения в русских семинариях XVIII в.?”

Е. И. Кислова: “Использовали очень много текстов. В первую очередь это был Цицерон, Юлий Цезарь, для начальных этапов басни Федра. Вергилий использовался, но не в каждой семинарии, а, видимо, в случаях, когда в библиотеке была сама книга.”

Н. Хриссидис: “Какого вероисповедания были учителя иноверцы?”

Е. И. Кислова: “В основном это были немцы-лютеране, они преподавали даже французский язык. При этом у семинарий центральной части России были хорошие связи с Германией, в первую очередь с Галле. А у украинских семинарий более тесные связи были с католическими странами — Польшей, Венгрией и т.д.”

²⁴ О составе преподавателей французского и немецкого языков в семинариях см.: Е. И. Кислова, “Из истории лингвистической компетенции духовенства XVIII в.: учителя европейских языков в русских семинариях,” *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 2 (2016): 61-76. (Е. I. Kislova, “Iz istorii lingvisticheskoi kompetentsii dukhovenstva XVIII v.: uchitelia evropeiskikh iazykov v russkikh seminariakh,” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* 2 (2016): 61-76).

М. К. Брагоне (Университет г. Павия): “У меня небольшие замечания о грамматическом анализе. Разбор разных частей речи находится уже в букварях конца XVII — начала XVIII в. и в грамматике М. Смотрицкого.”

Е. И. Кислова: “Конечно, даже до грамматики В. И. Лебедева в обучении использовали ‘альвары’ и через них семинаристы получали представления о частях речи, о спряжениях. Эти грамматики они выучивали наизусть. Но как это прикладывалось к конкретным лингвистическим задачам в процессе обучения — до конца века остается большим вопросом.”

А. А. Голубинский (Институт российской истории Российской Академии наук): “С кого начинали при формировании запроса на подготовленные кадры для работы на государственной службе, с самых подготовленных или с отстающих?”

Е. И. Кислова: “Действительно, из семинарий забирали часть хорошо подготовленных в латинском языке учеников в госпитали, в Гимназию при Академии наук и т.д. Руководство семинарий, разумеется, не хотело отдавать самых сильных студентов, даже если те рвались на эту службу. Например, сохранилась переписка церковных иерархов, в которой откровенно обсуждается, что их необходимо сохранить в церкви для преподавания в тех же семинариях. А слабых учеников могли отправлять без проблем, правда, например, Академия наук после экзаменов их могла вернуть назад как неспособных и недостаточно владеющих латынью.”

Р. Боден: “Живая речь в преподавании новых языков страдала, и Вы объясняете это тем, что среди преподавателей было мало носителей, может быть это объясняется массовым характером преподавания?”

Е. И. Кислова: “Может, конечно. Даже в лучших семинариях типа Троицкой, где Платон Левшин обязывал семинаристов общаться между собой на французском и немецком языках, массово обеспечить хорошую подготовку было невозможно.”

М. Шруба: “В каком возрасте начинали учебу в семинариях?”

Е. И. Кислова: “В начальные классы могли поступать (очень редко, например, сироты) с семи лет. Чаще до восьми-десяти лет дети оставались дома и должны были под руководством отца освоить чтение и письмо на русском и церковнославянских языках. А дальше они могли учиться до 20 с лишним лет или выходить из семинарии раньше, уже после класса риторики. В духовное звание могли выходить примерно с 18 лет, но какие-то должности (дьячка, пономаря) по особому разрешению могли занять и раньше.”

* * *

В. С. Ржеуцкий в докладе “Использовались ли упражнения в изучении языков в России XVIII века?” сосредоточил внимание преимущественно на изучении

французского как иностранного языка русскими дворянами.²⁵ Слово упражнение (фр. *exercice*) встречается в учебниках для изучения иностранных языков XVIII в. весьма редко. В одном из самых популярных учебников, написанном Ж. Р. Пеплие, это слово использовано, причем в двух значениях. Во-первых, упоминается об упражнениях в языке. Во-вторых, в указателях под *exercice* понимается перевод с родного языка на изучаемый. П. Ресто, автор другого популярного учебника, понимал под упражнением усердную практику в языке и утверждал, что “знание [языка] приобретается только длительным упражнением и не может быть механическим.”²⁶ Если мы посмотрим на другие учебники, которые использовались в России в XVIII в. и даже в первой половине XIX в., то в них нет того, что мы сейчас подразумеваем под упражнениями. Но значит ли это, что для XVIII в. мы ни о каких упражнениях не можем говорить?

Какими способами вообще учили языки? 1. В архивах русских аристократов (кн. Барятинских, в. кн. Александра Павловича) найдены диктанты. 2. Использовали грамматики, но их структура не содержала упражнений. Например, в грамматику Пеплие кроме части, посвященной объяснению правил грамматики, с большим числом переведенных на немецкий язык примеров, включены тематические списки слов с переводом на немецкий, диалоги на французском с параллельным переводом на немецкий, тексты для чтения и примеры писем с объяснениями о видах писем и правилах их написания. Грамматики, публиковавшиеся в России, например, Г. А. Теплова (1762), следуют аналогичной модели. Учебники начала XIX в. продолжали традицию, однако в них появляются примеры грамматического анализа. 3. Употребляли сборники диалогов. Например, в Гимназии Академии наук и Кадетском корпусе использовали *Colloquia scholastica* (1738). 4. Использовали также резюме-пересказ. На примере фрагмента резюме, написанного Александром Павловичем и исправленного Ф. С. Лагарпом видно, что при их использовании преследовалось одновременно две цели: изучение истории и языка. Это вряд ли удовлетворяет современным представлениям об упражнениях с их фокусом на механическое повторение. Перевод ближе к упражнениям, но он вряд ли преследовал цели повторения и отработки какого-то конкретного грамматического правила или структуры. 5. Наконец, важный способ изучения языка в дворянской среде — это письмо, которое было и основным способом учтивого общения. Дети нередко (например, в семье княгини Н. П. Голицыной) писали письма начерно, затем их правили гувернеры, после чего письмо переписывалось набело и отправлялось родителям. В процессе усваивались определенные языковые формулы вежливого обращения. Повторяемость этих формул сближает письмо с упражнениями, но мы не знаем, велась ли в процессе работа над какими-то выражениями в отдельности.

Отдельные высказывания, которые мы встречаем в XVIII в. в описаниях обучения языкам, наводят на мысль о том, что какие-то упражнения все-таки были уже тогда. Упоминаются занятия в склонениях и спряжениях, “в делании из

²⁵ Об этом см. также: Vladislav Rjéoutski, “Utilisait-on des ‘exercices’ pour l’étude du français en Russie au XVIIIe siècle?” *Documents pour l’histoire du français langue étrangère ou seconde*, 62-63 (2019): 167-185, <http://journals.openedition.org/dhfiles/6771>.

²⁶ P. Restaut, *Principes généraux et raisonnés de la grammaire françoise, avec des observations sur l’orthographe, les accens, la ponctuation et la prononciation* (Brussels: chez Jean Leonard, 1740), IV.

единственного числа множественного, из мужского рода женский" (например, в школе для дворян в Твери в конце 1770-х годов).

Итак, ряд действий в обучении языку имели отдельные характеристики упражнений. Например, повторяющееся употребление формул при написании писем. Однако были ли эти действия направлены на отработку определенных правил, и были ли формулы разбиты на минимальные единицы, и можем ли мы сказать, что целью было достижение автоматизма? На эти вопросы однозначно ответить нельзя. Изучению языков в XVIII в. был чужд механический подход, в эту эпоху скорее придерживались глобального подхода, которому была несвойственна аналитичность, которую мы увидим в XIX в. Главной основой были тексты. Аналогично дело обстояло и с изучением языков в Европе. Можно сказать, что использование упражнений было несовместимо с духом XVIII в., который отвергал фрагментацию и механическую сторону будущих упражнений.

Вопросы и дискуссия:

В. Берелович: "Я полностью согласен с твоим анализом. Меня заинтересовало само слово *exercice*. Возможно, конец XVIII в. это переходный период, когда слово *exercice* стало употребляться во множественном числе, тогда как в начале века оно означало практику. Его употребляли, говоря о враче, плотнике... В значении 'педагогические упражнения' это слово начали употреблять позже."

В. С. Ржеуцкий: "Да, вполне возможно. Грамматический анализ, например, появляется довольно поздно, возможно в конце XVIII в., и в начале XIX в. мы его уже видим. Я думаю, это тоже связано с традицией изучения языков, когда упор делался на цельность, полифункциональность текстов, когда они использовались одновременно для изучения грамматики и синтаксиса, географии и истории. Это характерно для XVIII в., в более поздние периоды мы этого не находим."

Р. А. Евстифеева: "Спасибо за очень интересный доклад. Вы сравниваете методы изучения языков в XVIII в. с некоторым образцом, в котором присутствуют упражнения, расчленение текста на маленькие фрагменты. Встраивать методику преподавания языков в XVIII в. в некоторую типологию правильно, но на самом деле и сегодня эти способы не так экзотичны и уникальны. Ближе всего это к тому, что называется 'content and language integrated learning.' Но, конечно, у него есть и серьезные отличия. На мой взгляд, типологию сравнений можно расширить."

В. С. Ржеуцкий: "Когда я говорил о современных упражнениях, то, скорее, ориентировался на XX в., потому что учился сам в то время. Я также использовал известную и хорошо описанную разбивку видов упражнений, которая сформировалась в XX в. во Франции. Сейчас, вероятно, ситуация меняется, и сравнить ее с упражнениями в XVIII в. — это уже совсем другая задача."

Р. Боден: "Из приведенных сборников диалогов видно, что перевод этих диалогов не был прямым и буквальным. В нем заменены штампы из русского языка на

штампы из французского языка. Т.е. это было скорее обучение светским компетенциям, чем преподавание языка.”

В. С. Ржеуцкий: “Мне кажется, и то, и другое. Трудно разделить эти компетенции из-за стремления к особому глобальному подходу в обучении. В семье Барятинских изучали одновременно четыре языка и переводы делали без участия русского, например, с немецкого на французский, а тексты были не только наполнены формулами светского общения, но и подобраны не случайно, а с мыслью, например, об их моральном содержании.”

М. Б. Лавринович: “Отвлекаясь от языка как системы знаков и переходя к языку как телесной практике хочу заметить, что глагол *drillen*, обозначающий муштру, зубрежку, — это глагол XVIII в. Употреблялся ли он в то время применительно к изучению языков?”

В. С. Ржеуцкий: “Формы обучения языкам были разные в зависимости от среды, социального окружения и учебного заведения, о котором мы говорим. Например, мне встречалась критика пансионного образования за то, что оно было основано на механическом повторении, и в этом плане оно отличалось от того, как учили в дворянских семьях.”

* * *

Совместный доклад “Обучение русских студентов-аристократов иностранным языкам в рамках Гран-тура: пример Голицыных в Страсбурге” представили Р. Боден и В. Берелович. На основе изучения предисловий к разным учебникам по иностранным языкам, опубликованным во Франции XVIII века, авторы доклада попытались реконструировать список аргументов в пользу обучения тому или иному языку молодым дворянам, в том числе дворянам из России, учившимся в Страсбурге.

Историк Юрген Фосс (Jürgen Vos) подсчитал количество студентов из Российской империи, записавшихся в Страсбургский университет с 1754 г. по начало Французской революции (138 человек). Личные отношения между сотрудниками Страсбургского университета и Петербургской академии наук способствовали установлению привилегированных условий для русских студентов в Страсбурге, в том числе выделению стипендий для небогатых студентов. Второй причиной популярности этого города среди русских дворян была возможность получить образование немецкого уровня в стране, не находящейся под угрозой Семилетней войны. Большую часть студентов из Российской империи в Страсбурге составляли молодые дворяне из семей знати или представители прибалтийского дворянства. Эти студенты изучали не медицину и не естественные науки, как их бедные товарищи; их социальное происхождение предназначало их к престижным карьерам в дипломатии или в армии. Многие из них поступали в так называемую Дипломатическую школу, основанную Иоганном Даниэлем Шёпфлиным в 1752 г. После смерти Шёпфлина в 1777 г. главой школы стал его ученик, юрист и историк Кристоф Гийом Кох, у которого с 1760-х г. были связи с Голицыными, возникшие благодаря

посредничеству братьев Фредерика Альбера Коха и Конрада Рене, служивших при Дмитрии Михайловиче Голицыне в Вене. Из Голицыных в Страсбурге учился Николай Алексеевич (его гувернером стал Конрад Рене Кох), Дмитрий Михайлович (с гувернером эльзасцем Бринкманом), Михаил Петрович (с гувернером эльзасцем Хекелем), а также сироты Михаил, Борис и Алексей Андреевичи (с гувернером Я. Сокологорским, которого сменил эльзасец Блессиг).

Выбор языков в учебных планах Голицыных был обусловлен не только социальной значимостью этих языков, но и тем, какие лингвистические компетенции казались важными для молодых дворян, метивших на дипломатическую или военную службу. Призывы преподавать иностранные языки умножились, начиная с 1760-х гг., и сочетание немецкого, английского и итальянского языка быстро стало общепринятым во Франции. Важность немецкого языка для военных и дипломатов связывали в трактатах 1760-х-1780-х гг. с тем, что войны, которые вела Франция, происходили, в основном, на немецких территориях. Некоторые авторы подчеркивали и важность немецкого языка как ученого, в особенности, для медицины, естественной истории и металлургии. Необходимость изучения итальянского языка в случае с Голицыными обосновывалась его значением для получения удовольствия и пользы от Гран-тура по Италии. Английский язык признавался важным для развития точных наук и нужд торговли. Голицыных он привлекал как дипломатический язык и язык просвещенной страны, институты которой восхищали многих русских аристократов.

Практика изучения иностранных языков Голицыными восстанавливается на основе переписки юных представителей этого рода (и их гувернеров) с их дядями, опекунами и кураторами. Парадокс в изучении языков заключался в том, что им, с одной стороны, выделяли очень скромное место в обсуждениях, значительно чаще речь заходила об общеобразовательных предметах. Из всех корреспондентов только А. М. Голицын беспокоился об усвоении языков, да и то гораздо больше о владении русским, чем другими языками. С другой стороны их, как и математику, считали фундаментом, без которого нельзя двигаться дальше.

О французском языке в переписке упоминали редко, молодые Голицыны владели им на очень высоком уровне, на нем преподавали все общеобразовательные предметы. Как предмет преподавания он, если и появляется в учебных планах, то на уровне стиля и/или при изучении французской литературы. Исключением был Алексей Андреевич, которому французский язык преподавали и после учебы в Страсбурге. Немецкий язык изучали все Голицыны, внимание ему уделялось наравне с французским языком, но уровень владения был ниже. Итальянский и английский выступали на втором плане, степень их усвоения зависела от языкового уровня воспитанников. Они были нужны, в основном, для успешного совершения Гран-тура. Латынь не упоминалась в учебных планах и представляла собой особую область. Отношение к латыни в России и во Франции в XVIII в. было диаметрально противоположным. Если Россия только открывала для себя значение латыни в культуре, то во Франции она медленно теряла свою важную роль, а латинская литература активно заменялась переводами латинских авторов на французский. Н. А. Голицын занимался латынью во время учебы в Стокгольме и "потихоньку" совершенствовался в ней с 1769 г. О Д. М. Голицыне заранее было объявлено, что

специально заниматься латынью у него нет времени, но он должен иметь какое-то понятие о ней, чтобы уметь поддерживать разговор во французских салонах и “как следует” посетить Италию, судить о красоте ее памятников.

Об учителях иностранных языков известно немного. По-видимому, они были носителями преподаваемых языков, и среди них был, по меньшей мере, один профессор и один “мастер.” По сравнению с профессорами университета, которые преподавали Голицыным право и историю, их заработки были в 3-4 раза меньше. Учитель фехтования получал в 2-3 раза больше учителей языков.

В учебных планах нет упоминаний учебников. Все данные свидетельствуют о том, что часто употреблялся перевод с немецкого на французский и обратно. Возможно, у дворян были проблемы с владением русским языком. Например, трех братьев Андреевичей заставляли читать Евангелие для того, чтобы поддерживать их в вере, улучшить понимание русского и церковнославянского языков. Евангелие они должны были сверять с французским языком, что говорит, вероятно, о том, что церковнославянский язык они знали хуже, чем французский. До начала 1780-х годов дети писали письма исключительно на французском, но затем Александр Михайлович Голицын настоял на том, чтобы ему писали по-русски.

Выводы: в целом, анализ сведений о практике языка подтверждает ориентацию на изучение новых языков, что еще ярче выражено в случае с Голицыными, чем в дворянских учебных заведениях России. Система воспитания Голицыных представляет слияние потребностей русской аристократии и того, что предлагала Дипломатическая школа в Страсбурге. Вероятно, пример Голицыных является достаточно репрезентативным для российской аристократии, но чрезмерно его обобщать не стоит.

Вопросы и дискуссия:

Р. А. Евстифеева: “Мой вопрос, на самом деле, адресован всем, кто сегодня делал доклады про педагогические системы. Есть ли у нас какие-то свидетельства того, что думали сами учащиеся о способах обучения?”

В. Берелович: “В случае с Голицыными нет. Их критика направлена на гувернеров, на Коха, но не на систему преподавания.”

Р. Боден: “Когда один из Голицыных очень не хотел учить немецкий, у гувернеров была установка доказать этому молодому человеку, что ему имеет смысл учить этот язык, пробуждая его вкус к новой немецкой литературе.”

Дж. Ларокка: “Известны ли учебники, по которым Голицыны учили итальянский язык?”

В. Берелович: “Упоминаний нет. Только один раз упоминается франко-итальянский лексикон, купленный перед поездкой в Италию.”

Р. Боден: “Мы можем предполагать, какие учебники использовались, реконструируя круг популярных учебников в среде дворян того времени.

Например, для преподавания немецкого языка, вероятнее всего, использовали грамматику Готшеда просто потому, что она была суперпопулярна в то время. Но наши поиски учебной литературы затрудняет то, что Голицыным преподавали профессора, которые были прекрасно осведомлены о достижениях немецкой науки, но готовили учеников для французской дипломатической службы на французском языке."

В. С. Ржеуцкий: "Изучая круг лиц уровня Голицыных, — это другая ветвь Голицыных, Строгановых, Барятинских я тоже не нашел ни одного примера использования учебников. Возможно, это характерно для этой среды."

В. Берелович: "Известно, что молодые аристократы учились в России по нескольким учебникам, в т.ч. используя Телемака. Но можно ли его считать учебником? В письмах учеников-аристократов проскальзывают цитаты, но они не из учебников, а из каких-то книг."

В. С. Ржеуцкий: "Р. Боден говорил о полезности языков на основе французской и другой европейской литературы, есть ли в документах Голицыных какие-то упоминания об этих трактатах?"

Р. Боден: "Насколько я себе представляю, нет. Но мы исходили из посылки, что нельзя разделять теоретические идеи, с одной стороны, и практику в семье Голицыных, с другой, хотя бы потому, что планы их обучения составлялись коллективно в дискуссиях, при непосредственном участии Коха."²⁷

В. С. Ржеуцкий: "Встречается ли в документах какая-то аргументация в пользу того, чтобы учить русский язык? В 1780-е гг. об этом много говорят в России."

В. Берелович: "Да, это правда. Уже с конца 1770-х обращают особое внимание на владение Голицыными русским языком. Причины указываются моральные, что русскому необходимо уметь говорить на родном языке, а также указываются соображения государственной службы."

Р. Боден: "Есть предположение, что Голицыны брали уроки русского языка у тех небогатых студентов в Страсбурге, которые приезжали учиться медицине и естественным наукам."

Г. Байер-Тома (Институт Восточной Европы в Регенсбурге): "Возможно, переход связан с общеевропейским движением национализма. Я помню, что Я. Штелин много лет вел переписку с немецким дипломатом на французском языке, но в 1770-е гг. они перешли на немецкий язык, не понимая, почему они должны использовать французский."

²⁷ Подробнее см.: C.-G. Koch, *Histoire de Russie, avec sa partie politique, suivie de la Constitution de l'empire de Russie*, par Mr. Koch, professeur à Strasbourg, eds. R. Baudin & W. Berelowitch (Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2018).

С. М. Шамин: “Чтение религиозных текстов — это не обязательно изучение русского языка, скорее речь идет о практике именно церковнославянского текста.”

В. С. Ржеуцкий: “Русский и церковнославянский рассматривались как языки напрямую взаимосвязанные. Это видно по тому, что пишет Бецкой при основании Кадетского корпуса, что нужно упражняться в церковнославянском, потому что это важно и для русского языка.”

Е. И. Кислова: “Нужно еще смотреть, какие конкретно религиозные тексты они читали. Потому что если это был, например, Катехизис Платона, то в нем грамматическая русская основа, а в Псалтыри церковнославянская.”

С. М. Шамин: “Я только хотел заметить, что речь могла идти не о знании русского языка, а о повышении культуры речи.”

Т. В. Костина: “Да, это очевидно, потому что мы видим на примере переписки того времени, что церковнославянские фразы считались маркером хорошей речи именно в слоях образованных русских того времени.”

* * *

Многие в этом непростом году уже отметили неожиданные преимущества дистанционного общения, позволяющие с легкостью привлечь к обсуждению той или иной проблемы специалистов из разных городов. В случае с секцией “Миллеровских чтений,” посвященной функционированию и изучению иностранных языков в России XVIII в., это преимущество было несомненным. Оно позволило прослушать доклады, сделанные на русском языке, 49 специалистам из разных стран: Болгарии, Великобритании, Германии, Италии, России, США, Франции, Швеции. Вопросы и дискуссии после докладов продемонстрировали их высокую заинтересованность представленными в докладах материалами и выводами.

Заседание носило междисциплинарный характер. В нем приняли участие и филологи, и историки. А проблематика докладов позволила с разных сторон, взглянуть на проблему функционирования иностранных языков в Век Просвещения: проанализировать разницу в запросах на иностранные языки у разных социальных групп, существовавшие ограничения в преподавании иностранных языков, переводческой деятельности, затронуть особенности их ситуативного применения на примерах подносных экземпляров Петру I и Екатерине I, “Проекта об учреждении Академии наук” и использования разных языков полиглотом Я. Штелиным, затронуть проблему публикации билингвальных и мультилингвальных источников.

Louis Henri de Nicolay between France and Russia

Roger Bartlett
University College London
roger.bartlett@ucl.ac.uk

Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières. Sous la direction de Rodolphe Baudin et Alexandra Veselova [Études alsaciennes & rhénanes]. Presses Universitaires de Strasbourg, 2020. 279 pp. ISBN 9782868207548

In 1806 Deputy Minister of the Russian Navy Pavel Vasil'evich Chichagov complained in a letter to his dear friend Semen Romanovich Vorontsov in London about the fact that Russia employed so many foreigners in the state service: this was a "great evil and dishonor." Chichagov imagined a Russian pantheon of Imperial statesmen, inevitably filled however not with native Russians but with "the mausoleums of Czartorisky, of Winzingerode, of Richelieu, of Rosenkampf, of Campenhausen, of Michelson, of Buxhoevden, etc. etc." The thought made his heart bleed.¹ In fact, Chichagov challenged the emperor in person about the policy; Alexander I replied without pomp – this was a necessary evil for his Empire, as without it the already insufficient number of competent state servitors would become smaller still.² Chichagov might have included Louis Henri de Nicolay in his pantheon. Nicolay spent most of a lifetime (1769-1820) in Russia, first in the service of the Grand Duke, and later Emperor, Paul and his spouse Maria Fedorovna which led him to high state rank and then to the Presidency of the Academy of Sciences. In 1803, the new Emperor Alexander reluctantly agreed to his retirement, to his favorite estate near Vyborg. In 1806, Nicolay published the poetic work by which he would become known to a wide international audience, *The Estate of Mon Repos in Finland, 1804: together with a Ground Plan*.³

Nicolay (1737-1820), a German-language writer and poet, was also, like Chichagov, a friend and correspondent of the expatriate S. R. Vorontsov. A native of Strasbourg, where he was born, grew up and attended university, he found his way to St. Petersburg via Paris and Vienna and a three-year Grand Tour with a young Razumovskii, and gained employment on the basis of acquaintance and recommendation from Russian aristocrats and fellow servitors. This was a common trajectory for successful foreign servitors in Russia – Rodolphe Baudin here describes his passage from Strasbourg to the Russian capital as "exemplary" (p. 39) – and one facilitated by the standing in the world of Strasbourg city and university, which sent more people to Russia than any other French center except Paris. The Introduction and the First Part of the book under review are devoted to this wider background, offering a wide-ranging discussion of "the

¹ P. V. Chichagov to S. R. Vorontsov (February 14, 1806) in *Arkhiv Kniazia Vorontsova*. 40 vols. (Moscow: Tip. A. I. Mamontova et al., 1870-97), 19: 154-55.

² "Zapiski P. V. Chichagova" (March 9, 1806) in *Russkaia Starina*, 50-51 (May 1886), 239-40.

³ L. H. Nicolay, *Das Landgut Monrepos in Finnland 1804: nebst einem Grundrisse* (St. Petersburg: Drechsler, 1806). Several later editions; reprint of the 1840 edition, ed. Martin Sperlich, Berlin 1995 (Mitteilungen der Pückler-Gesellschaft, N. F. 10).

mobility of persons and the circulation of knowledge" (p. 15) in Enlightenment Europe and between France and Russia, followed by two chapters on the "Russian networks" of the university's luminaries Jean Hermann, professor of natural history, and the historian Christophe Guillaume Koch.

The question of intellectual and scholarly networks in Europe has been much discussed by Heinz Ischreyt in his investigations of the "European communications system" of the period. In his text edition of the correspondence between Louis Henri de Nicolay and his Berlin namesake, Friedrich Nikolai, Ischreyt evoked a European cultural landscape stretching from England and France to Russia, from the Italian Habsburg provinces to Scandinavia, and connected by a civilizational unity also embracing the small states of Germany. It was populated by a relatively select group of cultured intellectuals confident in their own world view, who sought to exchange ideas, experiences, and objects with like-minded others in a receptive, tolerant, and humane discourse.⁴ Strasbourg and its university, lying bilingually in Alsatian border territory, was a significant hub for such exchanges. Baudin's sophisticated discussion of the modalities of Strasbourgian emigration to Russia maps on to this concept, covering wider factors such as the over-supply of graduates produced by the university, its favorable location for international travellers and aristocratic Grand Tourists, and other pull and push factors, which brought Russian visitors and students to Strasbourg and saw some eighty Strasbourg families established in Russia in the eighteenth century.

The two chapters on Hermann and Koch provide individual studies to flesh out the discussion of correspondence and migration. Both had extensive circles of correspondence, among whose dozen or so Russian correspondents the most regular were Peter Simon Pallas and the mining expert and minerologist Benedikt Franz Hermann. Dorothée Rusque in her study of Jean Hermann tells us (p. 55) that his "epistolary network" was of "medium extent" for the time, with some 210 correspondents and nearly 500 known letters. However, his contacts with Russia arose primarily through Russian subjects attending his private lectures on natural history (20% of his auditors were Russian subjects or Poles) and from interest in, and visits to his cabinet of objects from the natural world – here the percentage of Russians was smaller, but the proportion of high Russian aristocrats much larger. The cabinet, Hermann's "encyclopaedic project" (p. 67), like the library attached to it, covered the three realms of nature, mainly in Europe, but potentially world-wide. Specimens and books became the currency of "a true exchange economy" (p. 68) primarily with members of the Russian Academy of Sciences, and Hermann used his auditors and well-placed visitors as channels for further contacts and acquisitions. This led to rich Russian connections, which faded only with the coming of the revolutionary wars in the 1790s.

Rodolphe Baudin and Wladimir Berelowitch draw on a previous monograph to portray the work of Christophe-Guillaume Koch,⁵ an historian notable for his great

⁴ *Die beiden Nicolai. Briefwechsel zwischen Ludwig Heinrich Nicolay in St Petersburg und Friedrich Nicolai in Berlin (1776-1811)*, hrsg. und kommentiert von Heinz Ischreyt (Lüneburg: Vg. Nordostdeutsches Kulturwerk, 1989), 7-8. Cf. *Buch- und Verlagswesen im 18. und 19. Jahrhundert: Beiträge zur Geschichte der Kommunikation in Mittel- und Osteuropa*, hrsg. H. G. Göpfert u.a., red. Heinz Ischreyt (Berlin: Camen, 1977).

⁵ Christophe-Guillaume Koch, *Histoire de la Russie, avec sa partie politique, suivie de la Constitution de l'Empire de la Russie*, édition établie, annotée et présentée par Rodolphe Baudin et Wladimir Berelowitch [Études alsaciennes et rhénanes] (Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2018).

success in teaching the exclusive courses of Strasbourg University's Ecole Diplomatique from the 1770s. This has sometimes been overplayed: Baudin dismisses as exaggerated a claim that a majority of Russian delegates to the Congress of Vienna had been students of Koch and his predecessor. The second part of the chapter focuses on Koch's close relations with a Golitsyn family and on the *History of Russia*, which he prepared for one of its scions, his student Aleksei Andreevitch Golitsyn. The analysis of Koch's sources shows him well-informed and drawing on a wide range of recent publications, principally but not only by German authors, also making unacknowledged use of Schlözer and French historians of Russia. While critical of things Russian of which he disapproved, Koch showed himself generally well-disposed to the Empire, something (note the authors) that was a widespread sentiment in the Europe of his time.

This First Part of the book, occupying nearly 100 pages, thus sets the scene for Nicolay's departure and arrival in St Petersburg; Nicolay himself appears only rather fleetingly. It is at the same time a celebration of Strasbourg and its university in the eighteenth century as a center for international communication and European engagement with Russia. It might have been productive to compare it in these respects with other universities, whether French or German, in the latter case most obviously Göttingen, and its outstanding scholar August von Schlözer,⁶ which are mentioned briefly here but not given any extended consideration. Strasbourg's undoubted success in cultivating Russian connections was by no means unique in the European communications network.

The Second Part of our book is devoted to Nicolay's state service in Russia, first as tutor to Grand Duke Paul and personal secretary to Paul and Maria Fedorovna (chapter 3, by Moritz Ahrens), then as President of the Academy of Sciences (chapter 4, Natalia Prokhorenko). Nicolay's appointment in 1769 followed directly from d'Alembert's refusal of Catherine II's invitation to become tutor to her son – Nicolay had met Diderot and d'Alembert during a stay in Paris, and the latter had himself drawn Nicolay's attention to the situation. Since Paul's principal tutor, Count Panin, dealt with matters pertaining to state affairs, Nicolay's appointed domain was culture and literature. Nicolay found that his new role gave him much leisure, and he used the free time to compose three educative texts for his pupil. An allegorical tale entitled "Beauty" explored the different forms of virtue and portrayed the connection of virtuous behavior with beauty. The other two were translations, one from the Scottish historian William Robertson, whose work had greatly interested Nicolay during his two-year stay in England with Razumovskii, and the other a translation of the *Agricola* of Tacitus, an author much valued by Robertson, as also by Nicolay's grand Parisian contacts Diderot and d'Alembert. Thus, while Koch in Strasbourg had drawn on French and German sources for the *History* he composed for Golitsyn, Nicolay's inspiration was a British writer who insisted on the importance of history and historical texts in the education of princes. A further Robertsonian text, *Address to His Imperial Highness Grand Duke Paul on the Occasion of his Majority*, was composed in 1772 and published in a variety of formats; a version re-worked as a verse "epistle" appeared among Nicolay's *Divers Poems*

⁶ See recently Martin Peters, *Altes Reich und Europa: der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735-1809)* (Münster: LIT Verlag, 2003).

of 1778.⁷ Ahrens gives a detailed history of the somewhat convoluted publication history of these works, which were a prelude to further literary endeavors. He concludes by juxtaposing Nicolay's impressive achievements as state servitor with the great significance of his literary and poetic writings, which Nicolay continued in Russia. Ahrens remarks that histories of German literature have yet to render due justice to Nicolay's poetic oeuvre: but he leaves this task to "future researchers" (p. 124) – this whole book tells us very little about Nicolay's overall poetic practices or achievement.

Natalia Prokhorenko begins her discussion of Nicolay's term as President of the Academy of Sciences with consideration of his survival strategies over thirty years at the Young Court of the mercurial and temperamental Grand Duke and his two wives, especially the amiable second wife Maria Fedorovna. Nicolay, we learn, gave proof of a supple and agreeable character and a genuine devotion to his service to the grand-ducal couple, which allowed him to escape the disgrace so frequently inflicted on members of Paul's court, and to gain the respect and liking of both the couple. Consequently, when Paul came to the Imperial throne and had a free hand with honors and promotions, Nicolay's official status underwent a meteoric rise. On the new emperor's accession in 1796, he was made a Secretary of State and received an estate of 1500 peasant souls. In 1797, Paul confirmed the barony of the Holy Roman Empire previously conferred on Nicolay by the Emperor Joseph II, awarded him the Order of St. Anne, first class, and promoted him Actual State Counsellor. The following year, he was installed as President of the Academy of Sciences; in 1800, he became a Privy Counsellor.

The presidency was to some extent a ceremonial post, as the Academy also had a director. The previous president, Count Kirill Razumovskii, had delegated management almost entirely to successive directors, first the very successful Ekaterina Romanovna Dashkova (1783-94), then Pavel Petrovich Bakunin (1794-98), who exceeded his powers, fell out with the academicians and resigned, leaving the Academy in some disarray. Nicolay had at once to address urgent difficulties over the status of the Academy's gymnasium and the unwelcome obligation created for it to provide censors of foreign books; he also had to navigate increasing interference by the tsar himself, whose interventions effectively reduced the role of the president to that of the director. Most importantly, however, Nicolay as President composed a draft of a new governing statute for the Academy, which created a vice-president drawn from among the academicians to oversee the daily administration of the Academy and the gymnasium, and also assigned an important role and greater freedoms to the academicians themselves in the life and work of the institution. This draft was evidently drawn upon when the new Emperor Alexander asked Nicolay in 1801 to produce a new statute, which passed into law in 1803 and gave new privileges and better financial support to the Academy's members. By this time however, Nicolay, now aged 66, wished to retire: with the support of Maria Fedorovna, he succeeded in overcoming the reluctance of the emperor, was released from service, and withdrew in 1803 to Monrepos, to which Part Three of the volume is devoted.

Chapter Five (Ioulia Mochnik and Mikhail Efimov) is entitled "Louis Henri de Nicolay décorateur de son domaine: à propos de l'une des statues du parc de Monrepos." Emphasizing the essentially European (as opposed to Russian) basis of Nicolay's

⁷ Edmund Heier, "William Robertson and Ludwig Heinrich von Nicolay, His German Translator, at the Court of Catherine II," *Scottish Historical Review*, 41, No. 132, Part 2 (1962), 135-140. Heier failed to appreciate that the *Address* and the *Epistle* were essentially the same work.

sensibilities and viewing Monrepos as “the work which Nicolay himself regarded as the most perfected” (p. 148), the authors suggest that Monrepos was a laboratory in which Nicolay sought to achieve a synthesis of antique mythology, the European neoclassical aesthetic, and his own rather free interpretation of local Finnish culture. They focus on one of the statues in the Monrepos park, *The Spring of Narcissus*, as a perfect illustration of “these cultural dialogues” (p. 149), both part of a significant group of statuary and a central feature of his 1806 publication about the estate. The chapter is a brilliant but narrowly focussed investigative account of the building of the granite spring basin over which Narcissus presided, and of the statuary itself, which is traced back to statues acquired in the eighteenth century for the Summer Garden in St. Petersburg. The statue of Narcissus at Monrepos was shattered by an artillery shell during the Finnish-Soviet war, and the remains finally removed in the 1950s. Besides being a contribution to the history of Monrepos, this narrative is offered both as an illumination of the artistic tastes and cultural connections of Nicolay, and as a chapter in the reception of Italian sculpture in the Russian capital.

In Chapter Six, “Louis Henri de Nicolay, Monrepos et la poésie des jardins,” Anna Ananieva places Monrepos and Nicolay’s poem in the context of garden art and poetry. Ananieva is the author of an outstanding history of early modern Russian gardens and their cultural and literary reflection, also of a previous article on Monrepos and Nicolay’s poem;⁸ her focus here is on the latter. *Das Landgut Monrepos*, a product of the double tradition of landscape garden art and of garden literature, opens with references to the classic home of landscape gardens, Britain, and to Switzerland, site of the poetic idylls of Salomon Gessner; the poem’s opening also presents its dominant theme of tranquillity, evoked particularly through reference to antiquity and the iconic name of Tibur/Tivoli. The 1806 edition, published after years of protracted remodelling and embellishment of the estate, was the first of four over the next decade; “the cultural ambition of Nicolay’s project appears in the visible connection which ties the improvement of the park to the traditions of garden poetry” (p. 176). Ananieva emphasizes the immense popularity of garden poetry at the turn of the eighteenth century and the interpenetration of gardens and texts. Nicolay wanted his poetry to awaken feeling in the reader in the same way as his park-garden did in the viewer, to reinforce the impression made by Nature and to elucidate it where it was unclear or weak. Here he stood in the tradition of the celebrated French poetic work on landscape gardens of Jacques Delille (1782, later editions 1800, 1801), which aroused great interest and several translations in Russia and two of whose editions stood in the library of Monrepos. Nicolay’s experience of garden parks and their poetry went back at least to his European journey with Paul and Maria Fedorovna in their guise of Count and Countess of the North in 1782, when the Imperial couple had been entertained at several park estates and had been present when the newly published work of Delille was presented at Versailles during their visit. In a letter to Friedrich Nikolai, Louis Henri reflected that if he left no splendid verses, he would at least have given the world a beautiful garden, which was already more famous than was he himself; and that

⁸ Anna Ananieva, *Russisch Grün. Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland des langen 18. Jahrhunderts* (Bielefeld: Transcript-Vg., 2010); *eadem*, “Zwar nicht in Albion, nicht an dem See der Genfer...”: Poeticheskoe opisaniye parka Monrepos. L. G. Nikolai v kontekste evropeiskogo diskursa o sadakh,” in *Monrepo: Al'manakh* (Vyborg, 2010).

landscape creation (*das Bauen*) was also more pleasant than composing poetry (*das Schreiben*) (p. 191).

This is an impressively erudite discussion of Nicolay's master work, describing its context in detail and giving a good indication of Nicolay's own attitude to it. But one wonders whether Nicolay himself was altered by the Monrepos experience or sought anything else from it besides his publicly proclaimed goals of sentiment and tranquillity: Goethe's fictional *Wahlverwandschaften* (*Elective Affinities*, 1809) comes to mind, where the remodelled landscape garden reflects the psychological development of the characters and becomes almost a participant in their story, or Andreas Schönle's recent discussion of the deliberate self-fashioning of I. I. Bariatinskii, in which estate design and landscape architecture played a central but instrumentalized role.⁹

Part Four of this work explores "the posterity and representations of Louis Henri de Nicolay." Chapter 7 (Alexandra Veselova) analyzes the posthumous picture of Nicolay which emerges from Russian biographical accounts of the second half of the nineteenth century, which in the words of one writer tend to show him as "a dry German Academician," reflecting his position as head of the Academy of Sciences. The choice of time-period is determined by the fact that the later nineteenth century saw renewed attempts to reform and reshape the Academy. This stimulated retrospective views of its development and also brought to the fore the perennial friction within the organization between Russian and foreign members. This tension was the starting point of the only serious biographical study of Nicolay in the period, an article by the writer and publicist E. M. Garshin,¹⁰ who praised Nicolay as a rare type of German who did not obstruct the progress of Russian science, unlike most other (haughty and destructive) German academicians. Other accounts gave more-or-less favorable pictures, the negative portrayal that called him a "dry German Academician" provoking an indignant rebuttal from Nicolay's grandson. Overall, however, Veselova concludes, Nicolay's reputation in the later nineteenth century was excellent, above all because of his identification with the admired Academy statute of 1803: while his life and work were neglected, his role in the Academy assured that he would be remembered by posterity.

Chapter 8 (Mikhail Efimov) examines the portrayal of Nicolay in a twentieth-century work of fiction, Iurii Tynianov's *Kiukhlia* (1925), a novel about the Decembrist conspirator Wilhelm Küchelbecker. Nicolay had indeed known the Küchelbecker family, since Karl Küchelbecker, the father of Tynianov's (anti-)hero, managed Grand Duke Paul's palace of Pavlovsk when Nicolay had charge of the Grand Duke's finances. Chronology, however, makes it extremely unlikely that Nicolay could have participated in the Küchelbecker family consultation in which Tynianov places him, unkindly caricatured. The humiliating portrait of a ridiculous elderly German given by Tynianov contributed to the social build-up of the novel and the alleged psychology of its central personage Wilhelm. In 1963, Tynianov's book was made into a film – the only time, Efimov suggests, that the Soviet public at large ever got to hear of Nicolay. This brief article is well researched, though not of great interest, but raises wider questions of literary portrayal – has Nicolay or Monrepos appeared in other fiction? It has not been

⁹ Andreas Schönle, "Self-Fashioning, Estate Design, and Agricultural Improvement: I. I. Bariatinskii's Enlightened Reforms of Country Living," in *The Europeanized Elite in Russia 1762-1825: Public Role and Subjective Self*, eds. A. Schönle, A. Zorin, A. Evstratov (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016), 136-54.

¹⁰ E. M. Garshin, "Akademicheskii nemets proshlogo stoletia," *Istoricheskii Vestnik* VIII (1882), 127-37.

possible to check whether Countess Euphemia Ballestrem-Adlersfeld's crime novel *Schloss Monrepos* (published in Dresden in 1911) is set in Karelia or elsewhere; but further investigation might prove fruitful.

The text of our book is rounded off by Rodolphe Baudin's "Conclusion: The Multiple Identity (*L'identité plurielle*) of an Alsatian of the Enlightenment." His brisk and lucid summary of the themes addressed by the contributors rehearses Nicolay's successful Russian career, emphasizes his membership in the Republic of Letters, and also brings in Nicolay's late translations of French dramas and reference to his extensive correspondence, which is referred to repeatedly in the different chapters but never quantified or characterized. Baudin's main focus, however, is on Nicolay's status as an agent and participant in the international circulation of culture, ideas, and people, especially between France and Russia. But he sees Nicolay not as a deliberate international broker of cultural exchange, but rather as an Alsatian displaced in Russia, who never learned Russian properly, relying on his European French and German throughout his Russian career, and – rather than returning to his country of origin as did many cultural brokers – created for himself a retreat in an "intermediary space" on the northern edge of Russia, where his pre-romantic (Ossianic) and neo-Classical sensibilities could also take cognizance of local Finnish culture. *Monrepos*, an "*objet-frontière*" (p. 221), was in some sense a recreated Alsace, a dream realized in a space of displacement.

The book is completed by appendices presenting five unpublished letters of Nicolay, which give new detailed information about Nicolay's removal to, and arrival in Russia, and a useful chronology of his life and works. These are followed by succinct chapter summaries in French and Russian, a list of the contributors, illustration credits, and a table of contents; the very full bibliography is contained solely in the footnotes, and there is no index. The book is extremely well produced, attractively designed, and illustrated; Russian contributions have been felicitously translated by Rodolphe Baudin. Faults or errors seem to be very few – curiously, the town of Radzivilov is (mis)spelled in three different ways on the two pages 134 and 135; and a significant mistranslation gives "*akademicheskii nemets*" as "*un Académicien allemand*" (p. 201), important because of its cultural connotations: in the late nineteenth-century context a German who happens to be an academician is not the same as an academician who happens to be German.

This volume was based on a Franco-Russian conference held at the University of Strasbourg, a gestation that shows in the nature of its different contributions. It gives, above all, a literary and culturological account of Nicolay and his Russian dimensions. It has no pretensions to offer extensive biographical coverage: readers are referred to standard biographical dictionaries. And nowhere in this volume do we learn any serious detail of the social or economic history of Nicolay's service or of *Monrepos*: Nicolay's wife barely exists, and as family man at home or as Karelian land- and estate-owner, he is absent from (for example) Anna Ananieva's discussion, as well as from Rodolphe Baudin's Conclusion dealing with the protagonist's "multiple identity." Nevertheless, the editors have succeeded in giving coherence and unity to this attractive and engaging volume, which is an apt celebration of the University of Strasbourg and a fine tribute to a secondary, but significant figure of the late European Enlightenment.

“Коммуникационный поворот” в истории России раннего Нового времени

The “Communicative Turn” in Early Modern Russian History

Глеб Казаков

Университет им. Юстуса-Либиха в Гисене

Gleb Kazakov

Justus-Liebig University of Gießen

gleb.kazakov@gmail.com

Simon Franklin and Katherine Bowers, eds., Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850, Cambridge: Open Book Publishers, 2017. 444 p. ISBN 9781783743735.

Исследования принципов распространения информации и информационных сетей уже давно заняли важную нишу в изучении истории европейского раннего Нового времени. Причем если вначале интерес исследователей привлекала преимущественно именно история книгопечатания как нового культурного феномена,¹ то сегодня в библиографии трудов по истории коммуникации присутствуют многочисленные исследования, посвященные и почтовым путям сообщения,² и переписке дипломатических агентов,³ и распространению новостей и складыванию европейского информационного рынка в целом.⁴ В последние 15 лет особым спросом пользуется история печатных периодических изданий – летучих листков, брошюр, газет и журналов XVI–XVIII вв. Такой пристальный интерес к изучению средств массовой информации раннего Нового времени во многом обусловлен появлением в арсенале историков новых технических возможностей, недоступных для прежних поколений. Проведенные за последние годы во многих странах Европы проекты по оцифровке и системной цифровой каталогизации газет и других периодических печатных изданий безусловно позволили достичь нового уровня в обработке, анализе и обобщении данных о циркуляции информации в раннее Новое время.⁵

¹ См. классическую публикацию: Elizabeth L. Eisenstein, *The Printing Revolution in Early Modern Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983).

² Wolfgang Behringer, *Im Zeichen des Merkur: Reichspost und Kommunikationsrevolution in der Frühen Neuzeit* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003).

³ См., например, исследование о коммуникационной сети шведских дипломатов XVII в.: Heiko Droste, *Im Dienst der Krone: schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert* (Berlin: Lit Verlag, 2006).

⁴ Andrew Pettegree, *The Invention of the News: How the World Came to Know About Itself* (New Haven: Yale University Press, 2014).

⁵ Можно привести несколько примеров проектов оцифровки. Немецкие газеты XVII в. оцифрованы в рамках проекта “*Zeitungen des 17. Jahrhunderts*,” проведенного государственной и университетской библиотекой Бремена (Staats- und Universitätsbibliothek Bremen) в 2013–2015 гг.

Все вышесказанное относится, однако, к изучению истории коммуникации в странах Западной, Южной, Центральной и в несколько меньшей степени Северной Европы. Исследование коммуникационных механизмов и информационных сетей в рамках истории Российской империи безусловно только проходит стадию зарождения как отдельного направления. Причем если определенным темам, как, например, истории функционирования центральных приказов или составления вестей-курантов, уже посвящено солидное количество работ, то попытки синтеза материала, широкого взгляда на проблему до сих пор практически не предпринимались. Именно эту лакуну старается заполнить сборник статей, изданный американской исследовательницей Кэтрин Боуэрс (Katherine Bowers) и английским специалистом по истории Древней Руси Саймоном Франклиным (Simon Franklin) на основе материалов конференции, проведенной в Кэмбридже в 2014 году. Уже в самом заглавии книги – “Информация и империя. Механизмы коммуникации в России, 1600–1850 гг.” – намечен главный вопрос, который призван объединить собранные статьи: “как растущее и развивающееся государство получало информацию о самом себе – о своей физической и социальной географии, об экономических процессах?” (с. 15). Связующим звеном оказывается, таким образом, понятие империи, государства, управляемого из имперского центра. Уже в предисловии редакторы сборника оговаривают, что внутри государства можно различить два направления коммуникационных потоков. Первое условно охарактеризовано как “вертикальное” – это коммуникация с управляющим центром, с государственными структурами. Второе направление – это “горизонтальная” коммуникация внутри государства между его жителями (с. 11). Боуэрс и Франклин признают, что тексты сборника преимущественно рассказывают о “вертикальной” коммуникации, а значит в роли главного участника коммуникационных процессов выступают государственные структуры Российской империи.

Очерчивая хронологические рамки сборника редакторы следуют получившему в последнее время признание, особенно в американской историографии, подходу, объединяющему историю Московской Руси и период Петербургской империи в единую “раннемодерную” эпоху российской истории.⁶ Верхней границей исследования, таким образом, оказывается период великих реформ середины XIX в., в то время как нижняя граница оказывается оговорена довольно смутно. Так, практически вне рассмотрения оказывается все XVI столетие, несмотря на появление именно в середине этого века в Московской Руси книгопечатания и установление первых тесных контактов с западноевропейскими державами. Собранные в рамках единого сборника статьи специалистов по XVII и XVIII вв. совместно рисуют картину эволюции механизмов коммуникации внутри

Оцифрованные выпуски нидерландских газет доступны онлайн на сайте проекта Delpher, см. <https://www.delpher.nl/nl/kranten>. Выпуски французской *La Gazette* за XVII в. можно найти на сайте проекта Gallica – ведущей цифровой библиотеки Франции.

⁶ См. разбор аргументов в пользу определения хронологических рамок истории России раннего Нового времени с 1500 г. по 1800 г. в: Donald Ostrowski, “The End of Muscovy: The Case for circa 1800,” *Slavic Review*, vol. 69, no. 2 (2010): 426–438; Nancy Shields Kollmann, *The Russian Empire, 1450–1801* (Oxford: Oxford University Press, 2017).

растущей российской империи, постепенно, но необратимо сталкивающейся с необходимостью технологической и культурной модернизации.

Содержание сборника разбито на пять тематических разделов: “Картографирование” (Map-making), “Почта и зарубежные новости” (International news and post), “Новости и почта в России” (News and post in Russia), “Коммуникация и государственные институты” (Institutional knowledge and communication) и “Информация на публичном обозрении” (Information and Public Display). При этом статьи внутри разделов сформированы неоднородно: в двух случаях читатель сталкивается с противопоставлением явлений XVII в. нововведениям века восемнадцатого. Так, в открывающем сборник разделе “Картографирование” Валери Кивельсон (Valerie Kivelson), автор известной монографии о картах в России XVII столетия,⁷ рассказывает в своей статье о русских картах XVII в. и приходит к выводу, что они хоть и могли бы показаться европейскому наблюдателю “примитивными,” вполне справлялись с возлагаемыми на них в Московской Руси задачами. Значительное место в статье отведено исследованию вопроса о трансфере информации, особенно информации о картах Сибири,⁸ и Кивельсон резюмирует, что несмотря на проводимую московскими властями политику секретности, обмен картографической информацией с Западом происходил не так-то уж и редко, пусть и преимущественно по неофициальным путям. При этом и само российское государство было заинтересовано в копировании и приобретении работ западных картографов. Статья Алексея Голубинского из того же раздела переносит читателя в XVIII век и рассказывает о технологических изменениях в российской картографической науке – о попытках приобрести за рубежом или произвести в России астролябии, так необходимые для точной фиксации координат внутри империи. Голубинский приходит к выводу, что к концу XVIII в. поставленная задача была выполнена и российское государство имело в резерве необходимое количество инструментов.

В разделе “Коммуникация и государственные институты” статьи также оказываются посвящены каждая своему столетию. Клэр Гриффин (Clare Griffin) исследует коммуникационные процессы и циркуляцию научного знания на примере работы Аптекарского приказа XVII в. и подчеркивает, что сфера взаимодействия данного приказа совсем не ограничивалась царским двором. К мнению экспертов-медиков приказа порой обращались и представители не-элиты, в определенных случаях отчеты сотрудников приказа могли посылаться и зарубежным дипломатическим партнерам. Статья Елены Корчминой посвящена системе сбора информации о налоговых поступлениях в Российской империи XVIII в. Исследовательница описывает хаос, который окружал процесс составления отчетности о налоговых сборах, и отмечает, что правительство в Петербурге, центре управления империей, имело крайне смутное представление о настоящем положении дел в финансах. Наконец, статья Екатерины Басаргиной сфокусирована на истории издания *Журнала Министерства народного*

⁷ Valerie A. Kivelson, *Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006).

⁸ О трансфере информации и шпионаже на востоке российской империи см. также недавно вышедшую монографию: Gregory Afinogenov, *Spies and Scholars: Chinese Secrets and Imperial Russia's Quest for World Power* (Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2020).

просвещения в 1834–1855 гг. Представляя *Журнал* как инструмент просветительской политики государства, Басаргина демонстрирует, насколько сильно судьба столь амбициозного проекта зависела от карьеры одного единственного человека – министра народного просвещения Сергея С. Уварова – чья отставка в 1849 г. привела и к серьезному сокращению финансирования журнала.

Статьи из разделов “Новости и почта в России” и “Информация в публичном доступе” стараются, наоборот, не фокусироваться на отдельном столетии, а дать обзор выбранной теме на протяжении всего указанного в заглавии сборника периода. Джон Рэндольф (John Randolph) рассматривает историю почтовой службы, начиная с эпохи Московской Руси и доводя обзор до реформ Николая I, положивших конец существованию особого сословия ямщиков. Элисон Смит (Alison K. Smith) исследует историю появления и функционирования российских газет. Исследовательница демонстрирует, что именно российское государство было изначально заинтересовано в создании газет как средств циркуляции полезной для государства информации – законов и декретов, новостей о внешнеполитических успехах и т. д. Однако на практике, особенно с конца XVIII в. и особенно в провинции, газеты старались выйти за пределы государственного контроля и цензуры и стремились реагировать на информационные запросы общества, например, уделяя все больше и больше места разделам с неофициальными новостями и частными объявлениями. В разделе “Информация на публичном обозрении” Саймон Франклин рассматривает в своей статье историю “графосферы” в раннемодерной России⁹ – сферы публичной демонстрации письменного слова, или, в определении автора: “суммы всех тех мест публичной жизни, где можно встретить надписи” (с. 341). Франклин начинает свой экскурс с XV в. и надписей на крестах, камнях, колоколах и других объектах публичного доступа. Основное внимание статьи, однако, сосредоточено на XVIII–XIX вв., т. е. периоде, когда создание “графосферы” – например, установка публичных монументов, столбов с надписями и т. п. – сначала являлось исключительно государственным проектом, а затем стало предметом и частной инициативы, например, через использование вывесок и объявлений у магазинов.

Наконец, статьи раздела “Почта и зарубежные новости”, написанные Даниэлом Во (Daniel C. Waugh) и Ингрид Майер (Ingrid Maier), посвящены исключительно XVII столетию. Совместная статья обоих авторов посвящена обзору феномена т. н. курантов – переводов статей из европейской прессы на русский язык, создававшихся в московском Посольском приказе с 1620-х гг. по начало XVIII в. Во и Майер опираются как на свои предыдущие работы по данной теме,¹⁰ так и на уже ставшую классической для всех интересующихся вестями-курантами

⁹ На эту же тематику см. недавно вышедшую монографию того же автора: Simon Franklin, *The Russian Graphosphere, 1450-1850* (Cambridge: Cambridge University Press, 2019).

¹⁰ Ingrid Maier and Daniel C. Waugh, “How Well Was Muscovy Connected with the World?” in *Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler*, eds. Guido Hausmann and Angela Rustemeyer (Wiesbaden: Harrasowitz, 2009), 17–38; Ingrid Maier, “Presseberichte am Zarenhof im 17. Jahrhundert: Ein Beitrag zur Vorgeschichte der gedruckten Zeitung in Russland,” *Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte*, vol. 6 (2004): 103–129; Ингрид Майер, ред. *Вестни-Куранты. 1656 г., 1660-1662 гг., 1664-1670 гг. Ч. 2: Иностранные оригиналы к русским текстам* (Москва: Языки славянских культур, 2008). (Ingrid Mayer, red. *Vesti-Kuranty. 1656 g., 1660-1662 gg., 1664-1670 gg. Ch. 2: Inostrannyye originaly k russkim tekstam* (Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2008)).

публикацию С. М. Шамина,¹¹ и выносят свой вердикт, что куранты XVII в. безусловно не являлись “первой русской газетой,” так как круг циркуляции данных рукописных переводов был ограничен преимущественно представителями московской правящей элиты. Вместе с тем историю создания курантов можно рассматривать как пример “европеизации” культурной жизни и системы коммуникации в России раннего Нового времени, так как создание переведенных на русский “дайджестов” европейской прессы безусловно копировало коммуникационные методы Западной Европы. В своей сольной статье Ингрид Майер поднимает вопрос об обратной коммуникации, о том, как новости из Московии попадали в западные газеты. В центре внимания оказывается эпизод с публикацией новостей о восстании Степана Разина в немецких газетах и брошюрах 1670-х гг., причем оказывается, что в трансфере информации за рубеж активно участвовало и само царское правительство, которое было заинтересовано в распространении сведений о поражении бунтовщиков и казни их лидера.¹²

Подводя итог, можно отметить, что материалы, собранные в рамках сборника, действительно охватывают широкий спектр тем: материальные предметы как носители информации и объекты коммуникации (карты и астролбии), функционирование почты, газеты как средства коммуникации, коммуникация внутри государственных структур, коммуникация в городском ландшафте. При этом многие статьи написаны именно в виде обзорных текстов, призванных не сосредотачивать все внимание на отдельном узком эпизоде, а дать общий экскурс в историю того или иного феномена. Нельзя не отметить такой важный факт, что сборник сам является примером общедоступной циркуляции научных знаний, т.к. был опубликован по принципу open access – его электронная версия находится в общем бесплатном доступе на сайте издателя [Open Book Publishers](#). Вместе с тем все же сложно охарактеризовать данный сборник как всеобъемлющий справочник по коммуникации в России раннего Нового времени, ведь ряд крайне важных тем, как то признают и сами издатели в предисловии, никак не представлен в издании. Речь идет не только об истории книгопечатания,¹³ но и о такой важной сфере коммуникации, как дипломатические отношения и дипломатическая переписка.¹⁴ Из приказной системы XVII в. разобрана

¹¹ С. М. Шамин, *Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати* (Москва & Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2011). (S. M. Shamin, *Kuranty XVII stoletia. Evropeiskaia pressa v Rossii i vozniknovenie periodicheskoi pechati* (Moscow and St. Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2011).

¹² О новостях о казни С. Разина в немецкой периодике и участии царского правительства в передаче в западные медиа рисунка, изображающего плененного и казненного Разина см. также статью: Г. М. Казаков и Ингрид Майер, “Иностранные источники о казни Степана Разина. Новые документы из стокгольмского архива,” *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, vol. 6, no. 2 (2017): 210–243 (G. M. Kazakov i Ingrid Maier, “Inostrannye istochniki o kazni Stepana Razina. Novye dokumenty iz stokgol'mskogo arkhiva,” *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, vol. 6, no. 2 (2017): 210–243).

¹³ Об истории книгопечатания в России XVIII в. см. классическую монографию: Gary Marker, *Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700-1800* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985).

¹⁴ Из новейших исследований о коммуникационных связях и корреспонденции европейских дипломатов в России XVIII в. стоит отметить публикации немецких исследователей: Christian Steppan, *Akteure am fremden Hof: politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720-1730)* (Göttingen: V&R unipress, 2016); Steven Müller-

коммуникация только на примере Аптекарского приказа, вниманием обойден такой важный феномен вертикальной коммуникации, как составление челобитных и других “прошений во власть.” В фокусе исследований авторов сборника оказывается, как уже упоминалось, именно коммуникация внутри властных структур и коммуникация между государством и обществом. В своей статье “Что являлось новостями и каким образом они распространялись в домодерной России?” (What Was News and How Was It Communicated in Pre-Modern Russia?) Дэниел Во приводит несколько примеров горизонтальной коммуникации из частной переписки русских людей XVII в. и отмечает, что именно это направление исследований оставляет еще много открытых вопросов. В данной связи приятно отметить выход в 2018 г., т.е. через год после публикации рецензируемого сборника, монографии О. В. Новохатко о частной переписке в России XVII в., целиком посвященной как раз “горизонтальным интегративным тенденциям в русском обществе.”¹⁵

Что касается нарратива, связывающего все статьи сборника воедино, предающего им общую направленность, некую путеводную нить, то здесь нужно отметить тезис о постепенной модернизации механизмов коммуникации в России XVII–XIX вв. Причем на материале статей четко прослеживаются два важных переломных момента в процессе этой модернизации. Первый связан с петровскими реформами: появление первой газеты, первых гражданских памятников, Академии наук и ее проектов. Второй расположен хронологически примерно в первой трети XIX в.: реформа почтовой системы, системы государственного управления, развитие “графосферы” в городском пространстве, газет. При этом важным ориентиром для России в данном процессе коммуникационной модернизации была Европа: тематика российско-европейского культурного трансфера, передачи информации и заимствования технологий тем или иным образом затронута практически во всех статьях сборника. Наконец еще одним нарративом, почти неговоренным издателями сборника в предисловии, но тем не менее прослеживаемым в ряде статей, является рассказ о постепенном вовлечении общества и частных лиц в процессы коммуникации – будь то появление первых частных газет, частных подрядчиков в почтовых пересылках или вывесок на частных магазинах.

Вопрос, остающийся у читателя после прочтения сборника, на который ни издатели, ни авторы статей не дают окончательного ответа: можно ли считать систему коммуникации, выстроенную государством внутри Российской империи, успешной? Ряд текстов, например статья Елены Корчминой об устройстве налоговых сборов, подводят к мысли, что скорее нет, что в коммуникации между имперским центром и периферией было слишком много задержек и недопониманий, что для эффективного функционирования системы просто не хватало ресурсов. Между тем сам факт успешного существования столь обширной империи на протяжении трех столетий заставляет не спешить с выводами. У издателей сборника, однако, безусловно не было задачи дать исчерпывающий

Uhrig: *Wer regiert Russland? Das Aufbegehren des russischen Adels 1730 als vermeintliche Gefährdung der Monarchen Europas* (Vienna & Cologne: Böhlau Verlag, 2021).

¹⁵ О. В. Новохатко, *Россия, частная переписка XVII века* (Москва: Памятники исторической мысли, 2018) (O. V. Novokhatko, *Rossiiia, chastnaia perepiska XVII veka* (Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2018).

ответ на этот вопрос, ведь, как уже подчеркивалось, изучение механизмов коммуникации и информационных трансферов в рамках истории России раннего Нового времени проходит лишь стадию становления. Как демонстрируют ссылки на литературу в сносках к данной рецензии, новые монографии в рамках данного исследовательского направления появляются в последние годы с вызывающей оптимизм частотой.

Mavens, Mavericks, and Managers: Educational Projecting and Politicking in Petrine and Post-Petrine Russia

Paul Keenan

London School of Economics and Political Science

p.keenan@lse.ac.uk

Igor Fedyukin, The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia, Oxford University Press: Oxford, 2019; 328p. ISBN: 9780190845001.

The book opens with a telling episode for anyone who has experience of the vagaries of academic administration and governance. This is the case of the monk Sil'vestr Medvedev, who penned the "first-ever project for a school charter in Russia," *Привилегия на Академию* (or "Academic Privilege"), in the early 1680s, which proposed both a new educational institution (the eponymous academy) and also a monopolistic control of education across Russia. However, Medvedev was then the victim of two developments that derailed his planned project decisively: the preference given to the academy proposal of the Leichoudes brothers; and his arrest after the fall of his patron the regent Sofiia Alekseevna in 1689, which led to his execution in 1691. Despite this ignominious end, Medvedev and his ambitious, wide-ranging "Privilege" provides an illustration of the processes and relationships that Fedyukin explores in this detailed and stimulating monograph. It examines the subject of education and schooling in Russia in the very significant transitional era between the mid-late seventeenth century and the 1760s. Fedyukin has researched and written extensively about this topic for almost two decades, with a dozen or so articles and chapters devoted to specific individuals, institutions and themes, as well as several edited collections of related materials. As such, he is able to draw on a very wide-ranging and detailed knowledge of both the subject matter and its historiography. This monograph represents something of a capstone achievement for this endeavor and makes a significant contribution to the ongoing revisionist approach to the historiography on policy-making and institutional change in early modern Russia.

The subject of education has long been associated with the Petrine Revolution, wherein the creation of "modern" schools in this period was part of the great reforming tsar's efforts to drag/push Russia forwards. Unsurprisingly, both the broader interpretation of Peter's "grand plan" and the specific dynamics of particular elements within it, such as education, have been the subject of fruitful, sophisticated revisionist scholarship for several decades now. Fedyukin's work demonstrates an extensive and well-rounded grasp of this evolving historiography. His chosen focus and the archivally-grounded approach of the main chapters resonates clearly and constructively with the ongoing work in the field, while making clear his own interpretative position. Principally, Fedyukin is interested in the role of what he terms "administrative entrepreneurs" (or "enterprisers") in establishing and developing projects that resulted in the creation of "new" institutions, or institutional change for those already in

existence. This approach is inspired by the work of Jan Glete, amongst others, who have examined the impact of innovation and entrepreneurship on early modern state institutions. Such "projectors", as contemporaries often termed them, were inextricably linked to the existing and shifting political realities of their situation, which could have a very significant impact on the nature and extent of their outcomes. As reflected in the scholarship on the period, both for Russia and for most other early modern states, the growing size and sophistication of the state apparatus needs to be considered alongside (and understood in light of) the persistence of formal and informal hierarchies and networks. Any proposal by such "enterprisers" had to negotiate these complexities very carefully in pursuit the necessary influence, resources, and support to realize and then build upon their aims.

Fedyukin takes this approach to the development of schools – and, by extension, educational institutions and policies more generally – in Russia, arguing that the process of innovation and change in this period was driven largely by the efforts of individual "enterprisers," rather than as a result of the direct intervention of the ruler or state bodies. Even in the reign of a famously "hands-on" ruler such as Peter, who could reasonably be described as a projector in his own right, their contribution was typically in the form of establishing an environment which encouraged (explicitly or implicitly) the "projecting" efforts of such individuals and setting out (however broadly) priorities for prospective projects. Given this emphasis on the agency and interests of individual "projectors," and their somewhat ambivalent reputation amongst contemporaries, there has been a tendency to view such activities in a cynical and opportunistic light. Instead Fedyukin highlights the importance of recognizing there was a "heterogeneity of agendas" at work (p. 15), wherein those involved in a given project commonly sought outcomes that served a number of purposes – personal gain and significant institutional change were not mutually exclusive outcomes. This point also reinforces the argument that "projecting" could be approached in a number of different ways. He identifies three broad categories of administrative entrepreneur by way of illustration, although also noting that individuals could fall into more than one category in a given situation. The first and most recognizable form of projector was "the expert," who asserted knowledge, expertise or experience in a given field as the basis for their proposal. The second was "the minister" (although, in my view, "the dignitary" would be a more apt summation), who was in an established position to provide patronage and promotion for a given project. Finally, there was "the functionary," who were typically from the lower ranks of officialdom and may arise from amongst practitioners (in the case of schools, this could be a teacher, for example). Each category had distinct but connected roles to play in a given project, from its inception to its realization and development. Fedyukin's purpose is to examine educational projects in Russia during the early-mid eighteenth century in order to shed new light on these relationships and their impact on the realization (or otherwise) of said projects.

The first chapter examines the state of education in Russia during the second half of the seventeenth century in order to establish the context for a critical exploration of the relationship between Peter I and education. The educational developments of the period arose from the efforts of individuals like the aforementioned Leichoudes brothers and later Archbishop Feofan Prokopovich to pursue, establish and develop the project, based on their own convictions and drawing on an environment conducive to the influx of Greek- and Ukrainian-influenced personnel and practices. In the main,

however, this period reflected the established educational model – a master working with their pupils or apprentices – and this had been the case for Peter himself. However, it was also a common model across the rest of Europe, as reflected in the experience of the young Russian nobles sent abroad to study subjects such as navigation from the late 1690s onwards. Fedyukin notes that Peter’s views on education and schooling – as reflected in his notebooks and correspondence, for example – were rarely, if ever, detailed or specific on methods and content. As a result, despite Peter’s interest in particular subjects that could be delivered by formal educational institutions, he did not offer direct, sustained support for their development during his reign. Rather, as noted in the introduction, his reign (and those of his successors) fostered the gradual expansion of institutional and educational space that offered opportunities for projectors, in which Catholic and Protestant influences emerged to join the aforementioned Orthodox models of the preceding era.

The following three chapters explore the projecting that arose from the educational requirements associated with the development of one of Peter’s well-known passions – the Russian navy. Given the technical and “foreign” nature of the navy in this formative period of its history, it has often been linked with the establishment of “modern” schools and therefore Russia’s emergence or transformation under Peter the Great. However, as Fedyukin explores in a series of detailed and illuminating case studies, the schools that arose in connection with the navy provide ample evidence to support the argument that they provided precisely the kind of opportunities that attracted the attention of competing administrative entrepreneurs. While the institutions—the School of Mathematics and Navigation, and the Naval Academy—have been the subject of various studies, Fedyukin’s concern is with their role in the projecting by those seeking to either establish (or sometimes rehabilitate) their position in Russia. Such enterprisers used the schools to establish a platform in order to secure resources and build networks of influence, particularly in terms of patronage. Strikingly, few of these enterprisers came from a naval background—those that did often lacked campaign experience—but compensated with influential connections and active engagement with supporting interests. Indeed, as discussed in Chapter 4, when experienced professional sailors were appointed by the Admiralty to run the Naval Academy in the 1730s, there was little enthusiasm or support for educational reform and intakes at both schools were in decline. The most detailed project from this period came from the efforts of Heinrich Ostermann, an experienced and influential figure certainly, but one who had no previous connection with the navy. Instead, his efforts resulted from a desire to implement a Pietist-inspired pedagogical program and to have an influential position at the head of the naval establishment from which to counterbalance the influence of rivals in court/state affairs.

Fedyukin’s discussion in these chapters highlights some fascinating figures. For example, Aleksei A. Kurbatov, a serf in Boris P. Sheremetev’s service who rose to a position of influence in the Moscow Armory, played a crucial role in the development of the School of Mathematics and Navigation because of the latitude made possible by his superior Fedor A. Golovin, his cultivation of support amongst Moscow книжники circles, and patronage of likeminded “functionaries” (particularly Andrei A. Beliaev and Leontii F. Magnitskii) who could then use their position to pursue projects of their own. Likewise, the establishment of the Naval Academy provides an opportunity to examine the remarkable case of Baron Joseph de Saint-Hilaire, an imposter and opportunist par

excellence who inveigled himself into Russian court circles in 1715. Saint-Hilaire sought to consolidate this position through the submission of proposals for the nascent institution and other ambitious naval projects on the basis of "expertise" and his favorable connections. However, he fell afoul of Andrei A. Matveev, who was appointed to oversee the Academy after his return from diplomatic service. Matveev knew something of the Baron's murky past and was better placed to win the subsequent struggle between them. Yet while Saint-Hilaire was ultimately unsuccessful in this endeavor, his proposals were detailed, drawing on an established French model, and proved reasonably influential in subsequent developments.

The case of Saint-Hilaire serves to illustrate that such projects could not simply rely on appealing to the tsar's professed commitment to order and regularity, since the broad contours of these concepts left room for rival interpretations and realization of such goals. Fedyukin argues that these "modern" qualities were not intrinsic to any of these institutions precisely because of the manner in which they evolved under the influence of competing projectors and practical realities. In this regard, he highlights the resistance the mooted move to a parallel curriculum (per the French model), which was approved in the early 1720s, but was overturned after concerted efforts by teachers at the naval schools to defend their established (traditional) sequential model on pedagogical and practical grounds, albeit also for political reasons. By the final years of Peter's reign, the Academy and the other educational institutions, including the remaining cypher schools, had come under the directorship of his cousin, Aleksandr L. Naryshkin (one of those who had studied navigation abroad), who played a straight bat to any requests for further instructions or regulations. His priorities, and indeed those of the Admiralty, lay elsewhere, which led into the situation in the 1730s, discussed above.

By contrast to the languishing of the naval schools, Chapter 5 focuses on the successes of the Noble Cadet Corps, sometimes heralded as Russia's first "truly modern school" (p. 134), from its establishment in 1731. Fedyukin situates it in the confluence between several important factors – the political ferment of the early 1730s, the energetic ambitions of Burkhard Christoph von Münnich, and the influence of Pietist ideas on educational reform. He outlines a convincing case that von Münnich was not involved in the initial stages of planning for the Cadet Corps, despite his evident interest in education and regulation. Rather, he was rewarded for his service under Peter I, when he oversaw the completion of the Ladoga canal project, and for his political alignment with the "German" court faction – Ostermann, Karl Gustav von Löwenwolde, and Anna's favorite, Ernst Johann von Bühren. His appointment as director-general of the Corps was part of a rapid and remarkable ascent in the course of the next few years, including the post of Generalfeldzeugmeister, president of the War College, chair of the Military Commission, before being awarded the rank of General-Fieldmarshal. Fedyukin examines how von Münnich used his directorship of the Corps, as part of his wider portfolio, to secure and expand its resources, to establish a robust patronage network amongst the officers who staffed the institution, and to ensure that exemplary displays, such as parades, fireworks and commemorative publications, made both its aims and its achievements very visible to the empress Anna and the court. That the reality of regulation and refinement of the cadets was rather more mixed in practice than on the page (or parade ground) is not the point. By the late 1730s, the Corps was firmly established as a desirable model, both as an educational institution and as an example

of how to realize such a project successfully. Von Münnich's successors at the Corps, from amongst his clients (and his brother), followed the same strategy and its acceptance amongst the post-Petrine elite ensured its continuing development, despite its patron's exile in 1741.

The final chapter considers the educational projects of empress Elizaveta Petrovna's reign and the shadow of the Cadet Corps' success looms large across the period. Its impact had generally been a negative one for the other service schools, who resented its favored status and funding, while it also served to attract the better candidates from amongst the nobility. However, its successful development also signaled what could be achieved by building an administrative project around educational institutions. A broadly equivalent figure to von Münnich for this chapter is Petr I. Shuvalov who, along with his cousin Ivan, played a leading role in several key educational developments during the 1750s. He was a serial projector from the mid-1740s onwards with a remarkable range of interests, many of which generated a great deal of money and influence for him. Shuvalov's experience was court-based, rather than military, but he targeted the vacant position of Generalfeldzeugmeister in 1753 and used various proposals to aid this bid by outlining the need to improve the training of engineers and artillerymen. This strategy was based on demonstrating his "expertise" which, combined with his connections and his ability to mobilize resources, proved successful. In 1758, he proposed a new institution, the Artillery and Engineering Noble Cadet Corps, which would amalgamate the existing service schools under his authority. As with the Naval Cadet Corps, established after rival projecting by Admiralty Board members in the late 1740s and early 1750s, the details of the proposal centered on resources and organization – teaching methods and curricula were developed as internal documents subsequently. Shuvalov's plans were only realized after Catherine II's accession, but their intent was clear. His cousin Ivan's patronage of similarly "new" institutions—Moscow University and the Academy of Arts—are also discussed here in projecting terms, along with his ambitious but ultimately unrealized bid to establish an empire-wide system of noble schools, encompassing all existing institutions. In a resonance with the episode that opens the book, the political circumstances changed before it could be pursued, albeit the consequences were not so severe for the former favorite in this case.

Catherine II's active engagement with pedagogical ideas and literature was reflected in her patronage of Ivan Betskoi, the establishment of several commissions on education, and the creation of a national school system during her reign. Yet, as outlined in Fedyukin's conclusion, the trends that had emerged across the preceding decades continued to be at least as influential as the ruler's direct interventions during the first half of her reign. The period saw a very considerable number of educational projects with varying degrees of success, whether under the aegis of existing institutions or as private endeavors, albeit subject to a greater degree of institutionalization and routinization, particularly by the 1780s. This gradual but irreversible process led to the establishment of the Ministry of Popular Education in 1802, which provided a degree of centralization that can be starkly contrasted with the educational landscape under Peter and his successors. This encapsulates the overall argument of Fedyukin's work – rather than being driven by specific state needs or the ruler's demands, Russian school reform across this period resulted from the enterprising efforts of numerous projectors, both Russian and foreign, who sought to realize their goals by identifying opportunities and bidding for support. The research presented here provides further support for the de-

centering and demythologizing of the Petrine era, as well as challenging the traditional interpretation of early modern state reform being essentially linked to military or geopolitical necessities. As he rightly argues, it would be virtually impossible to assess accurately the military effectiveness of the graduates of these institutions and, in any case, the educational outcomes are only part of their *raison d'être*.

Overall, this monograph is the culmination of a wide-ranging and well-rounded research endeavor that illuminates the institutional history of Russian education in its formative stages. It draws on an impressive range of archival resources across five countries and displays a well-grounded engagement with the historiography, both for Russia and for several early modern European states. While there is much to admire here, I found myself with a few minor reservations in the end. The historiographical framework set out in the introduction provides useful context for the critical reevaluation of absolutism and "the well-ordered police state," but might have also included something on the "civilizing process," given the concern with education (p. 8). The discussion of the Ottoman Empire in the conclusion is a reasonable comparison with Russia, certainly, but the previous discussion of other European examples surely challenges the idea that it (and other extra-European states) encouraged particular projecting strategies under the broad label of Westernization (p. 206). The copy-editing might have been a bit more rigorous in places, and it was surprising (albeit, from my background, somewhat nostalgic) to see Henry Farquharson and his colleagues referred to on quite a few occasions in Chapter 1 as "the Brits." However, the publishers are to be commended for including a dozen excellent reproductions of archival documents and engravings throughout the book. Fittingly, then, this book represents a very successful project on the part of its author and one which fully merits its place in the rich vein of international scholarship on early modern Russia of recent decades.

Через штиль и шторм: история чтения в России XVIII столетия

Through the Calm and the Storm: The History of Reading in Eighteenth-Century Russia

Константин Бугров
Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской Академии наук
Уральский федеральный университет

Konstantin Bugrov
Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
The Ural Federal University
k.d.bugrov@gmail.com

Damiano Revecchini and Raffaella Vassena, eds. Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia, vol. 1. Milan: Ledizioni, 2020, 295 p. ISBN 9788855261920

Рецензируемое издание – первый из трех томов, посвященных истории чтения в России с конца XVII до XXI в. Трехтомник этот вышел в 2020 г. под редакцией Д. Ребеккини и Р. Вассены, специалистов по истории российской литературы из Университета Милана. В основу трехтомника легли материалы крупной конференции по истории литературы, издательского дела и чтения в России, которая состоялась в Милане в 2017 г.; плодом нескольких лет работы и стала крупнейшая на данный момент коллективная работа по истории чтения в России, хронологически ограниченная XVIII – XX столетиями.

История чтения? Не то, чтобы это направление исторических изысканий было принципиально новым; штудии такого профиля ведутся в руссееведческой традиции давно, достаточно вспомнить хотя бы “петербургско-ленинградскую школу изучения читателя.”¹ Однако “читателеведение” остается разновидностью “книговедения”, попадая в старинную, почитаемую ветвь знания, столь же полезного, сколь и методически консервативного: изучение состава библиотек, циркуляции книг, книготорговли – словом, истории бытования текстов. С другой стороны, крупным импульсом для развития “книговедческих” изысканий стал интерес ученых к концепциям публики (в первую очередь, конечно, читающей публики), связанные с развитием тех положений, которые представлены в

¹ О. Н. Ильина, “История русского читателя... Продолжение,” *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 1 (2010), 176a-177. (O. N. Il'ina, “Istoriia russkogo chitatelia... Prodolzhenie,” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 1, (2020), 176a-177).

работах Ю. Хабермаса, М. Маклюэна и других авторов, изучавших проблему формирования нового общества эпохи Модерна через призму чтения. Это тоже история чтения, но создаваемая с другого конца: чтение здесь понимается не как библиографическая последовательность “циркуляции текстов,” а как основополагающий социальный процесс. Наконец, существует богатая традиция изучения чтения как социального императива, дисциплинирующего элемента, определяющего ту или иную поведенческую практику человека. Здесь в первую очередь надо назвать работы Ю. М. Лотмана. Все эти виды и роды аналитического знания о тексте и о чтении в последние годы движутся друг другу навстречу, интегрируются, создают разнообразные мультидисциплинарные амальгамы – достаточно назвать недавнюю чрезвычайно интересную работу историка и филолога А. А. Костина, детально реконструирующую процесс “потребления” российскими читателями поэтических текстов в середине XVIII в.²

Впрочем, внимание гуманитарного знания к чтению было вызвано не только обрисованной выше разработкой исторической проблематики. Дискуссия о характере и роли чтения в обществе была связана с рефлексией по поводу самого научного познания, осуществлявшейся в постструктуралистской и постмодернистской философии – как отмечала в 2006 г. исследовательница французской литературы И. К. Стаф, “прошлое доступно нашему восприятию прежде всего в форме письменных текстов, а деятельность самого историка состоит в порождении новых текстов повествовательного характера, подчиняющихся тем же риторическим нормам, что и тексты литературные, вымышленные... Проблематизацией роли текста в историческом анализе и, шире, в осмыслении статуса и возможностей гуманитарных наук во многом и объясняется значение, которое приобрело в 1980 – 1990-е годы, сначала во Франции, а затем и далеко за ее пределами, новое направление в историко-культурных исследованиях – история чтения.”³ Здесь ключевыми фигурами являются Р. Шартье, М. де Серто и ряд других авторов, предложивших новаторскую программу изучения истории чтения; важным источником влияния становятся специалисты по языку – например, П. Рикер.⁴ Уже в 2010 г. видный исследователь социальных проблем библиотечного дела, сотрудник Российской национальной библиотеки Д. К. Равинский так обрисовывал контуры практического применения этой программы:

Работы по истории чтения, появившиеся в последние годы, старались ответить на вопросы не просто о том, кто читал и что читал, но – когда люди читали, где они читали, почему и, самое

² А. А. Костин, “Русская печатная поэзия середины XVIII века и потребление: предварительные замечания,” *Новое литературное обозрение*, 4, (2020): 140-160. (A. A. Kostin, “Russkaia pechatnaia poeziiia sere diny XVIII veka i potreblenie: predvaritelnye zamechaniia,” *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4 (2020): 140-160.

³ И. Стаф, *Роже Шартье: уроки истории чтения*, в Р. Шартье, *Письменная культура и общество* (Москва: Новое издательство, 2006), 245. (I. Staf, *Rozhe Shart'e: uroki istorii chteniia*, v R. Shart'e, “Pis'mennaia kul'tura i obshchestvo (Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006), 245).

⁴ Упрощая, можно сказать: адаптация Рикера в области “книговедческой” дает нам новую “историю чтения” примерно так же, как адаптация Рикера в области истории общественно-политической мысли дает нам “новую интеллектуальную историю” в духе Кв. Скиннера и Дж. Покока.

главное, как они читали. Последний тезис все чаще заявляется уже в заглавиях работ, посвященных истории чтения.⁵

Все эти научные направления, в той или иной мере вытекающие из исторически ориентированного познания, существуют в пространстве куда более широкой дискуссии, связанной с феноменом чтения вообще и приобретшей особую значимость в последние десятилетия, когда утвердившееся было в центре современной культуры бумажное издание столкнулось с острой конкуренцией со стороны разнообразной электроники.⁶ Перечислять разработки в данной сфере мы не станем из-за исключительного богатства проблематики – упомянем лишь крупные исследования по данному направлению, проводящиеся в Челябинске усилиями В. Я. Аскаровой и ее коллег.⁷

Словом, океан современной истории чтения – огромное пространство со множеством островов, заливов, скрытых камней и отмелей, в некоторых его частях царит штиль, а в других – свирепствует буря. По этим-то морям и отправляется в плавание корабль трехтомной *Истории чтения в современной России*, изданной усилиями Ребеккини и Вассены. Проследуем и мы по его маршруту.

В нашу задачу не входит анализ чрезвычайно обширного и содержательного предисловия, написанного для всего трехтомника и помещенного в первый том. Упомянем лишь ключевые тезисы, являющиеся отправными пунктами для нашего плавания. Д. Ребеккини и А. Вассена начинают с обозначения предмета, на изучение которого направлен изданный ими трехтомник (здесь и далее перевод наш. – К. Б.):

Под “чтением” мы подразумеваем, кроме прочего, процесс “визуального столкновения с письменным текстом,” в котором присутствует некоторый уровень интерпретации. Такая широкая концепция чтения позволила нашим авторам быть достаточно гибкими в выборе источников и материала для анализа. Предлагаемые ниже главы содержат анализ различных медиа: от надписей на триумфальных арках до магазинных вывесок, рукописей, самиздатовской продукции, сценариев кинофильмов, а также, естественно, книг и журналов, которые, несомненно, занимают львиную долю этой истории российского чтения.

⁵ Д. Равинский, “История чтения: раздвигая границы исследовательского пространства,” *Новое литературное обозрение*, 2 (2010): 308-315. (D. Ravinskii, “Istoriia chteniia: razdvigaia granitsy issledovatel'skogo prostranstva,” *Novoe literaturnoe obozreniia*, 2 (2010): 308-315.

⁶ В. Я. Аскарова, “Методологические аспекты изучения чтения современной молодежи,” *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 4, (2018): 82-93. (V. Ia. Askarova, “Metodologicheskie aspekty izucheniia sovremennoi molodezhi,” *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 3: Obshchestvennye nauki*, 4, (2018): 82-93.

⁷ Ю. Н. Столяров, “Коллективные монографии о чтении: аналитический обзор,” *Вестник культуры и искусств*, 4(52), (2017): 183-195. (Yu. N. Stolyarov, “Kollektivnye monografii o chtenii: analiticheskii obzor,” *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 4(52), (2017): 183-195.

Результат представляет собой попытку осветить процессы знакомства российских читателей с письменным словом и его апроприации, протекавшей в специфических культурных и социальных обстоятельствах, характеризующих российское и советское пространство последних трехсот с половиной лет. Если считать чтение “практикой, которая всегда реализуется в специфических актах, местах и манерах” (Г. Кавалло, Р. Шартье), разделяемой определенными “интерпретирующими сообществами” (С. Фиш), то цель данного издания – выявить и определить, в пределах каждой хронологической темы, основные трансформации, влиявшие на форму и смысл этих актов, мест и манер в связи с сообществами, которые их порождали (с. 14).

Этот методологический постулат определяет направленность и характер работ, включенных в первый том, специально посвященный истории чтения в России XVIII столетия.

Открывает том обзорная статья Д. Уо “Как мы можем писать историю чтения в России до восемнадцатого века?” Эта статья посвящена анализу проблем чтения в Древней Руси, преимущественно XVII в.: последовательно рассматривая историю книжных собраний (в том числе собрание Кирилло-Белозерского монастыря), бытование рукописных сборников, развитие книгопечатания в России, а также анализируя целый ряд научных работ по теме (особое внимание уделив трудам И. В. Поздеевой, О. Е. Кошелевой, М. А. Шибаева, Р. Романчука), Уо выносит вердикт: для XVII столетия у историков не существует источниковой базы, позволяющей верифицированно описать социальную картину чтения во всей полноте. Это, конечно, не означает отказа от поисков в данном направлении:

Изыскания в области грамотности и чтения могут с полным правом подчеркивать значимость распространения грамотности и чтения среди всех слоев общества в создании современного мира. Однако есть свидетельства того, что некоторые читательские сообщества, высоко ценившие книги и чтение в целом, стремились такой оценкой усилить свою приверженность традиционным (если угодно, “домодерным”) ценностям. Случай староверов – яркий тому пример [...] Чтобы изучать чтение в домодерной России (не могу избежать такого обозначения, как бы ни хотелось от него избавиться), требуется много работы, в которой мы должны насколько возможно освободиться от готовых концепций относительно предмета поиска и осознать, что подобный отказ способен поставить под вопрос все, что, как нам кажется, мы знали. Новая картина будет довольно запутанной. Но, по крайней мере, многие из вопросов, которые мы можем обоснованно поставить, будут иметь значение для любого научного анализа феномена чтения, какое время и место ни возьми (с. 70-72).

В сходном ключе выдержана статья Г. Маркера “Восемнадцатый век: от читающих сообществ к читающей публике” – крупнейшая по объему среди материалов, включенных в том. Можно считать эту пространную работу методологическим

манифестом тома: автор анализирует ряд ключевых конвенций относительно интеллектуальной и книжной традиции XVIII столетия, подвергает их критике, стараясь обнаружить новые методы и подходы, которые позволили бы продвинуться в изучении читательской среды указанной эпохи. Глава построена вокруг идей, которые Маркер обозначает как “парадокс де Серто,” ссылаясь, конечно, на знаменитую работу М. де Серто “Практики повседневности:” здесь история чтения предстает как “браконьерство” – с помощью этой метафоры де Серто характеризует одновременно невозможность независимого от внешних факторов читательского восприятия текста и ограниченность влияния таких факторов на поведение читателей (с. 78). На стыке дисциплинирующего импульса текста и креативной автономии читателя и возникает, согласно Маркеру, история чтения. Сообразно этому Маркер предлагает деление глав трехтомника на “теоретические” (ориентированные на реконструкцию авторской интенции) и “эмпирические” (направленные на изучение читательских “тактик”).

Подрывает ли концепция раннего Модерна конвенцию о том, что читающая публика XVIII столетия, особенно в царствование Екатерины Великой, резко отличалась от той, что ей предшествовала? Или же, если принять более плюралистическое определение чтения, которое признает длящееся и даже ширящееся влияние православного обучения и текстов, будет ли появление публики, или даже идеи публики, менее эпохальным, чем мы на протяжении долгого времени себе представляли? (с. 85)

Маркер приходит к выводу:

Взятая *in toto*, история чтения не подтверждает гипотезу о восемнадцатом-веке-как-Московии. Скорее, она подкрепляет старое предположение о том, что – в культурном отношении – долгое восемнадцатое столетие привнесло новые практики, резко отличавшиеся даже от городских, европеизированных практик грамотности позднего Московского государства. Появление светской грамотной публики, развитие печати и особенно взрывной рост секулярного книжного дела; символическое отделение церковной орфографии от гражданской, европеизация культуры элиты, приоритет чтения и письма над созерцанием, а также и другие перемены отличают культурный облик восемнадцатого века от культуры того столетия, которое ему непосредственно предшествовало. Наше столетие все еще значимо. Специалисты по XVIII веку могут вздохнуть с облегчением (с. 11).

Впрочем, для Маркера этот вздох вовсе не означает, что не существует методологической проблемы, задаваемой понятием секуляризации, которое остается для изучения XVIII столетия центральным. Резкое деление российской культуры на “традиционную” и “вестернизированную,” “религиозную” и “светскую” является чрезмерно прямолинейным, поэтому автор предлагает – отталкиваясь от истории чтения:

Другой тип картографирования, в большей степени полицентрический или скалярный, помещающий восемнадцатый век в рамки более продолжительного раннего Модерна, динамичного и подчас радикально рвавшего с прошлым (возникновение светской читающей публики), и все же сохранявшего громадное количество московских культурных практик. Здесь мы возвращаемся к антидетерминистским или антиредукционистским подходам, призыву отвергнуть, с одной стороны, сведение “чтения” к читающей публике и ее эпигонам, и с другой стороны – избежать искушения изобрести (или воскресить) иконическую, самопровозглашенную, несвязанную или антиканоническую когорту народных читателей, вроде “демократической интеллигенции” ушедшей эры. Де Серто был, разумеется, прав, настаивая на мощи предписывающих иерархий, внутри которых протекает *любое* чтение. И все же, с учетом текущего состояния нашего научного поля, я полагаю, что мы, как исследователи, были бы правы, если бы уделяли особенное внимание ограничениям этого поля, находя следы неожиданных (или даже еретических, говоря словами де Серто) практик чтения, осуществлявшихся тем или иными грамотными чудаками восемнадцатого столетия, не принадлежавшими к элите” (с. 112).

На взгляд Маркера, при всем высоком значении читающей публики, сложившейся во 2-й половине XVIII в., необходимо все же рассматривать их в контексте “более сложной и гетерогенной сети читателей и читательских практик;” сам автор приводит в качестве примера читателей вроде купца И. А. Толченова (чье творчество изучалось, в частности, Д. Ранселом) или анонимного автора “Вятской хроники,” которые “читали и рефлексировали на пересечениях культурных потоков, переплетали старое и новое в своем читательском выборе – религиозное и светское, литературное и литургическое, сатиры и жития святых – без видимой потребности присоединиться к тому или иному лагерю либо категорически определить свою позицию” (с. 112-113).

Глава, написанная К. Осповатом, называется “Реформирование подданных: поэтика и политика чтения в России раннего восемнадцатого века.” Посвящена она трансформациям стратегий чтения под давлением политических нужд и амбиций. Осповат показывает, что изменение статуса и характера чтения было – кроме прочего – способом по-новому связать власть и подданных, своеобразной техникой дисциплинирующей политической индоктринации, отличавшейся от старомодной и прямолинейной индоктринации религиозной. Двумя основными моделями чтения, сложившимися к 1740-м гг., были – согласно Осповату – “гражданский гуманизм,” предполагавший воспитание ревностных и хорошо обученных слуг государя, и “абсолютизм,” требовавший интериоризированной и безусловной любви-послушания к монарху. Два эти течения своеобразно переплетались при дворе Елизаветы Петровны, приводя к появлению все большего числа переводных наставлений для придворных и придворной литературы, создававшейся такими авторами, как М. В. Ломоносов или

В. К. Тредиаковский. В этой среде первоначальный импульс, данный петровским Просвещением, начал развиваться неожиданным путем:

Если для Петра наделение подданных интеллектуальной мощью с помощью обучения и чтения было способом культивации служебного рвения, диалектическим следствием такого процесса оказалось возникновение свободомыслящих слуг, готовых к самостоятельной политической рефлексии и действию (с. 132).

Склонность “слуг” к самостоятельности проявилась в 1730 г., когда Верховный Тайный Совет попытался овладеть властью; поражение этой, по выражению Осповата, “бесславной революции” закрыло путь для дальнейшего развития “гражданского гуманизма” широко мыслящих и самостоятельных слуг Отечества. Новая модель чтения создавалась по лекалам французского монархизма, опиралась на такие сочинения, как “Аргенида” Дж. Барклая. Итогом ее развития стало появление в екатерининскую эпоху “светского благочестия,” на которую опиралась теперь дисциплинарная политика российской монархии, намеренно смешивавшая этику и службу (в этом утверждении Осповат до известной степени следует за работами И. Клейна); и в то же время – появление нового образца для поведения, просвещенного придворного, описываемого “узнаваемо гуманистским, гораццианским языком удовольствия и выгоды.” Осваиваемое такими придворными “пространство культивируемого досуга – одновременно отделенное от дела, то есть государственной службы, и сливающееся с ним – описывалось как черта социального отличия, модус коллективного существования, характерный для нового поколения дворянской элиты” (с. 142).

Р. Боден, авторству которого принадлежит глава “Чтение во времена Екатерины II,” предлагает общий обзор новаций в чтении 2-й половины XVIII в. Среди этих новаций первой Боден называет рост объемов книжной продукции и, в частности, рост числа произведений в жанре романа: “Сокрушительный триумф легкой прозы в целом и нового жанра романа в частности – феномен, ожидавшийся со страхом еще в конце 1750-х и начале 1760-х годов крупнейшими поэтами русского классицизма – совершился” (с. 159). Как и Осповат, Боден подчеркивает интеграцию этой развлекательной литературы в общее дисциплинирование, которое во 2-й половине XVIII в. сменяло прямое принуждение высшей социальной России – дворянства – к службе. Меньший успех ожидал журналы: продавались они хуже, однако своим относительно малочисленным читателям они дарили новые ощущения, так как “структурировали временной опыт иным образом:” новые эмоции вызывало ожидание нового выпуска журнала с продолжением любимившегося текста. Одновременно появились в России особые сегменты развлекательной литературы, ориентированные на женщин и детей, причем женщины (здесь Боден ссылается, кроме прочего, на недавнюю фундаментальную работу *The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History* Д. Оффорда, В. Ржеуцкого и Ж. Арджент)⁸ читали преимущественно на

⁸ См. рецензию: Д. А. Кондаков, “Если бы не происшествие с Вавилонской башней, или Почему вся Россия не заговорила по-французски,” *Quaestio Rossica*, 8(3), 2020: 1051–1062. (D. A. Kondakov, “Esli

французском языке. И хотя основными потребителями литературы в стране все равно оставались взрослые мужчины, социальные границы этого слоя также расширялись: чтение в целом становилось более демократичным, а также, что не менее важно, географически диверсифицированным, постепенно шагая из столиц в провинцию. Вся эта таксономия новаций – изложенная четко и последовательно, что делает главу, написанную Боденом, своего рода обобщающим центром всего тома – увенчивается характеристикой амбициозной программы Карамзина:

Читатели рассматривались как все более и более автономные в социальном смысле, чтение же становилось эмансипаторной практикой. Читатели отныне не считались детьми, а взрослыми, если применить известную кантовскую метафору Просвещения... Проблемой, впрочем, оставалось то, что в планах Карамзина независимое чтение предназначалось не только для императорской семьи, но и для всей образованной публики; следующим шагом после автономии в чтении стала бы автономия мысли. Амбиции Карамзина заложили основание для превращения чтения в общее обсуждение для образованной аудитории, разворачивавшееся параллельно с традиционным диалогом между публикой и властью, а подчас и готовое этот диалог заместить” (с. 177).

Это не означает повторения старого тезиса М. Раева о парадоксе российского самодержавия, одновременно стимулировавшего активность своих подданных и жестко их ограничивавшего; Боден усматривает противоречие между стремительным ростом российской литературной сферы и стремлением узкого круга наиболее влиятельных игроков (двор, издатели) держать этот рост под контролем. Все же этот тезис нуждается в определенном прояснении.

О том, как рост литературной сферы влиял на изменение читательских практик в конкретном социальном слое, повествует статья Е. И. Кисловой “Что, как и почему читало православное духовенство в России восемнадцатого века.” Эта работа представляет собой выверенное, насыщенное множеством ценных деталей исследование литературных предпочтений отечественных священнослужителей. Кислова делит их на две неравные группы – “образованный” клир, вышедший из стен специализированных учебных заведений и составлявший элиту православной церкви, и “традиционное” священство, учившееся в семьях и составлявшее большинство священнослужителей в стране. “Образованные” священники были в полной мере затронуты трансформациями книжной индустрии России 2-й половины XVIII в., рост книжных тиражей и сдвиги в жанровой структуре отразились и в их предпочтениях:

Рукописные сборники и списки пропавших книг указывают на то, что большая часть литературы, представлявшей для священников интерес, не попадала в семинарские каталоги и описи; эти тексты относились в основном к современной сентиментальной поэзии и

широкому кругу развлекательной литературы, не исключая и иностранные сочинения в русском переводе” (с. 201).

Глава, написанная Кисловой, дает детальную характеристику разнообразным предпочтениям “образованных” священников, составлявших, в свою очередь, чрезвычайно важную часть читающей России XVIII столетия в целом.

Глава авторства А. Зорина “Революция чтения? Концепт читателя в русской литературе чувственности” выстроена вокруг понятия “интенсивного чтения.” Здесь Зорин отсылает к полемике вокруг идей Р. Дарнтонa, который когда-то оспорил сложившуюся конвенцию о том, что XVIII в. является периодом перехода от “интенсивного чтения” авторитетных и как правило религиозных текстов раннего Нового времени к “экстенсивному чтению” современной эпохи с ее потоком массовой литературы для развлечения. Дарнтон же настаивал на том, что новый тип чтения, опиравшийся на “эмоциональную связь между миром книги и повседневной жизнью читателя,” оставался “интенсивным,” только интенсивность теперь приобретала другой характер (впрочем, как подчеркивает Зорин, сходные идеи еще раньше выразил Н. Фрай). Таким образом, развлекательная литература, во 2-й половине XVIII в. все в большей мере демонстрировавшая своеобразный “наивный реализм,” преподносила читателям уроки правильной чувствительности. Уже к середине XVIII в. литература закрепилась в России в качестве учебника жизни, призванного продвигать правильные модели поведения. Одной из таких моделей была модель благородного дворянина, движимого – согласно официальным прокламациям – честолубием и любовью к монарху. Противовесом такой модели была модель, присутствовавшая в масонской литературе, ориентированная на смирение и самосовершенствование. На эту арену противостояния честолубивой энергичности сынов *Отечества* и созерцательного фатализма *истинно добродетельных* в 1786 г. выступил Н. М. Карамзин, решительно совершивший революцию чувствительности, сместив фокус с морального совершенствования на эмоциональную реакцию: “Русский путешественник упаковывал эмоциональные модели, привезенные из Европы, и отправлял их читателям по всей Российской империи” (с. 232). С помощью Карамзина российская публика осваивала “интенсивное чтение” светских текстов, интериоризировала нормативные эмоциональные практики; так, реальные места, упомянутые Карамзиным в *Бедной Лизе*, привлекали массу читателей повести, стремившихся на берегах пруда, ставшего местом упокоения несчастной девушки, пережить острые эмоции. Как подчеркивает Зорин, это новое чтение не только было вполне “интенсивным,” но и открывающим пути к новым моделям эмоционального поведения. В этой связи заглавие, данное Зориным своей главе книги, обретает двойной смысл (возможно, так и было задумано автором!): “революция чтения” – это не только революция в манере чтения книг, но и революция в поведенческих практиках, спровоцированной новой техникой чтения.

Б. Григорян в главе “Изображения читателей и публики в российской периодике, 1769 – 1839” предлагает анализ развития романного жанра в российских журналах. Особо нужно отметить ее замечание о том, что учитывать в качестве читателей нужно не только современников того или

иногo журнала, но и последующие поколения, так как, будучи прочтенными, журналы отправлялись не в корзину для бумаг, а на книжную полку; так, Аксаков, очевидно, читал журнал *Детское чтение* спустя 20 лет после выхода оригинального издания (с. 240). Хотя основными потребителями журналов были дворяне, сами издатели со времен Н. И. Новикова охотно подчеркивали свою ориентацию на широкий круг публики. Так сложилась традиция “дискурсивного симулирования” своей публики, достигшая пика в годы “подъема патриотически настроенных журналов во время войн с Наполеоном.” Такие издания, как *Русский вестник* и *Сын Отечества*, демонстративно обращались ко всем слоям населения. Импульс, заданный этими журналами, был позднее развит Н. И. Гречем и Ф. В. Булгариным, сделавшими ставку на “среднее состояние” и разнообразившими жанровую структуру своих изданий в борьбе за интерес этого слоя читателей.

Григорян характеризует ту социально-культурную среду, которая складывалась в 1-й трети XIX в. вокруг российских периодических изданий, как “николаевский издательский капитализм.” Анализируя тексты, в которых Булгарин описывал собственную аудиторию, состоящую преимущественно из чиновников, деятельно обсуждающих новости о ходе гражданской войны в Испании (интерес к испанским событиям, как помним, был высмеян в гоголевских “Записках сумасшедшего”), Григорян делает вывод: “Северная пчела симулировала оживленную дискуссию об иностранных новостях. Она, таким образом, представляла квазиполитическую публичную сферу, характеризовавшуюся своеобразным и весьма горячим чиновничьим общением на рабочих местах, импульс и темп которого задавали очередной выпуск газеты. Иными словами, распространение самодержавного издательского капитализма задает как градус политического обсуждения, так и его темп, ограничивает и сдерживает обсуждения, пока чиновники смиренно (*sheepishly*) ждут нового выпуска. Николаевский издательский капитализм, таким образом, одновременно делает публичную культуру обсуждения возможной и ограничивает, контролирует ее” (с. 253-254).

Начиная с *Отечественных записок* и дальше в глубину XIX века, так называемые толстые журналы доминировали в российской культурной сфере, открывая век реалистического романа, чья поэтика определялась в значительной части этим контекстом бытования. Использование прессой усредняющего культурного регистра помогло оформиться романной прозе и соответствующей чувствительности [...] Период, рассмотренный в этой статье, проложил путь хорошо известной связи между периодикой и романом, характерной для середины и конца XIX столетия, связи, выраженной в поэтике, тематической чувствительности, культурном регистре и, кроме прочего, в читательской, публичной и покупающей аудитории (с. 257).

Впрочем, даже расширенный усилиями Булгарина, Греча, Сенковского и других издателей журналов 1-й половины XIX в., “круг читателей оставался слишком маленьким, чтобы поддерживать творцов культуры;” смена поколений выдвинула на первый план вначале журналы Краевского, а потом и Некрасова, что попросту

выдавило Булгарина и Сенковского с рынка: “Можно предполагать, что обращения к демографически широкому кругу читающей публики, начавшись как риторический жест, к середине XIX века воплотились в реальной аудитории, на которую опирались Краевский и Некрасов” (с. 257).

Завершающая том статья С. Франклина “Читая улицы: очерки в области публичной графосферы, 1700 – 1950” выделяется по своему необычному замыслу и широкому охвату. Хотя Франклин активно привлекает разнообразные литературные источники, в центре его внимания – маргинальные в целом тексты, поджидавшие своих читателей на улицах, вместо тиражирования ради охвата большой аудитории нацеленные на привлечение внимания в конкретном локусе. Франклин начинает свой анализ с Иосифа Туробойского и надписей на триумфальных арках петровской эпохи, однако затем переходит к анализу вывесок торговых лавок. Франклин замечет: авторы середины XIX в. (такие, как Е. Расторгуев) выражали озабоченность тем фактом, что “Париж не имеет вывесок на иностранных языках; главные улицы Санкт-Петербурга имеют вывески только на иностранных языках,” и язвили насчет вывесок типа “Coiffeur Evgraf Semenof” (с. 275). Дальше наблюдения исследователя следуют по страницам прозы XIX в. (Некрасов) и советской прозы времен нэпа (Ильф и Петров) – вплоть до того судьбоносного момента, когда Наркомвнуторг, словно вняв мольбам литераторов XIX в., положил конец разноголосице и ввел жесткую систему стандартизованных вывесок – 45 лаконичных вариантов типа “Молоко” или “Культовары.” Франклин обоснованно подчеркивает парадокс этого лаконизма: стандартные вывески магазинов были введены советскими властями именно тогда, когда – после карточного снабжения первой пятилетки – в Советском Союзе вновь начали поощрять потребление; активно использовавшиеся в публичном дискурсе СССР тех лет образы ломящихся от товаров прилавков контрастировали с лаконично-унылыми вывесками, имевшими сугубо информативную функцию и никак не пытавшимися притянуть покупателя к этим витринам. Таким образом, от первых уличных знаков, ориентированных на политическое прославление петровской монархии и одновременно столь непонятных, что для их прочтения требовались специальные инструкции, Россия перешла к растущему снизу разнообразию коммерческих вывесок, создававших настолько плотный поток значений, что искусство их читать сформировало отдельный тематический блок в литературе. Затем этих “куаферов Семеновых” сменила сухая, лаконичная система советских вывесок, возвращавшаяся ко временам Иосифа Туробойского в смысле навязывания значений сверху, но радикально отличавшаяся от петровских триумфальных арок нарочитой ясностью, сведением своего функционала к простому информированию.

Завершив по необходимости краткий обзор глав рецензируемого тома, перейдем теперь к обсуждению сквозных идей. Несмотря на то, что тексты, включенные в том, весьма различны по своим методам, стилистике и исследовательскому фокусу (это вполне естественно для сборника, в котором участвует много авторов), здесь есть ряд объединяющих, центральных

концепций, указывающих не столько на сознательно выработанное идейное единство, сколько на существование единой конвенции, на которую опираются исследователи. В той или иной мере все авторы рецензируемого издания задаются вопросом о том, до какой степени XVIII столетие можно считать водоразделом истории России. Практически все авторы указывают на тот факт, что в годы екатерининского царствования происходит крупный перелом в интеллектуальной культуре России и, в частности, в культуре чтения, при этом сущность данного перелома, который “весомо, грубо, зримо” выразился в росте количества печатных изданий, разные авторы определяют разными путями. В главах, посвященных началу XVIII в., Уо и Маркер с осторожностью, но весьма последовательно предостерегают от противопоставления модернизированной России и изоляционистской Московии. Однако по мере того, как на авансцену выдвигается “полированная,” изощренная, высокоразвитая культура, начавшая формироваться в елизаветинской и окончательно сложившаяся в екатерининской России, исследовательский фокус в главах авторства Осповата, Бодена, Зорина и других меняется. Настоящий разрыв пролегает не по началу, а по середине XVIII столетия. Сообразно этому меняется и тональность работ: от осторожных полутонов к препарированию революционных сдвигов и трансформаций стратегий чтения.

Культуру чтения XVIII в. мы, при всех оговорках, четко отделяем от предшествующей традиции – и можем, по совету Г. Маркера, с облегчением “выдохнуть” – но и сам XVIII в. оказывается фрагментированным, и за облегченным выдохом снова приходится набрать воздуха в легкие, чтобы затаить дыхание. Следует ли считать, что “настоящий” XVIII век поместился между 1740-ми и 1790-ми гг., между “Ученой дружиной” и Французской революцией? Стоит ли 1-ю треть XVIII столетия рассматривать как переходный период? Эта рецензия не зря начата с метафоры морского плавания; сугубо эмоциональное впечатление от тома напоминает путешествие по воде, начавшееся в штиль и завершившееся посреди шторма, поднявшегося где-то около 1760-х годов и с тех пор лишь усиливавшегося: такова стилистическая разница между историческими работами по истории чтения, сфокусированными на начале и на конце XVIII столетия. Возможно, сама эта перемена заслуживает отдельного изучения. Тот разрыв середины XVIII в., который эмпирически выявляется при детальном изучении истории чтения (Г. Маркер удачно его обозначил в титуле своей главы: от “сообществ” – к “публике;” этот же разрыв можно проследить по исчезновению универсального словечка “книжник,” столь важного в отечественной традиции для характеристики читателей средневековой эпохи; на смену “книжникам” приходят “литераторы,” “публицисты,” “журналисты”), удивляет тем больше, что социальная история России вовсе не предполагает здесь разрыва. В целом, социальная и хозяйственная структура Российской империи на протяжении столетия оставалась неизменной, стабильной: абсолютная монархия, опиравшаяся на слой привилегированных землевладельцев; маршрут “от Петра I до Павла I” в целом был пройден весьма последовательным путем. И рецензируемый том, кроме прочего, показывает: вполне уживаются отсутствие социально-политических перемен и культурный динамизм, вплоть до формирования в конце XVIII в. российской публичной сферы в хабермасовских категориях.

Другая проблема – это напряжение между предписывающим характером текста и автономией читателя, пресловутый “парадокс де Серто;” этот французский мыслитель, по справедливому выражению Маркера, остается “неименуемой музой” рецензируемого тома. Многократно и в предисловии, и в главах, посвященных чтению в XVII – начале XVIII в. ставится вопрос о статусе устного текста и письменного текста, печатного текста и рукописного текста. Не то, чтобы рукопись полностью исчезла из обихода к концу XVIII в.; рукописи играли громадную роль еще в первые годы XXI в., и только массовое распространение электроники фактически покончило с этой традицией. Но число источников становится столь большим, что этим фактором можно – до известной степени! – пренебречь. Как только мы вступаем в тот период истории, когда поток печатных текстов достаточен для содержательного изучения практик чтения, эти вопросы сами собой отходят на задний план; от книжников мы переходим к книгоиздательскому процессу. Зато выдвигается на первый план проблема неравенства в читательской практике: есть производитель и есть потребитель текста (эта же методологическая концепция, кстати, лежит и в основе концепции буржуазной публичной сферы Хабермаса, населенной производителями и потребителями текстов). Чтение является дисциплинирующим процессом, оно порождает новые модели для практического поведения и служит основой не только для новых мыслей, но и для новых действий; одновременно оно становится все более инклюзивным, стремится втянуть как можно больше акторов в процесс производства текстов, стимулирует отклик, побуждает браться за перо. И в главах, рассмотренных выше, мы хорошо видим, как этот процесс, возглавленный стратой дворянских производителей и потребителей текстов, стал основой для форменной культурной гегемонии, в которой ведущую роль играли литературные модели, “интенсивное чтение,” культивирование чувственности. Так же, как дворянская элита при Петре I “придумала” единое дворянское сословие, а к концу XVIII столетия эта дискурсивная фигура реализовалась в конкретных институтах, дворянские издатели и литераторы “придумали” широкую публику, которая к середине XIX в. действительно выступила на сцену, хорошо подготовленную к ее появлению.⁹

Завершая этот обзор, необходимо сделать важное методологическое замечание относительно потенциала маргинальных источников. Данный путь намечен в очерке С. Франклина; чтение уличных вывесок и надписей – удачный пример того эффекта, который можно получить со сменой исследовательской оптики. Как обозначить статус вывески – это рукописный текст, печатный текст, быть может, устный? Отсюда, конечно, открывается увлекательная перспектива: надписи на стенах, на камнях и коре деревьев (их, кстати говоря,

⁹ Григорян в соответствующей главе охарактеризовала эту публичную сферу как “квазиполитическую.” Отметим, что это вовсе не мешало данной сфере быть “публичной” в хабермасовском смысле, разумеется, с поправкой на то, что сфера эта сложилась в условиях самодержавного государства, не знавшего парламентаризма. Хабермас аттестует публичную сферу как “буржуазную,” и, хотя в России гегемонами публичной сферы были авторы-дворяне, все же с середины XVIII в. она все больше и больше начинала жить по законам рынка, как пространство приложения критического мышления равных между собой производителей и потребителей мнений. Опять-таки, Григорян вполне обоснованно подчеркивает, что на первых порах этих потребителей настолько не хватало, что журналам приходилось их придумывать.

упоминает Зорин, анализируя тот новый статус, который *Бедная Лиза* придала пруду близ Симоновского монастыря – вот и точка соприкосновения), спичечные этикетки и почтовые марки, объявления, не говоря уже о колоссальном и в значительной мере затерянном континенте стенных газет и рекламных плакатов. Не меньшее значение имеет и анализ персональной коммуникации, от писем XVIII столетия до сообщений в мессенджерах XXI столетия. Такая оптика позволяет перейти от поиска “чудаков,” по выражению Маркера (опять-таки, здесь понимаются читатели-“браконьеры,” в духе де Серто), к поиску необычных массивов источников, возможно, с акцентом на визуальной стороне дела. Выявление таких массивов открывает широчайший простор для изучения, разумеется, не в ущерб уже сложившимся научным подходам и стратегиям.

Другая проблема – констатация усложнения российской читающей среды к концу XVIII в. Вывод, следующий из этой констатации, может оказаться старым выводом в духе М. Раева, писавшего о просвещенной политике императоров, оборачивавшейся парадоксом: самодержавие, требовавшее абсолютного послушания, воспитывает автономную личность, в итоге обращающуюся против самого самодержавия. В отличие от “парадокса де Серто,” являющегося, как нам кажется, весьма актуальным, “парадокс Раева” не кажется сегодня перспективным исследовательским направлением. Рецензент должен согласиться с К. Осповатом, убедительно показывающим, как изощренная, развлекательная культура чтения эффективно интегрируется в общую политическую систему монархии; в целом, абсолютная монархия в России продержалась на протяжении всего XVIII и XIX вв., избежав крупных внутривластных вызовов, эффективно взаимодействуя с развитой, сложной культурой чтения, все в большей и большей степени светской, все более и более разнообразной! Конечно, велик соблазн рассматривать эту историю как стартовую точку продолжительного процесса окультуривания, диверсификации, ведущую широкой магистралью от времен *Трудолюбивой пчелы* до XXI столетия. Не то, чтобы такой взгляд не имел оснований, не то, чтобы следовало его считать неверным – и все же надо вновь вспомнить осторожное замечание Г. Маркера относительно поиска “чудаков.” Только можно это замечание трактовать расширительно: “чудаки” – не только те, кто прячется в отдаленных комплексах источников и всплывает откуда-то из глубины архивов при большой удаче исследователя. “Чудаковатым” в широком смысле можно считать аналитический взгляд, проблематизирующий и остраивающий вроде бы сложившуюся уже конвенцию, и тогда к Карамзину добавляются пьяные московские купцы, бесчинствующие на берегу пруда со своими “бедными лизами,” а к Булгарину – воображаемая публика из чиновников поприщинского типа, озабоченных перипетиями испанской политики. Да и “парадокс Раева” можно в этой связи прочесть по-новому: самодержавие до той степени воспитало автономную личность (с помощью, конечно, *Северной пчелы*), что та сделалась испанским королем и решительно отказалась ходить в департамент на службу. Как бы то ни было, проблематизация такого рода будет опираться на привлечение новых инструментариев, а этот процесс том “Истории чтения”, посвященный XVIII в., показывает ярко и рельефно – будь то история эмоций, социальная история или изучение визуального (графосферы).

Каков же итоговый вывод? “История чтения” – это междисциплинарный, глубокий по содержанию труд авторитетных специалистов по XVIII столетию, открывающий богатые перспективы для дальнейшей разработки актуального вопроса. Конечно, далеко не все темы, связанные с историей чтения в XVIII в., были затронуты в рецензируемом томе; это все же собрание работ, а не цельное и систематическое исследование, поэтому отражает оно в первую очередь интересы своих авторов. Своей ценности издание при этом, разумеется, не теряет, и с полным основанием можно рекомендовать этот том для обязательного прочтения каждому, кто изучает век Просвещения; чтобы, миновав и штиль, и шторм, этот корабль добрался до надежной гавани у вас на книжной полке.

Paul Bushkovitch
Reuben Post Halleck Professor of History
Yale University
paul.bushkovitch@yale.edu

A. V. Beliakov, A. G. Gus'kov, D. V. Liseitsev & S. M. Shamin, *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: Materialy k slovariui*. Moscow: Indrik, 2021. 304 p. ISBN: 978-5-91674-618-1.

Reviewing a reference book is a difficult task. Reference books are supposed to be complete, at least up to the moment of publication. At the same time, completeness is usually an impossible goal, and the reader can be grateful for what the writers and compilers have actually achieved. Such is the present case, reflected in the modest subtitle *Materialy k slovariui*.

The object of the authors was to produce a list and index of the translators for the Ambassadorial Office (*Posol'skii prikaz*), which handled Russian relations with all foreign powers in the seventeenth century, with references to the Russian published and unpublished sources about them. It is impossible to say if the authors have found every archival reference, but if they have not, they have certainly provided extensive indications of the archival record, much more abundant than most historians have known. Information for the sixteenth century is less complete and is relegated in this volume to an appendix, and these entries lack the fullness of the main text on the seventeenth century. The translators, as historians have increasingly realized, were a crucial group, both for government and its foreign policy and for Russian culture generally. During the century they varied in number from ten to thirty at any one time, covering the languages of Russia's European neighbors (Poland, Sweden) as well as more distant but frequent contacts (England, Holland, Denmark, the Holy Roman Empire). They commanded all the languages of those countries, but also and increasingly Latin, still a language of diplomacy as well as culture. An equally important group worked with Near Eastern languages, primarily Turkic languages that the Russians usually called "Tatar". In nationality the translators were a mix of foreigners settled in Russia, Russians, and (for the Tatar translators especially) subjects of the tsar who knew the language for a variety of personal reasons. They engaged in many tasks besides basic ones of oral and written translation, including participation in military campaigns and other special tasks. This story is concisely described in the introduction.

The present volume seems to include everyone for whom there is some evidence in the Russian archives, mainly the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The authors have tried to find which translators were actually employed regularly or at least repeatedly, not just men brought in quickly for one event and not heard of again. Those whose services were used only once or occasionally and not permanently part of the staff are found in an appendix. The exploration of the Russian archives seems to be quite thorough. They have established and noted references to translators in the archives, including the records of their salaries, their activity in receiving ambassadors from abroad, and journeys out of the

country with Russian envoys. What is not present in this volume is the traces of these translators in foreign archives. Tracking through the archives of half a dozen European states and (at least) Turkey and all the references to translators in the Western literature on seventeenth century Russia would have been a daunting task. It would probably have meant that the volume would have been postponed indefinitely, but the reader should be aware that this is a limitation to the material. Foreign archives are not included and Western literature rarely. Some things that emerge from the volume are not new, such as the careers and fates of individual translators (John Helms, for example), though there are usually some new and interesting details even about these known figures. It is not absolutely new that some translators played a role, even an important one, in Russian culture, such as Nicolae Spafarii-Milescu. Just to take one example, the translators of Polish numbered twenty-eight in the course of the century, most of them Poles or Ruthenians who came to Russia and stayed for one reason or another. Ten of them were involved in important translations projects, from both Polish but also Latin, mainly in the last decades of the seventeenth century. These included the *Velikoe zertsalo*, a translation from the Polish version of a late medieval/baroque collection of exempla for preachers, Latin treatises on pharmacology, Szymon Starowolski on the Ottoman Empire, or even Hiob Ludolf on Ethiopia. Their work comprised a substantial part of the known translations from Polish and Latin, an important component in the changing Russian culture of the last decades of the seventeenth century. At the same time, the information on the translators is another important contribution to the work on the personnel and functions of the expanding *prikaz* system in the sixteenth and seventeenth centuries, begun in the work of S. A. Belokurov, and continued by S. B. Veselovskii, S. K. Bogoiavlenskii, N. F. Demidova and most recently the four authors of this volume. Especially valuable is the 2019 conference volume, *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI-nachala XVIII vv.*, published in Moscow by the Institute of Russian History and edited by the same team as this volume.

The resulting volume represents an important step toward understanding both the operations of the Ambassadorial Office as a diplomatic chancery and also its role in the Russian culture of the sixteenth and seventeenth centuries. As the subtitle implies it is not complete, but it is certainly a major step in that direction and an invaluable reference tool for the study of Russian foreign policy, culture, and language in the early modern era.

Paul Bushkovitch
Reuben Post Halleck Professor of History
Yale University
paul.bushkovitch@yale.edu

Thierry Sarmant, with the collaboration of Jean-Pierre Sarmant, Pierre le Grand: La Russie et le monde. Paris: Perrin, 2020. 500 p. ISBN: 978-2-262-04814.

Thierry Sarmant's *Pierre le Grand* is the second scholarly biography of Peter the Great to appear in France in the last decade, the first being Francine-Dominique Liechtenhan's volume of 2015. Though clearly written for a broad audience, Sarmant's book is the work of a historian, not a journalist (Robert Massie, 1980) or novelist (Henri Troyat, 1979). Unfortunately, these highly readable popular accounts showed little acquaintance with the scholarly literature that was available at that time. In contrast Sarmant makes excellent use of the publications by the main historians of Peter and his time that have appeared in the last thirty years, in Russia as well as in Western Europe and America.

The story he tells will be familiar to many readers, but he tells it very well. Neither encumbered by scholarly disputes, long-discarded anecdotes, or excessive detail, the prose moves quickly and clearly, a model of accessible narrative. There is none of the academic jargon that makes the reader search French dictionaries in vain for the latest fashionable words. He concentrates on the greater events, Peter's wars and foreign policy, his travels, and his relations with his family and his court. Wars and foreign policy are easy to make dull and repetitive, but Sarmant manages to tell the story accurately but without tedium. He also largely avoids the trap of assigning motives to Peter without evidence, something easy to do since there is so little source material for Peter's views of foreign policy until very late in his life. The reorganization of the state and the innovations in culture are not neglected, but do not take up the space that earlier scholarly writers, Reinhard Wittram or Lindsey Hughes, gave to them. Sarmant's theme, as the title suggests, is Peter and the world. At the same time Sarmant is acutely aware of the significance of Peter's efforts to rebuild Russia: the reign, he tells us, is part of the "*occidentalisation*" of the world that began in the early modern era. "Westernization" is perhaps not as fashionable today as in the past, but is certainly better than "globalization", as it points to the dominance that the West had in the world from before Peter's time to the recent past.

The story of Peter continued after his death, here revealed in a few brief chapters on his successors and the posthumous reputation of the tsar-emperor in Russia and abroad. In these chapters the author is not quite as thorough in grounding his work in the recent literature. On the "Bronze Horseman" we miss the fundamental study of Alexander Schenker, and on Anna Ivanovna the publications of I. V. Kurukin and N. N. Petrukhintsev. For the reign of Peter, however, his use of the current scholarly work is exemplary and gives the book a feel of authenticity that was so lacking in earlier popular biographies.

Inevitably every reader acquainted with the topic will find some minor errors and bits to quarrel with. The biographer's need to make his subject live leads to various anecdotes

about Peter, though Sarmant keeps them to an absolute minimum. He also tries to understand Peter's physical ailments, most of which elude modern diagnosis, and to make sense of the oddities of personality. These are murky areas, where the conventions of behavior, Russian and West European, as well as Peter's undoubted eccentricities, make it exceedingly difficult to present a convincing portrait. Peter's correspondence does not always help either, as much of it is official and the more personal letters hard to put in context.

The result is a useful, solid, and engaging account of one of the major eras of Russian history, and one of considerable relevance to European history as well. Indeed, Sarmant goes to a considerable effort to present Peter in European context. Not all of his personal quirks were unique, and can be found in many of his contemporaries on the thrones of Europe. The "occidentalization" of the world is surely a major theme, yet the conclusions are a bit flat. He notes that Peter's conquests have not remained part of the Russian state, and that some of the institutions remained until 1917, others did not. He does note the permanence of the cultural transformation: there could be no Lomonosov or Pushkin without Peter. One could go farther: there could be no Bolshevik or Kadet party without Peter, whose reign westernized Russian political thought. There could have been no Soviet Union without him, since Marxism was, after all, a product of Western Europe, not Russia. Perhaps most important, Peter gave Russia the means to survive the brutal competition for survival in the world that was beginning in his time, where great civilizations like India and China fell before the hired armies of European merchants and their state allies. Those countries that did not participate in "occidentalization" soon became the vassals of the West. Russia did not. These strictures aside, Sarmant's work provides an excellent introduction to Peter and his time, founded solidly on the considerable work of the last generation of scholars around the world.